

OSHO

С любовью, Ошо

120 писем
об осознан-
ности

ВСЬ

ПУСТАЯ ЛОДКА

ОШО

Беседы по высказываниям Чжуан Цзы

ОШО

ПУСТАЯ ЛОДКА

(C) Osho International Foundation 1974, 1993

(C) Swami Atmo Ravi, 1994 перевод

помощь при редакции Swami Sangeel, Ma Diksha

благодарность Ma Mohadi, Ma Diwani, Ma Radhika

(с) "Общество Ведической культуры" 1995

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Язык Ошо неповторим. В своих беседах Он предельно краток и каждое Его слово наполнено глубочайшим смыслом. Поэтому нам не представляется возможным суметь передать в переводе всю музыку звучания Его речи. Ограниченные конечными сроками издания книги, мы вынуждены были пойти на компромисс, и стремились сохранить хотя бы самые внешние и очевидные смысловые слои, часто в ущерб удивительной краткости и немногословности Мастера. Поэтому мы хотим извиниться перед читателями за возможно неудачные обороты, не всегда точную передачу игры слов и другие "шероховатости" предлагаемого перевода.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как слова могут передать то послание, что лишено слов? Что можно сказать о просветленном Мастере? Суть послания за пределами слов парадоксальна; и Ошо, и Чжуан Цзы просят нас принять парадокс, отложить в сторону ум и логику и стать пустыми. Только когда мы избавимся от наших обусловленностей, идей и ожиданий — наших эго — их просветление может стать нашим собственным.

Чжуан Цзы тысячелетие назад, и Ошо сегодня — они объединяются в заговоре сделать нас никем, пустыми сосудами,

способными принять бессловесное, вечное, которое воплощают они.

В этих лекциях Ошо делает очевидным для нас то, что в нашем нынешнем состоянии бытия-делания для лишнего слов в нас просто не находится места, где оно могло бы присесть и отдохнуть. И оно ждет там, внутри нас, хоть одного свободного уголка; поглощенность заботами, наши планы — закрывают дверь, и мы упускаем его. Но при всяком усилии добраться до этой пустоты мы сталкиваемся с парадоксом — усилия и амбиции лишь подпитывают эго и обрекают нас на полную неудачу. Так что же мы можем сделать?

Ошо говорит нам, что ничего делать как раз и не надо, все делание исходит от эго. Но мы можем находиться в состоянии восприимчивости, мы можем быть открытыми и принимать все существование, все происходящее. Обходя наш критический ум, Его слова просачиваются в нас, в самую сердцевину нас, в самую душу, и мы становимся подобны пустым лодкам.

Размышлять над этими словами, над их значением — это путь к замешательству. Ошо использует противоречие, как технику, и с ее помощью ему удается обратиться и достучаться до всех типов личности. Он знает каждую причуду и поворот наших эго, каждый трюк нашего ума. Он на много шагов впереди нас. Ошо отнюдь не пытается обратить нас в рабов Своих правил, наоборот, Он никому враг. У него столько любви к нашей обезьяньей природе, что все Его усилия направлены на то, чтобы помочь нам осознать наши порабощения и вырваться из подчинения им. Он шокирует, вытряхивает нас из наших удобных клеток, чтобы мы могли через пробужденность и осознанность понять и изменить их.

Вы сомневаетесь во мне, но вы никогда не сомневаетесь в себе, потому что как только ум начинает сомневаться в себе, он сразу же перестает существовать. Раз возникло само-сомнение, то основание разбито, ум утратил свою уверенность. Раз вы начинаете подвергать сомнению ум, то, рано или поздно, вы сорветесь в бездну медитации.

При чтении Ошо самое большее, что можно сделать — это быть восприимчивым, позволить невысказанному посланию проникнуть в нас, затесавшись между слов.

“Но я утверждаю, что смогу помочь вам, потому что я не специалист, не эксперт, я не посторонний. Я путешествовал по той же

самой тропе... Я прошел через то же, что и вы — через то же страдание, ту же муку, через такие же ночные кошмары. И что бы я ни делал, все это лишь для того, чтобы убедить вас — убедить избавиться от вашего безумия.

Где бы вы ни были, я бывал там, и повсюду, где побывал я, можете быть и вы. Вглядитесь в меня так глубоко, как только возможно, и почувствуйте меня так глубоко, как только сможете, потому что я — ваше будущее. Я — ваше возможное”.

Ма Прэм Парас

ОБ ОШО

Большинство из нас живут в мире времени: в воспоминаниях о прошлом и в предвкушении будущего. Лишь иногда мы прикасаемся к безвременному потоку настоящего — в моменты внезапной красоты или внезапной опасности, при встрече с любимым человеком или с какой-то неожиданностью. Очень немногие сумели покинуть этот мир времени и ума, амбиций и конкуренции, и смогли начать жить в мире, лишенном времени. И лишь единицы из них пытались поделиться своим опытом с другими. Лао Цзы, Гаутама Будда, Боддхидхарма... или — ближе к нашим дням — Георгий Гурджиев, Рамана Махарши, Кришнамурти... Современники считали их либо чересчур эксцентричными, либо сумасшедшими, а после смерти их стали называть “философами”. Со временем “философы” превратились в легенды: живые люди из плоти и крови обернулись мифическими отражениями нашего общего желания вырваться за пределы ничтожности, банальности и бессмысленности нашей обыденной жизни.

Ошо из числа тех, кто отыскал дверь, ведущую в безвременный поток настоящего — он называл себя “истинно живущим” — и посвятил свою жизнь пробуждению других к поиску этой двери, к побегу из мира прошлого и будущего и к открытию в себе мира вечности.

Ошо родился 11 декабря 1931 года в деревне Кучвада штата Мадья Прадеш в Индии. С раннего детства Он проявил бунтарский и

независимый дух, настаивая на личных переживаниях истины, которые ставил много выше, чем знания и убеждения, заимствованные у других.

После просветления в возрасте двадцати одного года Он завершил академическое образование и несколько лет преподавал философию в университете города Джабалпур. В это время Он много путешествовал по Индии, выступал с лекциями, вызывал на спор в публичных дискуссиях ортодоксальных религиозных лидеров, подвергал сомнению традиционные верования и встречался с людьми из самых разных слоев общества. Он очень много читал — все, что могло расширить Его понимание системы убеждений и психологии современного человека. В конце шестидесятых годов Ошо начал развивать Свои уникальные динамические медитационные техники. “Человек нашего времени, — говорил Он, — настолько обременен застывшими традициями прошлого и тяготами повседневности, что он должен пройти через процесс глубинного очищения, прежде чем может надеяться войти в свободное от мыслей, расслабленное состояние медитации”.

В начале семидесятых годов первые люди с Запада стали приезжать к Ошо. В 1974 в Индии, в Пуне, вокруг Него была основана коммуна, и маленький ручеек приезжающих с Запада превратился в наводнение. В процессе своей работы Ошо затрагивал фактически все аспекты развития человеческого сознания. <\$!От Зигмунда Фрейда до Чжуан Цзы, от Георгия Гурджиева до Гаутамы Будды, от Иисуса Христа до Рабиндраната Тагора... ???откуда он взял этот закомментированный кусок, неизвестно, в английском его нет. Видимо, это инициатива переводчика ??? >Он выделял основное, суть, то, что важно для духовного поиска современного человека, основываясь не на интеллектуальном понимании, а на опыте собственного существования.

Он не принадлежал ни к какой традиции. “Я — начало абсолютно нового религиозного сознания”, — говорил Он. — “Пожалуйста, не связывайте меня с прошлым — его не стоит даже и вспоминать”.

Его беседы с учениками и ищущими со всего света опубликованы более чем в шестистах томах и переведены на тридцать с лишним языков. Он говорил: “Мое послание — не доктрина, не философия.

Мое послание — это своего рода алхимия, наука трансформации, поэтому лишь тот, кто сумеет умереть таким, каков он есть и возродиться настолько обновленным, что не может себе это сейчас даже представить... только те немногие смельчаки будут готовы услышать, ибо слышать — значит идти на риск.

“Слушая, вы делаете первый шаг к новому рождению. Так что это не философия, которой можно пользоваться, как надежным укрытием, или которой можно похвастаться перед другими. Это не доктрина, дающая утешительные ответы на тревожащие вопросы... Нет, мое послание — вообще не разновидность словесного общения. Оно гораздо опаснее. Это не более, не менее, чем смерть и возрождение”.

Ошо покинул Свое тело 19 января 1990 года. Его огромная коммуна продолжает оставаться крупнейшим центром духовного роста в мире, привлекая ищущих со всего света, которые приезжают, чтобы принять участие в медитациях, терапевтических группах и группах работы с телом, в творческих программах или чтобы просто испытать на собственном опыте, что это такое — оказаться в “поле будды”.

1

ГРЕНКИ ПОДГОРЕЛИ <\$!Вообще-то в русском варианте это пересоленная каша>

Управляющий людьми живет в смятении;
управляемый людьми живет в печали.
Поэтому Дао не желало
ни влиять на других,
ни быть подвластным их влиянию.
Путь избавления от смятения и печали —
жить с Дао в стране пустоты.

Если человек переплывает реку,
и пустая лодка сталкивается с его лодкой,
то, даже если он дурного нрава,
он не станет сердиться.
Но, увидев в той лодке человека,
он крикнет ему, чтоб тот получше правил.
И, если крик его не услышан, он крикнет
вновь, и еще раз, и начнет сыпать проклятиями —
а все оттого, что там, в лодке, кто-то есть.
А все-же, будь лодка пуста,
он бы не орал
и даже не сердился бы.

Если ты можешь опустошить собственную лодку,
плывя через реку жизни,
никого не будет против тебя,
никто не станет причинять тебе вред.

Прямое дерево срубят первым,
вешние ручьи раньше всех пересохнут.

Если ты желаешь преумножить свою мудрость
и устыдить невежество,
приобрести репутацию и затмить других,
то свет будет сиять вокруг тебя,
будто ты поглотил луну и солнце —
и не миновать тебе беды.

Мудрец заметил:
“Довольный собой
трудился зря.
Достижение — начало неудачи,
слава — начало позора”.

Кто способен, отказавшись от славы и достижений,
спуститься затем и затеряться
среди человеческих толп?
Тот будет плыть, как Дао, невидим,
ходить свободно повсюду, словно сама жизнь,
без имени и без дома.
Тот прост, неприметен.
С какой стороны ни глянь — дурак.
За ним не остается следов. Он не обладает властью.
Он ничего не достигает, слава минует его.
Поскольку он не судит,
не судят и его.
Таков совершенный человек —
его лодка пуста.

ГРЕНКИ ПОДГОРЕЛИ

Вы пришли ко мне. Вы сделали опасный шаг. Это рискованно, потому что рядом со мною вы можете потеряться навсегда. Подойти ближе может означать только смерть, и ничто иное. Я похож на бездну. Подойдите поближе — и вы сорветесь в меня. Вам был зов к этому. Вы услышали, и вы пришли.

Знайте, через меня вы ничего не достигнете. Через меня вы можете только все потерять — потому что, пока вы не потеряете этого всего, божественное не сможет зародиться в вас; пока вы полностью не исчезли, ничего ст'оящего не получится. Вы — преграда.

И вы так полны, так упрямо полны, вы настолько переполнены собою, что ничто не может проникнуть в вас. Ваши двери закрыты. Когда вы пропадаете, когда вас нет, они открываются. И тогда вы становитесь похожи на бескрайнее, бесконечное небо.

Это — ваша природа. Это — Дао.

Прежде чем мы начнем разговор о прекрасной притче Пустой Лодки Чжуан Цзы, я хотел бы рассказать вам другую историю историю, потому что она будет задавать направление деятельности медитационного лагеря, в который вы вступаете.

Рассказывают, что однажды, давным-давно, в какой-то далекой стране, сошел с ума принц. Король был вне себя от отчаяния — принц, его единственный сын, единственный наследник королевства! Были призваны все волшебники, колдуны, были созваны лекари, было сделано все возможное, но все это было напрасно. Никто не мог помочь молодому принцу, тот оставался безумен.

В день, когда он сошел с ума, он сбросил с себя всю одежду и, оставшись голым, залез под большой стол и заявил, что будет теперь жить там. Он считал, что он стал петухом. В конце концов королю пришлось смириться с тем фактом, что принца вылечить не удастся, что он безумен, и ничего с этим не поделаться; все специалисты потерпели поражение.

Но в один прекрасный день надежда возродилась вновь. Мудрец — Суфий, мистик — постучался в дворцовые двери и предложил: “Давайте, я вылечу вашего принца”.

Правда, король заподозрил неладное, потому что этот человек и сам смахивал на безумца, пожалуй, даже еще безумнее принца. Но мистик заявил: “Только я могу вылечить его. Чтобы излечить сумасшедшего, нужен еще больший сумасшедший. А все эти ваши великие деятели, эти ваши твои маги, ваши светила медицины, — все

они потерпели неудачу, потому что им неведомы азы сумасшествия. Они никогда не вставали на этот путь”.

Это показалось логичным, и король подумал: “Хуже уже не будет, так чего ж не попытаться?” И так, мудрецу предоставили такую возможность.

В тот же момент, как король произнес: “Ладно, попробуй”, — этот мистик скинул свою одежду, запрыгнул под стол и кукарекнул петухом.

Принц удивился и спросил: “Ты кто? И что это ты кукарекаешь?”

“Я петух, и, кстати, поопытнее тебя. — ответил старец. — Ты — ничто, ты всего лишь новичок, в лучшем случае — ученик”.

“Ну, тогда то, что ты петух — это нормально, но выглядишь ты, как человек”, — сказал принц.

Старец заметил: “Не обращай внимания на внешность, посмотри на мой дух, загляни мне в душу. Я такой же петух, как и ты”.

Они подружились. Они поклялись всегда жить вместе и всегда противостоять всему этому миру, недолюбливающему петухов.

Прошло несколько дней. Однажды старец внезапно стал одеваться. Он надел рубаху. “Что ты делаешь, — поразился принц. — ты что, спятил: петух пытается надеть человеческие платье?”

Старец возразил: “Я намерен всего лишь обмануть этих дураков, называющих себя человеческими существами. И запомни: одет я или нет, это ничего не меняет. Моя петушиность всегда при мне, никто не в силах этого изменить. Ты что, думаешь, что одевшись человеком, я изменюсь?” Принцу пришлось согласиться.

Еще через несколько дней старец убедил принца тоже одеться, потому что наступала зима и становилось холодно.

Затем, в другой раз, он вдруг потребовал пищу из дворца. Принц насторожился и воскликнул: “Несчастный, что ты делаешь? Не собираешься ли ты есть наподобие этих человеческих существ, так же как они? Мы — петухи, и мы должны есть по-петушиному”.

“Что касается меня, — ответил старец, — то мне все равно. Ты можешь есть все, что угодно, и делать все, что тебе нравится. Ты можешь даже жить как человеческое существо, оставаясь верным своей петушиности”.

Так, одно за другим, старец убедил принца вернуться в мир людей. Тот стал абсолютно нормален.

Аналогично и у нас с вами. И помните — вы только-только посвящены, вы новички. Вы можете думать, что вы петух, но вы еще только учите алфавит. Я — опытен, я искусен в этом, и только я могу вам помочь. Все специалисты потерпели поражение, поэтому вы здесь. Вы стучались во многие двери, в течение многих жизней вы искали — и никто не смог помочь вам.

Но я утверждаю, что смогу вам помочь, потому что я не специалист, не эксперт, я не посторонний. Я путешествовал по той же самой тропе, по тому же безумию, по такому же сумасшествию. Я прошел через то же, что и вы — через то же страдание, ту же муку, через такие же ночные кошмары. И что бы я ни делал, все это лишь для того, чтобы убедить вас — убедить избавиться от вашего безумия.

Думать, что ты петух — помешательство; думать, что ты тело — это тоже помешательство, даже еще более тяжелое. Считать себя петухом — это сумасшествие; но считать себя человеческим существом — это еще большее сумасшествие, ибо вы не принадлежите никакой форме. Какова бы ни была форма — петуха или человеческого существа — значения она не имеет, вы принадлежите бесформенному, вы принадлежите полному, целому, единому. Поэтому, какую бы форму вы ни принимали за себя самого, вы сходите с ума. Вы бесформенны. Вы не принадлежите ни к одному телу, вы не принадлежите ни к какой касте, религии, вере; вы не принадлежите ни к какому имени. И пока вы не станете бесформенны, безымянны, вы никогда не будете психически здоровы.

Психическое здоровье означает движение к тому, что естественно, движение к тому, что основное в вас, движение к тому, что скрыто позади вас, позади всякой формы, в вас самих. Необходимо множество усилий, потому что отсечь форму, отбросить, изъять ее — очень трудно. Вы так привязались к ней и отождествили себя с нею!

Этот Самадхи Садхана Шибир, этот медитационный лагерь — он существует для того, чтобы убедить вас устремиться к бесформенности — научить вас быть вне формы. Каждая форма означает эго: даже у петуха есть свое эго, и у человека есть свое. Любая форма сосредоточивается в эго. Бесформенность означает отсутствие эго; тогда вы не сконцентрированы в эго, тогда ваш центр, ваше средоточие, ваша основа — повсюду и нигде. Это возможно, это, кажущееся почти невероятным, — это возможно, и что именно это произошло со мной. И когда я говорю с вами об этом, то я говорю, исходя из своего опыта.

Где бы вы ни были, я бывал там, и повсюду, где побывал я, можете быть и вы. Вглядитесь в меня так глубоко, как только возможно, и почувствуйте меня так глубоко, как только сможете, потому что я — ваше будущее. Я — ваше возможное.

Когда бы я ни говорил “сдаться мне”, я имею ввиду сдаться, отдаться этому возможному. Вас можно исцелить, ибо болезнь ваша — всего лишь идея, мысль. Принц сошел с ума, потому что он отождествил себя с идеей, что он — петух. Каждый из нас — сумасшедший, пока он не придет к пониманию того, что он не отождествим ни с какой формой — только тогда психическое здоровье возможно.

Итак, психически здоровый не будет никем в частности, не будет иметь никакой формы. Не может иметь. Только сумасшедший может быть кем-то конкретно — петухом ли, человеком ли, премьер-министром или президентом, или кем угодно еще. Нормальный психически ощутит свою нетелесность. В этом заключается главная опасность...

Вы пришли ко мне как кто-то, как некто, но, если вы мне позволите, если вы предоставите мне такую возможность, этот некто сможет исчезнуть, и вы станете никем. Все усилия направлены на то, чтобы сделать вас никем. Но зачем? Зачем стремиться стать никем? Затем, что, пока вы не сумеете этого, вы не можете быть блаженны; пока вы этого не добьетесь, вам не достигнуть экстаза; пока вы не станете никем, благословение не для вас — вы продолжаете растрчивать жизнь попусту.

На самом деле вы не живете, вы — обуза, вы просто влачите себя, как тяжкую ношу. Вам достается много боли, много отчаяния, много печали, но ни единого лучика блаженства — он не может пробиться к вам. Если вы кто-то, вы точно сплошной каменный монолит, ничто не может проникнуть в вас. Когда вы начинаете становиться никем, в вас появляются поры, просветы. Когда вы никто, вы становитесь действительно пусты, прозрачны, все что угодно может пройти сквозь вас. Ничто в вас не мешает, не препятствует этому, в вас нет вообще никакого сопротивления. Вы становитесь пассивностью, дверью.

Сейчас вы подобны стене; и стеною в вас является этот самый “кто-то”. Становясь дверью, вы становитесь никем. Дверь — это именно пустота, любой может пройти насквозь, совершенно не испытывая сопротивления, никакого препятствия нет. Кто-то... — вы безумны; никто... — вы впервые становитесь психически здоровы.

Но все это общество, образование, цивилизация, культура, — все они растят в вас этого “кого-то” и помогают вам стать им. Вот поэтому я и говорю: религия против цивилизации, религия против образования, религия против культуры — потому что религия за естественное, за природное — за Дао.

Все цивилизации противоестественны природе, потому что они стремятся сделать из вас кого-то особенного. И чем больше вы кристаллизуетесь в кого-то, тем меньше и меньше божественного может проникнуть в вас.

Вы идете в храмы, в церкви, к священникам, но и там тоже вы ищете способа стать кем-нибудь в другом мире, способа достичь чего-то, способа преуспеть. Озабоченный достижениями ум преследует вас, как тень. Куда бы вы ни направились, вы отправляетесь с мыслями о выгоде, успехе, приобретении. Если кто-нибудь явился сюда с такой целью, то пусть он уезжает, и чем скорее, тем лучше, пусть бежит от меня со всех ног, потому что я не могу помочь вам стать кем-то.

Я вам не враг. Я могу только помочь вам стать никем. Я могу лишь толкнуть вас в пропасть... в бездну. Вы ничего не достигнете, вы просто растворитесь. Вы будете падать и падать, и растворяться, и в

тот момент, когда вы растворитесь, все ваше существо испытает экстаз. И все сущее будет славить происходящее.

Будда этого достиг. Из-за языка я говорю “достиг”, тут не подобрать другого слова; вообще-то это слово безобразно, никакого достижения здесь нет — но вы поймете, о чем я говорю. Будда достиг этой пустоты, этого небытия. Две недели, в течение четырнадцати дней без перерыва, он сидел в безмолвии, неподвижно, молча, не делая ничего.

Говорят, что даже божества встревожились — очень редко случается, чтобы кто-нибудь стал такой абсолютной пустотой. Все его существо ликовало, и тогда божества явились. Они поклонились Будде; и они сказали: “Ты должен прервать молчание, рассказать, чего ты достиг”. Говорят, Будда засмеялся и ответил: “Ничего я не достиг; наоборот, из-за этого ума, который вечно старается чего-нибудь достичь, я все и упустил. Я ничего не достиг, это не достижение; как раз наоборот — достигающий исчез. Меня больше нет, и, заметьте, как это прекрасно, — когда я был, я был несчастен, а когда меня не стало, все — обратилось в блаженство: блаженство изливается и изливается непрерывно на меня, вокруг меня, повсюду. И теперь исчезло страдание”.

До этого Будда говорил: “Жизнь — это страдание, рождение — это страдание, смерть — страдание, все полно страдания”. Так было, поскольку существовало эго. Лодка не была пустой. Теперь же лодка была пуста; теперь не было ни страдания, ни печали, ни грусти. Существование стало праздником и осталось праздником навечно, навсегда.

Вот почему я говорю, что это опасно — то, что вы пришли ко мне. Вы сделали рискованный шаг. Если вы смелы, то будьте готовы к прыжку в пропасть.

Все усилия направлены на то, чтобы вас убить, все усилия направлены на то, чтобы вас разрушить. Как только вы разрушитесь, проявится неразрушимое — оно и сейчас там, в вас, но оно скрыто. Как только то, что несущественно, будет изъято, существенное станет подобно пламени — вы оживете, достигая абсолютного торжества.

Эта притча Чжуан Цзы прекрасна. Он уподобляет мудреца пустой лодке.

Таков совершенный человек —
его лодка пуста.

Внутри никого нет.

Если вы повстречаете какого-нибудь Чжуан Цзы, или какого-нибудь Лао Цзы, или меня, то вы увидите, что лодка есть, но она пуста, в ней никого. Если вы просто взглянете на поверхность, то вам покажется, что кто-то есть, потому что есть лодка. Но если вы приглядитесь повнимательнее, если вы действительно приблизитесь ко мне, забудете о теле, о лодке, то вы приблизитесь к встрече с небытием.

Чжуан Цзы — редкое цветение, потому что стать никем — это самая сложная, почти невозможная, самая удивительная вещь в мире.

Обыкновенный ум страстно желает стать чем-то выдающимся, это желание — часть его обыкновенности; заурядный ум вожделеет быть кем-то особенным, это признак его обыкновенности. Вы можете стать Александром Македонским, но вы по-прежнему останетесь самым заурядным — кто ж тогда необыкновенен?

Необыкновенное начинается только тогда, когда вы больше не желаете необыкновенного. Тогда путешествие начинается; тогда новое семя пускает ростки.

Это и имеет в виду Чжуан Цзы, когда говорит: “Совершенный человек подобен пустой лодке”. Слова эти многогранны. Во-первых, пустая лодка ни к чему не стремится, не имеет цели, ибо некому направлять ее, некому управлять ею, некому вести ее куда-нибудь. Пустая лодка просто есть, она никуда не направляется. Даже если она движется, это не движение куда-то.

Когда отсутствует ум, жизнь остается движением, но оно не целенаправлено. Вы будете двигаться, вы будете меняться, вы будете подобным реке потоком, но никуда не устремленным, без видимой цели. Совершенный человек живет без всяких намерений; совершенный человек движется, но без какого-либо мотива. Если вы спрашиваете совершенного человека: “Что ты делаешь?” — он пожмет плечами: “Не знаю, просто то, что происходит”. Если вы

спросите меня почему я беседую с вами, я отвечу: “Спросите цветок, почему он цветет”. Это происходит, это не управляемо. Некому влиять на это, эта лодка пуста. Если же присутствует намерение, вы всегда будете несчастны. Почему?

Как-то раз спросили скупца, великого скупца: “Как ты сумел накопить такое огромное состояние?”

“Благодаря моему девизу, — объяснил тот. — Все, что нужно делать завтра, сделай сегодня, а сегодняшнее удовольствие отложи на завтра. Таков мой девиз”. Он преуспел в накоплении богатства — и люди точно таким же образом преуспевают в накоплении всякой чепухи!

Тот скупец тоже был несчастным. С одной стороны, он преуспел в накоплении богатства, но с другой стороны он преуспел в накоплении несчастья. А девиз один и тот же — как для накопления денег, так и для накопления несчастья: все, что нужно сделать завтра, делай сегодня, прямо сейчас, не откладывай этого. А всем тем, что может принести наслаждение прямо сейчас, никогда не наслаждайся сейчас, отложи до завтра.

Это отличный способ угодить в ад. Этот способ всегда приводит к успеху, он беспроегрышен. Попробуйте, и вы добьетесь успеха — или, может, вы уже добились его. Вы, возможно, уже применяете его, сами того не сознавая. Отложите все, чем могли бы наслаждаться, оставьте до завтра.

По этой причине был распят Иисус, по этой и ни по какой другой. Не то, чтобы евреи были были против Иисуса — Иисус был совершенным человеком, прекрасным человеком, с чего бы это евреям распинать его? Более того, напротив, они ждали этого человека. Веками они надеялись и ждали: когда же придет Мессия?

И после всего этого этот Иисус провозглашает: “Я тот мессия, которого вы ждете, Я пришел. Взгляните на Меня”.

Они забеспокоились — потому что ум может ждать, он всегда наслаждается ожиданием, но ум не в силах предстать лицом к лицу с фактом, ум не может столкнуться с настоящим. Это можно было всегда отложить, это было так легко откладывать: “Мессия идет, скоро он подойдет ближе...” Веками евреи думали и откладывали, и вдруг этот человек разрушил все надежды, потому что он заявил: “Я здесь”.

Ум забеспокоился. Им пришлось убить этого человека, иначе они не смогли бы жить надеждой на завтра.

И не только Иисус, много других провозглашали с тех пор: “Я здесь, Я — Мессия!” И евреи всегда отвергали Его, потому что если бы они его признали, то как бы они тогда смогли надеяться и как откладывать? Они жили этой надеждой с таким пылом, с такой глубокой верой, в какие с трудом можно поверить. Были такие евреи, которые, ложась вечером спать, надеялись, что эта ночь будет последней, что утром прибудет Мессия...

Я слышал об одном рабби, который говорил жене: “Если Он появится ночью, не жди ни секунды, буди меня немедленно”. Мессия все ближе и ближе, он может явиться в любой момент.

Мне говорили о другом рабби, сын которого собрался жениться, и он разослал друзьям приглашения на свадьбу, написав в них: “Мой сын будет жениться в Иерусалиме тогда-то и тогда-то, но если Мессия к тому еще времени не придет, то свадьба состоится здесь, в этой деревне Корца”. Кто знает, пока наступит день свадьбы, Мессия может уже и придти. Тогда мы будем не здесь, мы будем в Иерусалиме, празднуя. Так что если он до свадьбы еще подойдет, то только тогда она состоится здесь, в этой деревне; иначе же она будет в Иерусалиме.

Они ждали и ждали, мечтая и надеясь. Умы всех евреев были захвачены навязчивой идеей о грядущем Мессии. Но когда бы Мессия ни приходил, они немедленно отвергали его. Поймите это! Так функционирует ум: вы живете в ожидании блаженства, экстаза, но когда они приходят, вы отрицаете их, вы от них отворачиваетесь.

Ум может жить в будущем, но не может жить в настоящем. В настоящем вы можете лишь надеяться и желать. Так вы порождаете страдание. Если вы начинаете жить в этот самый момент, в “здесь и сейчас” (here-and-now), то страдание исчезает.

Но как это соотносится с эго? Эго — это накопленное из прошлого. Все то, что вы узнали, пережили, прочитали, все, что только ни случилось с вами в прошлом, все это целиком накоплено в нем. Все прошлое — это эго, это вы.

Прошлое может отражаться в будущее — будущее это ничто иное, как продолженное прошлое — но прошлое не в силах оказаться

лицом к лицу с настоящим. Настоящее — совершенно иное, оно имеет качество пребывания “здесь и сейчас”. Прошлое всегда мертво, настоящее — это жизнь, это сам источник всего живого. Прошлое не может предстать лицом к лицу с настоящим, поэтому оно устремляется в будущее, но и то, и другое — и прошлое, и будущее — мертвы, и то, и другое — не существуют. Настоящее — это жизнь; будущее не может столкнуться с настоящим, так же как и прошлое не может столкнуться с настоящим. И ваше эго, ваше “некто”, — это ваше прошлое. Пока вы не станете пусты, вы не сможете быть “здесь”, и пока вы не будете “здесь”, вы не сможете быть живым.

Как можете вы познать блаженство жизни? Каждую секунду оно изливается на вас, и вы проходите мимо него.

Чжуан Цзы говорит:

Таков совершенный человек —
его лодка пуста.

Пуста от чего? Пуста от “я”, пуста от эго, пуста от кого бы то ни было внутри.

Управляющий людьми живет в смятении;
управляемый людьми живет в печали.

Управляющий людьми живет в смятении. Почему? Желание управлять исходит от эго; желание владеть, быть наделенным властью, желание доминировать, влиять происходит из эго. Чем большим королевством можете вы владеть, тем большее эго вы сможете взрастить. С увеличением ваших владений ваш внутренний некто становится все больше и больше. Часто лодка становится так мала, потому что эго становится так велико...

Это то, что происходит с политиками, с людьми, захваченными богатством, престижем, властью. Их эго так разрослось, что их лодки не могут выдержать их. Они постоянно на грани того, чтобы утонуть, напряжены, боятся, напуганы до смерти. А чем больше вы боитесь, тем большим собственником вы становитесь, потому что вы думаете, что с помощью владений, с помощью собственности каким-то

образом достигается безопасность. Чем больше вы боитесь, тем больше вам кажется, что, будь ваше королевство хоть чуть-чуть покрупнее, вы были бы в большей безопасности.

Управляющий людьми живет в смятении...

На самом деле, желание управлять исходит из вашего смятения; желание выбиться в вожди исходит от вашего смятения. Когда вы ведете других, вы забываете о собственном смятении — это своего рода побег, обман, трюк. Вы больны, но если болен кто-нибудь другой и вы заботитесь о нем, вы забываете о своей болезни.

Говорят, однажды Бернард Шоу позвонил своему врачу и заявил: “Мне очень плохо. Сердце, кажется, совсем сдает. Приходите скорее!”

Врач прибежал. Ему пришлось взбежать три лестничных пролета, и он тяжело дышал. Он вошел и, не говоря ни слова, упал в кресло и закрыл глаза. Бернард Шоу выскочил из постели и испуганно спросил: “Что с вами?”

“Ничего, ничего. — ответил врач. — Похоже, я умираю. Сердечный приступ”.

Бернард Шоу кинулся помогать ему; он принес чашку чаю, несколько таблеток аспирина, он сделал все, что мог. Через полчаса его врач пришел в себя. И вдруг заявил: “Теперь мне пора идти, выдайте мне мой гонорар”.

“Вот это да! — воскликнул Джордж Бернард Шоу. — Это вы должны бы заплатить мне! Я полчаса бегал вокруг вас, а вы даже не спросили ничего о моем самочувствии”.

“Я вылечил вас, — возразил ему врач. — Это и есть лечение, и вам придется мне заплатить”.

Когда вы озабочены болезнью кого-то другого, то забываете про ваше собственное заболевание, и поэтому столько вождей, столько гуру, такое множество мастеров. Это вас отвлекает. Если ваша жизнь заполнена заботой о других людях, если вы слуга народа, общественный работник, помогаете другим, то вы забываете про

ваше собственное смятение, вашу внутреннюю неразбериху, — ведь вы так заняты!

Психиатры никогда не сходят с ума — не потому, что обладают иммунитетом к сумасшествию, но потому, что они настолько заняты сумасшествием других, излечивая, помогая, что они совершенно забывают, что тоже могут сойти с ума.

Я познакомился со многими общественными работниками, лидерами, политиками, гуру, — они остаются здоровы только благодаря тому, что они полны забот о других.

Но если вы ведете за собою других, возвышаетесь над другими, то, в результате собственного смятения, вы и в их жизнях породите смятение. Это, возможно, и вылечивает вас самих, это, вероятно, удобный выход для вас, но это — распространение вашей болезни. Так вы заражаете окружающих...

Управляющий людьми живет в смятении...

И он не только живет в смятении, он еще и продолжает свое смятение распространять в других. Из смятения рождается лишь смятение.

Поэтому, если вы в замешательстве, запомните: Бога ради, никому не помогайте, иначе ваша помощь обернется ядом. Если вы в замешательстве, не занимайтесь другими, потому что вы превратитесь в источник неприятностей, ваша болезнь станет заразной. Не давайте никому советов и, если у вас есть хоть капля разума, не принимайте советов от находящихся в замешательстве. Оставайтесь бдительны, настороже, потому что те, кто в замешательстве, всегда любят давать советы. И они дают их бесплатно, они раздают их весьма щедро!

Осторожнее! От смятения рождается лишь смятение.

... управляемый людьми живет в печали.

Если вы возвышаетесь над людьми, вы живете в смятении; если вы позволяете другим возвышаться над собой, вы будете жить в печали, ибо раб не может быть блажен.

Поэтому Дао не желало
ни влиять на других,
ни быть подвластным их влиянию.

Не стоит пытаться влиять на других, вам лучше быть повнимательнее в том, чтобы самому не оказаться под чужим влиянием. Эго способно делать и то, и другое, но не в состоянии оставаться посередине. Эго может пытаться влиять, тогда оно чувствует себя прекрасно, возвышаясь, но помните, что эго также чувствует себя очень неплохо, будучи под господством, и рабы тоже чувствуют себя хорошо, подчиняясь своему господину.

В мире встречается всего два типа ума: ум господствующих — мужской ум, и ум тех, кому нравится быть под господством — женский ум. Под женским я не имею ввиду женщин, или под мужским — мужчин. Есть женщины с мужскими умами, и есть мужчины, у которых умы женские. Они не всегда соответствуют.

Это — два типа ума: один, которому нравится господствовать, и другой, которому нравится быть под господством. В обоих случаях с эго все в порядке, потому что, господствуете ли вы, или над вами господствуют — важны *вы*. Если кто-то господствует над вами, тогда вы тоже важны, потому что его господство зависит от вас. Без вас — куда он денется? Без вас — что будет с его королевством, его господством, его владением? Без вас он будет никем.

В обеих крайностях с эго все в порядке, эго умирает только в середине. Не будьте подвластны господству и не пытайтесь господствовать.

Просто представьте себе, что с вами тогда будет. Вы не важны, совершенно не значимы, никаким образом: ни как хозяин, ни как раб. Хозяева не могут жить без рабов и рабы не могут жить без хозяев — они нужны друг другу, они дополняют друг друга. Так же, как мужчина и женщина, они взаимодополняющи. Один необходим для полноты другого.

Не будьте ни тем, ни другим. Кто вы тогда? Внезапно вы исчезаете, потому что в таком случае вы не значимы вовсе, никто не зависит от вас, вы никому не нужны.

Существует огромная потребность — быть нужным. Помните, вы чувствуете себя в своей тарелке только тогда, когда вы кому-то нужны. Порою это приносит вам страдание, — но даже несмотря на это вы стараетесь быть нужным.

Ребенок-калека прикован к постели, и его мать постоянно беспокоится о том, что же ей делать: “Я должна заботиться о нем, обслуживать его, и вся моя жизнь проходит впустую”. Но все равно, если этот ребенок умирает, мать будет чувствовать себя потерянной, несчастной, потому что хотя бы этот ребенок нуждался в ней настолько сильно, что она стала важна.

Если нет никого, кто бы нуждался в вас, то кто вы есть? Вы стремитесь создать потребность в вас. Даже рабы — нужны.

Поэтому Дао не желало
ни влиять на других,
ни быть подвластным их влиянию.
Путь избавления от смятения
и печали —
жить с Дао
в стране пустоты.

Эта точка посередине — страна пустоты, или дверь в страну пустоты — как будто вас нет, как если вы никому не нужны, и вам не нужен никто. Вы существуете так, как если бы вас не было. Если вы незначимы, эго не может упорствовать и сохраняться. Вот поэтому вы продолжаете так или иначе стремиться к значимости. Когда бы вы ни ощущали, что в вас нуждаются, вы чувствуете себя замечательно. Но это — ваше страдание и смятение, и это основа вашего ада.

Как вы можете освободиться? Взгляните на две эти крайности. Будда назвал свою религию срединным путем, маджхим никайа (majjhim nikaaya). Он назвал ее срединным путем, потому что, как он заметил: “Ум живет крайностями. В тот момент, когда вы останавливаетесь посередине, ум исчезает. В середине ума нет”.

Видели ли вы канатоходца? В следующий раз, когда вы пойдете в цирк, понаблюдайте за ним. Когда канатоходец наклоняется влево, ему тотчас же приходится сдвинуться вправо, балансируя; и когда он

чувствует, что слишком сильно отклонился вправо, ему приходится наклониться влево.

Вам необходимо двигаться к противоположному, наклоняясь в другую сторону, чтобы удержать равновесие. Поэтому случается и хозяевам становиться рабами, а рабам — хозяевами; властители становятся подданными, а подданные — власть имущими. И так до бесконечности, это — постоянное балансирование.

Замечали вы когда-нибудь это в ваших отношениях? Если вы — муж, то вы и вправду муж все двадцать четыре часа? Значит, вы не наблюдательны. В течение двадцати четырех часов смена происходит, самое меньшее, двадцать четыре раза: иногда жена — это муж, а муж — жена, иногда муж снова муж и жена снова жена.

Так все и продолжает меняться от левого к правому, от правого к левому. Это прогулка по натянутому канату. Вам нужно удерживать равновесие, вы должны балансировать. Вы не можете доминировать в течение двадцати четырех часов, потому что в этом случае равновесие будет потеряно и отношения разрушатся, прекратятся.

Пока вы сами не канатоходец, вам трудно наблюдать то, как он пребывает в равновесии, не уклоняясь ни влево, ни вправо. В Тибете хождение по канату использовали для медитации, ибо в середине, в равновесии ум исчезает. Ум возрождается тогда, когда вы отклоняетесь вправо, тогда ум снова появляется и подсказывает: “Выровняйся, нагнись влево”.

Когда возникает проблема, возникает ум. Когда проблем нет, как может возникнуть ум? Когда вы в самой середине, полностью сбалансированы, уравновешены, ума нет. Равновесие означает отсутствие ума.

Одна мать, я слышал, была очень обеспокоена своим сыном. Ему было десять лет, а он все еще не сказал ни единого слова. Все возможное было сделано, чтобы найти, в чем причина, но доктора признали свое поражение: “Все в порядке, мозг абсолютно нормален. Тело хорошо развито, никаких физических недостатков, ребенок здоров, и мы ничего не можем поделать. Можно было бы что-нибудь сделать, если бы хоть что-то было не в порядке”.

Но он все-таки не говорил. А потом, вдруг, однажды поутру сын заявил: “Мам, гренки совсем подгорели, их есть невозможно”. <\$!“каша совершенно пересолена”.>

Мать не верила своим ушам. Она была поражена. “Что?! — воскликнула она. — Ты заговорил? И говоришь так хорошо! Так почему ты всегда молчал? Мы убеждали тебя и старались изо всех сил, а ты не говорил ни слова”.

“А все всегда было в порядке, — сказал ребенок. — Это первый раз они так подгорели”. <\$!ты кашу так пересолила”.>

Если все и так в порядке, то зачем вам говорить?

Люди приходят ко мне и замечают: “Ты продолжаешь говорить каждый день..” “Да, — отвечаю я, — потому что столько заблуждающихся продолжают приходить сюда и слушать каждый день. Столько всего неправильного, что мне просто приходится говорить. Если все в порядке, то и говорить незачем. Я говорю из-за вас, из-за того, что гренки подгорели”. <\$!каша пересолена”.>

Когда бы он ни оказался посередине, между любыми крайностями или полярностями, ум исчезает. Попробуйте сами. Хождение по канату — прекрасное упражнение и один из самых тонких методов медитации. Ничего другого не надо. Вы можете понаблюдать себя на канате и увидеть, как это происходит.

И помните, на канате мышление останавливается, потому что вы в такой опасности. Вы не можете думать. В тот момент, как вы задумаетесь, — вы упадете. Идущий по канату не может думать, ему нужно быть чутким каждое мгновение. Нужно постоянно сохранять равновесие. Он не может ощутить безопасность, он не в безопасности: он не может себя чувствовать защищенным, он не защищен. Опасность присутствует всегда — малейшая потеря равновесия, и он упадет... И смерть поджидает этого.

Если вы идете по канату, то вы обнаруживаете две вещи: мышление останавливается из-за наличия опасности и, когда вы действительно приходите в равновесие, ни влево, ни вправо, точно посередине, великая тишина нисходит на вас, такая, о которой вы раньше не подозревали. И так происходит во всем. Вся жизнь — это хождение по канату.

Поэтому Дао желало оставаться в середине — не быть ни под влиянием, ни влияющим, не быть ни мужем, ни женой, не быть ни хозяином, ни рабом.

Путь избавления от смятения
и печали —
жить с Дао
в стране пустоты.

В середине дверь открывается — страна пустоты. Когда вас нет, весь мир исчезает, потому что мир держится на вас. Весь тот мир, что вы создали вокруг себя, держится на вас. Если вас нет, то мир исчезает.

Не жизнь уходит в небытие, нет. Но этот мир исчезает, а жизнь появляется. Этот мир — порождение ума; жизнь, существование — это истина. Этот дом будет, но тогда он уже не будет вашим. Будет этот цветок, но цветок этот станет безымянным. Он не будет ни прекрасен, ни безобразен. Он будет, но никакого понятия, никакой концепции не возникнет в вашем уме. Все концептуальное раскладывается по полочкам пропадает. Жизнь, неприукрашенная, обнаженная, невинная, остается в своей чистоте, как отражение этого существования, отражение всего сущего. И все понятия, все образы, все мечты исчезают в стране пустоты.

Если человек переплывает реку,
и пустая лодка сталкивается с его лодкой,
то, даже если он дурного нрава,
он не станет сердиться.
Но, увидев в той лодке человека,
он крикнет ему, чтоб тот получше правил.
И, если крик его не услышан, он крикнет
вновь, и еще раз, и начнет сыпать проклятиями —
а все оттого, что там, в лодке, кто-то есть.
А все-же, будь лодка пуста,
он бы не орал и даже не сердился бы.

Если люди продолжают сталкиваться и конфликтовать с вами и если люди продолжают сердиться на вас, запомните, это не ошибка. Ваша лодка не пуста. Они сердиты, потому что вы там есть. Если лодка пуста, то они будут выглядеть по-дурацки; если они будут злиться на пустую лодку, они будут выглядеть идиотами.

Те, кто очень близки ко мне, иногда злятся на меня, и они выглядят совсем по-дурацки! Если лодка пуста, вы можете даже наслаждаться гневом других, потому что не на кого гневаться, они не посмотрели, на что гnevаются. Поэтому помните, если люди продолжают сталкиваться и конфликтовать с вами, значит, в вас слишком много от неприступной стены. Будьте дверью, станьте пустыми, позвольте им пройти.

Даже тогда люди иногда будут сердиться — они сердиты даже на Будду. Потому что есть глупые люди, те, которые, если их лодка сталкивается с пустой лодкой, и не взглянут, чтобы выяснить, есть в ней кто-нибудь или нет. Они начинают кричать; они настолько на все обижены в глубине себя, что не способны разглядеть: никого перед ними нет.

Но даже в такие моменты пустая лодка может наслаждаться всем происходящим, потому что гнев их теперь не задевает, не ранит вас: вас там нет, так кого же он может ранить?

Этот символ пустой лодки поистине прекрасен. Люди сердятся, потому что вас слишком много, потому что вы слишком тяжелы — так основательны, что им не пройти. А жизнь переплетается, связывает вас со всеми. Если вас слишком много, то повсюду вы будете приносить столкновение, вызывать гнев, депрессию, агрессию, насилие — конфликт продолжается.

Когда вы замечаете, что кто-то сердится на вас или кто-то столкнулся с вами, вы всегда считаете, что виноват в этом он. Так невежество делает заключения, так оно интерпретирует. Невежество всегда заявляет: “Это он виноват”. Мудрость всегда гласит: “Если кто-то и отвечает за все, так это я, и единственный способ не конфликтовать, не сталкиваться — это не быть”.

“Я в ответе” не означает, что “я сделал что-то такое, из-за чего они рассердились”. Дело не в этом. Вы можете ничего не делать, но даже самого факта вашего существования для людей уже достаточно,

чтобы рассердиться. Проблема не в том, делаете вы что-то хорошее или плохое. Проблема в том, что вы есть.

В этом разница между Дао и другими религиями. Другие религии твердят: “Будь хорошим, веди себя так, чтобы никто на тебя не сердился”. “Не будь”, — гласит Дао.

Проблема не в том, ведете вы себя хорошо или дурно. Проблема не в этом. Даже хороший человек, даже очень святой человек порождает гнев, потому что он есть. Иногда хороший человек вызывает больше гнева, чем плохой человек, потому что хороший человек — значит очень тонкий эгоист. Плохой человек чувствует себя виновным — его лодка, может быть, наполнена, но он чувствует на себе вину, понимает, что он плохой. На самом деле он не так уж много места занимает в лодке, его чувство вины помогает ему сжаться. Хороший человек чувствует себя настолько хорошим, что он совершенно заполняет лодку, переполняет ее.

Поэтому когда вы оказываетесь рядом с “хорошим человеком”, это подобно пытке — не он мучает вас, но одно только его присутствие. С так называемыми “хорошими людьми” вы всегда будете испытывать досаду и предпочтете сторониться их. С этими “хорошими людьми” действительно очень тяжело. Общение с ними вызывает у вас чувство неловкости, они угнетают вас, и вы постараетесь расстаться с ними как можно скорее.

Моралисты, пуритане, добродетельные — с ними со всеми очень тяжело, и они приносят тягость окружающим, и темнота сгущается вокруг них. Никому они не нравятся. Они не могут быть хорошими товарищами, они не могут быть хорошими друзьями. Дружба с “хорошим человеком” невозможна — почти невозможна, потому что он всегда смотрит на вас с осуждением. Как только вы становитесь к нему ближе, он — хороший, а вы — плохой. Он не делает чего-то такого особенного — но сам факт его существования создает нечто, что вызывает у вас гнев, раздражение.

Дао — совершенно иное дело. Дао обладает другим качеством, и для меня Дао — это глубочайшая из религий, самая глубокая из когда-либо существовавших на этой земле. Ей нет сравнения. Были проблески, есть проблески в высказываниях Иисуса, у Будды, у Кришны — но лишь проблески.

Послание Лао Цзы или Чжуан Цзы — чистейшее, оно абсолютно чистое, ничто не осквернило его. И вот это послание: все оттого, что в лодке кто-то есть. Весь этот ад из-за того, что лодка не пуста.

А все-же, будь лодка пуста,
он бы не орал и даже не сердился бы.

Если ты можешь опустошить собственную лодку,
плывя через реку жизни,
никого не будет против тебя,
никто не станет причинять тебе вред.

Прямое дерево срубят первым,
вешние ручьи раньше всех пересохнут.
Если ты желаешь преумножить свою мудрость
и устыдить невежество,
приобрести репутацию и затмить других,
то свет будет сиять вокруг тебя,
будто ты поглотил луну и солнце —
и не миновать тебе беды.

В этом уникальность послания. Чжуан Цзы говорит, что ореол святости вокруг вас показывает, что вы все еще есть, лодка ваша полна. Сияние вашей “хорошести”, конечно, породит беду для вас и беду для всех окружающих. Лао Цзы и Чжуан Цзы — мастер и ученик — никогда не изображались на рисунках с нимбами, аурами. В отличие от Иисуса, Заратустры, Кришны, Будды, Махавиры, их никогда не рисовали с нимбами. “Потому что, — говорят они, — если ты действительно хороший, не аура появляется вокруг твоей головы; наоборот, пропадает сама голова”. Где же рисовать ауру? Головы-то нет.

Все ауры так или иначе относятся к эго. Не Кришна нарисовал свой портрет, этим занимаются его последователи. Они не могли представить его себе без нарисованного вокруг головы нимба — иначе он не будет выглядеть необыкновенным. А Чжуан Цзы говорит: “Быть обыкновенным — быть мудрецом. Никто не узнает тебя, никто

не чувствует, что ты кто-то необыкновенный". "Тыходишь в толпу и смешиваешься с нею, — добавляет он, — но никто не замечает, что в толпу вошел будда". Ни у кого не появляется ощущения что кто-то чем-то отличается, ибо если кто-либо почувствует это, то не избежать гнева и беды. Когда бы кто-нибудь ни заметил, что вы — в чем-то особенны, он разозлится, его собственное эго будет задето. Он отреагирует, он нападет на вас".

Поэтому Чжуан Цзы советует: "Не нужно приобретать репутацию, солидная репутация — тоже своего рода богатство". А так называемые "религиозные люди" продолжают учить: "Будь положительным, приобретай репутацию, возвращай мораль, будь добродетелен".<Хорошо, если здесь и далее это характер, а не репутация.>

А зачем? Зачем быть добродетельным? Зачем быть против грешников? Но ваш ум — это деятель, вы все еще по-прежнему амбициозны, честолюбивы. И если вы достигнете Рая и увидите там грешников, сидящих вокруг Бога, то вы будете очень сильно задеты — вся ваша жизнь была потрачена впустую. Вы обретали достоинство, вы приобретали репутацию, пока эти люди приятно проводили время, наслаждались и делали все то, что осуждается, а здесь они сидят подле Бога. Если вы увидите святых и грешников в Раю вместе, это вас здорово заденет, вы очень опечалитесь и расстроитесь — потому что ваше достоинство тоже часть вашего эго. Вы обретае святость, чтобы возвыситься над другими, но ум остается прежним. Как бы возвыситься или, другими словами, как бы унижить других, — вот, что вами движет.

Если вы сумели скопить большое состояние, то они — бедняки, а вы — богач. Если вы способны стать Александром Македонским, то вы — император, а они — нищие. Если вы в состоянии стать великим ученым, то вы полны знаний, а они — безграмотные, невежи. Если вы сможете стать добродетельным, религиозным, уважаемым, моральным, то вы порицаете их, они — грешники. А раздвоение, раскол все продолжается. Вы боретесь с другими, вы пытаетесь превзойти их.

Чжуан Цзы говорит: "Если ты приобретаешь репутацию и затмеваешь других, ты не избежишь беды. Не пытайся затмевать

других и ни к чему приобретать репутацию с такой эгоистичной целью”.

Таким образом, для Чжуан Цзы существует лишь одна репутация, <\$!или только одна репутация , а не черта - кто его знает, Чжуана> ст’оящая упоминания, и это — отсутствие эго. Все остальное второстепенно, следствия. Без нее все остальное ничего не ст’оит. Вы можете достигнуть репутации богоподобного человека, но, если эго присутствует в вас, вся ваша богоподобность — в услужении дьяволу; вся ваша добродетель — только лишь личина и за ней спрятан грешник. А грешника не изменить через добродетель или каким-либо другим способом развития, воспитания. Только когда перестаете быть вы, он тоже исчезает.

Мудрец заметил:

“Довольный собой
трудился зря.

Достижение — начало неудачи,
слава — начало позора”.

Эти высказывания довольно необычны, и вам придется напрячь все свое чутье, чтобы воспринять их; иначе вы рискуете понять их неверно.

Мудрец заметил:

“Довольный собой
трудился зря”.

Религиозные люди продолжают поучать: “Будь доволен собой”. Но тот, кем надо быть довольным, остается. “Не будь, — замечает Чжуан Цзы, — тогда и вопрос о довольстве или недовольстве отпадет сам собой”. Это истинное удовольствие — когда вас нет. Но если вы чувствуете себя удовлетворенным, то это ложь — ибо вы есть, и все это — лишь насыщение эго. Вы считаете, что достигли чего-то, вы полагаете, что добрались до цели.

Дао гласит, что почитающий себя достигшим чего-либо, уже утратил. Полагающий, что добрался до цели, — потерял ее, ибо успех

— это начало неудачи. Успех и неудача — это две части, две точки одного круга, одного колеса. Когда бы успех ни достигал своей кульминации, неудача уже тут как тут. Когда наступает полнолуние, луна перестает расти. Теперь изменение прекращается. И тогда на следующий день начинается попятное, обратное движение, изменение, и дальше с каждым днем луна будет все меньше, и меньше, и меньше.<\$!journey - рейс, но как бы его перевести получше, прохождение - не совсем удачно>

Жизнь периодична, циклична. В момент, когда вы полагаете, что достигли чего-то, колесо поворачивается, и вы уже теряете. Вам может потребоваться некоторое время, чтобы понять это, потому что ум туп. Нужна немалая смывленость, понятливость, нужна ясность ума, рассудок, чтобы замечать вещи, которые происходят. С вами что-то случается, но вам требуется много дней на то, чтобы осознать это, иногда много месяцев или лет. Иногда у вас уходят даже многие жизни на то, чтобы распознать, что же произошло.

Вы припомните свое прошлое. Когда вы считали, что добились успеха, все вдруг мгновенно менялось, начиналось ваше падение — ибо эго — это тоже часть колеса. Оно добивается успеха, поскольку может потерпеть поражение: если бы оно не могло потерпеть поражения, то и успех был бы невозможен. Успех и поражение — это две стороны одной и той же монеты.

Чжуан Цзы говорит:

Мудрец заметил:
“Довольный собой
трудился зря”.

...Потому что он все еще есть, пустой лодки не существует, лодка все еще полна. Эго сидит там, эго все еще у руля.

“Достижение — начало неудачи,
слава — начало позора”.

Терять нечего. Поэтому Будды нищие — безымянны, бездомны, им нечего защищать, нечего охранять. Они свободны двигаться куда

угодно, подобно облакам в небе, без дома, не привязаны ни к чему, плывут, без цели, без дела, без эго.

Тот будет плыть, как Дао, невидим,
ходить свободно повсюду, словно сама жизнь,
без имени и без дома.

Именно это для меня и означает слово “саньясин”. Когда я иницирую вас в саньясу, я иницирую вас в эту безымянную, бездомную смерть. Я не даю вам никакого тайного ключа к успеху, я не даю вам никакой таинственной формулы для преуспевания.

Если я и даю что-нибудь, так это ключ к тому, как не добиться успеха, как быть неудачником и не беспокоиться об этом, как двигаться без имени, без дома, безо всякой цели, как быть нищим — тем, кого Иисус называл “бедные духом”. Человек, бедный духом, лишен эго, он — пустая лодка.

Тот прост, неприметен.

Кого зовете вы простым? Можете ли вы развить, воспитать простоту?

Вы видите человека, который ест только раз в день, носит тряпки или совсем обнажен, вы видите человека, живущего не во дворце, живущего под деревом — и вы говорите, что этот человек прост. Это ли простота? Вы можете жить под деревом, но ваш образ жизни будет результатом именно воспитания. Вы воспитали это — быть простым, вы рассчитали это — как быть простым. Вы можете есть раз в день, но это по расчету, вы делаете это во влению ума. Вы можете оставаться голым, но это не сделает вас проще. Простота может лишь только просто случиться.

Тот прост, неприметен.

Но вы же считаете себя святым, потому что живете под деревом, и едите раз в день, и вы вегетарианец, и вы ходите голым, у вас нет денег — вы святой.

И тогда, если мимо проходит кто-нибудь, у кого деньги есть, осуждение рождается в вас, и вы думаете: “Что будет с этим грешником? Он попадет в Ад”. И вы к этому грешнику испытываете сострадание. В этом случае вы не просты. Потому что здесь играют роль различия, вы — другой.

Не имеет значения, откуда взялось это отличие. Король живет во дворце — он отличается от тех, кто живет в хижинах. Король носит такую одежду, которую вы носить не можете — она стоит столько, что он отличен. Человек живет голый на улице, а вы не можете жить на улице голым — значит, он иной. Где бы ни появлялось отличие, тут же существует и эго. Когда различий нет, эго исчезает; а не-эго — это простота.

Тот прост, неприметен.

С какой стороны ни глянь — дурак.

Это самое труднодостижимое высказывание из произнесенных Чжуан Цзы. Это трудно понять, потому что мы всегда полагаем, что просветленный, совершенный человек, — это мудрец. А он заявляет: “С какой стороны ни глянь — дурак”.

Но все правильно, все так и есть. Среди такого количества дураков, как мудрый человек может быть иным? С какой стороны ни глянь, он будет выглядеть дураком, и никак иначе. Как может он изменить этот дурацкий мир и вернуть такое количество идиотов к здравомыслию? Ему придется раздеться и отправиться под стол кукарекать петухом. Только тогда он может изменить вас. Он должен стать сумасшедшим, как вы, он должен быть дураком, он должен позволить вам смеяться над собой. Тогда вы не ощутите ревности, тогда он не будет задевать вас, тогда вы не станете на него злиться, вы сможете выдержать его, тогда вы сможете забыть его, и простить его, и тогда вы, возможно, оставите его в покое, наедине с самим собой.

Множество великих мистиков вели себя, как дураки, и их современники были в полной растерянности: как разобраться в их жизни — а величайшая мудрость присутствовала в ней. Быть мудрым среди вас — это действительно глупо. Из этой затеи ничего не

выйдет; вы только породите кучу неприятностей. Сократа отравили, потому что он не знал Чжуан Цзы. Знай он Чжуан Цзы, не было бы нужды его травить. Он пытался вести себя, как мудрец; среди дураков он пытался быть мудрым.

“С какой стороны ни глянь, — замечает Чжуан Цзы, — истинно мудрый человек будет выглядеть дураком”.

Чжуан Цзы сам прожил жизнь, как дурак, смеясь, распевая и танцуя, общаясь с другими через шутки и анекдоты. Никто и не подозревал, что он серьезен. А вы не найдете более искреннего и серьезного человека, чем Чжуан Цзы. Но никто не считал его серьезным. Люди радовались ему, люди любили его, и через эту любовь он распространял семена своей мудрости. Он изменил многих, он многих трансформировал.

Но чтобы подействовать на безумца, вам необходимо выучить его язык, вы должны общаться с ним на его языке. Вам необходимо стать таким, как он, вам необходимо спуститься. Если вы продолжаете возвышаться на своем пьедестале, то общения не получится.

Как раз это и случилось с Сократом, в Греции это и не могло не случиться, потому что греческий ум — это самый рациональный ум в мире, а рациональный ум всегда пытается не оказаться дурацким. Сократ разозлил всех и каждого. В действительности людям просто пришлось убить его, а иначе он продолжал бы задавать неудобные вопросы и заставлял бы всех чувствовать себя идиотами. Он всех загнал в угол — потому что даже на обыкновенные вопросы невозможно ответить, если кто-то задает их с пристрастием.

Если вы верите в Бога, Сократ спросит вас что-нибудь о Боге и потребует от вас доказательств; а как вы можете ответить, ведь вы Его не видели. Ну какие тут могут быть доказательства? Бог очень далеко. Вы ж не можете доказать даже обыкновенных вещей. Вы оставили дома жену — как вы можете доказать, в самом деле, что вы оставили жену дома, или что у вас вообще есть жена? Это, возможно, все существует только лишь в вашей памяти, в вашем воображении. Вам, может быть, все только приснилось, и когда вы вернетесь, не окажется ни дома, ни жены.

Сократ задавал вопросы, вникая в ответы, анализируя все, и разозлил в Афинах всех до единого. Этот человек пытался доказать,

что все они дураки. Они убили его. Повстречайся он с Чжуан Цзы — а в это время Чжуан Цзы жил в Китае, они были современниками — Чжуан Цзы открыл бы ему тогда секрет: не пытайся доказать безумцу, что он безумен, потому что ни одному безумцу это не понравится. Он рассердится, станет высокомерен, агрессивен. Он убьет тебя, если ты докажешь слишком много. Если ты доберешься до сути, где можно доказать его безумство, он посчитается с тобой.

“Лучше быть дураком самому, — сказал бы Чжуан Цзы, — тогда люди радуются тебе, и тогда с помощью очень утонченных методов ты сможешь помочь им измениться. В этом случае они не будут против тебя”.

Вот почему на Востоке, особенно в Индии, в Китае, в Японии, никогда не происходило такого отвратительного явления, какое произошло в Греции, когда Сократа отравили и убили. То же самое случилось и в Иерусалиме — Иисуса убили, распяли. Такое происходило в Иране, в Египте, в других странах — много мудрых людей были уничтожены, убиты. Такого никогда не случалось в Индии, в Китае, в Японии, потому что в этих трех странах люди поняли, что вести себя, как мудрец, — это кликать беду.

Веди себя, как дурак, как сумасшедший, просто будь безумен. Это первый шаг мудреца — успокоить вас, чтобы вы не боялись его.

Вот почему я рассказал вам ту историю. Принц подружился с тем Суфием. Он боялся других докторов, ученых специалистов, потому что они пытались изменить его, вылечить его, а он не был сумасшедшим. Он не считал себя безумцем, ни один сумасшедший никогда не думает, что он безумен. Как только сумасшедший понимает, что он безумен, сумасшествие исчезает. Он больше не безумец.

Поэтому все мудрецы, пытавшиеся излечить принца, были глупы, и только этот старик оказался мудр. Он вел себя по-дурацки. Двор смеялся, король смеялся, королева рассмеялась и сказала: “Что? Этот человек собирается вылечить принца? Да он сам сумасшедший и, кажется, он еще ненормальнее, чем принц”.

Даже принц был поражен. “Ты что? — сказал он. — Что это ты делаешь?” Но человек этот, надо думать, был просветленным мудрецом.

Чжуан Цзы говорит об этом явлении, об этом поразительном человеке.

С какой стороны ни глянь — дурак.

За ним не остается следов. Он не обладает властью.

Вы не можете следовать за ним. Вы не можете следовать за просветленным человеком — нет, никогда — потому что он не оставляет следов, нет тропинок. Он подобен птице в небе: он движется, но следа не остается.

Почему мудрый человек не оставляет следов? Для того, чтобы вы не могли следовать за ним. Ни одному мудрому человеку не нравится, если за ним следуют, потому что, следуя за кем-то, вы становитесь имитатором. Он всегда движется этаким зигзагом, чтобы вы не могли идти следом. Если вы попытаетесь следовать, вы его упустите. Можете ли вы следовать мне? Это невозможно, потому что вы не знаете, что я собираюсь делать завтра. Это непредсказуемо. Если вы можете предсказать, вы сможете планировать. Тогда вы знаете, куда я иду, тогда вам известно направление, тогда вы можете предугадать мои шаги. Вы знаете мое прошлое, вы можете вычислить мое будущее. Но я нелогичен.

Если я логичен, вы можете сделать выводы о том, что я собираюсь сказать завтра. Просто изучив то, что я сказал в прошлом, в своих вчера, вы можете заключить логически, что я собираюсь сказать завтра. Но такое невозможно. Я могу абсолютно противоречить сам себе. Каждое мое завтра будет противоречить всем моим вчера, так как же вы собираетесь следовать мне? Вы сойдете с ума, если попытаетесь пойти за мной.

Рано или поздно, вам придется понять, что вам нужно быть самим собой, а не подражать кому-то.

За ним не остается следов.

Он не последователен. Он не логичен. Он иллогичен. Он подобен безумцу.

Он не обладает властью.

С такой точкой зрения нам трудно согласиться, потому что мы считаем, что мудрец наделен властью, что он самый сильный из людей. Он тронет ваши слепые глаза, и они откроются и вы прозреете; вы мертвы и он коснется вас, и вы воскреснете. Для нас мудрец — это тот, кто совершает чудеса.

Но Чжуан Цзы говорит: “Он не обладает властью, потому что пользоваться властью — это всегда проявление эго. Эго хочет быть сильным. Вы не можете убедить мудрого человека использовать его власть, это невозможно. Если вы сможете, то это будет означать, что какую-то часть эго ему еще предстоит урезонить. Истинный мудрец никогда не станет пользоваться своей силой, потому что в нем некому пользоваться и некому управлять ею. Эго, манипулянта, больше нет. Кто будет направлять лодку? Никого нет.

Мудрец — это власть, но он не обладает властью; мудрец силен, но он не обладает силой — потому что эго, контролирующего, больше нет. Он — энергия — переполняющая, непринадлежащая, ненаправленная — и некому направить ее. Вы можете излечиться в его присутствии, ваши глаза могут открыться, но не он открывает их, он не прикасался к ним, он не излечивал вас. Если он считает, что это он излечил вас, то он сам болен. Это чувство “Я” — “Я вылечил” — гораздо более тяжелое заболевание, более страшная слепота.

Он не обладает властью.

Он ничего не достигает, слава минует его.

Поскольку он не судит,
не судят и его.

Таков совершенный человек —
его лодка пуста.

Таковым должен быть ваш путь. Освободите свою лодку. Продолжайте выбрасывать, что вы найдете в лодке, пока все не будет выброшено и ничего не останется, даже *вы* выброшены прочь, ничего не осталось, и тогда вы сразу опустеете.

Первейшая задача и заключительная задача — это быть пустым: в тот момент, когда вы становитесь пусты, вы наполняетесь. Все будет нисходить на вас, когда вы пусты, — только пустота может принять все, ни для чего другого это невозможно, ибо, чтобы принять все, нужно быть совершенно пустым, безгранично пустым. лишь тогда все может быть принято. Ваши умы столь малы, что они не могут воспринять божественное. Ваши комнаты так малы, что вы не можете пригласить божественное. Разружьте полностью дом, потому что только небо, только космос, только целый космос способен принимать.

Пустота должна стать вашей тропой, целью, всем. С завтрашнего утра начинайте опустошать себя ото всего, что найдете внутри: от вашего страдания, вашего гнева, вашего эго, ревностей, мучений, от вашей боли, от ваших удовольствий — все, что найдете, просто выбрасывайте прочь. Все, что подвернется, без разбора; опустошите себя. И в тот момент, когда вы полностью опустеете, вы вдруг поймете, что вы — целое, вы — все. Цельность достигается через опустошение.

Медитация — ничто иное, как опустошение, становление никем.

В этом лагере ведите себя так, словно вы никто. И если вы вызываете в ком-нибудь гнев, если вы сталкиваетесь, конфликтуете, — помните, что вы, должно быть, там, в лодке, поэтому все это и происходит. Как только ваша лодка опустеет, вы перестанете сталкиваться, не будет ни конфликта, ни гнева, ни насилия — ничего.

И это ничто — благословение, это ничто — блаженство. Это ничто вы искали и искали многие жизни.

Хватит на сегодня.

2

ЧЕЛОВЕК ДАО

Человек, познавший Дао, действует без помех,
действиями своими не вредя ни единому существу,
хоть и не мыслит себя добрым и мягким.

Он не старается делать деньги
и не возводит бедность в добродетель.

Он идет своей дорогой, не полагаясь на других,
и не гордится тем, что идет один.

Человек Дао остается неизвестным.
Совершенная добродетель ничего не создает.
“Не я” — это истинное “я”.
А величайший человек — никто.

ЧЕЛОВЕК ДАО

Самое трудное, почти невозможное для ума — это оставаться посередине, оставаться уравновешенным. А метаться из одной крайности в другую — это то, что легче всего. Такова природа ума — двигаться от одного полюса к противоположному полюсу. Постарайтесь очень глубоко это понять, прочувствовать, потому что, пока вы не поймете этого, ничто не сможет указать вам путь к медитации.

Такова природа ума — двигаться от одной крайности к другой. Он основан на отсутствии равновесия. Если вы уравновешены, ум исчезает. Ум напоминает болезнь: когда вы разбалансированы — он есть, когда вы в равновесии — его нет.

Вот почему для человека, который кревоугодничает, так легко перейти к голоданию. Это кажется нелогичным, поскольку что мы считаем, что человек, для которого еда стала навязчивой идеей, не в силах начать голодать. Но вы не правы. Только человек, страдающий манией еды, может голодать, потому что голодание — это та же идея, та же мания, только в противоположном варианте. В действительности вы при этом не меняетесь. Еда для вас так и остается навязчивой идеей. До этого вы объедались; теперь вы голодаете — но ум продолжает фокусироваться на проблеме еды, только на ее противоположной крайности.

Человек, который чрезмерно занимался сексом, может очень легко перейти к воздержанию, к целибату. Это нетрудно. Но прийти к правильной диете — это для ума сложно, самое трудное для ума — это оставаться посередине.

Почему же так сложно держаться середины? Это очень похоже на маятник. Он отклоняется вправо, потом движется влево, потом опять вправо, затем опять влево; весь механизм часов зависит от этого движения. Если маятник останавливается посередине, останавливаются часы. Но когда маятник качнется вправо, вы думаете, что он движется только вправо, а в это самое время он набирает импульс, разгон для движения влево. Чем больше он отклонится вправо, тем больше он наберет энергии, чтобы направиться влево, к противоположному. Когда он движется влево, он снова набирает инерцию, чтобы отклониться вправо.

Когда вы объедаетесь, вы набираете импульс, чтобы удариться в голодание. Когда вы слишком предаетесь сексу, рано или поздно, брахмачарья (brahmacharya), целибат, призовут вас.

И то же самое происходит с противоположным полюсом. Пойдите и спросите ваших так называемых садху (sadhus), ваших бхикку (bhikkus), саньясинов. Они поставили себе задачу — оставаться в целибате, теперь их умы накапливают импульс, чтобы ринуться в секс. Они сделали своей целью голодание и пост, а их умы постоянно думают о пище. Когда вы слишком много думаете о еде, это указывает на то, что вы набираете импульс для нее. Мышление означает накопление инерции. Ум начинает подготавливать противоположное.

Во-первых: куда бы вы ни двигались, вы движетесь также и к противоположному. Противоположное скрыто, оно не очевидно.

Когда вы любите кого-нибудь, вы накапливаете инерцию для того, чтобы его ненавидеть. Вот поэтому только друзья могут стать врагами. Вы не можете вдруг стать врагами до тех пор, пока не побываете сперва друзьями. Те, кто любит друг друга, ссорятся, воют. Лишь любящие могут ссориться и воевать, потому что, пока вы не полюбили, как можете вы ненавидеть? Пока вы не отклонились к самому краю влево, как можете вы двинуться вправо?

Современные исследователи утверждают, что так называемая любовь — это отношения близкой, интимной вражды. Ваша жена — ваш близкий враг, ваш муж — ваш близкий враг, — оба близки и враждебны. Эти исследователи выглядят противоречивыми, нелогичными из-за того, что нам это кажется странным: как же близкий человек может быть врагом; как тот, кто является другом, может быть также и врагом?

Логика поверхностна, жизнь же проникает глубже, и в жизни все противоположности объединены вместе, они сосуществуют. Помните это, потому что тогда медитация становится уравнивающей.

Будда учил восьми правилам, и в каждом правиле он использовал слово “правильный”. Он говорил: “Предпринимайте правильные усилия, ибо очень просто переходить от действия к бездействию, от бодрствования ко сну, трудно же — оставаться посередине”. Когда Будда использовал слово “правильный”, он подразумевал: “Не устремляйтесь к противоположному, оставайтесь в самой середине”. Питайтесь правильно — он никогда не призывал голодать. Не потворствуйте перееданию и не потворствуйте голоданию. Он советовал: “Стремитесь к правильному питанию. Правильное питание означает, что вы находитесь посередине”.

Когда вы стоите посередине, вы не набираете никакой инерции. И в этом красота — человек, не накапливающий инерцию для движения куда-то, может быть свободен, покоен, может наслаждаться, может чувствовать себя дома. $\\$ Английское выражение to be at home — быть дома аналогично русскому “чувствовать себя в своей тарелке”, “чувствовать себя уютно, удобно”.
Прим. перев.>

Вы никогда не можете быть дома, поскольку, что бы вы ни делали, вам тотчас же приходится заниматься противоположным, чтобы уравновеситься. Но противоположное никогда не приводит в равновесие, оно просто порождает у вас иллюзию, будто вы уравновешены, но вам придется вновь двинуться к очередному противоположному.

Будда — ни для кого не друг и не враг. Он просто застыл посередине — часы стоят.

Про одного хасидийского мистика, Музхида, рассказывают, что, когда он достиг просветления, часы на стене внезапно остановились. Может так и было, может и нет, это вполне возможно, но символика ясна: когда останавливается ум, останавливается и время; когда застывает маятник, встают и часы. С тех пор часы никогда не шли, с тех пор они всегда показывают одно и то же время.

Время порождено движением ума, точно так же, как движением маятника. Ум движется, и вы ощущаете время. Когда ум неподвижен, как вы можете почувствовать время? Когда движения нет, время невозможно почувствовать. Ученые и мистики сходятся в одном: движение порождает феномен времени. Если вы не двигаетесь, если вы неподвижны, время пропадает, появляется вечность.

Ваши часы спешат, и их механизм — это движение из одной крайности в другую.

Вторая вещь, которую нужно понять касательно ума: ум всегда стремится к далекому, но никогда к тому, что рядом. То, что рядом, приносит скуку, оно вам уже здорово надоело; отдаленное же рождает в вас мечты, надежды, дает вам возможность наслаждаться. Поэтому ум всегда находит что-нибудь отдаленное. Привлекательна, красива всегда чья-нибудь чужая жена; вас преследуют мысли всегда о чужом доме; чарует вас всегда машина кого-нибудь другого. Это все далеко. Вы слепы к тому, что рядом. Ум не может видеть то, что совсем рядом с ним. Он может видеть только то, что очень далеко. Он страдает дальнороркостью.

И что же самое далекое, самое отдаленное? Противоположное — оно дальше всего. Вы любите человека, и теперь ненависть — это самое далекое явление; вы соблюдаете целибат, теперь секс — это

самый отдаленный феномен; вы — король, и теперь быть монахом — это дальше всего.

Самое отдаленное — это то, о чем больше всего мечтается. Оно привлекает, оно поглощает собою все ваше воображение, оно продолжает звать, приглашать вас, а затем, когда вы доберетесь до другого полюса, то место, откуда вы отправились в путешествие, станет вновь прекрасным. Разведитесь со своею женой, и после нескольких лет ваша жена вновь обретет красоту.

Ко мне пришла киноактриса. Она развелась со своим мужем пятнадцать лет назад. Теперь она в возрасте, менее красива, чем была, когда они разошлись друг с другом. В прошлом году женился их сын, и на этой свадьбе она снова встретила своего бывшего мужа, им пришлось попутешествовать вместе. Муж снова влюбился в нее, и она пришла ко мне посоветоваться и спросила: “Что же мне делать? Он снова сделал мне предложение, он опять хочет на мне жениться”.

Она тоже была очарована. Она ждала от меня только лишь “да”. “Но вы ведь жили вместе, — сказал я, — и всегда у вас были сплошные конфликты, и ничего больше. Я знаю всю эту историю — как вы ругались, ссорились, как вы создали ад и страдание друг для друга. А теперь опять?”

Для ума противоположное притягательно, и пока через осознание, через понимание вы не трансцендируете это, ум будет продолжать метаться от левого к правому, от правого к левому — и часы будут идти.

Это метание продолжалось в течении многих жизней, так вы и обманывали себя всегда — потому что вы не понимаете механизма происходящего. И вновь отдаленное становится привлекательным, и вы начинаете свое путешествие. В тот момент, когда вы добираетесь до намеченной цели, то, что было для вас знакомым, становится теперь отдаленным, теперь оно обладает притягательностью, теперь оно превращается в звезду, в нечто ст'оящее.

Я читал о пилоте, который летел с приятелем над Калифорнией. Он сказал своему другу: “Взгляни вниз на это прекрасное озеро. Я родился неподалеку от него, вон там — моя деревня”.

Он указал на маленькую деревушку, которая, точно на насесте, расположилась на холмах неподалеку от озера, и заметил: “Я родился

там. Ребенком я часто сидел у озера и ловил рыбу; рыбная ловля была моим хобби. Но в то время, когда я был ребенком, ловящим рыбу в озере, в небе всегда летали самолеты, пролетали над моей головой, и я мечтал о том дне, когда я смогу и сам стать пилотом и смогу управлять самолетом. Это было моей единственной мечтой. Теперь она исполнилась, и что за несчастье! Теперь я каждый раз смотрю вниз на это озеро и думаю о том времени, когда я уйду на пенсию и снова отправлюсь ловить рыбу. Мое озеро так прекрасно..."

Вот так и происходит. Это то, что происходит с вами. В детстве вы страстно желаете немедленно вырасти. Старые люди мудры, и ребенок чувствует: что бы он ни делал, он все всегда делает неправильно. А потом спросите старого человека — он всегда считает, что, когда было утрачено детство, было потеряно все; рай остался там, в детстве. И все старые люди умирают, думая о детстве, о невинности, о красоте, о стране мечтаний.

Что бы вы ни имели, все это выглядит ненужным, но все то, чего у вас нет, смотрится крайне полезным. Помните это, ибо иначе медитация у вас не может получиться, потому что медитация означает это понимание: ума, работы ума, самого процесса мышления.

Ум диалектичен, он заставляет вас снова и снова двигаться к противоположному. И это бесконечный процесс, он никогда не заканчивается, пока вы вдруг не выпадаете из него, пока вы вдруг не пробуждаетесь от этой игры, пока вы вдруг не осознаете этот трюк ума, и вы останавливаетесь, замираете посередине.

Остановка посередине и есть медитация.

В-третьих: из-за того, что ум состоит из полярностей, противоположностей, вы никогда не цельны, не целостны. Ум не может быть целым; он всегда половинчат, неполон. Замечали ли вы, что, когда вы кого-нибудь любите, то подавляете свою ненависть? Любовь не тотальна, она не целостна; прямо за нею прячутся темные силы и они могут извергнуться в любой момент. Вы живете на вулкане.

Когда вы кого-нибудь любите, вы просто забываете, что в вас есть гнев, что в вас есть ненависть, что в вас есть ревность. Вы просто

отбрасываете их, словно их никогда не существовало. Но как вы можете их отбросить? Вы можете их просто спрятать в подсознании. Прямо на поверхности вы можете стать любящим, а глубоко внизу спрятан весь этот невероятный гам. Рано или поздно вам это осточертеет, любимый станет просто обычным — обычным источником раздражения.

Говорят, что близкие отношения рождают презрение, но не они порождают презрение — близость лишь делает так, что вам становится скучно; презрение же существовало всегда, скрытое. Оно лишь вырывается наружу, оно ожидало подходящего момента; семена его были с самого начала.

Ум всегда содержит в себе противоположное, и это противоположное скрывается в подсознании и только ждет момента, чтобы выбраться наружу. Если вы будете поминутно за собой наблюдать, то вы будете замечать это постоянно. Когда вы говорите кому-нибудь: “Я тебя люблю”, закройте глаза, погрузитесь ненадолго в медитацию и почувствуйте — а нет ли в вас какой-нибудь скрытой ненависти? Вы ощутите ее. Но поскольку вы хотите обмануть себя, поскольку правда так безобразна — правда о том, что вы ненавидите того, кого любите, — то вы не желаете взглянуть ей в лицо. Вы предпочитаете сбежать от реальности, поэтому вы прячете эту правду. Но прятание здесь не поможет. Ибо вы обманываете не кого-то другого, вы обманываете себя.

Поэтому, когда бы вы ни почувствовали что-нибудь, просто закройте глаза и углубитесь в себя, чтобы найти это противоположное. Оно там есть. И, если вы сумеете разглядеть его, это придаст вам равновесие; тогда вы уже не скажете: “Я люблю тебя”. Если вы правдивы, то вы скажете: “Мое отношение к тебе — это смесь любви и ненависти”.

Любое отношение — это отношение любовь/ненависть. Нет чистой любви, и нет чистой ненависти. Это и то, и другое — и любовь, и ненависть. Если вы правдивы, то вам будет трудно. Если вы скажете девушке: “Мое отношение к тебе — это отношение и того, и другого, любви и ненависти. Я люблю тебя так, как никогда никого не любил, и я ненавижу тебя так, как никогда никого не ненавидел”, то вам будет нелегко жениться, пока вы не найдете медитативную девушку,

которая сможет понять действительность; пока вы не найдете друга, который сможет понять сложность ума.

Ум — не простой механизм, он — сама сложность, и с помощью ума, идя по пути ума, вы никогда не сможете стать просты; потому что ум продолжает рождать иллюзии, обманывать вас. Быть медитативным значит осознавать тот факт, что ум что-то прячет от вас, что вы закрываете глаза на некоторые факты, которые ему мешают. Рано или поздно эти мешающие факты выплывут наружу, извергнутся, переселят вас, и вы двинетесь к противоположному. А это противоположное не где-то там, в весьма отдаленном месте, не на какой-то звезде; это противоположное скрыто позади вас, в вас, в вашем уме, в самой работе ума, в механизме работы ума. Когда вы сможете это понять, то вы остановитесь в середине.

Если вы способны разглядеть: “Я люблю и я ненавижу”, внезапно и то, и другое исчезает, ибо вместе в сознании оба они существовать не могут. Вам необходимо создать разделение, барьер: одно должно существовать в подсознании, а другое должно существовать в сознании. Оба не могут пребывать в сознании, они будут отрицать друг друга. Любовь уничтожит ненависть, ненависть уничтожит любовь; они уравновесят друг друга, — и просто исчезнут. Одинаковые количества ненависти и любви будут отрицать друг друга. Внезапно они испарятся — вы будете, но не будет ни любви, ни ненависти. Вот тогда вы уравновешены.

Когда вы уравновешены, ум отсутствует — теперь вы цельны. Когда вы цельны, вы святы, но ума нет. Таким образом, медитация — это состояние не-ума. Через ум она недостижима. Через ум, что бы вы ни делали, ее не достигнуть. Тогда чем же вы занимаетесь, когда медитируете?

Из-за того, что вы устроили себе такую напряженную жизнь, вы теперь занимаетесь медитацией. Но это — противоположность напряжению, а не настоящая медитация. Вы настолько напряжены, что медитация стала привлекательной. Именно поэтому медитация привлекает людей больше на Западе, чем на Востоке — потому что напряжения на Западе больше. Восток все еще расслаблен, люди не так перенапряжены, они не так легко сходят с ума, они не так легко совершают самоубийство. Они не так полны насилия, не так

агрессивны, не так напуганы, у них нет такого количества страхов — нет, они не настолько напряжены. Они не живут в такой безумной скорости, где ничто не накапливается, кроме напряжения.

Поэтому когда Махеш Йоги приезжает в Индию, никто его не слушает. Но в Америке люди сходят по нему с ума. Когда напряжение настолько сильно, медитация начинает привлекать. Но с этой привлекательностью вы снова попадаете в ту же самую западню. Это не настоящая медитация, это снова уловка. Вы медитируете несколько дней, вы расслабляетесь; а когда вы стали расслаблены, необходимость в активности, в деятельности возникает снова, и ум начинает подумывать о занятии чем-нибудь, о движении, о напряженной деятельности. Медитация вам наскучила.

Люди приходят ко мне и жалуются: “Мы медитировали несколько дней, а потом это наскучило, потом уже не было так здорово”.

Совсем недавно ко мне пришла одна девушка и сказала: “Медитация перестала доставлять мне наслаждение, что мне делать?”

Теперь ум ищет чего-то другого, теперь он уже получил достаточно от медитации. Теперь, когда эта девушка спокойна и расслаблена, ум требует большего напряжения — он стремится заполучить что-нибудь, что нарушило бы покой. Когда она говорит, что теперь в медитации нет прелести, она имеет в виду, что теперь, когда напряжение спало, то как медитация может доставлять удовольствие? Ей придется снова качнуться к напряжению, чтобы медитация вновь обрела привлекательность.

Взгляните на абсурдность ума: вам приходится уходить далеко, чтобы подойти поближе, вам приходится стать напряженным, чтобы быть медитативным. Но тогда это не медитация, тогда это снова уловка того же самого ума; та же самая игра продолжается на новом уровне.

Когда я говорю “медитация”, я имею в виду выход за пределы этой игры полярных противоположностей; отбрасывание всей игры, видение, понимание абсурдности ее и ее трансценденция. Само осознание ее становится трансценденцией.

Ум будет заставлять вас двигаться к противоположному — не делайте этого. Остановитесь посередине и увидите, что все это всегда было уловкой ума. Именно так ум господствовал над вами — через противоположное. Вы ощутили это?

После того, как вы позанимались любовью с женщиной, вы начинаете подумывать о брахмачарье, и брахмачарья в тот момент так соблазнительно очаровательна, что вы уверены: нет ничего другого, достойного внимания. Вы чувствуете себя расстроенным, обманутым, вы чувствуете, что нет ничего в этом сексе, что только брахмачарья несет блаженство. Но через двадцать четыре часа секс снова становится важным, значительным, и снова вам приходится заниматься им.

Что делает ум? После сексуального акта он начинает думать о противоположном, которое вновь рождает вкус к сексу.

Жестокий насилия начинает думать о ненасилии, тогда он легко может снова стать жестоким. Человек, часто впадающий в гнев, вечно думает о незлобливости, о всепрощении, он всегда решает больше не сердиться. Это решение помогает ему вновь начать злиться.

Если вы действительно не хотите опять приходить в ярость, не решайте идти против гнева. Взгляните на сам этот гнев и посмотрите на саму тень этого гнева, которая, как вы думаете, — всепрощение. Взгляните на секс, и на тень секса, которая, по вашему мнению, — брахмачарья, целибат. Это как раз негатив, другая крайность, полное отсутствие секса. Посмотрите на переедание, и на тень его — голодание. Голодание всегда следует за перееданием; чрезмерному преданию греху всегда предшествуют обеты целибата; напряжение всегда наступает после каких-либо техник медитации. Посмотрите на них всех вместе, почувствуйте, как они соотносятся друг с другом; они — части одного процесса.

Если вы сможете это понять, то медитация получится у вас. На самом деле ничего не нужно делать, это проблема понимания. Это не усилие, не что-то, что необходимо создавать, развивать, возвращать. Это надо очень быть глубоко понять, осознать.

Понимание дает свободу. Осознание работы всего механизма ума — это трансформация. Тогда внезапно часы останавливаются, время

исчезает: и с этой остановкой часов исчезает и ум. Если время остановилось — где вы? Лодка пуста.

Теперь обратимся к сутре Чжуан Цзы:

Человек, познавший Дао, действует без помех,
действиями своими не вредя ни единому существу,
хоть и не мыслит себя добрым и мягким.

Человек, познавший Дао, действует без помех... Вам всегда что-нибудь мешает, противоположное всегда присутствует в вас, создавая помехи; вы — не поток.

Если вы любите, то ненависть всегда присутствует, мешая. Если вы движетесь, то что-нибудь сдерживает вас; вы никогда не движетесь полностью, тотально, что-то всегда остается, движение не цельно, не абсолютно. Вы шагаете одной ногой, а другая твердо стоит на месте. Разве так возможно двигаться? Это сплошная помеха.

И эта помеха, это непрерывное движение одной части и неподвижность другой, — ваша мука, ваше озабоченность. Почему вы так сильно мучаетесь? Что рождает в вас такое беспокойство? Почему, что бы вы ни делали, блаженства не наступает? Блаженства может достигнуть только целое, часть — никогда.

Когда ничто не мешает движению целого, то само движение превращается в блаженство. Блаженство — это не что-то, приходящее откуда-нибудь извне, это чувство, которое возникает, когда все ваше существо приходит в движение, и само движение этого целого — блаженство. Это не нечто происходящее с вами, это то, что возникает в вас, это гармония вашего существа.

Если вы разделены — а вы всегда разделены: полу-движение, полу-неподвижность, половина говорит “да”, половина твердит “нет”, половина влюблена, половина ненавидит, вы — распавшееся королевство, этакая гражданская война — в вас постоянно присутствует конфликт.

Ученики Баал Шема записывали все, что бы он ни сказал, и Баал Шем частенько повторял: “Я знаю — все, что вы пишете, это не то, говорю я. Вы слышали одно, я же сказал абсолютно другое, а пишете вы, между тем, что-то третье. А если взглянуть на то, что имелось в

виду, это опять-таки будет нечто иное. Вы никогда не будете делать того, что написали, делать вы будете совсем другое — у вас получатся фрагменты, обрывки, а не интегрированное существование.

Откуда взялись эти обрывки?

Слышали вы историю про многоножку? Многоножка гуляла на своей сотне ног — поэтому ее и называют многоножкой. Это чудо — гулять, имея сотню ног, даже с одной-то парой управляться так непросто! А справиться с сотней ног — это и вправду почти невозможно. Но многоножке это удавалось!

Лисе стало любопытно — а лисы всегда любопытны. Лиса в фольклоре являет собой символ ума, интеллекта, логики. Лисы — великие логики. Лиса посмотрела, она изучила, она проанализировала, она не могла этому поверить. “Постой! — попросила она. — Я тебя хочу спросить. Как ты управляешься со столькими ногами, и как ты решаешь, какую ногу за какой надо переставлять? Сотня ног! Ты ходишь так плавно. Как у тебя получается такая гармония?”

“Я ходила всю жизнь и никогда не задумывалась об этом, — ответила многоножка. — Дай, я подумаю”.

И вот она закрыла глаза и впервые она стала разделена: ум — исследователь, сама же она — исследуемое. Впервые многоножка стала двумя. Она всегда жила и ходила, и жизнь ее была цельна; не было исследователя, сто'ящего, глядя на самое себя, она никогда не была разделенной, раздвоенной, она была собранным в одно целое, интегрированным существом. Теперь, первый раз в ее жизни, возникло разделение. Она смотрела на саму себя, раздумывая. Она стала субъектом и объектом, она стала двумя, и затем попыталась пойти. Это оказалось трудно, почти невозможно. Она упала наземь — потому что как вы управитесь с сотней ног?

Лиса рассмеялась и заявила: “Я знала, что это трудно, я знала это заранее”.

Многоножка заплакала. Со слезами на глазах она воскликнула: “Это никогда раньше не было трудно, но ты придумала проблему. Теперь я никогда не смогу снова ходить”.

Ум пришел в действие; он появляется тогда, когда вы разделены. Ум кормится разделением. Поэтому Кришнамурти не устает повторять, что, если наблюдатель стал наблюдаемым, вы — в медитации.

С многоножкой произошло противоположное. Целостность была потеряна, она стала двумя: наблюдатель и наблюдаемое, разделенные; субъект и объект, мыслящий и мысль. Тогда все разрушилось, тогда блаженство было утеряно и поток застыл. А потом он замерз.

Когда бы ни появлялся ум, он действует как контролирующая сила, управляющий. Он не хозяин, он — управляющий. И вы не сможете добраться до хозяина, пока не отодвинете управляющего в сторону. Управляющий не даст вам попасть к хозяину, управляющий всегда будет стоять, управляя, в дверном проеме. А все управляющие — это одно лишь расстройство управления — ум проделал такую гигантскую работу по расстройству всего того, чем он брался управлять!

Бедная многоножка! Она всегда была счастлива. У нее вообще не было проблем. Она жила, двигалась, любила все безо всяких проблем, потому что не было ума. Ум появился с проблемой, с вопросом, с исследованием. А вокруг вас полно лис. Будьте осторожны с ними — философы, теологи, логики, профессора, все они вокруг вас — лисы. Они задают вам вопросы и порождают хаос.

Мастер Чжуан Цзы, Лао Цзы, сказал: “Когда не было ни единого философа, все было решено, не было вопросов, и доступны были все ответы. Когда появились философы, возникли вопросы, а ответы пропали. Когда появляется вопрос, ответ скрывается очень-очень далеко. Что бы вы ни спрашивали, вы никогда не получите ответа, но потом, когда вы перестаете задавать вопросы, вы обнаруживаете, что ответ был здесь все время.

Я не знаю, что стало с этой многоножкой. Если она оказалась так же глупа, как и человеческие существа, то она должна быть где-нибудь в больнице, искалеченная, парализованная навечно. Но я не думаю, что многоножки настолько глупы. Она, скорее всего, выбросила этот вопрос из головы. Она, надо полагать, сказала лисе:

“Прибереги свои вопросы для себя, а я буду просто ходить”. Она, вероятнее всего, поняла, что разделенной ей жить не удастся, потому что разделение несет смерть. Неразделенные, вы — это жизнь; разделенные, вы становитесь мертвы — чем разделеннее, тем мертвее.

Что такое блаженство? Блаженство — это чувство, приходящее к вам, когда наблюдатель стал наблюдаемым, блаженство — это чувство, приходящее к вам, когда вы в гармонии, а не разбиты на фрагменты, на составляющие; едины, не разбросаны, не разделены. Чувство, которое не есть нечто, приходящее извне. Оно — мелодия, рождающаяся из вашей внутренней гармонизации.

Чжуан Цзы говорит:

Человек, познавший Дао, действует без помех...

Он не разделен — так что же может ему мешать? Что в нем может действовать, как помеха? Он одинок, он движется в своей цельности. Это движение в цельности — величайшая красота, какая только может быть, величайшая из возможных. Иногда у вас случаются проблески ее. Иногда, когда вам случается оказаться совершенно целостным, когда ум ваш выключается, бывают эти проблески.

Всходит солнце... внезапно: вы смотрите, а наблюдателя нет. Солнца нет и вас нет, нет наблюдателя и нет наблюдаемого. Просто всходит солнце, но вашего ума, занимающегося управлением, нет. Но вы не замечаете этого и произносите: “Солнце так прекрасно!” В тот момент, когда вы говорите это, блаженство утеряно. Теперь блаженства нет, оно уже стало прошлым, оно уже ушло.

Внезапно вы видите солнечный восход, но видящего нет; видящий еще не существует, все это еще не оформилось, не облеклось в мысль. Вы не рассмотрели, вы не проанализировали, вы не пронаблюдали. Всходит солнце и никого нет, лодка пуста; есть блаженство, проблеск. Но немедленно включается ум и заявляет: “Солнце прекрасно, этот восход так прекрасен”. Появилось сравнение, и красота утеряна.

Те, кто знает, говорят, что когда вы заявляете кому-нибудь: “Я тебя люблю”, любовь потеряна. Любовь уже исчезла, поскольку появился

любящий. Как может существовать любовь, когда родилось разделение, присутствует управляющий? Это именно ум говорит: “Я люблю тебя”, потому что, на самом деле, в любви нет “Я” и нет “Ты”. В любви нет индивидуальностей. Любовь — это таяние, слияние, они — не двое.

Существует любовь, а не любящие. В любви существует любовь, а не любящие, но ум появляется и провозглашает: “Я влюблен, я люблю тебя”. Когда появляется “я”, вступает в действие сомнение; рождается разделение — и любви больше нет.

Вы много раз будете достигать таких проблесков, таких моментов просветления в вашей медитации. Помните, когда бы вы ни ощутили такое просветление, не говорите: “Как красиво!”, не говорите: “Как мило!”, потому что так вы его потеряете. Когда бы ни появился проблеск, просто позвольте ему быть. Не делайте то, что сделала многоножка — не воздвигайте никакого вопроса, никакой проблемы, не занимайтесь никакими исследованиями, не анализируйте, не позволяйте уму врываться. Ходите с сотней ног, но не думайте о том, как вы ходите.

Когда в медитации у вас случается мгновение просветления, проблеск какого-то экстаза, предоставьте ему происходить, позвольте ему проникнуть в глубину вас и углубитесь в него сами. Не разделяйте себя. Не делайте никаких утверждений, в противном случае вы сразу же потеряете контакт, связь с ним.

Иногда у вас бывают такие просветления, но вы так здорово наловчились терять контакт с этими проблесками, что вам уже не понять, каким образом они появляются и как вы их снова теряете. Они бывают, когда вас нет, теряете вы их, когда вы снова являетесь. Когда есть вы, их нет. Когда лодка пуста, всегда получается блаженство. Оно не случайно, оно — сама природа существования. Оно ни от чего не зависит, оно — ливень, поток, оно — само дыхание жизни.

Это и вправду чудо, что вам удастся быть настолько несчастным; так страдать от жажды, когда повсюду льет дождь. Вы в самом деле достигли невозможного! Повсюду свет, а вы живете во тьме; смерти нигде нет, а вы постоянно умираете; жизнь — это благословение, а вы живете в аду.

Как же вам это удастся? Через разделение, через мышление... Мышление зависит от разделения, от анализа; медитация происходит тогда, когда нет анализа, нет разделения, когда все синтезировалось, соединилось, когда все стало одним.

Чжуан Цзы говорит:

Человек, познавший Дао, действует без помех,
действиями своими не вредя ни единому существу.

Как он может причинить вред? Вы способны причинять вред другим только тогда, когда уже навредили себе. Помните это; в этом весь секрет. Если вы вредите себе, вы будете вредить и другим. И вы будете вредить даже тогда, когда думаете, что делаете другим добро. Ничто другое не может исходить от вас, через вас, только вред; потому что тот, кто живет израненный, тот, кто живет в муке и страдании, что бы он ни делал, будет порождать лишь еще больше страдания и боли для других. Вы можете дать только то, что есть у вас самих.<!чего сами достигли>

Рассказывают, что однажды в синагогу пришел нищий. “Я — великий музыкант, — сказал он рабби. — Я слышал, что ваш музыкант, который был при синагоге, скончался, и вы ищете другого. Я согласен занять его место”.

Рабби и паства обрадовались, потому что они и правда скучали по музыке. А потом этот человек заиграл — это было жутко! Без его музыки было намного музыкальнее. Его музыка создавала ад. Было невозможно ощутить хоть какое-то блаженство в синагоге в то утро. Его пришлось прервать, потому что б’ольшая часть паствы стала разбегаться. Народ бежал оттуда со всех ног: его музыка была прямо анархична, она была похожа на безумие, и оно начало поражать людей.

Когда рабби увидел, что все покидают синагогу, он подошел к тому человеку и остановил его. “Если ты не хочешь брать меня в музыканты, то ты можешь заплатить мне за это утро, и я уйду”, — заявил тот.

“Это невозможно — заплатить тебе, — воскликнул рабби, — мы никогда не переживали такого кошмара”.

Тогда музыкант гордо сказал: “Ладно, тогда можешь считать эту музыку себе пожертвованием от меня”.

“Но как можешь ты пожертвовать то, чем не владеешь? — возразил рабби. — У тебя нет никакой музыки вообще — как ты можешь ее пожертвовать? Ты можешь поделиться чем-то только тем, чем владеешь. Это не музыка; более того, наоборот, это нечто вроде антимузыки. Так что, пожалуйста, заberi это с собой, не делай нам такого пожертвования, а то оно будет и дальше преследовать нас”.

Вы даете только то, что имеете. Вы всегда даете от себя самого, от того, что у вас внутри. Если внутри вы уже мертвы, то вы не можете помочь жизни; куда бы вы ни пошли, вы будете убивать. Зная это, не зная этого, — не в этом дело — вы можете думать, что вы помогаете другим выжить, но все равно — вы будете убивать.

Великого психоаналитика, Вильгельма Рейха, изучавшего детей и их проблемы, однажды спросили: “Что больше всего мешает и вредит детям? Что, по-вашему, является корнем всех их несчастий, проблем, отклонений от нормы?”

“Матери”, — сказал он.

Ни одна мать не может с этим согласиться, потому что каждая мать чувствует, что уж она-то помогает своим детям без всякого эгоизма с ее стороны. Она живет и умирает за ребенка. А психоаналитики утверждают, что матери — это проблема. Они бессознательно убивают, калечат; сознательно же они считают, что они любят.

Если вы внутренне искалечены, то вы будете калечить своих детей. Вы не можете делать ничего другого, и этому никак не помочь, потому что вы черпаете от своего существа — нет никакого иного способа давать.

Чжуан Цзы заявляет: “Человек, познавший Дао, ... действиями своими не вредит ни единому существу”. Не то, чтобы он воспитывал в себе ненасилие, не то, чтобы он был воплощением сострадания, не то, чтобы он жил праведной жизнью, не то, чтобы он поступал как святой — нет. Просто он не может никому причинить вреда,

поскольку перестал причинять вред себе. У него нет ран. Он настолько блажен, что из его действий или недействий проистекает только блаженство. Даже если иногда, возможно, покажется, что он делает что-то не так, неверно поступать он не может.

С вами ситуация прямо противоположна. Иногда кажется, что вы делаете что-то хорошее. Но вы этого не можете, это исключено. Человек Дао не может причинить вреда, это так же невозможно. Для него не существует никакого способа сделать это, это невероятно — ибо он неразделен, нефрагментарен. Он — не толпа, он не шизофреник. Он — вселенная сейчас; он ничто иное, как мелодия, зародившаяся в ней. Только эта музыка и продолжает распространяться и звучать.

Человек, познавший Дао, — отнюдь не тот, кто очень активен; он не человек действия, лишь самый минимум необходимых действий исходят от него. Он, на самом деле, человек недействия, он совершенно не захвачен деятельностью.

А вот вы охвачены жаждой деятельности, и именно из стремления сбежать от самого себя. Вы не можете выдержать себя, вы не можете выдержать общение с самим собой... Вы хватаетесь за поиски кого-нибудь, как за выход, как за какое-то занятие, с помощью которого вы можете забыть себя, которым вы можете увлечься. Вам так с собою наскучило.

Человек Дао, человек, который добрался до своей внутренней природы, человек, который истинно религиозен, — это не активный человек. С ним происходит только самое необходимое. То, без чего можно обойтись, отброшено полностью, поэтому он может пребывать в покое бездеятельным, он может быть дома, не делая ничего, он может расслабиться, может составить компанию самому себе, он может быть с самим собой и самим собой.

Вы не можете пребывать сами с собой, и отсюда ваша постоянная потребность в общении. Вы идете в клуб, отправляетесь на встречу, на вечеринку, стремитесь в толпу, где вы будете не одни. Вы так боитесь себя, что, если вас оставить одного, вы сойдете с ума. В течении всего лишь трех недель, если вы оставлены абсолютно один, лишены всякого общения, вы сойдете с ума. И это не какое-то там высказывание религиозных людей, теперь с этим согласны

психологи. Всего за три недели, если вся деятельность, если все внешнее общение у вас отображены, если вы заперты один в комнате, за три недели вы сойдете с ума — потому что вся ваша деятельность направлена лишь на избавление от вашего безумия, вся она — это катарсис.

Что вы будете делать, когда вы одни? Первые три или четыре дня вы будете мечтать и разговаривать про себя, заниматься внутренней болтовней. Затем вам станет скучно. После первой недели вы начнете говорить вслух, потому что тогда, по меньшей мере, вы сможете слышать звук своего собственного голоса. Когда вы идете ночью по темной улице, вы начинаете насвистывать. Почему? Как это насвистывание может придать вам смелости? Каким образом это насвистывание может вам помочь? Просто, слушая его, вы чувствуете, что вы не один, кто-то насвистывает. Так создана иллюзия присутствия кого-то еще!

После первой недели вы начнете говорить вслух, потому что тогда вы сможете также и слушать. Вы не один, вы говорите и вы слушаете, как если бы кто-то другой разговаривал с вами. К третьей неделе вы начнете сами себе отвечать. Вы будете не только разговаривать, вы будете еще и отвечать — вы разделены. Теперь вас двое; тот, кто спрашивает, и тот, кто отвечает. Теперь наличествует диалог — вы полностью сошли с ума.

Один человек спросил психиатра: “Я очень обеспокоен тем, что часто разговариваю сам с собой. Что мне делать? Не могли бы вы мне помочь?”

“Тут нет причин для беспокойства, — утешил его психиатр. — Все разговаривают сами с собой, в этом нет ничего такого. Вот когда вы начнете сами себе отвечать, тогда приходите ко мне, тогда я смогу быть вам полезен”.

Но разница лишь в процентном отношении; она не в качественная, а только количественная. Если вы начинаете говорить сами с собой, рано или поздно вы также начнете и отвечать, потому что разве возможно всегда ограничиваться только монологом? Нужен ответ, нужен собеседник, иначе вы чувствуете себя глупо. И на третьей неделе вы начинаете отвечать — вы сошли с ума.

Этот мир, мир действия, бизнеса и занятости, спасает вас от сумасшедшего дома. Если вы заняты, ваша деятельность, ваша энергия направлена вовне; тогда вам не нужно заботиться о том, что внутри, о внутреннем мире, вы можете о нем позабыть.

Человек, познавший Дао — не активен — остается лишь основная деятельность, самое существенное. О Чжуан Цзы рассказывают, что, если он мог стоять, он не шел, если он мог сидеть, он не стоял, если он мог прилечь, он не сидел. Существенное, самое основное, лишь то, что он обязательно должен был сделать, он делал, потому что в такой деятельности нет безумия.

Вы же делаете несущественное, вы всегда, вы постоянно занимаетесь несущественным. Оглянитесь на вашу деятельность: девяносто девять процентов ее несущественны. Вы можете отбросить их, вы можете сохранить уйму энергии, вы можете освободить массу времени. Но вы же не можете их отбросить, потому что вы боитесь, вы напуганы сами собой. Если нет радио, нет телевидения, нет газет, не с кем поговорить, то чем же вам заняться?

Как-то раз умер один священник. Конечно, он с самого начала был уверен, что попадет в Рай, на небеса. Он прибыл туда, и все было прекрасно. Дом, в который он попал, был просто великолепен, это был самый восхитительный дом из всех, о которых он только мог мечтать. В тот миг, как у него появлялось желание, немедленно возникал слуга. Если он был голоден, слуга держал в руках поднос с едой, самой изысканной из той, что он когда-либо пробовал. Если он испытывал жажду, то еще до того, как его желание формировалось в мысль, пока оно все еще было чувством, появлялся человек с напитками.

Так это и продолжалось, и он был очень счастлив два или три дня, а потом он начал ощущать беспокойство, потому что человеку необходимо что-нибудь делать, вы не можете просто сидеть в кресле. Только человек Дао может вот так сидеть в кресле и сидеть, сидеть, сидеть... Вы этого не можете.

Священник забеспокоился. Два-три дня выходных, небольшой отдых — это нормально. При жизни он был так активен — множество публичных служб, миссии, церкви, проповеди; он был настолько

вовлечен в дела общины и паствы, что теперь он с удовольствием отдыхал. Но сколько ж можно отдыхать? Отдыхать хорошо до тех пор, пока, рано или поздно, выходные не закончатся, и тогда вы возвращаетесь в мир, в свой привычный круг деятельности. Он стал беспокоен, начал чувствовать какое-то неудобство.

Вдруг появился слуга и спросил: “Чего ты хочешь? Это твое чувство — не потребность, ты не голоден, не испытываешь жажду, ты просто беспокоен. Так что же мне сделать?”

“Я не могу всегда сидеть здесь, не могу же я сидеть вечно, я хочу чем-нибудь заняться”, — объяснил священник.

“Это невозможно... — возразил слуга. — Все твои желания здесь будут нами исполнены, что за нужда тебе что-то делать? Это ни к чему, и поэтому такое тут не предусмотрено”.

Священник обеспокоился еще больше и воскликнул: “Да что же это за Рай такой?”

“Какой Рай? Какой еще Рай? С чего ты взял, что это Рай? — удивился слуга. — Это — Ад. Кто тебе сказал, что это Рай?”

И это действительно был ад. Теперь-то он понял: без деятельности — это был ад. Он должен был рано или поздно сойти с ума. Без общения и без разговоров, без необходимости проводить службы, без язычников, которых нужно обращать в христианство, без глупых людей, которых надо делать мудрыми, чем он мог заниматься?

Только человек Дао смог бы изменить тот ад и обратить его в небеса. Человек Дао, где бы он ни был, умиротворен, покоен. Он делает только самое необходимое, и, если вы сделаете это необходимое за него, то он станет еще счастливее. Все несущественное отброшено.

Вы не можете отбросить несущественное. В самом деле, девяносто девять процентов вашей энергии растрачивается на несущественное. Существенного недостаточно, и ум всегда страстно жаждет еще несущественного, потому что существенное такое небольшое, такое маленькое, его можно легко выполнить. А что вам делать потом?

Люди не особо озабочены тем, чтобы иметь хорошую пищу. Они более заинтересованы иметь дорогую машину, потому что хорошей

пищи можно легко достигнуть. И что потом? Люди не хотят иметь хорошие здоровые тела. Это то, чего можно слишком легко достигнуть. Они хотят чего-то такого, чего достигнуть весьма непросто, чего-то невозможного, а несущественное — это всегда невозможное. Всегда есть дома, что побольше, машины, что подороже, и они продолжают становиться все больше и все дороже, так что вам никогда не придется отдыхать.

Целый мир пытается заниматься несущественным. Девяносто процентов индустрии занято несущественным. Пятьдесят процентов человеческого труда тратится на то, что вообще никому не нужно. Половина индустрии посвящена женскому уму, более того, женскому телу: моделирование новых платьев каждые три месяца, проектирование новых домов, одежды, пудры, мыла, кремов; пятьдесят процентов индустрии посвящено такому нонсенсу. Человечество голодает, люди умирают без пищи — и половина человечества занимается абсолютно несущественным.

Добраться до Луны — ну совершенно бессмысленно. Если бы мы были хоть немного мудрее, мы бы даже не думали об этом. Это абсолютно пустая трата таких огромных денег, на которые можно было бы накормить всю землю. Войны бесполезны, бессмысленны; но человечество безумно, и в войнах нуждается более, нежели в пище. Оно нуждается в том, чтобы отправиться на Луну, больше, чем в пище, больше, чем в одежде, больше, чем в существенном, потому что существенного недостаточно.

И сейчас наука породила величайший ужас; этот ужас заключается в том, что теперь существенное может быть выполнено очень легко. В течении десяти лет все потребности человечества могут быть удовлетворены, вся эта земля может быть удовлетворена в том, что касается необходимого. И что же потом? Что же вы будете делать после этого? Вы будете в таком же положении, как и тот священник. Он был уверен, что попал на небеса, а затем обнаружилось, что это был ад. Всего за десять лет вся земля может стать адом.

Несущественное необходимо вашему безумию, чтобы не оставаться без дела. Тут никаких Лун не хватит, нам придется пойти

подальше, нам придется продолжать создавать бесполезное. Это нужно. Людям это необходимо, чтобы чем-то занять себя.

Человек Дао — это не активный человек. Его действия — это лишь самое существенное: те, которых не избежать. Тех, которых можно избежать, он избегает. Он настолько счастлив сам по себе, что ему нет нужды выражаться в действиях. Его деятельность скорее похожа на недеятельность: он делает, не становясь тем, кто делает, не становясь деятелем.

Он — это пустая лодка, свободно плывущая по морю, никуда не направляющаяся.

Хоть и не мыслит себя добрым и мягким.

Позвольте этой мысли этого проникнуть глубоко в ваше сердце. Хоть и не мыслит себя добрым и мягким. — потому что, если вы считаете себя таким, то суть этого вы уже упустили; если вы знаете, что вы простой человек, то это не так. Именно знание все усложняет. Если вы знаете, что вы религиозный человек, то это не так, потому что этот хитрый ум, который, собственно, и знает, все еще продолжает существовать.

Когда вы мягкий, но вы не знаете этого, когда вы просты, а вы не осознаете этого, — тогда это и вправду становится самым вашим естеством, вашей природой. Когда что-то действительно естественно, тогда вы этого не осознаете, но когда что-нибудь навязанно, искусственно, вы о нем знаете. Когда кто-нибудь становится богат — выбивается в новоиспеченные богачи, в этикие нувориши — он постоянно помнит, что у него есть богатый дом, есть плавательный бассейн, есть богатство, и вы сразу увидите, что он не аристократ, потому что ему так нравится демонстрировать все это.

Один нувориш заказал три плавательных бассейна для своего сада. Их сделали, и он показывал их своему другу. Тот был несколько удивлен. “Три плавательных бассейна? Для чего? Хватило бы и одного”, — спросил он.

“Нет, ну как его может хватить? — возразил новоявленный богач. — Один с горячей водой, а другой с прохладной”.

“А третий?” — поинтересовался у него его друг.

“Ну, третий... третий для тех, кто не умеет плавать.— ответил он и пояснил: — Поэтому третий бассейн мы будем держать пустым”.

Вы можете заметить, что, если человек только что разбогател — он будет стремиться демонстрировать свое богатство. Истинный аристократ — это тот, кто забыл, что он богат. Человек, познавший Дао — это аристократ внутреннего мира.

Если человек выставляет свою религию напоказ, то он все еще не религиозен по-настоящему. Его религия все еще похожа на колючку, она неестественна для него, она ранит, он страстно желает продемонстрировать ее. Если вы стремитесь показать свою простоту, так какая же это простота? Если вы выставляете напоказ вашу мягкость, тогда это просто хитрость, и ничего мягкого в ней нет.

Человек Дао — это человек внутреннего мира. Он настолько с ним сонастроен, что это никак не заметно — не только вам, он и сам он об этом не знает. Он не помнит, что он мудр, он не подозревает, что он невинен — как вы можете это знать, если вы невинны? Ваше знание будет мешать невинности.

Последователь Хазрата Магомета отправился вместе с ним в мечеть для утренней молитвы. Было лето, и по дороге обратно они увидели множество людей, все еще спавших в своих домах или прямо на улице. Было раннее утро, летнее утро, а многие люди еще мирно спали. “Что будет с этими грешниками? — очень высокомерно заявил тот человек Хазрату Магомету. — Они проспали утреннюю молитву”.

Сам он сегодня впервые ходил молиться. Вчера он так же сладко спал, как и эти грешники. Нувориш хочет выставиться, покрасоваться перед Магометом: “Магомет Хазрат, что случится с этими грешниками? Они не были на утренней молитве, они ленивы и все еще спят”.

Магомет остановился и сказал: “Отправляйся домой, а мне придется вернуться в мечеть”.

“Почему?” — удивился тот человек.

Магомет ответил: “Моя утренняя молитва из-за тебя пропала зря; от общения с тобой все разрушилось. Мне придется совершить молитву снова. А что касается тебя, то запомни пожалуйста: никогда не приходи опять. Для тебя было бы лучше спать, как другие; по крайней мере, тогда они не были бы грешниками. Твоя молитва имела лишь один результат — она дала тебе повод осуждать других”.

Так называемый религиозный человек религиозен только для того, чтобы смотреть на вас с осуждением, поскольку он может объявить вас грешником. Пойдите к святым, так называемым святым, и взгляните им в глаза. Вы не найдете невинности, которая должна была бы там быть. Вы найдете рассчитывающий, все вычисляющий ум, смотрящий на вас и думающий об аде: “Ты отправишься в ад, а я буду на небесах, потому что я так много молился, пять раз в день, и я так много постился”. Как будто вы можете купить место в раю!.. Это монеты — пост, молитва — этими монетами пытаются совершить покупку.

Если вы замечаете осуждение в глазах святого, будьте уверены, что он — “нувориш”; он еще не аристократ внутреннего мира, он еще не принадлежит ему, отделен от него. Он может знать его — но вы знаете что-то только тогда, когда оно существует отдельно от вас.

Здесь нужно упомянуть еще об одном: по этой же причине знание себя, самопознание — невозможно. Вы не можете знать себя, потому что когда вы себя *знаете*, вы знаете не то, что вы называете собой, это не вы сами, это что-то другое, что-то, что отдельно от вас. Мы сами — это всегда познающий, никогда не познаваемое — так как вы можете его, этого познающего, познать? Вы не можете так уменьшить, сократить его, чтобы свести его к объекту.

Я могу видеть вас. Как я могу видеть себя? Кто в таком случае будет видящий и кто будет видимым? Нет, самого себя невозможно познать таким же образом, как мы познаем все остальное.

Самопознание, познание себя — невозможно в обычном смысле, ибо при этом знающий всегда трансцендирует, всегда выходит за рамки. Что бы он ни знал, это не то. Упанишады говорят: нети-*нети* (neti-neti) — ни то, ни это. Что бы вы ни знали, вы этим не являетесь; что бы вы ни не знали, вы не являетесь и этим тоже. Вы —

тот, кто знает, познает, а этого познающего невозможно сократить до познаваемого объекта.

Самопознание невозможно. Если ваша невинность исходит из вашего внутреннего источника, то о ней, ее — вы знать не можете. Если вы навязали ее себе, как внешнее, как маску, то вы можете ее знать; если это всего лишь платье, которое вы надели, то вы знаете о ней, но она не есть само дыхание вашей жизни. Эта невинность — продукт воспитания, а возвращенная невинность — жуткая вещь.

Человек, познавший Дао, не мыслит себя добрым и мягким. Он мягок, но он не знает об этом; он добр, но и этого он не знает; он — сама любовь, но он того не сознает — потому что любящий и знающий не разделены; мягкость, доброта, сострадание — и знающий — нераздельные, их не двое. Нет, их невозможно разделить на познаваемое и познающего. Это внутренняя аристократичность: когда вы становитесь так богаты, что даже перестаете это осознавать. Когда вы настолько богаты, незачем выставлять это напоказ.

Мне довелось слышать следующую историю:

Как-то раз Генри Форду случилось приехать в Англию. В справочном бюро аэропорта он поинтересовался самой дешевой гостиницей в городе. Служащий взглянул на него — а лицо его было известным. Генри Форд был известен по всему миру. Всего за день до этого в газетных статьях, посвященных его предстоящему приезду, были помещены его большие фотографии. И вот он стоит здесь, — спрашивая о самом дешевом отеле, одетый в плащ, который смотрится постарше его самого.

Поэтому служащий спросил его: “Если я не ошибаюсь, вы — мистер Генри Форд. Я хорошо помню, я видел ваше фото”.

“Да”, — ответил тот.

Это привело служащего в полнейшую растерянность, и он воскликнул: “Вы спрашиваете самую дешевую гостиницу, носите плащ, который, похоже, не моложе вас. Я видел вашего сына, приезжавшего сюда, он всегда останавливается в лучших отелях, и он был великолепно одет”.

Говорят, что Генри Форд ответил: “Да, мой сын ведет себя, как эксгибиционист, он еще очень неуравновешен. Мне незачем

останавливаться в дорогом отеле; где бы я ни остановился, я — Генри Форд. В дешевой гостинице я все равно Генри Форд, нет никакой разницы. Мой сын еще очень молод, неопытен, он боится, что подумают люди, если он остановится в дешевом отеле. А это пальто — да, это пальто действительно досталось мне от отца — но это не имеет никакого значения; зачем мне новые тряпки? Я — Генри Форд, что бы я ни надел; даже если я совершенно голый, я — Генри Форд. А все остальное неважно”.

Когда вы действительно гармоничны, сонастроены со своим внутренним миром, когда вы действительно богаты в нем, вам незачем показывать, демонстрировать это. Когда вы впервые приходите в храм, ваша молитва будет немного громче, чем молитвы других. Должна быть. Вам очень хочется порисоваться.

Стремление показать себя — это часть эго; не имеет значения, что именно вы показываете. Вы демонстрируете, вы выставляете напоказ. Значит, есть эго, лодка не пуста; а человек Дао — это пустая лодка. Он мягок, не ведая того; он невинен, не сознавая этого; он мудр, поэтому он может действовать как дурак, ни о чем не беспокоясь. Что бы он ни делал — это не разделяет его, его мудрость остается незатронутой, он может позволить себе быть глупым. Вы этого позволить себе не можете.

Вы всегда боитесь, что кто-нибудь сочтет вас дураком. Вы боитесь, что, если другие будут считать вас дураком, вы и сами начнете в это верить. Ведь если столько людей будут думать, что вы дурак, то вы утратите уверенность в себе. И если все продолжают твердить, что вы дурак, то, рано или поздно, вы в это поверите.

Лишь мудреца невозможно обмануть, он может выглядеть дураком сколько угодно.

Я слышал об одном мудреце, который был широко известен как Сумасшедший. Никто не знал ни его имени, ни вообще чего-либо о нем, он был известен просто как Сумасшедший. Он был еврей, а из евреев вышло несколько действительно мудрых людей, у них есть что-то такое, некий внутренний источник. Поэтому Иисус и смог родиться среди них.

Этот Сумасшедший вел себя настолько по-дурацки, что встревожилась вся община, потому что никто не мог предугадать, что он выкинет в следующий раз. В религиозные дни, Йом Киппур или другие праздники, вся община была в ужасе: невозможно было предвидеть, что этот рабби устроит, кем он прикинется, как он себя поведет. Его молитвы тоже были безумны.

Однажды он призвал суд, еврейский суд, всех десятеро судей. Суд явился на его зов, и этот рабби заявил: “Я настаиваю на возбуждении дела против Господа Бога, так что решайте, как наказать этого парня Бога. Я представлю все основания для этого, все доказательства того, что Бог несправедлив и преступен”.

Судьи очень перепугались, но они вынуждены были его выслушать, поскольку он был рабби, глава храма. И он разобрал этот случай так, как это делает адвокат в суде.

“Бог, ты создал этот мир, — произнес он, воздев глаза к небу, — а теперь ты шлешь посланцев, чтобы учить нас, как от него отречься. Что за глупость! Ты дал нам желания, а теперь все твои учителя приходят и говорят: “Избавься от желаний”. Ты вообще думал, что делаешь? А если мы совершили какие-то грехи, так на самом деле это ты виновник, ибо зачем же ты создал желания?”

Как суд должен был поступить? Он был прав, но суд постановил, что этот человек окончательно сошел с ума и его следует изгнать из храма.

А человек этот действительно говорит правду. Он так сильно любит Бога, что он с ним на “ты”, настолько близки их отношения. “Что ты делаешь? Хватит, остановись, не делай больше глупостей”, — просит он. Он должен очень любить божественное, чтобы иметь право так себя вести.

И рассказывают, что Бог сразу остановился, когда тот воззвал. Ему пришлось послушаться этого человека.

И Ангелы спросили: “Ты вдруг остановился, что случилось?”

“Тот Сумасшедший молится. — объяснил Он. — Мне придется послушаться его, ибо, что бы он ни говорил, это все истина, а он так сильно любит меня, что тут всякие формальности ни к чему...” В любви, в ненависти все разрешено, все позволено.

Этот Сумасшедший шел по улице, и к нему обратилась женщина. “Уже сорок лет, как я все мечтаю и мечтаю о ребенке. — попросила она. — И если в течении трех или четырех лет ребенка у меня не будет, то это станет уже невозможно. Помогите мне”.

“Я могу помочь, — сказал тот Сумасшедший, — потому что у моей матери была та же беда. Сорок лет она все надеялась и надеялась, но детей все так и не было. Тогда она пошла к Баал Шему, мистика; она рассказала ему обо всем, и он вмешался. Моя мать дала ему очень красивую шляпу. Баал Шем надел эту шляпу, взглянул вверх и сказал Богу: “Что же это ты делаешь? Так несправедливо. В просьбе этой женщины нет ничего дурного, так даруй же ей ребенка”. А через девять месяцев родился я”.

Тогда женщина, сияющая и счастливая, воскликнула: “Я схожу домой и принесу тебе шляпу прекраснее, чем ты когда-либо видел. И тогда у меня родится ребенок?”

“Ты не поняла, в чем тут дело, — ответил тот Сумасшедший. — Моя мать никогда не знала этой истории. Твоя шляпа тут не поможет, ты упустила суть. Ты не можешь имитировать религиозность, ты не можешь изобразить молитву. В тот момент, когда ты прикидываешься, ты все теряешь”. И когда бы люди ни приходили к этому Сумасшедшему, он говорил: “Не имитируй, не подражай, выбрось все свои писания”.

Когда этот сумасшедший умирал, ему пришлось сжечь все книги, что были о нем написаны. Последнее, что он сделал, — он сказал своим ученикам: “Пройдитесь по дому и поищите, и скажите мне, что ничего не осталось, чтобы я мог умереть спокойно. Ни единого письма, написанного мной, не должно остаться; иначе после того, как я умру, люди начнут следовать; а когда вы кому-то следуете, вы теряете самую суть ваших действий”. Поэтому все было собрано и сожжено. Тогда он объявил: “Вот теперь я могу спокойно умереть, я не оставляю за собой никаких следов”.

Эти мудрецы никого и ничего не боятся. Как мудрец может кого-то бояться? Он может смотреться дураком, с какой стороны ни глянь, ему незачем выставлять напоказ свою мудрость.

Следили вы когда-нибудь за собой? Вы всегда пытаетесь показать свою мудрость, вы всегда ищите жертву, которой вы можете продемонстрировать свое знание, прямо разыскиваете, охотитесь на кого-нибудь, кто слабее, чем вы — потом вы наброситесь на него и покажете ему, какой вы мудрый.

Мудрому не нужно быть эксгибиционистом. Все, что у него есть — оно и так есть, само по себе. Он не осознает этого, он не торопится это показывать. Если вы хотите найти это, то вам придется порядком потрудиться. Если вам нужно узнать, благороден ли он, то для этого вам придется раскрыться самому.

Он не старается делать деньги
и не возводит бедность в добродетель.

Помните это. Это очень легко — делать деньги; и также несложно делать достоинство из бедности. Это одно и то же. Человек занимается тем, что делать деньги; а потом вдруг он совершенно разоряется. Он доигрался, и больше рассчитывать не на что — и он отрекается. Теперь бедность становится достоинством, теперь он, живя в нищете, заявляет: “Только это — настоящая жизнь, религиозная жизнь”. Человек этот — тот же самый, что и был, ничто не изменилось. Маятник был отклонен влево, а теперь он качнулся в другую сторону.

Он не старается делать деньги...

Это понятно; другая часть труднее.

... и не возводит бедность в добродетель.

Он ни беден, ни богат. Он не прилагает никаких усилий, чтобы делать деньги, он не делает ничего, чтобы быть бедным — что бы ни случилось, он позволяет этому случиться. Если подвернется дворец, он будет жить во дворце; если дворец исчезнет, он не будет его искать. Что бы ни происходило, он принимает это, блаженство его

нетревожимо. Он не стремится к деньгам, он не стремится к бедности.

Он идет своей дорогой, не полагаясь на других...

Это понять легко.

Он идет своей дорогой, не полагаясь на других,
и не гордится тем, что идет один.

Вы находитесь в зависимости от других, от вашей жены, ваших детей, от ваших отца, матери, друзей, общества; потом вы внезапно все бросаете и сбегаете в Гималаи. А затем вы начинаете собою гордиться: "Я один, сам по себе, никто мне не нужен, я свободен от того мира".

Но даже тогда вы все еще не одни, потому что ваше одиночество еще зависит от этого мира. Как вы могли бы быть одиноки, если бы не было мира, чтобы его покинуть? Как вы могли бы быть одиноки, если б не было общества, чтобы от него отречься? Как бы вы могли быть одиноки, если б не было жены, детей, семьи, чтобы оставить их за спиной? Ваше одиночество зависит от них. Как вы могли бы быть бедным, если бы не было денег, чтобы от них отказаться? Ваша бедность зависит от вашего богатства.

Нет, совершенный человек, человек, который действительно мудр, человек Дао, — он идет своим путем, ни на кого не полагаясь. Если вы полагаетесь на других, вы будете страдать, если вы полагаетесь на других, вы всегда будете в рабстве, вы станете зависимы и слабы. Но это не значит, что вы можете гордиться тем, что идете в одиночестве. Пребывайте в одиночестве, но не будьте этим горды. Тогда вы сможете появиться в мире, не будучи частью его. Тогда вы сможете стать мужем, не будучи мужем. Тогда вы сможете владеть, не становясь рабом вашего имущества. Тогда этот мир — снаружи, но не внутри. Тогда вы в нем, но он не искажает, не развращает вас.

В этом заключается истинное одиночество — пребывать в мире, не затрагиваясь им. Но, будучи горды, вы теряете. Если вы думаете: "Я

стал кем-то”, — ваша лодка не пуста, и вы снова пали жертвою эго.

Человек Дао остается неизвестным.

Совершенная добродетель ничего не создает.

“Не я” — это истинное “я”. А величайший человек — никто.

Прислушайтесь... Человек Дао остается неизвестным. Не то, чтобы никто о нем ничего не знал, нет, но откроете ли вы его, обнаружите ли вы его — это зависит от вас. Он не делает никаких усилий, чтобы быть известным. Стремление к известности исходит от эго, поскольку эго не может существовать в безвестности, оно существует лишь тогда, когда вы известны. Оно существует, подпитывается, когда люди смотрят на вас, когда они обращают на вас внимание, когда вы — чем-то важны, значительны.

Но как вы можете быть значительны, если никто вас не знает? Когда вы известны всему миру, тогда вы кое-что значите. Поэтому люди так гонятся за славой, а если славы достичь не удастся, они решают стать отъявленными негодьями — но только не быть неизвестными! Если люди не станут хвалить вас, то вы решите лучше подвергнуться осуждению, но вы не в силах вынести безразличия к вам с их стороны.

Я слышал о политике, у которого одно время было множество последователей. Многие уважали и ценили его, пока он не пришел к власти...

Когда вы не у власти, вы выглядите совершенно невинным, потому что, если власти у вас нет, то что вы можете делать, как вы можете проявить себя? Ваша истинная природа становится известна только тогда, когда вы получаете власть.

Вспомните сторонников Ганди в Индии до недавнего времени. Независимость — это такое святое! А теперь все перешло в другую крайность. Теперь большинство из них продажны. Что случилось? Простой закон: когда они не у власти, они смахивают на голубей, они невинны; когда у них появилась власть, они стали похожи на змей, хитрые, продажные, довлеющие.

Ваша настоящая природа проявляется только тогда, когда у вас есть власть. Лишь тогда, когда вы *можете* причинить вред, становится ясно — будете вы вредить или нет.

Лорд Эктон как-то заметил: “Власть продажна, а абсолютная власть продажна абсолютно”. Нет, это неправильно. Власть никогда не продажна, она лишь выявляет продажность, позволяет ей проявиться. Как может власть развращать? Вы уже были развращены, но это никак не могло реализоваться. Вы уже были безобразны, но стояли во тьме. Теперь вы ярко освещены, но не будете же вы говорить, что это свет обезображивает вас? Нет, свет лишь выявляет ваше уродство.

...Этого политика очень ценили и любили, он обладал очарованием. Затем он пришел к власти, и все стали против него. Он оказался за бортом, его имя стало пресловутым, его ругали на каждом углу, поэтому ему пришлось покинуть свой город; люди не дали бы ему там жить спокойно, так много зла он причинил.

И вот они с женой подыскивали себе новый дом в каком-нибудь другом городе. Они побывали во многих городах, просто чтобы посмотреть и решить, где остановиться. И вот, в одном из городов люди стали забрасывать его камнями. Он обрадовался: “Вот тут мы и будем жить, выберем этот город”.

“Ты что, обезумел? — воскликнула жена. — Ты спятил? Люди швыряют камни”.

“По крайней мере, они не безразличны”, — возразил политик.

Безразличие ранит вас больше всего, потому что это не может существовать в безразличии. Или за меня, или против меня — с этим это смириться может, но только не будь безразличен ко мне, потому что как я тогда смогу существовать, как сможет существовать это? Человек Дао остается неизвестным. Это означает, что он не разыскивает людей, которые бы знали, кто он на самом деле. Если они хотят узнать, то это они должны разыскать его.

Совершенная добродетель ничего не создает.

Это одна из основ жизни Даоса.

Совершенная добродетель ничего не создает, потому что, когда вы совершенны в своей добродетели, вам ничего не нужно. Когда вы добродетельны совершенно, то нет желания, нет мотивации. Вы совершенны. Как может двигаться совершенство? Только несовершенство движется. Только несовершенство желает создать что-нибудь. Поэтому совершенный художник никогда не пишет картин, а совершенный музыкант выбрасывает свой ситар. Совершенный стрелок ломает свой лук и бросает его, а совершенный, как Будда, человек абсолютно бесполезен. Что создал Будда — поэзию, скульптуру, картину, общество? Он выглядит совершенно несозидательным, бесполезным, он ничего не создал.

Совершенная добродетель ничего не создает, потому что ей ничего не нужно. Созидание происходит от желания, созидание происходит от вашего несовершенства. Вы сотворяете что-то как бы для компенсации, потому что вы ощущаете в себе незавершенность, некоторую незаполненность. Когда вы абсолютно совершенны, абсолютно наполнены, с чего это вы станете творить, как можете вы творить? Тогда вы сами превращаетесь в великолепие творения, тогда ваше внутреннее существо само по себе столь совершенно, что ничего больше не нужно.

Совершенная добродетель ничего не создает. Если мир станет добродетелен, то все утилитарные, полезные, практические цели отпадут. В истинно добродетельном мире, совершенном в своей добродетели, останется лишь игра, но не созидание. Тогда все это станет просто игрой. Вы наслаждаетесь этим, но вам это не нужно. Совершенный мудрец абсолютно бесполезен.

“Не я” — это истинное “я”.

Когда вы чувствуете, что вас нет, — тогда впервые вы есть, существуете, потому что то, что мы обычно называем “я”, — это ничто иное, как эго. Вот почему Будда, Лао Цзы, Чжуан Цзы, все они говорят, что нет “я”, нет атмана (atman). Не то, чтобы его и в самом деле не было — они говорят, что нет атмана, нет “я”, потому что ваше эго настолько хитро, что может за этим спрятаться. Вы можете говорить:

“Ахам Брахмасми<N>(Aham Brahmasmi), я есть Брахман... Аналь хак<N>(Ana'l hag), я есть Бог”, — и эго может прятаться за этим.

Будда говорит, что некому самоутверждаться, нет “я” внутри вас. Будда добавляет, что вы похожи на луковицу: вы чистите, вы продолжаете счищать уровни, слои, и, в конце концов, ничего не остается. Ваш ум похож на луковицу, продолжайте счищать шелуху. Это и есть медитация — счищаете, счищаете слои шелухи, и наступает момент, когда ничего не остается. Это небытие — ваше истинное я. “Не я” — это истинное “я”. Когда лодка пуста, только тогда, в первый раз, в этой лодке — вы.

А величайший человек — никто.

Так получилось, что Будда отрекся от королевства. И он отправился искать из одного леса в другой, из одного ашрама в другой, от одного мастера к другому, идя пешком. До этого он никогда не ходил босиком, но теперь он был просто нищим. Он проходил по берегу реки, ступая по песку, и на влажном песке остались следы его ног.

Пока он отдыхал в тени дерева, их увидел астролог. Астролог этот возвращался из Каши, где обучался наукам. Он достиг профессионализма в астрологии, абсолютного совершенства, и теперь, поскольку он стал великим специалистом в астрологии, он возвращался обратно в свой город, чтобы заняться практикой. Он взглянул на эти следы на мокром песке и забеспокоился: “Эти следы не могут принадлежать обыкновенному человеку, гуляющему по песку босиком в такое жаркое лето, в полдень! Эти ступни великого императора, чакравартина<N>(chakravartin)”. Чакравартин — это император, который правит всем миром. Все признаки указывали на то, этот человек был чакравартин, император всего мира шести континентов. И с чего это чакравартин станет ходить босиком по песку в такой жаркий летний полдень? Это было исключено!

У астролога были с собой его самые ценные книги. Он решил: “Если возможно такое, то значит я должен выбросить все эти книги в реку и навсегда забыть астрологию, потому что это абсурд. Это абсолютно, совершенно исключено — встретить человека со

стопами чакравартина. Раз в миллионы лет человек становится чакравартином, и что этому чакравартину здесь делать?”

Поэтому он пошел по следам, чтобы отыскать того, кто их оставил, и увидел Будду, сидевшего, отдыхая, под деревом с закрытыми глазами, и тогда он пришел в еще большее смущение. Астролог совершенно растерялся, потому что лицо Будды тоже было лицом чакравартина. Но этот человек выглядел нищим, и чаша для подаяния была тут же, рядом с ним, он был одет в лохмотья. Но лицо Будды было лицом чакравартина, так что же астрологу оставалось делать?

“Я совершенно сбит с толку, облегчи мое положение. — сказал он. — У меня только один вопрос, который я хотел бы задать. Я видел следы твоих ног и изучил их. Они должны принадлежать чакравартину, великому императору, который правит всем миром, его королевство — вся земля, но ты — нищий. Так что же мне теперь делать? Должен ли я выкинуть все мои астрологические книги? Двенадцать лет моих усилий в Каши были потрачены зря и те люди, которые обучали меня, — дураки. Я зря растратил самую важную часть моей жизни, так успокой меня. Скажи мне, что же мне делать?”

“Не стоит переживать. — ответил Будда. — Это не повторится. Возьми свои книги, отправляйся в город, начинай заниматься своей практикой и не думай обо мне. По рождению я должен был бы быть чакравартином. Эти мои следы отражают мое прошлое”.

Все ваши следы отражают ваше прошлое — линии на вашей руке, вашей ладони, несут ваше прошлое. Вот почему астрология, хиромантия — всегда правдивы, когда речь идет о прошлом, но никогда так не правдивы в отношении будущего и уж абсолютно ложны, когда дело касается будды, поскольку отбросивший прошлое движется в неведомое — вы не в силах предсказать его будущее.

Будда объяснил: “Ты не столкнешься больше с человеком, от которого столько хлопот. Не волнуйся, это не повторится, считай это исключением”.

Но астролог попросил: “Еще несколько вопросов. Скажи мне, кто же ты такой: это действительность или мне все это снится? Чакравартин, сидящий, как нищий? Кто ты? Не переодетый ли ты император?”

“Нет”, — ответил Будда.

Тогда астролог спросил: “Но лицо твое столь прекрасно, столь умиротворенно, столь полно внутренней тишины. Кто ты? Не Ангел ли ты, сошедший из Рая?”

Будда ответил: “Нет”.

Тогда астролог обратился к нему со словами: “Наверное, так спрашивать невежливо, но при виде тебя этот вопрос возникает сам собой. Человек ли ты? Если ты не император, не чакравартин, если ты не дэва из рая, то человеческое ли ты существо?”

И Будда объяснил: “Нет, я — никто. Я не принадлежу ни к какой форме, ни к какому имени”.

“Теперь ты еще больше озадачил меня. Что ты имеешь в виду?” — воскликнул астролог.

Это как раз то, что имел в виду Будда:

А величайший человек — никто.

Вы можете быть кем-то, но вы не можете быть кем-то величайшим. Всегда где-нибудь в мире найдется кто-нибудь еще, кто более велик. Но кто этот “кто-нибудь”? Вы — мера. Вы говорите, что этот человек велик — но чем, кем вы измеряете? Собой.

Эта ложка — мера океана. “Этот человек велик”, — говорите вы. Это говорите вы, это, также, как и вы, говорят другие: “Этот человек велик”, — и он становится великим из-за вас!

Нет. В этом мире никто не может быть величайшим, кем бы он ни был, потому что океан нельзя измерить ложками. А все вы — это чайные ложечки, измеряющие океан. Нет, это невозможно.

Так что действительно величайшим среди вас будет никто. Что имеет в виду Чжуан Цзы, когда говорит: “Величайший человек будет никем”? Это значит — он будет неизмеряемым. Вы не можете его измерить, вы не можете наклеить на него ярлык, вы не можете классифицировать его, вы не можете сказать, ответить на вопрос: “Кто это?” Он просто не поддается измерению. Он просто выходит за пределы — дальше, и дальше, и дальше... А вы можете выбросить вашу чайную ложечку.

Хватит на сегодня.

3

СОВА И ФЕНИКС

Хуэй Цзы был премьер-министром в Лян.
Он считал, что обладает тайными сведениями,
что Чжуан Цзы завидует ему,
и замышляет вытеснить его.

Когда Чжуан Цзы прибыл в Лян,
министр послал слуг схватить его,
но, хоть они и искали три дня и три ночи,
найти его не смогли.
Тем временем Чжуан Цзы сам явился к Хуэй Цзы
и сказал:

“Живет на юге птица —
нестареющий Феникс.
Слыхал ли ты об этом?

“Этот бессмертный Феникс взмывает в воздух в Южном океане
и летит к Северному океану,
останавливаясь на отдых только на платанах.
Он ест лишь
редчайшие изысканные плоды бамбука
и пьет воду только из кристальных пресных родников.

“Однажды какая-то сова,
потроша смердящую дохлую крысу,
увидела пролетающего над ней Феникса.

“Подняв голову и озираясь, она угрожающе ухнула,
и прижала крысу к себе

в смятении и страхе.

“Министр,
почему ты так неистовствуешь,
цепляясь за свою министерство
и в ужасе ухая на меня?”

СОВА И ФЕНИКС

Религиозный ум в основе своей нечестолюбив, непретенциозен. Если есть хоть какое-то амбиции, хоть какое-то честолюбие, то быть религиозным невозможно, потому что только человек высочайших качеств может стать религиозным. Честолюбие подразумевает неполноценность, низшее качество. Попробуйте это понять, ибо это — один из основных законов. Без его понимания вы можете ходить в храмы, вы можете отправляться в Гималаи, вы можете молиться и вы можете медитировать, но все будет напрасно. Вы будете просто растрачивать свою жизнь зря, если вы не разобрались, честолюбиво ли естество вашего ума, или нет. Весь ваш поиск будет никчемным, потому что амбиции, честолюбие никогда не смогут привести вас к божественному. Только отсутствие всякого честолюбия может стать дверью.

Современная психология тоже соглашается с Чжуан Цзы, с Лао Цзы, с Буддой, со всеми, кто познал, что неполноценность порождает амбицию, порождает честолюбие. Поэтому политики выходят из худшей части человечества. Все политики — это *шудры*, неприкасаемые. По-другому быть и не может, как только ум ощущает комплекс неполноценности, он пытается стать превосходящим — и рождается противостояние, противоречие. Когда вы чувствуете, что вы безобразны, вы пытаетесь выглядеть красивым. Если вы красивы, тогда и усилия ни к чему.

Взгляните на уродливых женщин, и вы поймете внутреннюю природу политика. Безобразная женщина всегда старается спрятать свою некрасивость, всегда пытается выглядеть прекрасной. По крайней мере лицо, накрашенное лицо, наряды, украшения — все посвящено безобразному. Некрасивость должна быть каким-то

образом преодолена и вам необходимо создать противоположное, чтобы ее скрыть, сбежать от нее. Истинно красивая женщина не станет беспокоиться, она даже не будет сознавать свою красоту. А лишь неосознанная красота прекрасна. Если вы начинаете сознавать, появляется безобразие, уродство.

Когда вы ощущаете свою неполноценность, когда вы сравниваете себя с другими и видите, что они превосходят вас, то что вы будете делать? Эго чувствует себя ущемленным — вы неполноценны. Вы просто не можете этого принять, и вам приходится обманывать себя и других.

Как же вы обманываете? Есть два способа. Один — это сойти с ума. Тогда вы можете провозгласить, что вы Александр Македонский, Гитлер, Никсон. Тогда обман проходит легко, потому что вас не волнует, что говорят и думают другие. Загляните в сумасшедший дом где угодно в мире, и вы найдете там все великие личности истории, все еще живущие!

В то время, когда Пандит Джавахарлал Неру был жив, по меньшей мере дюжина людей в Индии верила, что они — Пандит Джавахарлал Неру. Однажды он отправился в сумасшедший дом, чтобы торжественно открыть новое отделение. А власти этого сумасшедшего дома устроили так, что он должен был выпустить нескольких пациентов, потому что теперь те стали здоровыми и нормальными. К нему подвели и представили первого человека, и Неру тоже представился бывшему сумасшедшему: “Я — Пандит Джавахарлал Неру, премьер-министр Индии”.

Тот сумасшедший рассмеялся и ответил: “Не волнуйся. Побудь тут три года, и ты станешь таким же нормальным, как и я. Три года назад, когда я попал впервые в этот сумасшедший дом, я верил, что я — Пандит Джавахарлал Неру, премьер-министр Индии. Но меня совершенно вылечили, так что не волнуйся”.

Такие случаи нередки. Ллойд Джордж был премьер-министром Англии. Во время войны с шести часов вечера начинался комендантский час, затемнение, и всем запрещалось покидать свои дома. Все движение останавливалось, пользоваться светом было запрещено, и каждый должен был где-либо укрыться. Ллойд Джордж, гуляя как-то вечером, совершенно позабыл об этом.

Вдруг завывала сирена. Наступило шесть часов вечера, а его дом был в нескольких милях. Поэтому он постучался в ближайшую дверь и обратился к человеку, открывшему ему: “Позвольте мне переночевать здесь; а то меня задержит полиция. Я Ллойд Джордж, премьер-министр”.

Открывший схватил его и рассмеялся: “Заходи. Ты попал как раз по адресу. У нас уже три Ллойда Джорджа!” То был сумасшедший дом.

Ллойд Джордж пытался убедить того человека, что он настоящий. Но санитар был неумолим: “Все вы так говорите, так что не трать времени, давай проходи внутрь, пока я тебе не двинул”.

И Ллойд Джорджу пришлось промолчать всю ночь, иначе его действительно могли побить. Чем он мог их убедить? Там было уже три Ллойда Джорджа, кроме него, и все они пытались доказать, что они настоящие.

Один способ — это сойти с ума — вы внезапно провозглашаете, что вы превосходящий, самый высший. Другой способ — удариться в политику. Одно из двух: или сойти с ума, или заняться политикой. С помощью политики вы не можете внезапно провозгласить — вам необходимо доказать, что вы действительно премьер-министр или президент. Так что это длинная дорога в обход. Безумие — это путь напрямик к важности; политика — это долгая дорога. Но они достигают одной и той же цели.

И если этому миру суждено стать психически здоровым, нормальным миром, тогда нужно излечить эти два типа людей: сумасшедших и политиков. И те, и другие больны. Один пошел длинным окружным путем, другой ломится напрямик. И хорошенько запомните, что сумасшедший менее вреден, нежели политик, потому что он лишь провозглашает свое превосходство, он не беспокоится о том, чтобы доказывать это; политик занимается тем, что доказывает — а доказательство всегда обходится дорого.

Что пытался доказать Гитлер? Что он самый высший, самый превосходный ариец. Для мира было бы лучше, если бы он сошел с ума, пошел по короткому пути; тогда не было бы второй мировой войны.

Политики гораздо опаснее, поскольку они — сумасшедшие с доказательствами. Они — сумасшедшие трудолюбивые, деятельные,

устремленные, достигающие цели лишь ради сокрытия в себе неполноценности, второсортности. Если кто-то ощущает свою неполноценность, ему необходимо доказать или просто внушить себе в веру в то, что он полноценен. Вы не можете быть религиозным, если вы безумны. Не так безумны, как безумен Святой Франциск — то безумие исходит из экстаза, это же безумие происходит от неполноценности. Безумие Святого Франциска или Чжуан Цзы происходит от высшего, рождается из сердца, исходит из истинного, первичного источника. А это, другое, безумие происходит от эго. Душа — это всегда высшее, а эго — всегда низшее, неполноценное.

Таким образом эгоисту приходится стать политиком так или иначе — какую бы профессию он ни избрал, с помощью нее он станет политиком.

Что я имею в виду под словом “политика”? Я имею в виду конфликт между несколькими эго, борьбу за выживание. Когда ваше эго и мое эго конфликтуют, тогда мы — политики. Когда у меня нет конфликта ни с чьим эго, тогда я религиозный человек. Когда я не пытаюсь, не стремлюсь быть высшим, тогда я — высший. Но это превосходство — не противоположность неполноценности, это отсутствие чувства неполноценности.

Запомните это отличие. Существует два типа превосходства. В одном случае вы лишь прячете свою неполноценность, скрываете ее, вы пользуетесь маской — неполноценность остается там, под маской. Ваше превосходство лишь внешне, глубоко же внутри вы остаетесь низшим, неполноценным, и вследствие того, что вы продолжаете это ощущать, вы вынуждены носить эту маску превосходства, маску красоты. Из-за того, что вы знаете о своем уродстве, вам приходится умудряться выглядеть красивым, вам приходится выставлять напоказ, приходится являть окружающим фальшивое лицо. Это один тип превосходства; оно не настоящее.

Есть другой вид превосходства, и это превосходство основано на отсутствии неполноценности, второсортности, а не на противопоставлении ей. Просто вы не сравниваете. А когда вы не сравниваете, как вы можете быть низшим? Сами подумайте: если вы на земле один и никого другого нет, то будете ли вы низшим? С кем вы будете сравнивать себя? Относительно чего? Если вы один, так

каким вы будете, низшим или высшим? Вы будете не тем, и не другим. Вы не можете быть низшим, потому что нет никого выше вас; вы не можете провозгласить себя высшим, потому что никого ниже вас тоже нет. Вы будете не тем и не другим, не высшим, не низшим — и, поверьте мне, это — высшее состояние души. Она никогда не сравнивает. Начните сравнивать — и сразу возникает неполноценность, второсортность. Не сравнивайте — и вы просто есть: уникальный, единственный в своем роде.

Религиозный человек и есть превосходящий, высший — в том смысле, что неполноценность, второсортность исчезла. Политик же является превосходящим в другом смысле: он поборол, замаскировал свою неполноценность. Она спрятана, она вся осталась при нем, внутри. Он всего лишь надевает платье, лицо, маску высшего человека.

Сравнивая, вы упускаете главное; и тогда вы вечно будете оглядываться на других. Но нет двух одинаковых людей, и не может быть. Каждый индивидуум уникален и каждый индивидуум высший, превосходящий, но это превосходство не поддается сравнению. Вы превосходящи, поскольку вы не можете быть никаким другим. Именно состояние превосходства — ваше естественное состояние. Вон то дерево — высшее, вон тот камень — тоже высший. Все существование божественно, так как же что-то может быть неполноценно, второсортно? Это — Бог, заполняющий все собою миллионами способов. Где-то Бог стал деревом, где-то Бог стал камнем, где-то Бог стал птицей, где-то Бог стал вами. И существует только Бог, поэтому сравнение невозможно. Бог высший, но не относительно чего-либо — а потому что есть только Бог, и, значит, никакой неполноценности быть не может.

Религиозный человек достигает переживания на опыте своей уникальности, переживает на опыте свою божественность, и через переживание своей божественности приходит к признанию божественности всего. Это аполитично, потому что тогда исчезают амбиции, пропадает честолюбие, вам нечего доказывать, вы уже провозглашены. Само ваше бытие есть доказательство. Вы есть... этого достаточно. Ничего другого не требуется.

Не забывайте этот основной закон. Если и в религии вы продолжаете сравнивать, то вы занимаетесь политикой, а не в религией. Вот почему все религии превратились в политику. Пользуются религиозной терминологией, но за всем этим скрыта политика. Что такое Ислам? Что такое Индуизм? Что такое Христианство? Все они — это политические группы, политические организации, занимающиеся политикой под прикрытием религии.

Когда вы приходите в храм помолиться, вы просто молитесь или вы сравниваете? Если кто-то другой молится рядом, рождается ли в вашем уме сравнение? Желаете ли вы знать, лучше он делает это, чем вы, или вы делаете это лучше него? В этом случае храма больше нет. Храм исчез, он стал политикой.

В религии сравнение невозможно; вы просто молитесь, и молитва становится вашим внутренним естеством. Это не нечто вовне, что нужно сравнивать. Эта не поддающаяся сравнению молитва, не подлежащая сравнению медитация приведут вас к внутреннему превосходству всего сущего.

Будда учит: “Не будь честолюбив, иначе из-за своих амбиций, ты всегда останешься неполноценным”. Не будьте честолюбивы — и вы обретете свое естественное превосходство. Оно присуще вам. Оно не нуждается в доказательствах или в достижении, вы уже имеете его, оно у вас есть. Оно уже там — оно всегда было с вами и всегда останется с вами. Само ваше естество обладает превосходством, но вы не ведаете, что это естество у вас есть. Вам неизвестно, кто вы. Поэтому столько сил вы тратите на выяснение вашей ценности, на поиски, на доказательство того, что вы превыше других. Вы не знаете, кто вы.

Если вы знаете, то проблем нет. Вы уже высший. И не только вы высший — все высшее. Все существующее — высшее, безо всякой неполноценности, ибо Бог един, все сущее едино. Не может быть ни высшего, ни низшего. Освободившийся от честолюбия ум приходит к открытию этого.

Теперь давайте вернемся к рассказу Чжуан Цзы. Этот прекрасный случай действительности имел место. Чжуан Цзы направлялся в столицу, и премьер-министру стало страшно. Он, вероятно, получил донесение от своей полиции, от агентов о том, что приближается

Чжуан Цзы. А политики всегда боятся, потому что для них все являются врагами, даже друзья — это враги; и вам приходится защищать себя от друзей, потому что они тоже пытаются стащить вас вниз.

Запомните: друзей в политике не существует. В политике все являются врагами. Дружба — это всего лишь фасад. В религии же не существует никого, кто был бы врагом. В религии никакого врага быть не может; в политике не может быть никакого друга.

Тот премьер-министр испугался появления Чжуан Цзы. Превосходство Чжуан Цзы было столь велико, что премьер-министр решил, что Чжуан Цзы пытается занять его место. Ситуация складывалась сложная. И, конечно, Чжуан Цзы был превосходящим; не превосходящим по сравнению с кем-то другим, он был просто превосходящим. Это было присущим, внутренним.

Когда появляется человек вроде Чжуан Цзы, он — король; живет он, как нищий, или нет, — разницы никакой. Кем бы он ни становился, он — король. Быть королем для него — это не нечто внешнее, он является королем по своей внутренней сути.

Прозящий милостыню монах (beggin monk) в начале этого века приехал из Индии в Америку; имя его было Раматирса. У него была привычка называть себя Императором. Президент Соединенных Штатов приехал, чтобы повидать его, и был поражен. Тот был просто нищим! “Я не могу понять: почему ты зовешься “Император”? — спросил президент. — Ты выглядишь нищим. А ты даже написал Книгу под названием “Шесть Порядков Императора Рам”. Почему?”

Раматирса рассмеялся и ответил: “Взгляни внутрь меня, царство мое принадлежит внутреннему миру. Посмотри внутрь меня. Я и *есть* император. Мое царство — не от мира сего”.

Из-за этого был распят Иисус. Он всегда говорил: “Я — царь”. Его не поняли. Бывший тогда царем Ирод насторожился. Его наместник, Понтий Пилат, решил, что Иисус опасен, потому что тот твердил о царствии и о царе и провозглашал: “Я — царь евреев”. Он был понят превратно. Он говорил о другом царствии, которое не от мира сего.

Когда его распинали, солдаты насмехались над ним, кидали в него камни и, просто ради потехи, надели ему на голову терновый венец с надписью: “Царь евреев”. А когда они бросали в него камни, они

кричали: “Расскажи нам теперь что-нибудь о царствии, скажи что-нибудь, ты, царь евреев!”

Он говорил о другом царствии, не этого мира; это царствие не снаружи, это царствие внутреннее. Но где бы ни появился человек вроде Иисуса, он — император. Он не может с этим ничего поделать. Он не соперничает ни с одним человеком, он не вожделеет никакой короны этого мира, но куда бы он ни направился, честолюбивые люди пугаются, политикам становится страшно. Этот человек опасен, потому что само лицо, глаза, походка выдают в нем императора. Ему не нужно доказывать это, он сам и есть доказательство. Ему не нужно провозглашать этого, не нужно об этом заявлять.

Поэтому, когда премьер-министр получил донесение от тайных агентов, что приближается Чжуан Цзы, он решил, что тот, должно быть, направляется в столицу, чтобы свергнуть его, премьер-министра; а зачем же еще приходить? Люди приходят в столицу только за этим. Никто не приезжает в Дели за чем-то другим. Люди являются в столицы из честолюбивых целей, в поисках того, в чем нуждается эго, для самоутверждения. С чего бы это ему появляться — факиру, нищему? Что ему за нужда идти в столицу? Он, наверное, идет, чтобы захватить мое место, мое кресло. Он, наверняка направляется к царю, чтобы заявить: “Я именно тот, кто нужен тебе. Назначь меня премьер-министром, и я исправлю все ошибки, которые были допущены до меня. Я разрешу все твои проблемы”.

А человек тот, Чжуан Цзы, сиял в ореоле славы, обладая огромным обаянием. Премьер-министру стало страшно. Премьер-министры всегда неполноценны, они низшие. Глубоко внутри сидит комплекс неполноценности, как болезнь, как червь, точащий сердце, они всегда в страхе перед превосходящими их, перед высшими.

Хуэй Цзы был премьер-министром в Лян.

Он считал, что обладает тайными сведениями,
что Чжуан Цзы завидует ему,
и замышляет вытеснить его.

Политики не способны мыслить иначе. Прежде всего нужно понять следующее: вы сами есть то, что вы думаете о других. Ваши

желания, ваше честолюбие, ваши амбиции строят вашу модель восприятия, штамп. Если вы гонитесь за деньгами, то вы уверены, что все мечтают разбогатеть. Если вы вор, то вы все время проверяете свой карман; это выдает в вас вора. Ваше внутреннее, скрытое желание, ваши устремления — это язык вашего понимания.

Политики всегда думают в терминах заговоров, конспираций: “Кто-то собирается вытеснить меня, кто-то собирается избавиться от меня...” Потому что это то, чем занимаются они сами, это то, что они делают всю свою жизнь: строят заговоры. Политики — это конспираторы. Таков их язык. А вы видите других сквозь призму собственного ума, вы проецируете на других качества, скрытые глубоко внутри вас. Хуэй Цзы подумал: “Этот Чжуан Цзы замышляет сместить меня”.

Когда Чжуан Цзы прибыл в Лян, министр послал слуг схватить его. Но, хоть они и искали три дня и три ночи, найти его не смогли. Это великолепно!

Полиция способна находить только воров — они могут понять друг друга. Ум полицейского и ум вора не отличаются один от другого — воры в услужении правительству и есть полиция. Их умы, их способы мышления одинаковы, различны только лишь их хозяева. Вор в услужении самому себе, полицейский в услужении государству — но и тот, и другой — воры. Вот почему полицейским удается ловить воров. Если вы пошлете садху искать вора, он не найдет его, потому что он будет смотреть на других сквозь свой ум.

Один рабби в праздничный день проходил мимо молодого человека. Тот курил, а курение запрещалось в этот день. Поэтому рабби остановился и спросил его: “А известно ли тебе, молодой человек, что сегодня праздник, и тебе не следовало бы курить?”

“Да, я знаю, что сегодня праздник”, — сказал молодой человек. Он все равно продолжал курить — мало того, он пустил дым в лицо рабби.

“А знаешь ли ты, — спросил рабби, — что в праздник курить запрещено?”

Молодой человек высокомерно ответил: “Да, я знаю, что это запрещено”. И курил дальше.

Рабби поднял глаза к небу и произнес: “Отец, этот молодой человек прекрасен. Он, возможно, и нарушает закон, но никто не может заставить его лгать. Он правдивый человек. Он говорит: “Да, я знаю, что это религиозный день, и да, я знаю, что курение запрещено”. Запомни на судный день, что этого молодого человека не могли заставить солгать”.

Это прекрасный рабби. Это ум садху. Он не видит дурного, он всегда видит только прекрасное.

Полиция не могла отыскать Чжуан Цзы, это было невозможно. Они могли бы найти его, если бы он был честлюбивым человеком, если бы он устраивал заговоры, если бы он думал политическими понятиями — тогда он мог бы быть пойман. Полиция, вероятно, искала в тех местах, где его не было, а пути их, надо полагать, неоднократно пересекались. Но он был нищим, нечестлюбивым человеком. Он не замышлял заговоров. Для заговоров у него не было ума; он был похож на дуновение ветра. Полиция разыскивала и разыскивала много дней, но не могла найти его.

Вы можете найти только то, чем являетесь вы сами. В других вы всегда находите себя, потому что другие — это всего лишь зеркала. Для того, чтобы поймать Чжуан Цзы, нужен Лао Цзы. Никто другой не смог бы поймать его; для кого он мог быть понятен? Был нужен Будда; Будда догадался бы, где его искать. Но полицейский? — невозможно! Это было бы возможным, только если б он был вором. Взгляните на полицейского, каков он есть, как он говорит, на грязный язык, который он использует; язык этот даже более вульгарен, чем язык воров. Полицейскому необходимо быть вульгарнее вора, в противном случае воры одержали бы победу.

Как-то раз полиция задержала одного человека, и на суде его спросили: “Скажите, когда вас задержали, что вам сказал полицейский?”

“Как же я могу здесь, в суде, повторить то, что он сказал? — изумился тот. — Это будет оскорблением суда! Да и вообще, это может вас шокировать”.

“Пропустите нецензурные выражения и повторите нам, что он сказал”, — сказал судья.

Тот человек подумал и ответил: “Тогда... полицейский ничего не сказал”.

Полицейские вернулись к Хуэй Цзы и сообщили, что они не смогли найти Чжуан Цзы. Такого человека не было.

У них, видимо, был портрет, какой-то способ опознания его, какие-то предположения о том, где его искать, как поймать его, его описание. Но у Чжуан Цзы нет отличительных признаков, у него нет лица. Время от времени он — течение, поток, он — прозрачен. Время от времени он отражает, отвечает, откликается на окружающее, на все сущее, на жизнь. У него нет постоянного жилища, он бездомен, безлик. У него нет имени. Он не прошлое, он всегда настоящее, а все фотографии принадлежат прошлому.

Это красиво и полно смысла. Хотя это и звучит абсурдно, но говорят, что вы не можете сфотографировать человека подобного Будде. Дело не в том, что вы не можете сфотографировать его — но за то время, пока делается фотография, Будда уже переместился. Таким образом, фотография всегда отражает прошлое и никогда не соответствует настоящему. Вы не можете поймать нынешнего лица Будды. В тот момент, когда вы поймали его, оно прошло. В тот момент, когда вы что-то понимаете, это уже ушло.

Одно из имен Будды — Татхагата. Это слово действительно чудесно; оно означает — “подобно ветру, он возник и его не стало”. Так появился — подобно ветру — и так же его не стало. Вы не можете сфотографировать ветер, дуновение. До того, как вы его поймали, оно уже улетело, исчезло, его больше нет.

Чжуан Цзы не мог быть найден, потому что полиция искала его в прошлом, а он был в настоящем. Он был существованием, а не умом. Ум можно поймать, но существование поймать нельзя. Нет таких сетей. Ум может быть пойман очень легко, и все вы давно уже пойманы так или иначе. Из-за того, что у вас есть ум, жена или муж поймают вас. Существуют сети, миллионы сетей. И вы не можете быть свободны до тех пор, пока вы не освободились от ума. Вы будете попадаться снова и снова. Если вы уйдете от этой жены, вас

немедленно поймают другая женщина. Вы не можете сбежать. Вы можете сбежать от этой женщины, но вы не можете сбежать от женщин. Вы можете сбежать от этого мужчины, но куда вы пойдете? Не позднее, чем вы оставили одного, в вашу жизнь вошел другой. Вы можете покинуть этот город, но куда вы направитесь? Другой город поймают вас. Вы можете отказаться от этого желания, но станете рабом другого. Ум всегда поработан, он давно уже пойман. Когда вы отбрасываете ум, тогда полиция уже не может отыскать вас.

Чжуан Цзы не имел ума. Он был ни о чем не думающим нищим, или императором. Это одно и то же. И он не мог быть пойман.

Когда Чжуан Цзы прибыл в Лян,
министр послал слуг схватить его,
но, хоть они и искали три дня и три ночи,
найти его не смогли.

Тем временем, на третий или четвертый день, Чжуан Цзы сам явился к Хуэй Цзы и сказал: “Таких людей, как я, Чжуан Цзы, невозможно поймать. Они всегда появляются сами по себе. Они свободны. Ты не можешь поймать такого человека, ты можешь его только пригласить. Он сам решает, появляться или нет”.

Когда есть ум, вы всегда пойманы. Ум насилует, принуждает вас, вы его заключенный. Безумный, когда ум отсутствует, вы — свободны: вы вольны появляться, вы вольны исчезать в согласии с самим собой. Это ваше личное дело.

Я разговариваю с вами не потому, что вы задали вопрос, а в соответствии со своим решением. Я с вами что-то делаю, это не из-за вас, это потому, что я решил так поступить. Когда есть безумие, не-ум, есть и свобода. Ум — это основа всего рабства.

Чжуан Цзы появился сам и рассказал прекраснейшую историю. Вслушайтесь самой глубиной вашего сердца.

“Живет на юге птица —
нестареющий Феникс. —
мифическая птица. —
Слыхал ли ты об этом?”

???ЗДЕСЬ ТРЕТЬЯ СТРОЧКА СТИХА В BODYTEXT - СМ. КНИГУ -
ЦЕНТРИРУЙ РУЧКАМИ ???

Китайский миф, он прекрасен и преисполнен смысла. Миф — это не правда, но он правдивее всякой правды. Миф — это аналогия, он указывает на что-то такое, на что невозможно указать никак иначе. Только через аналогию, через поэзию это можно выразить. Миф — это поэзия, это не описание. Он указывает на истину, а не на некий случай во внешнем мире; он принадлежит миру внутреннему.

“Живет на юге птица...
Слыхал ли ты об этом?”

Для Китая Индия — это юг, и эта птица живет здесь. Говорят, что когда исчез Лао Цзы, он исчез на юге. Никто не знает, когда он умер... он никогда не умирал. Такие люди никогда не умирают, они просто уходят на юг — они исчезают в Индии.

Говорят, что Боддхидхарма пришел с юга. Он покинул Индию, и искал ученика, которому он должен был передать сокровище Будды. После девяти лет ожидания он смог его передать, и, рассказывают, что вслед за этим он вновь исчез на юге. Индия — это юг для Китая. На самом деле, Индии — это родина всех мифов; во всем мире не сыскать ни единого мифа, который возник бы не здесь.

Наука зародилась в уме греков, миф же возник из индийского ума. И существует лишь два способа видения мира: один — это наука, другой — религия. Если вы смотрите на мир сквозь науку, то это — взгляд через анализ, математику, логику.

Афины, греческий ум, подарили миру науку, сократов метод анализа, логику и сомнение. Религия — это совершенно другой способ видения мира. Она воспринимает мир через поэзию, через миф, через любовь. Конечно, она романтична. Она не может привести вам факты, она дает вам лишь фантастические истории. Но, уж поверьте, эти фантастические истории куда как более фактичны, чем всякий факт, поскольку они открывают вам глубочайшую суть, самую сердцевину, они не интересуются происходящим вовне, не интересуются объективными событиями. Поэтому у Индии нет

истории. У нее есть только миф, Пураны, но не Итихасы$\\$F$ Itihās — исторические предания.$\langle N \rangle$Прим.$\langle N \rangle$перев.>, не история. ???
НАСКОЛЬКО Я ПОМНЮ, В ГРЕЦИИ ВОДИЛСЯ ОСТРОВ ИТАКА, А НА НЕМ ВОДИЛСЯ ОДИССЕЙ. ХОТЯ ТАМ БЫЛИ КАКИЕ-ТО ТИПА ПИСАНИЙ С НАЗВАНИЕМ ПОХОДИМ НА ИТИКИ. ПРОВЕРИТЬ???

Рама — не историческое лицо. Может, он был, может, нет, это недоказуемо. Кришна — это миф, но не исторический факт. Возможно, он существовал, а, возможно, его и не было. Но Индию не беспокоит, историчны ли Кришна и Рама. Они имеют смысл, они — великие эпические поэмы. А история с точки зрения Индии бессмысленна, потому что история содержит голые факты, и только; она никогда не выявляет глубочайшей сердцевины, сути. Нам интересна самая суть, ось колеса, центр вращения, движения. Колесо продолжает двигаться, вращаться — и это история, но ось, центр колеса, центр вращения, который всегда неподвижен, — это миф.

Чжуан Цзы сказал:

“Живет на юге птица —
нестареющий Феникс.
Слышал ли ты об этом?”

Все, что рождено, стареет. История не может поверить в эту птицу, потому что история имеет начало и конец, история означает промежуток между рождением и смертью. А промежуток между нерождающимся и неумирающим есть миф.

Рама никогда не рождается и никогда не умирает. Кришна никогда не рождается и никогда не умирает. Они есть всегда. Миф не интересуется временем, он посвящен вечности. История меняется со временем, миф же всегда сохраняет свое значение. Нет, миф не может устареть. Газеты, журналы — это история; вчерашняя газета безнадежно устарела. Рама — это не газетные полосы, он — не новости, он никогда не устаревает. Он всегда в настоящем, всегда полон смысла, всегда имеет значение. История продолжает меняться; Рама остается в центре вращения, неподвижен.

Чжуан Цзы говорит:

“Живет на юге птица —
нестареющий Феникс...”

Видели ли вы когда-нибудь изображение Рамы или Кришны, на котором они были бы в преклонном возрасте? Они всегда молоды, у них даже нет бороды или усов. Видели вы когда-нибудь изображение Рамы с бородой? Ведь если только у него не было каких-то гормональных нарушений, она должна была бы расти; если он действительно был человеком — а он был человеком — то борода не могла не вырасти. Будь Рама историчен, у него была бы борода; но на всех изображениях он без бороды, потому что в тот момент, когда появляется борода, вы начали стареть. Рано или поздно она станет белой. И приблизится смерть; но даже самая мысль о смерти Рамы невозможна, поэтому мы очистили его лицо, и оно полностью свободно от какого бы то ни было знака смерти. И это не только у Рамы; двадцать четыре тиртанкарас (tirthankaras) джайнов все безбороды, никаких усов. Будда и все аватары (avataras) индуистов не имеют ни бороды, ни усов. Это только лишь для того, чтобы отметить их вечную молодость, их вечность, неподвластность времени, их отрешенность.

“... нестареющий Феникс.”

Существует время — во времени все меняется, — и существует вечность. В вечности не меняется ничего. История принадлежит времени, миф принадлежит вечности. Наука принадлежит времени, религия принадлежит к вневременному, к вечному.

В вас тоже существует и то, и другое — и время, и вечность. Внешне вы принадлежите к колесу, к вращению, к времени: вы родились, вы умрете; но это лишь на поверхности. Вы молоды, вы состаритесь. Вы здоровы, вы заболаете. Теперь вы полны жизни, рано или поздно все придет в упадок, смерть проникнет в вас. Но это только лишь внешне, это колесо истории. Глубоко внутри вас прямо сейчас существует вечность, существует безвременье. Ничто не стареет — Феникс, юг, Индия, вечное. Ничто не стареет, ничто не меняется, все неподвижно. Тот юг — в вас.

Вот почему я продолжаю утверждать, что Индия не является частью географии, она не является частью истории, она — на карте вашего внутреннего мира. В Дели ее нет, ее никогда там не было. Политики не имеют к ней отношения; она не имеет отношения к политике. Она — внутри вас. Она существует повсюду.

Где бы человек ни проникал глубоко в свою собственную суть, он попадает в Индию. В этом причина вечной привлекательности, магнетизма Индии. Когда кто-нибудь начинает чувствовать неудовлетворенность собственным существованием, он направляется в сторону Индии. Это поистине символично. Просто перемещаясь физически вы не достигнете, не найдете Индии. Здесь нужно иное движение, когда вы начинаете двигаться от внешнего к внутреннему, на юг, в страну мифа и бессмертного, лишенного возраста Феникса — нестареющего Феникса.

“Этот бессмертный Феникс взмывает в воздух в Южном океане
и летит к Северному океану,
останавливаясь на отдых только на платанах.
Он ест лишь
редчайшие изысканные плоды бамбука
и пьет воду только из кристальных пресных родников”.

Эта душа, эта глубочайшая суть, сердцевина вашего существа, останавливающаяся на отдых только на священных платанах, эта внутренняя птица, — она и есть ваше естество. Она останавливается только лишь на определенных священных платанах.

“Он ест лишь
редчайшие изысканные плоды бамбука
и пьет воду только из кристальных пресных родников.

“Однажды какая-то сова,
потроша смердящую дохлую крысу,
увидела пролетающего над ней Феникса.
Подняв голову и озираясь, она угрожающе ухнула,
и прижала крысу к себе

в смятении и страхе”.

Чжуан Цзы говорит: “Я — Феникс, а ты — точно сова со смердящей дохлой крысой, потрошащая ее. И ты боишься, что я намерен занять твое место. Твое положение, твоя власть для меня — ничто иное, как дохлая крыса. Это не пища для меня. Честолюбие — не образ жизни; оно лишь для тех, кто уже мертв. Я изучил честолюбие, и я нашел его бесполезным”.

Как-то раз, причитая и плача, к рабби пришла одна женщина, но рабби в это время молился. Тогда она попросила секретаря: “Зайди, даже если придется прервать его молитву. Меня бросил мой муж. Пусть рабби помолится за меня, чтобы мой муж вернулся назад”.

Секретарь вошел и нарушил молитву. Рабби сказал: “Передай ей, пусть не волнуется, ее муж скоро вернется”.

Секретарь вернулся к той женщине и произнес: “Не волнуйся, не переживай так. Рабби говорит, что твой муж скоро вернется. Иди домой и успокойся”.

Счастливая, женщина ушла со словами: “Пусть Господь тысячекратно вознаградит рабби за его доброту”.

Но как только та женщина ушла, секретарь стал печален, и заметил одному из присутствовавших, что все это не поможет. Ее муж не может вернуться, бедная женщина, а она ушла отсюда такой счастливой.

Стоящий рядом с ним удивился: “Но почему? Ты что, не веришь в своего рабби и в его молитву?”

“Конечно, я верю в моего рабби и я верю в его молитву, — ответил секретарь. — Но он лишь слышал просьбу этой женщины, я же видел ее лицо. Ее муж *никогда* к ней не вернется”.

Видевший лицо честолюбия, видевший лицо желания, видевший лицо вожделения, — никогда не вернется к ним. Это невозможно, настолько это лицо ужасно.

Чжуан Цзы видел лицо честолюбия. Поэтому он говорит: “Твоя власть, твое положение, твое министерство для меня — всего лишь дохлая крыса. Не ухай на меня, и не мечись в ужас”.

“Этот бессмертный Феникс взмывает в воздух в Южном океане
и летит к Северному океану,
останавливаясь на отдых только на платанах.
Он ест лишь
редчайшие изысканные плоды бамбука
и пьет воду только из кристальных пресных родников.

“Однажды какая-то сова,
потроша смердящую дохлую крысу,
увидела пролетающего над ней Феникса.

“Подняв голову и озираясь, она угрожающе ухнула,
и прижала крысу к себе
в смятении и страхе.

“Министр,
почему ты так неистовствуешь,
цепляясь за свою министерство
и в ужасе ухая на меня?”

Это факт, но только лишь если вы знаете это... только тогда вы можете понять. Учась у Будды, или Иисуса, или Заратустры, вы всегда слышали: “Отбрось желания, и обретешь блаженство”. Но вы не можете отбросить их, вы не в состоянии понять, откуда возьмется блаженство, если вы отбросите желания, потому что вы испробовали вкус лишь желания. Оно может быть ядом, отравой, но оно всегда было вашей единственной пищей. Вы всю жизнь пили из отравленных источников, и теперь, когда кто-нибудь говорит: “Откажись от них, это яд”, — вы боитесь умереть от жажды. Вы не знаете о том, что есть кристально чистые пресные родники и вам неизвестно, что существуют редчайшие изысканные плоды бамбука. Вы смотрите только сквозь фильтр вашего желания, поэтому вы не можете видеть тех плодов и тех деревьев.

Когда глаза ваши ослеплены желанием, они видят лишь дохлых крыс. Рамакришна любил говорить: “Люди часто не могут видеть

ничего другого, кроме объектов их вожделения". Эта сова может сидеть на верхних ветвях самого высокого дерева, но она высматривает только дохлых крыс. Когда бы она ни увидела внизу крысу, сова приходит в возбуждение. Она не отреагирует, она даже не увидит, если вы предложите ей прекрасный плод. Она не осознает этого. Эта информация никогда не достигнет ее сознания, потому что желания работают, как экран, как фильтр. Все время, непрерывно, в вас входит только то, чему позволяют ваши желания. Ваши желания, они — сторож, караульный, стоящий у двери вашего бытия. Они пускают лишь то, к чему стремятся сами.

Смените этого сторожа; иначе вы всегда будете жить на дохлых крысах. Вы останетесь совой, и в этом несчастье: глубоко внутри вас спрятан, скрыт Феникс, а вы ведете себя, как сова. Это порождает неудовлетворение, неудобство. Вот почему вы никогда не можете ощутить покой, вот почему вы никогда не можете почувствовать себя блаженным. Как может Феникс быть блажен рядом со смердящей крысой? Он вечный странник, и это — не пища для него.

Множество раз вы ощущали это. Занимаясь любовью с женщиной или мужчиной, вы множество раз чувствовали, что это не для вас. Феникс отстаивает себя, но сова намного шумнее. Из-за этого Феникс не слышен, голос его тонок и тих, ненавязчив. В редкие мгновения мира и медитации Феникс становится слышен: "Что ты делаешь? Это не для тебя. Что ты ешь? Это не твоя пища. Что ты пьешь? Это не питье для тебя".

Но сова очень шумна и вы верили в эту сову так долго, что продолжаете следовать ей просто так, по привычке. Это стало мертвой привычкой. Вы просто следуете ей, потому что это линия наименьшего сопротивления. Существует колея. Вам не нужно ничего делать. Вы просто продолжаете бежать по дорожке, продолжаете бегать по кругу — те же самые желания, те же самые вожделения, те же самые амбиции. Не удивительно, что вы живете в муке, вы живете в сплошном кошмарном сне.

Позвольте же внутреннему Чжуан Цзы утвердить себя, дайте утвердиться внутреннему Фениксу. Прислушайтесь к нему, к его нешумному, негромкому голосу. Вам придется затихнуть, вам придется усыпить эту сову; только тогда вы сможете услышать. Сова

эта и есть эго, ум; Феникс — это душа. Он рожден на юге, из моря, он — не часть земли. Не из грязи, он рожден из широкого моря. Нестареющий, бессмертный. Он останавливается на отдых только на определенных священных платанах, ест лишь редчайшие изысканные плоды бамбука и пьет воду только из кристальных пресных родников. Эти источники, эти родники существуют, и эти священные деревья существуют. Вы теряете их из-за совы, и сова приобретает над вами власть.

Вся медитация — это не что иное, как попытка заставить эту сову замолчать, так, чтобы можно было расслышать тихий слабый голос. И тогда вы увидите, чем вы все это время занимались — потрошили дохлую крысу.

Чжуан Цзы прав. У премьер-министра не было причин для испуга. Когда вы, ваш внутренний Феникс, пробуждается к жизни, сова, премьер-министр, вначале очень сильно пугается. Ваш ум строит всевозможные препятствия медитации, потому что ум боится, премьер-министр боится — этот Чжуан Цзы, эта медитативность, является, чтобы вытеснить его.

Ваш ум схватит дохлую крысу и заухает в ужасе, будто кто-то собирается отобрать у него эту его пищу. Вначале такое обязательно произойдет — и вам нужно быть внимательным, осторожным и распознавать это. Лишь ваша осознанность будет помогать вам продвигаться все дальше и дальше.

Когда бы ни начиналась медитация, ум поднимает бунт. Он приводит вам какие угодно доводы: “Чем ты занимаешься, зачем ты зря тратишь время? Используй его! За это время можно столько сделать полезного. Эти мечты, эти планы столько времени ожидали, пока ты займешься их реализацией, а теперь ты тратишь время на всякую медитацию. Забудь ты про нее. Те, кто утверждает, что медитация возможна, лгут. Все эти Будды, эти Чжуан Цзы, не верь им. Прислушайся к голосу рассудка”, — уговаривает вас ум. Он сомневается во всем и во всех, но никогда он не сомневается в себе самом.

Рассказывают, что один человек разговаривал со своим маленьким сыном. Ребенку задали на дом письменную работу, и

теперь отец проверял ее. Орфографических ошибок там было столько же, сколько и слов, даже больше. Прочитав, отец сказал: “У тебя очень скверно с орфографией. Почему ты не смотришь в словарь? Когда ты сомневаешься, не ленись заглядывать в словарь”.

“Папа, но я никогда не сомневаюсь”, — пожаловался ребенок.

Так поступает и ваш ум. Он говорит Будде: “Папа, но я никогда не сомневаюсь”.

Ум никогда не подвергает сомнению самое себя, в этом-то и проблема. Он подвергает сомнению всех и каждого — он сомневается даже в Будде. Даже если Кришна стучится в вашу дверь, ваш ум будет сомневаться; если является Иисус, он будет сомневаться. Он всегда был таким, вы занимаетесь этими сомнениями беспрерывно.

??? СЛЕД. АБЗАЦ КОПИРУЕТСЯ В ПРЕДИСЛ. ???

Вы сомневаетесь во мне, но вы никогда не сомневаетесь в себе, потому что как только ум начинает сомневаться в себе, он сразу же перестает существовать. Раз возникло само-сомнение, то основание разбито, ум утратил свою уверенность. Раз вы начинаете подвергать сомнению ум, то, рано или поздно, вы сорветесь в бездну медитации.

??? КОНЕЦ КОПИРОВАНИЯ ???

Баал Шем, мистик, умирал. Его сын, которого звали Гертц, был на редкость сонным, бессознательным, вечно ни в чем не уверенным человеком. Перед смертью Баал Шем предупредил его, что эта ночь будет последней.

Но Гертц решил: “Никто не может знать, когда придет конец”. Он усомнился. Баал Шем был его отцом, и тысячи верили в то, что он — мессия, человек, который приведет миллионы к спасению. Но сын его сомневался, и той ночью он заснул. Проснулся он в середине ночи. Его отец был мертв. Тогда он начал рыдать и рвать на себе волосы. Он упустил свой величайший шанс, небывалый случай, и теперь уж невозможно было снова увидеть отца живым. Но он не усомнился в своем уме, он усомнился в Баал Шеме.

В испуге и отчаянии он разрыдался. Он зажмурил глаза и первый раз в своей жизни, теперь, когда его отец был мертв, он начал говорить с ним. Его отец много раз время от времени звал его: “Гертц,

приди ко мне". А он отвечал: "Да, я приду, но сначала мне надо доделать несколько важных дел",

Это подсказывает вам ваш ум. Я продолжаю звать вас: "Придите ко мне". "Сейчас есть другие более неотложные дела. Я приду попозже; подожди", — отвечаете мне вы.

Но смерть разрушила такую возможность. Поэтому Гертц зарыдал и, обращаясь к своему мертвому отцу, воскликнул: "Что мне теперь делать? Я в растерянности. Я во тьме. Но как же мне теперь избавиться от этого ума, который так обманул меня? Я никогда не сомневался в нем. Я сомневался в тебе. Я в этом очень раскаиваюсь".

Вдруг Гертц услышал внутренний голос, голос Баал Шема, произнесший: "Взгляни на меня. Делай то же самое, что и я". Перед Гертцем прошло, словно во сне, видение: Баал Шем поднялся на вершину горы и бросился в пропасть. "Сделай то же самое", — велел он.

Но Гертц возразил: "Никак не пойму". На самом деле, Гертц вновь усомнился: "Чего он от меня требует? Это же самоубийство".

Баал Шем рассмеялся и сказал: "Ты продолжаешь сомневаться во мне, не сомневаясь в себе. Тогда сделай так". И Гертц увидел огромную гору, всю в огне, как вулкан, огонь бушевал повсюду вокруг нее, плавя камни, и вся гора раскалывалась на части. Баал Шем велел: "Или сделай это. Поднимись на эту гору и швырни свой ум в бездну, сожги его полностью".

Как гласит история, Гертц заявил: "Я обдумаю это".

Когда вы говорите: "Я обдумаю это", — вы начали сомневаться. Думает сомнение, не вы. А когда сомнений нет, действует вера, но тоже не вы. Сомнение думает, вера действует. Благодаря сомнению вы можете стать великим философом; благодаря вере вы можете стать Чжуан Цзы, Фениксом, нестареющим, бессмертным Фениксом. Через сомнение вы можете проникнуть в таинства времени; через веру вы войдете в дверь вечности.

Я слышал о двоих заблудившихся в лесу глухой ночью. Это был очень опасный лес, полный диких зверей, очень густой; тьма окутала все вокруг. Один человек был философ, а другой был мистик; один —

человек сомнения, другой — человек веры. Внезапно разразилась гроза, загредел гром и ярко сверкнула молния.

Философ взглянул на небо, мистик посмотрел на тропу. В этот момент вспышки молнии тропа была перед ним, освещенная. Философ взглянул на молнию, и начал гадать: “Что происходит?” — и потерял тропу.

Вы заблудились в лесу более густом, чем в той истории. Ночь еще темнее. Иногда вспыхивают молнии. Опустите глаза на тропу.

Чжуан Цзы — это молния, Будда — это молния, я — это молния. Не смотрите на меня, посмотрите на тропу. Если вы смотрите на меня, то вы уже все упустили, потому что молния не будет светить долго. Она длится лишь мгновение, и мгновение это редкостно — когда вечность проникает внутрь времени; это как вспышка молнии.

Если вы смотрите на молнию, если вы смотрите на будду — а будда прекрасен, лицо его очаровательно, глаза его притягательны — если вы смотрите на будду, вы упустили тропу.

Взгляните на тропу, забудьте о будде. Посмотрите на тропу. Но такой взгляд возможен лишь тогда, когда нет сомнений, а есть вера; когда нет мышления, нет разума.

Чжуан Цзы нельзя осмыслить. Не думайте о нем. Просто дайте этой истории проникнуть в вас и забудьте ее. С помощью этой истории осветится тропа. Взгляните на тропу, и сделайте что-нибудь. Ступайте по тропе, действуйте. Думание, мышление не поведут вас, только действие, потому что мышление происходит только в голове. Оно никогда не сможет стать полным, тотальным, всеохватывающим; лишь когда вы действуете, это всеобъемлюще.

Хватит на сегодня.

4

ИЗВИНЕНИЯ

Если человек наступает на ногу чужому
посреди базара,
он вежливо извиняется
и объясняет:
“Здесь столько народу”.

Если старший брат
наступает на ногу младшему брату,
он говорит: “Извини”, —
и все.

Если родитель
наступает на ногу своему ребенку,
то не скажет вообще ничего.

Величайшая вежливость
свободна от всякой формальности.
Безукоризненное поведение не отягощено заботами.
Совершенная мудрость неспланирована.
Истинная любовь не нуждается в доказательствах.
Полная искренность не дает гарантий.

ИЗВИНЕНИЯ

Все великое, все прекрасное, все истинное и настоящее, — всегда спонтанно. Вы не можете его запланировать. Как только вы планируете что-то прекрасное, оно перестает быть таковым. В тот момент, когда начинается планирование, все становится ненастоящим, неистинным.

Но именно это случилось с человечеством. Ваша любовь, ваша искренность, ваша правда — все пошло насмарку, потому что вы планируете это, потому что вас учили не быть спонтанным. Вас учили, как манипулировать другими, контролировать, управлять, но не учили быть естественным потоком, течением. Вы стали жесткими, замерзшими, мертвыми.

Жизнь не поддается планированию. Жизнь не нуждается в планировании. Она самодостаточна. Планируют ли деревья, как расти, как созревать, как начинать цветение? Они просто растут, не будучи даже сознательны в этом росте. Нет самосознания, нет разделения.

Когда вы начинаете планировать, вам приходится разделять себя, вы становитесь двумя: тем, который контролирует, и тем, который подконтролен. Возникает конфликт, теперь вы никогда не будете в мире с самим собой. Вы можете преуспеть в контроле, но тогда мира не будет; и вы можете не преуспеть в контроле — тогда мира тоже не будет. Добиваетесь ли вы успеха или терпите неудачу, в конечном счете вы придете к признанию своего провала. Ваша неудача будет неудачей, ваш успех тоже будет неудачей. Что бы вы ни делали, жизнь ваша будет незавидной.

Это разделение рождает безобразность, уродство; вы не едины, а красота принадлежит единству, красота принадлежит гармоничному целому. Вся культура, вся цивилизация, все общества делают вас безобразными. Вся мораль лишь уродует вас, ибо она основана на разделении, на контроле.

Я слышал, что однажды Баал Шем путешествовал в красивой коляске, запряженной тройкой лошадей. Но он все больше и больше поражался, поскольку за три дня, которые он уже был в пути, ни разу ни одна из лошадей не заржала. Что случилось с ними? А потом, на четвертый день, проезжавший мимо крестьянин вдруг крикнул ему, чтобы он не натягивал так поводья. Он отпустил вожжи, и внезапно все три лошади заржали, они ожили. Все три дня без перерыва они были мертвы, они умирали.

То же самое происходит со всеми вами, с целым человечеством. Вы не можете ржать, а пока лошадь не заржет, она мертва, потому что ржание означает, что она наслаждается, что жизнь в ней бьет

ключом. Но вы не можете ржать, вы мертвы. Ваша жизнь никоим образом не является ни переполняющей вас песней, ни танцем, который рождается, когда энергия захлестывает вас.

Цветение — это всегда роскошь, а не необходимость. Ни для одного дерева цветы не являются жизненно необходимыми, ему вполне достаточно корней. Цветение всегда роскошно. Цветы появляются только тогда, когда дерево имеет слишком много, когда ему нужно отдавать, нужно делиться.

Когда вы имеете слишком много, жизнь становится танцем, праздником. Но общество не позволяет вам танцевать, праздновать, потому что общество должно следить, чтобы энергии у вас никогда не было больше, чем необходимо. Вам только и позволено, что жить на краю голодной смерти. Вам не дозволяется быть слишком наполненным, бьющим через край, потому что если вы слишком счастливы, переполнены, то вас невозможно контролировать, а общество хочет вас контролировать. Это — доминирование, очень тонкое доминирование.

Каждый ребенок рождается переполняющимся, брызжущим счастьем, энергией. Потом нам приходится отсекал источники его энергии, нам приходится отъединять ребенка здесь и там, так, чтобы он стал подвластным контролю. И основа всего этого контроля — разделить ребенка надвое. Тогда вам нечего беспокоиться, он и сам себя будет контролировать. Тогда вам не о чем заботиться, он и сам будет врагом самому себе.

Поэтому ребенку твердят: “Это плохо. Не делай этого”. Внезапно ребенок разделен, теперь он знает, что — дурно, а что — хорошо, теперь он знает, что часть его существа плохая, и его голова, его ум начинают его контролировать.

Благодаря разделению интеллект становится контролером, хозяином. Если вы не разделены, цельны, то никакой головы у вас не будет. Голова не исчезнет и не отвалится, но вы не будете ориентироваться на голову — ваша тотальная, цельная суть и будет вами.

Сейчас вы — лишь голова, а остальное тело служит только для ее поддержания. Голова стала эксплуататором, диктатором. И это было реализовано через разделение, через создание конфликта в вас. Вас

учили, что это хорошо, а это плохо. Интеллект выучивается этому, и затем интеллект начинает вас осуждать.

Запомните, что, если вы осуждаете себя, то вы будете осуждать каждого — вы будете осуждать все на свете. И тот, кто осуждает себя, не способен любить. Тот, кто осуждает себя, не может молиться. Тот, кто осуждает себя, — для него нет Бога, и не может быть. Осуждающий ум никогда не способен вступить в божественный храм. Только когда вы в танце, в экстазе, никого и ничто не осуждаете, только когда вы переполнены ощущением, что никто не контролирует вас и никто не управляет вами — только тогда жизнь становится “let-go” (пусть-идет-как-идет); она не формальна, она естественна. Тогда вы попадаете внутрь, тогда для вас все окружающее — это дверь. Теперь вы можете достичь храма, где бы вы ни находились.

Но прямо сейчас, такой, как вы есть, вы — шизофреничны. Вы шизофреник не только тогда, когда вам об этом говорит психоаналитик. Не нужно никакого психоаналитика, чтобы поставить вам диагноз. Общество творит шизофреников; разделенность — это и есть шизофрения. Вы не едины, не цельны. Вы родились цельным, но общество немедленно начинает обрабатывать вас, необходимо произвести важнейшую хирургическую операцию, вас постоянно оперируют, чтобы разделить. Потом общество спокойно, потому что вы сражаетесь сами с собой, ваша энергия рассеивается в вашей внутренней битве, она никогда не переполняет вас. Теперь вы неопасны.

Перехлестывающая, бьющая через край энергия оборачивается восстанием. Переполняющая энергия — это всегда бунт, переполняющая энергия всегда революционна. Она как река в половодье, в наводнение — она не верит в берега, в правила, в законы, она просто продолжает разливаться в сторону моря. Ей введома только одна цель — стать морем, стать бескрайней.

Переполняющая энергия всегда движется в направлении Бога. Бог в нашем мире утрачен, не по причине науки, не из-за атеистов, но из-за так называемых верующих. Они настолько разделили вас, что река теперь сражается сама с собой. Не остается ничего, никаких сил, чтобы двигаться вперед, не остается никакой энергии; вы так устали,

сражаясь с собой, как же теперь вы можете двигаться в сторону моря?

Один из основных законов Дао, Лао Цзы, Чжуан Цзы состоит в том, что, если вы спонтанны, то это самая высшая молитва; вы не можете потерять Бога, и, что бы вы ни делали, вы до него доберетесь. Поэтому Чжуан Цзы никогда не говорит о Боге; разговор здесь ни к чему, он не нужен. Он говорит лишь о том, как выявить в вас целостность. О святости говорить бессмысленно. Когда вы становитесь цельны, когда вы становитесь едины, вы становитесь святым. Когда ваши части, ваши составляющие растворяются в едином, ваша жизнь обращается в молитву. Но они никогда не говорят о молитве, это ни к чему.

Спонтанность, живущая как целое... Если вы хотите жить, как целое, то вы не можете ничего планировать. Кто будет планировать? Вы не можете решать на завтра, вы можете жить только здесь и сейчас. Кто будет решать? Если вы решаете, то рождается разделение; теперь вам придется манипулировать. Как вы будете планировать? Будущее неизвестно, а как вы можете планировать неизвестное? Если вы планируете неизвестное, то планирование опирается на опыт прошлого. Это значит: мертвое будет контролировать, распоряжаться живущим. Прошлое мертво, но прошлое продолжает руководить будущим — поэтому вам так все надоело. Это естественно, так и должно быть. Скука исходит из прошлого, потому что прошлое умерло, но оно все еще пытается воздействовать на будущее.

Будущее — это всегда приключение, но вы не даете ему стать приключением. Вы планируете его. Однажды спланированная, ваша жизнь катится по накатанной колее. Она — не река.

Когда вы находитесь в колее, вы знаете, что вы делаете, что происходит. Все это — лишь повторение уже пройденного. Кто будет планировать? Если планирует ум, ум всегда привязан к прошлому. Жизнь нельзя спланировать, потому что, планируя, вы совершаете самоубийство.

Жизнь может быть только незапланированной, движущейся от случая к случаю в неизвестное. Ну чего вы боитесь? Почему вы так пугаетесь незапланированной неизвестности? Вы всяко будете там,

чтобы реагировать на ситуацию; что бы ни случилось, что бы ни происходило, вы все равно попадете туда, в будущее, и будете поступать в соответствии с ним. Чего же вы боитесь? Зачем это все планировать?

Страх появляется потому, что вы не уверены: попадете вы в будущее, или нет. Вы настолько бессознательны, что у вас нет уверенности ни в чем. Вы вообще ничего не воспринимаете.

Если у вас намечается важный разговор на работе, то вы до мельчайших подробностей строите планы в уме: что сказать, как сказать, как войти в офис, где стоять, куда сесть. Но зачем? Вы будете там, тогда вы и сможете поступать соответственно.

Но вы сомневаетесь в себе, вы настолько невосприимчивы к окружающему, вы настолько бессознательны, тупы, что вы не знаете, не уверены — если вы не все запланируете, а вдруг что-нибудь пойдет не так. Если вы бдительны, чутки — тогда никаких проблем. Вы будете там, в будущем, и чего бы ни потребовала сложившаяся ситуация, вы сможете реагировать в соответствии с ней.

И помните, что все это планирование не поможет, потому что если вы не сможете быть сознательным, не сможете быть пробужденным, ориентироваться в ситуации, которую вы планируете, то тогда это планирование тоже делается во сне. А если вы повторяете одно и то же запланированное действие множество раз, оно становится механическим, и тогда, если возникает какая-то проблема, какой-то вопрос, вы можете реагировать автоматически. Ответ заготовлен, вы не нужны. Это модель, закрепленное клише, вы просто повторяете его; вы превращаетесь в механическое устройство, вы не нужны вообще. Можно дать ответ, он имеется в памяти; если вы многократно им пользовались, то вы знаете, что на него можно положиться.

Из-за планирования жизнь становится все более и более неосознанной, и чем более вы бессознательны, тем больше вам надо планировать. Еще задолго до физической смерти вы мертвы. Живой значит: отвечающий соответственно ситуации, воспринимающий. Живой значит: что бы ни происходило, я буду там и буду реагировать в соответствии с этим, и реакция эта будет исходить от меня, а не из памяти. Я не буду к этому готовиться.

Видите, какое получается несоответствие, когда христианский миссионер или христианский служитель, священник, готовит свою проповедь.

Я однажды побывал в теологическом колледже. Там они готовят своих священнослужителей, своих священников — пять лет обучения. Так я поинтересовался у них, а где подготовили и обучили Иисуса, кто научил его, как надо говорить.

Конечно, эти христианские священники мертвы, все у них распланировано. Когда вы говорите то-то и то-то, нужно сделать определенный жест; даже жесту недопустимо быть произвольным. Когда вы говорите так-то и так-то, у вас должен быть определенный взгляд; даже глазам не дозволено быть спонтанными. Как вам надо стоять, когда вы должны кричать, а когда вам нужно говорить шепотом, когда вам надо постучать по столу, а когда нет — все распланировано.

Я спросил их, где обучался Иисус. Да он вообще не был священнослужителем, он не был священником. Он никогда не ходил ни в какой теологический колледж, он был сыном плотника.

Две тысячи лет обучаются христианские священники, но из них не вышло ни единого Иисуса, и никогда и не выйдет ни одного, потому что нельзя научить быть Иисусом. Вы не можете произвести Иисуса на заводе. А это заводы, — эти теологические колледжи. Там вы выпускаете священников, а если эти священники прямо-таки скучны, мертвы, — обременительны, — то нетрудно понять, что такой же станет и вся религия.

Существуют религии двух типов. Есть религия от ума — и она мертва. Та религия известна как теология. А еще есть другой тип религии, религия действительная, спонтанная. Она не теологична, она таинственна, мистична. И помните, что у индуистов одна теология, у мусульман — другая, у христиан — третья, но религия, мистическая религия, та же самая; она не может быть разной.

И Будда, и Иисус, и Чжуан Цзы, и Лао Цзы, все они — одно и то же, ибо они не теологи. То, что они говорят, — не из головы, они просто изливают свои сердца. Они не логики, они — поэты. Они не пользуются никакими писаниями, их не учили этому, они просто

отзываются на потребность в вас. Их слова не заготовлены, их манеры не установленные, их поведение незапланировано.

Теперь обратимся к сутре Чжуан Цзы.

Если человек наступает на ногу чужому
посреди базара,
он вежливо извиняется
и объясняет:
“Здесь столько народу”.

Извинение необходимо из-за отсутствия близких отношений, этот другой — чужак. Объяснение необходимо, потому что нет любви. Если присутствует любовь, тогда необходимость в объяснении отпадает, другой и так поймет. Если есть любовь, то тогда незачем извиняться — любовь всегда понимает.

Таким образом, нет более высокой морали, чем любовь, и быть не может. Любовь — это высочайший закон, но если ее нет, то необходимо что-то взамен. И если вы наступили на базаре незнакомому человеку на ногу, нужно извиниться, и объяснить тоже:

“Здесь столько народу”.

В связи с этим нужно заметить еще одно. На Западе даже муж извинится перед женой, а жена — перед мужем. Это означает, что любовь исчезла. Это значит, что они стали чужими, что дома нет, семьи нет, что все вокруг превратилось в базар. На Востоке невозможно даже представить себе такую ситуацию, но западники думают, что люди Востока грубы. Муж никогда не извинится — незачем, потому что мы не чужие, и другой может понять. Извинение нужно только тогда, когда другой понять не может. А если любовь у вас такая, что не может понять, так что толку от извинений?

Если весь мир становится домом, то исчезают все извинения, все объяснения исчезают. Вы извиняетесь, потому что вы не уверены в другом. Извинение — это трюк, чтобы миновать конфликт, объяснение — это способ избежать конфликта. Но конфликт существует, и вы боитесь его.

Таков цивилизованный способ выбираться из конфликта! Вы наступили на ногу постороннему, вы замечаете раздражение в его взгляде — он разозлился, он ударит вас. Необходимо извинение, извинение утихомирит его гнев — это трюк. Вам незачем быть откровенным в ваших извинениях, это всего лишь общественный прием, он работает, как смазка. Вы именно для того и даете объяснение, чтобы сказать этим: “Я не виноват, здесь столько народу, это базар, ничего не поделаться, так получилось”. Объяснение подразумевает: “Я не несу ответственности”.

Любовь всегда несет ответственность, полно ли тут народу, или нет, потому что любовь всегда осознанна и чутка. Вы не можете свалить всю вину на ситуацию, *вы* ответственны.

Присмотритесь повнимательнее к этому явлению... Извинение — это прием, чтобы избежать конфликта, как смазка; а объяснение — это перекладывание ответственности на кого-нибудь другого. Вы же не говорите: “Я задумался, не смотрел по сторонам, поэтому я наступил вам на ногу”. Вы говорите: “Здесь столько народу!”

Тот, кто религиозен, так поступить не может, и, пока вы продолжаете так делать, вы никогда не станете религиозным, потому что религия означает принятие всей существующей ответственности, а не попытку увернуться, избежать ее. Чем более вы ответственны, тем больше осознанности возникает из этого; и, чем меньше вы чувствуете на себе ответственности, тем более и более бессознательным вы становитесь. Когда вы почувствуете, что на вас не лежит никакой ответственности, вы заснете насовсем. Именно это и произошло — не только в индивидуальных, межличностных отношениях, но и на всех уровнях общества.

Марксизм гласит, что общество в ответе за все. Если человек беден, то виновато общество, если человек вор, ответственно общество. Вы не виноваты, он не виноват — ни один индивидуум не несет ответственности. Вот почему коммунизм антирелигиозен — не потому, что он отрицает Бога, не потому, что он утверждает, что души нет, но потому, что он сваливает всю ответственность на общество, а вы — вы ни за что не отвечаете.

Взгляните на религиозное отношение, оно абсолютно другое, качественно иное. Религиозный человек считает себя ответственным

за все: “Если кто-то нищенствует, в этом виноват я. Тот нищий может быть на другом конце земли, я могу не знать о нем, пути наши, вероятнее всего, никогда не пересекутся, но если есть нищий, то я ответственен за это. Если где-то воюют, в Израиле, во Вьетнаме, где угодно, я никоим образом не принимаю в этом участия, но я несу за это ответственность. Я — здесь. И я не могу свалить вину на общество”. И что вы под этим подразумеваете, под словом “общество”? Где это общество? Это одна из величайших уверток. Существуют только индивидуальности — вы никогда не столкнетесь с обществом. Вам никогда не удастся засечь его: “Это вот — общество”. Повсюду существует — индивидуум, а общество — это всего лишь слово, это просто пустой звук.

Где же оно, общество? Древние цивилизации сыграли с нами злую шутку. “Бог ответственен, во всем виновата судьба”, — заявили они. Теперь коммунизм играет в ту же самую игру, утверждая, что ответственно общество. Но где же общество? Бог еще, может, где-то и есть, общества же нет нигде; есть только индивидуальности. Религия гласит: “Вы... а, еще более, я — в ответе за все”. И не нужно никаких извинений, чтобы избежать этой ответственности.

И еще одно запомните: когда вы чувствуете, что вы ответственны за все это безобразие, за все это бедствие, анархию, войну, насилие, агрессию — внезапно вы становитесь бдительны, чутки, сознательны. Ответственность проникает в ваше сердце и пробуждает в вас осознанность. Когда вы говорите: “Здесь столько народу”, — вы продолжаете бродить во сне. На самом деле вы наступили на чью-то ногу не потому, что тут полно народу, но потому что — вы бессознательны. Вы движетесь, как сомнамбула, как лунатик, разгуливающий во сне. Когда вы спотыкаетесь о чью-то ногу, вы вдруг просыпаетесь: ситуация изменилась, она стала опасной. Вы приносите извинение и, произнеся свое обычное: “Здесь столько народу!” — снова засыпаете. Затем вы возобновляете свою прогулку, вы бредете дальше.

Я слышал о простом деревенском паренке, который впервые попал в город. На станционной платформе кто-то наступил ему на ногу и сказал: “Простите”. Затем он направился в гостиницу, кто-то

снова толкнул его и сказал: “Простите!” Потом он пошел в театр и кто-то почти сбил его с ног со словами: “Простите”.

Тогда этот парень из деревни воскликнул: “Это здорово, а мы никогда не знали этой уловки. Делай все, что тебе угодно кому угодно и просто извиняйся!” И он двинул кулаком человека, проходившего мимо, и сказал: “Простите!”

Что же вы в действительности делаете, когда извиняетесь? Ваш сон встревожен, вы гуляли во сне — вы, должно быть, мечтали, воображали, что-то было у вас на уме — а потом вы на кого-то наступили. Не то, чтобы здесь было так уж много народу — вы бы споткнулись даже в пустыне, даже там вы бы на кого-нибудь наступили.

Это вы — ваша бессознательность, ваше неосознанное поведение. Будда не может споткнуться, даже если он на базаре, потому что он движется абсолютно осознанно. Что бы он ни делал, он знает, что делает. И если он наступает вам на ногу, то это значит, что он наступил сознательно; для этого есть определенные причины. Это, возможно, лишь затем, чтобы помочь вам проснуться, он мог именно для того и наступить вам на ногу, чтобы разбудить вас, но он не станет говорить, что здесь полно народу, он не даст вам никаких объяснений.

Объяснения всегда обманчивы. Они кажутся логичными, но они фальшивы. Вы даете объяснения, только когда вам нужно что-нибудь скрыть. Вы можете понаблюдать за этим в своей собственной жизни. Это не теория, это простой факт из опыта каждого — вы даете объяснения только тогда, когда хотите что-нибудь скрыть.

Правда не нуждается в объяснениях. Чем больше вы лжете, тем больше нужно и объяснений. Такое количество писаний существует лишь потому, что человек очень много лгал, и, чтобы скрыть это вранье, потребовалась масса объяснений. Вам приходится давать объяснение, потом это объяснение потребует дальнейшего объяснения, и еще, и еще... Это бесконечный регресс. И даже с последним объяснением ничто не объяснено, основная ложь остается ложью — вы не можете обратить ложь в истину всего лишь

ее объяснением. Ничего нельзя объяснить с помощью объяснений. Вы можете думать что угодно, но это так.

Однажды Мулла Насреддин собирался впервые лететь на самолете, и ему было очень страшно, но он старался, чтобы никто этого не заметил. Так бывает с каждым, кто летит впервые; все стараются ничем не выдать своего страха. Он старался вести себя беспечно, поэтому он шел очень храбро. Эта бравада была объяснением: “Я всегда путешествую самолетом”. Затем он уселся на свое место и захотел сказать что-нибудь, просто чтобы успокоиться, потому что когда вы начинаете разговаривать, вы храбреете; благодаря разговору страх меньше ощущается.

Поэтому Насреддин заговорил с пассажиром, сидевшим рядом. Он взглянул в окно и заметил: “Смотрите, что за невообразимая высота! Люди кажутся муравьями”.

“Сэр, мы еще не взлетели, — ответил его сосед. — Это *и есть* муравьи”.

Объяснения не могут ничего скрыть. Более того, они, напротив, выдают. Если вы способны видеть, если у вас есть глаза, то никакие объяснения не нужны. Было бы лучше, если бы вы помолчали. Но не пытайтесь сделать из молчания объяснение. Как от объяснения, от него пользы не будет. Ваше молчание будет выдавать вас, и ваши слова будут выдавать — лучше не быть лжецом! Тогда вам не нужно давать объяснений. Лучше быть правдивым; самое простое — быть истинным и подлинным, быть самим собой. Если вы боитесь, то лучше сказать: “Я боюсь”, — и, лишь только вы примете это, признаете этот факт, как ваш страх пропадет.

Принятие — это поистине чудо. Когда вы соглашаетесь с тем, что вам страшно, и говорите: “Это мое первое путешествие”, — вдруг вы чувствуете перемену, изменение в вас. Основной страх — это не страх, основной страх — это страх самого страха: “Я не хочу, чтобы кто-нибудь знал о том, что мне страшно, я не хочу, чтобы кто-нибудь догадался, что я трус”. Но в неизвестной, новой ситуации каждый трусит, а быть храбрым в новой ситуации просто глупо. Быть трусливым означает только одно: ситуация настолько нова,

необычна, что ваш ум не может предложить вам никаких ответов на нее, прошлое не может ничего посоветовать — и поэтому вы дрожите. Но это же хорошо! Зачем пытаться получить ответ из ума? Дрожайте себе, и предоставьте ответу возникнуть из вашего истинного сознания. Вы чувствительны, восприимчивы — вот и все; не убивайте эту чувствительность объяснениями.

В следующий раз, когда вы попытаетесь дать объяснение, осознайте, проследите, что вы делаете. Вы пытаетесь что-то скрыть, пытаетесь что-то оправдать? Это не поможет вам ни от чего отделаться.

Один нувориш отправился на пляж, самый дорогой, самый изысканный, и он безумно сорил деньгами, чтобы покрасоваться перед окружающими. А на следующий день, во время купания, утонула его жена. Ее вытащили на берег, собралась толпа, и он спросил: “Что же теперь делать?”

“Сейчас сделаем вашей жене искусственное дыхание”, — ответили ему.

“Искусственное дыхание? — воскликнул он. — Ну уж нет, сделайте ей настоящее. Я заплачу”.

Что бы вы ни делали, что бы вы ни не делали, что бы вы ни говорили, что бы вы ни не говорили — все выдает вас. Повсюду вас окружают зеркала. Каждый другой — это зеркало, каждая ситуация — это зеркало; и кого, как вы думаете, вы обманываете? Если обман войдет в привычку, в конечном счете вы будете обманывать только себя, и никого другого. Именно свою жизнь вы растрачиваете на обманы.

Чжуан Цзы говорит: “Объяснения показывают, что вы не правдивы, не истинны, вы не подлинны”.

Если старший брат
наступает на ногу младшему брату,
он говорит: “Извини”, —
и все.

Два брата... когда отношения более интимные, когда вы близки, другой — уже не чужой. Тогда объяснений не надо, брат просто извиняется. Он принимает вину. “Я был бессознателен”, — говорит он. Он не перекладывает ответственность на кого-то другого, он принимает ее, и все. Отношения более близкие.

Если родитель
наступает на ногу своему ребенку,
то не скажет вообще ничего.

Незачем: отношения еще интимнее, ближе. Здесь есть любовь, и она подействует. Не нужно никаких подмен, никаких объяснений, никаких извинений.

Величайшая вежливость
свободна от всякой формальности.
Безукоризненное поведение не отягощено заботами.
Совершенная мудрость неспланирована.
Истинная любовь не нуждается в доказательствах.
Полная искренность не дает гарантий.

Но все эти совершенства нуждаются в одной вещи — в спонтанной осознанности, пробужденности; в противном случае у вас всегда будут подделки, ваше лицо всегда будет фальшивым. Вы можете быть искренним, но, если вам приходится прикладывать для этого хоть какое-то усилие, тогда эта искренность — пустая формальность.

Вы можете любить, но если для вашей любви необходимы усилия, если ваша любовь того типа, о котором говорит Дейл Карнеги в “Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей”, если у вас такая любовь, то она не может быть настоящей. Вы управляете ею. Тогда даже дружба — это бизнес.

Остерегайтесь Дейлов Карнеги; это опасная публика, они разрушают все, что истинно и подлинно. Они показывают вам, как завоевывать друзей, они обучают вас трюкам, техникам, они делают вас умелым, они дают вам “ноу-хау” (knowhow — знаю-как).

Но в любви нет “ноу-хау”, и не может быть. Любовь не нуждается в тренировке, а дружба — это не нечто, чему нужно обучаться. Выученная дружба не будет дружбой, она будет самой обычной эксплуатацией — вы эксплуатируете другого и надуваете его. Вы не правдивы, не естественны, это деловые взаимоотношения, бизнес.

Но в Америке все стало бизнесом, и то, и другое — и дружба, и любовь. Книги Дейла Карнеги разошлись миллионными тиражами, сотнями редакций, они вторые по популярности после Библии.

Теперь никто уж не знает, как это — быть другом, этому нужно научиться. Рано или поздно, появятся колледжи любви, курсы практических уроков, высылаемые даже по почте, занятия, на которых вы будете учиться и практиковаться. И опасность в том, что если вы преуспеете в этом, то вы будете потеряны навсегда, потому что настоящего, истинного с вами уже никогда не произойдет, двери теперь окончательно закрыты. Став однажды умелым в каком-то определенном деле, ум сопротивляется. “Есть же проторенный путь, ведущий прямо к цели, — твердит он, — и ты отлично его знаешь, так зачем тебе другой?”

Ум всегда за линию наименьшего сопротивления. Вот почему умные люди никогда не способны любить. Они столь умны, что немедленно начинают манипулировать. Они не скажут, что у них на сердце, они скажут то, что будет привлекательнее. Они взглянут на другого и поймут, чего он хочет, чтобы сказать это. Они не раскроют своего сердца, но будут подстраивать ситуацию так, чтобы обмануть другого.

Мужья обманывают жен, жены обманывают мужей, друзья обманывают друзей... Весь мир стал самой настоящей толпой врагов. И существует лишь два типа врагов: те, кто умеет, может обманывать, и те, кто обманывать не может. В этом единственное отличие между ними. И после этого вы надеетесь, что в вашей жизни может зародиться экстаз?!

Экстаз не рождается в результате обучения. Подлинное не может придти через вышколенность, подлинное приходит через осознание, пробуждение — если вы осознанны, если вы живете, сознательно идя по пути. Увидьте разницу: жить сознательно — значит жить открыто, не скрывая, не подыгрывая. Быть чутким, бдительным —

значит быть уязвимым, и принимать все, что бы ни происходило. Вы принимаете это, и вы никогда не идете на компромисс, вы никогда ни на что не покупаетесь, отбрасывая свою осознанность. Даже если это приводит к тому, что вы остаетесь абсолютно один, вы примите одиночество, но вы будете сознательно чутки, будете осознанны, пробуждены. Только с этой бдительности, чуткости начинается настоящая религия, настоящая религиозность.

Я расскажу вам одну историю. Давным-давно случилось править королю, который был еще и астрологом. Он очень основательно интересовался изучением звезд. Однажды он установил, что употреблять в пищу урожай наступившего года будет опасно, и его обуяла паника. Всякий, кто съест что-либо из этого урожая, немедленно сойдет с ума. Король очень растерялся. Он вызвал премьер-министра, своего советника и консультанта, и рассказал ему, что непременно ожидает их в будущем: “Звезды говорят очень определенно, и, из-за сочетания космических лучей, урожай этого года будет ядовит. Такое случается крайне редко, раз в тысячи лет, но оно случится в этом году, и любой, кто поест от урожая этого года, сойдет с ума”. И он спросил своего советника: “Что же нам делать?”

“Запастись на каждого из урожая прошлого года уже невозможно, — ответил премьер-министр, — но одно можно сделать. Вы и я, мы оба можем прожить на остатках прошлогоднего урожая. Их можно изъять, реквизировать. Это не проблема, нам с вами этого хватит”.

“Так не пойдет. — возразил король. — Если все мои подданные, весь мой народ сойдет с ума — женщины, святые и мудрецы, слуги, все мои люди, даже дети — то мне незачем отличаться от них. Это было бы несправедливо — спастись нам с тобой; так дело не пойдет. Я уж лучше сойду с ума вместе со всеми остальными. Но у меня есть другое предложение. Я наложу на твою лоб печать безумия, а ты отметишь так же мое чело”.

“И чем это кому-нибудь поможет?” — удивился премьер-министр.

Король объяснил: “Я слышал, что это один из древних ключей мудрости, так давай его испробуем. После того, как все сойдут с ума, после того, как мы с тобой сойдем с ума, когда бы я ни взглянул на

твой лоб, я буду вспоминать, что я безумен. И когда бы ты ни посмотрел на мою голову, вспомни, что ты сумасшедший”.

Премьер министр был все еще озадачен; он спросил: “Но что это даст?”

“Я слышал от мудрых людей, — сказал король, — что, если ты сможешь вспомнить, что ты сумасшедший, то ты уже не безумен”.

Безумец не может помнить, что он безумец. И невежественный человек не может помнить, что он невежественен. Человек, который видит сон, не может вспомнить, что он видит сон. Если в вашем сне вы становитесь бдительны, сознательны и понимаете, что вы видите сон, то сон прекращается, вы сразу же просыпаетесь. Если вы осознаете свое невежество, то оно пропадает. Невежественные люди всегда верят в то, что они мудры, а безумные люди уверены, что они единственные, кто психически нормален. Когда кто-то становится действительно мудр, он приходит к этому через признание своего невежества. Поэтому король сказал: “Так мы и поступим”.

Я не знаю, что было дальше, на этом история заканчивается, но она, несомненно, наполнена глубоким смыслом.

Когда безумен весь мир, то спасти может лишь чуткость, бдительность — и ничто другое. Попытка оградить себя от мира, отправляясь в Гималаи, мало чем поможет. Когда безумны все, вы тоже станете безумны, ибо вы — часть и кусочек каждого; это всеобщее, органично всеобщее.

Как вы можете отделить себя? Как вы можете отправиться в Гималаи? Глубоко внутри вы все равно остаетесь частью целого. Даже живя в Гималаях, вы будете помнить своих друзей. Они будут стучаться в ваши сны, вы будете думать о них, вы захотите узнать, что они думают о вас — вы остаетесь соединены.

Вы не можете покинуть этот мир. Вне этого мира нет никаких пространств, мир — это один континент. Никто не может быть островом — острова глубоко внизу соединяются с континентом. Вы можете чисто внешне считать, что вы отделены, но отделиться никто не может.

Тот король действительно был мудр. Он сказал: “Все это не поможет, я не намерен быть посторонним, я буду частицей моего

народа, я принадлежу к нему, и вот что я сделаю. Я постараюсь помнить, что я безумен, потому что, лишь когда забываешь о своем безумии, то действительно сходишь с ума. Вот что нужно делать”.

Где бы вы ни были, напоминайте себе, что вы *есть*; это сознание того, что вы есть, должно стать непрерывным. Не ваше имя, не ваши каста, национальность, это пустое, абсолютно бесполезное. Просто помните это: “Я есть”. Это обязательно нужно помнить. Это то, что индусы называют самопамятью, что Будда назвал правильной памятью, что Гурджиив именовал самопамятованием, что Кришнамурти зовет осознанностью, пробужденностью.

Самая существенная часть медитации заключается в том, чтобы помнить это: “Я есть”. Гуляя, сидя, принимая пищу, разговаривая, помните это: “Я есть”. Никогда не забывайте этого. Это будет трудно, очень тяжело. Вначале вы будете продолжать забывать; будут лишь отдельные моменты, когда вы будете чувствовать себя освещенным, потом это чувство будет утрачиваться. Но не расстраивайтесь; даже отдельные мгновения — это уже много. Продолжайте, и когда бы вам ни удавалось вспомнить снова, снова ухватите нить. Когда вы забываете, не волнуйтесь — вспомните вновь, опять уловите нить — и постепенно промежутки станут уменьшаться, перерывы начнут выпадать, и возникнет непрерывность.

А когда ваше сознание ни становится непрерывным, потребность в уме отпадает. Тогда планирование отсутствует, тогда вы действуете, исходя из вашего сознания, а не из вашего ума. Тогда нет нужды ни в каких извинениях, нет нужды ни в каких объяснениях. Тогда вы есть то, что вы есть, вам нечего скрывать. Вы становитесь самим собой. Ничего больше вы сделать не в силах. Вы только и можете, что быть в состоянии сознательного вспоминания. Через это вспоминание, эту память, приходит подлинная религия, приходит подлинная мораль.

Величайшая вежливость
свободна от всякой формальности.

Если вы не формальны, то тогда нет чужих, нет посторонних. Идете вы по рынку или по заполненной толпой улице, чужих нет, все вокруг — друзья. И не только друзья, в действительности каждый —

это просто ваше продолжение. А тогда формальность, официальность ни к чему. Если я наступаю на свою собственную ногу — что весьма непросто — я не стану извиняться, я не скажу себе: “Здесь столько народу!” Когда я наступаю вам на ногу, я наступаю на ногу себе.

Полностью пробудившийся человек знает, что сознание едино, жизнь едина, суть, основа — одна; все сущее едино, цельно, оно неразделимо. Цветущее вон там дерево — это я в иной форме, камень, лежащий там на земле, — тоже я в другой форме. В целом все творение, все существование становится органичным единением — органичным, сквозь него протекает жизнь, а не механическое функционирование. Механическое единение — это другое: оно мертво.

Автомобиль — это механическое единение, в нем нет жизни, и поэтому вы можете заменить одну часть другой. Все части, все детали можно заменить. Но есть ли способ заменить человека? Это невозможно. Когда человек умирает, исчезает уникальный феномен; исчезает полностью, вы не можете его заменить. Когда умирает ваша жена или ваш муж, то как, кем вы их замените? Вы можете обзавестись другой женой, но это будет другая жена, а не такая же взамен первой. И воспоминание о первой всегда будет с вами; первую вам не забыть, она всегда будет подле вас. Она может стать тенью, но даже тени любви весьма реальны, важны для нас.

Вы не можете заменить человека, нет способов это сделать. Если это механическое единение, то жены — это заменимые части, вы можете даже иметь запасных жен. Вы можете хранить их у себя в кладовке и, когда бы ни умерла ваша жена, вы сможете ее заменить!

Это и происходит на Западе. Там начали мыслить на языке механизма. Теперь говорят, что ничто не является проблемой — если одна жена умирает, вы заводите другую... Таким образом, женитьба на Западе — это механическое единение, благодаря чему возможен развод. Восток отрицает развод, потому что женитьба — это единение органичное. Как вы можете заменить живого человека? Его никогда не будет вновь, если тот человек исчез в завершающем, окончательном таинстве.

Жизнь — это органичное единение. Вы не можете заменить растение, поскольку каждое растение уникально, вы не сможете найти другое точно такое же, это невозможно. Жизнь обладает свойством уникальности. Даже маленький камешек уникален — вы можете обойти весь мир в поисках такого же, но отыскать его вы не в силах. Чем вы можете его заменить? В этом отличие органичного единения от механического. Механическое единение состоит из частей; части заменимы, они не уникальны. Органичное единение состоит из целого, а не из частей. Части на самом деле — не части, они не отделимы от целого — они едины с ним, они уникальны, их нельзя заменить.

Когда вы становитесь чутки к внутреннему свету вашей глубинной сути, внезапно вы начинаете ощущать себя не островом, но — обширным континентом, бескрайним континентом. Не существует границ, отделяющих вас от него. Все границы фальшивы, они — плод воображения. Все эти границы — в вашем уме; существование, реальность — безграничны.

Тогда кто же может быть посторонним, кто же может быть чужим? Когда вы наступаете на кого-нибудь, это тоже вы, вы наступили на свою собственную ногу. Не нужно извинений, не нужно объяснений. Никого больше нет, вы один. И тогда жизнь ваша становится настоящей, подлинной, спонтанной; тогда она не формальна, тогда вы не ограничены никакими рамками. Вы пришли к познанию окончательного, высшего закона. Никаких правил больше не нужно. Вы сами стали законом — теперь незачем помнить правила.

Величайшая вежливость
свободна от всякой формальности.

Наблюдали вы за вежливыми людьми? Трудно найти людей более эгоистичных, чем они. Присмотритесь к вежливому человеку, к одному тому, как он стоит, как он разговаривает, как он выглядит, ходит; ему удалось добиться того, чтобы внешне все выглядело вежливо и прилично, но внутри правит эгоизм.

Посмотрите на так называемых “скромных людей”. Они твердят, что они — никто, но, когда они говорят это, загляните им в глаза —

там вы обнаружите притязание эго. Это очень хитрое эго, потому что, когда вы утверждаете: “Я кто-то”, — то все будет против вас, и всякий будет пытаться поставить вас на место. Если вы говорите: “Я никто”, — то все на вашей стороне, никто не станет вам препятствовать.

Вежливые люди очень хитры, умны. Они знают, что сказать, что сделать, и благодаря этому им удастся эксплуатировать вас. Если заявить: “Я кто-то”, — то в любом человеке это вызывает чувство протеста. Так возникает конфликт, потому что каждый понимает, что сказавший это — эгоист. И эксплуатировать людей потом будет нелегко, поскольку все настроены против вас. Но если вы говорите: “Я никто, я лишь пыль под вашими ногами”, — тогда двери открываются, и вы можете эксплуатировать. Весь этикет, культура, воспитанность, все правила хорошего тона — это разновидность искусной хитрости, а сами вы занимаетесь эксплуатацией.

Величайшая вежливость
свободна от всякой формальности.

Как-то раз Конфуцию довелось придти повидать Лао Цзы, мастера Чжуан Цзы. А Конфуций был воплощением официальной вежливости. Он был величайшим формалистом в мире, мир никогда не знал такого великого формалиста. Он целиком состоял из манер, официальности, культурности и этикета. И он явился повидать Чжуан Цзы, свою полную противоположность.

Конфуций был очень стар, Лао Цзы был менее стар. Формальность, вежливость заключалась в том, что, когда Конфуций вошел, Лао Цзы должен был бы встать, чтобы встретить его. Но тот остался сидеть. Конфуций не мог поверить, что такой великий мастер, известный по всей стране своею скромностью, может быть столь невежлив. Он даже не сдержался, чтобы не упомянуть об этом.

“Это нехорошо, — сразу же воскликнул он. — Я старше тебя”.

Лао Цзы громко расхохотался и возразил: “Никого нет старше меня. Я существовал еще до появления всего. Конфуций, мы одного возраста, все в мире одного и того же возраста. Мы существуем вечно, так что не таскай ты это бремя преклонного возраста, садись”.

Конфуций намеревался задать несколько вопросов. “Как должен поступать религиозный человек?” — спросил он.

“Когда появляется “как”, религии больше нет, — ответил Лао Цзы. — “Как” — это не вопрос для религиозного человека. Это “как” указывает не на то, что ты религиозен, но на то, что ты хочешь выглядеть религиозным — вот почему ты спрашиваешь “как”.

Спрашивает ли влюбленный, как ему любить? Он любит! И в самом деле, лишь спустя какое-то время понимаешь, что влюблен. Бывает и так, что лишь уже когда любовь ушла, человек осознает, что он любил. Любящий просто любит. Так получается. Это случается, а не делается”.

Что бы Конфуций ни спрашивал, Лао Цзы и на это отвечал так же, и Конфуция обуяло сильнейшее беспокойство: “Этот человек опасен!”

Когда он возвратился, ученики спросили его: “Ну и как, что за человек этот Лао Цзы?”

“Не подходите к нему, — сказал Конфуций. — Вы, может, и видели опасных змей, но ничто не идет в сравнение с этим человеком. Вы, возможно, и слышали о свирепых львах, так они ничто перед ним. Этот человек похож на дракона, который разгуливает по земле, может плавать в море, может отправиться на самый край неба — он очень опасен. Он не для нас, маленьких людей, мы слишком малы. Он опасен, безграничен, как бездна. Не подходите к нему, а то у вас закружится голова и вы можете сорваться в нее. Даже я ощутил головокружение. И я так и не смог понять, что он говорил, он за пределами понимания”.

Да, если вы попытаетесь понять его формально, то Лао Цзы не останется ничего другого, как быть за пределами понимания; в противном же случае он прост. Но для Конфуция он оказался трудным, почти невозможным для понимания, потому что тот воспринимает мир через форму, а Лао Цзы не имеет ни формы, ни формальности. Безымянный, бесформенный, он живет в бесконечности.

Величайшая вежливость
свободна от всякой формальности.

Лао Цзы сидит, Конфуций ожидает, что тот поднимется... Кто из них действительно вежлив? Уверенность Конфуция в том, что Лао Цзы встанет и приветствует и примет его, поскольку Конфуций старше, — это всего лишь проявление эгоизма. Теперь эгоизм принял форму возраста, старшинства.

Но Конфуций не способен был заглянуть в глаза Лао Цзы, а Лао Цзы был прав. “Мы одного возраста, — говорил он. — В действительности мы — это одно и то же. Та же самая жизнь, что протекает в тебе, протекает и во мне. Ты не превыше меня, я не превыше тебя. Вопросы о том, кто выше, а кто ниже, просто не существует, так же как не существует и вопроса о том, кто из нас старше. Нет такой проблемы, мы едины”.

Если бы Конфуций мог взглянуть в глаза Лао Цзы, то он увидел бы, что глаза те были божественны. Но человек, чьи собственные глаза заполнены законами, правилами, уставами, формальностями — практически слеп, он не может видеть.

Безукоризненное поведение не отягощено заботами.

Вы ведете себя хорошо, разумно, потому что на вас лежат обязанности. Вы поступаете правильно, обдуманно, потому что у вас масса забот.

Совсем недавно ко мне пришел человек. “Я хотел бы вырваться из всего этого, — сказал он, — я хотел бы стать саньясином, но у меня семья; дети мои учатся в колледже, и на мне лежит огромная ответственность за них”.

Он обременен. У него есть обязанности, которые надо выполнять, но любви у него нет. Обязанность — это забота, бремя; она мыслится в терминах того, что должно быть сделано, потому что этого от вас ожидают, потому что: “Что же скажут люди, если я брошу?” Кто думает о том, что скажут люди? Эго. Отсюда: “Что скажут люди? Сперва позвольте мне исполнить мои обязанности”.

Я никогда никому не советую ничего бросать, я никогда никому не советую ни от чего отречься, но я настаиваю на том, что не стоит поддерживать отношения по обязанности — потому что тогда все

отношения безобразны. Поддерживать отношения стоит из любви. Тогда этот человек не сказал бы: “На мне лежат обязанности, которые надо исполнять”. Он сказал бы: “Я не могу придти прямо сейчас. У меня подрастают детишки, я люблю их, и я счастлив, трудясь для них”.

И тогда это стало бы счастьем. Сейчас это не счастье, сейчас это — ноша, бремя. Когда вы несете ваш крест, когда вы обращаете в тягость даже вашу любовь, вы не можете быть счастливы. И если вы превратили вашу любовь в бремя, то ваша медитация тоже станет обязанностью, она начнет тяготить вас. “Все из-за этого гуру, этого мастера, — заявите вы тогда, — я попался на его удочку, и теперь мне приходится тратить время на эти медитации”. Медитация не будет исходить от вас, от вас всего, от вашей целостности; она не будет переполнением.

О чем же вам беспокоиться? Если существует любовь, то, где бы вы ни были, ноши, бремени — нет, вас ничто не тяготит. И, если вы любите ваших ребятишек, то, даже если вы покидаете их, они поймут. А если вы не любите ваших детей, но вы продолжаете служить им, то они тоже поймут; и они будут знать, что все это — просто фальшь.

Это сейчас и происходит. Люди приходят, чтобы увидеть меня, и жалуются: “Я трудился всю свою жизнь, а никто даже не испытывает благодарности по отношению ко мне”. Как же кто-то может быть благодарен вам? Вы тащили их, как ношу. Даже маленькие дети хорошо понимают, когда есть любовь, и они прекрасно понимают, когда вы просто исполняете свои обязанности. Обязанность безобразна, обязанность насильственна; она указывает на вашу обремененность, озабоченность; но она не может быть проявлением вашей спонтанности.

Чжуан Цзы говорит:

Безукоризненное поведение не отягощено заботами.

Если все сделанное совершено из любви — вы не потому честны, что честность выгодна, нет, но вы честны потому, что честность прекрасна.

Бизнесмены честны, если честность приносит им доход. Они так и говорят: “Честность — лучшая политика”. Как можно разрушать такую

прекрасную вещь, как честность, и превращать ее в лучшую политику! Политика — это политики, честность — это религия.

Один старик был при смерти. Он подозвал своего сына и сказал ему: “Теперь я должен открыть тебе свой секрет, ибо смерть моя уже близка. Всегда помни две вещи — благодаря им я добился успеха. Во-первых, когда бы ты что-то ни пообещал, сдержи данное слово. Чего бы это ни стоило, будь честен и выполни обещание. Это было моим принципом, на этом я основывал все свои дела, и поэтому я добился успеха. И второе — никогда никому ничего не обещай”.

Для делового человека даже религия — политика, и для политика религия — политика; все — политика, даже любовь — это политика. Короли, королевы никогда не вступали в брак с обычными, простыми людьми. Почему? Это часть их политики. Короли женятся на принцессах, на особах королевской крови, а цель этого — чтобы дела королевства шли как можно лучше. Два королевства породнились, теперь они станут дружественными и не будет вражды. Так кто же женился, кто выходил замуж?

В Индии, в старые времена, король мог иметь много жен, сотни, даже тысячи. Это было частью политики: женившись на дочери всякого, кто имел хоть какую-то власть, он мог создать сеть взаимоотношений власти. Те, на чьих дочерях вы женились, становились вашими друзьями, они начинали вам помогать.

Во времена Будды Индия состояла из пары тысяч королевств, поэтому самым удачливым королем можно было считать того, у кого было две тысячи жен, по жене от каждого королевства. Тогда он мог жить в мире, потому что у него не было врагов. Так вся страна становилась похожей на семью. Но как может среди подобных интересов существовать любовь? Любовь никогда не думает о последствиях, никогда не стремится к результатам. Она самодостаточна.

Безукоризненное поведение не отягощено заботами.

Совершенная мудрость неспланирована.

Мудрец живет от случая к случаю, никогда не планируя. Планы строят только невежественные люди, а когда планируют

невежественные, то что они могут спланировать? Они планируют, исходя из своего невежества. Право, незапланированными они были бы лучше, потому что из невежества рождается лишь невежество; из путаницы, беспорядка рождается только еще больший беспорядок.

Мудрец живет от случая к случаю, планов у него нет. Его жизнь просто свободна, как плывущее в небе облако, не стремящееся ни к какой цели, неопределенное. У него нет планов на будущее, жизнь его не расписана, он движется без карты; ибо истинна не цель, истинна — красота движения. Истинно не достижение, истинно — путешествие. Помните, что истинным является лишь путешествие, само странствование. Оно так прекрасно, зачем же беспокоиться о цели? Если вы слишком озабочены целью, вы утратите путешествие; а это путешествие и есть жизнь — цель может быть лишь смертью.

Это путешествие и есть жизнь, и путешествие это бесконечно. Вы были в пути, в движении с самого начала — если было какое-то начало. Те, кто знает, говорят, что начала вообще не было, так что вы пути без начала, и вы будете в пути без конца — но если вы целенаправлены, то вы этот путь, это движение утрачиваете. Все на свете — это путешествие, тропа, бесконечная тропа, никогда не начинающаяся, никогда не заканчивающаяся. Цели в действительности нет — цель придумана хитрым умом. Куда движется все это существование, все это творение? Куда? Никуда оно не направляется. Оно просто происходит, и движение это столь прекрасно; именно поэтому существование неотягощено. Нет плана, нет цели, нет намерения. Это не бизнес, это игра, лила (leela). Каждый момент сам по себе — цель.

Совершенная мудрость неспланирована.

Истинная любовь не нуждается в доказательствах.

Доказывать приходится при отсутствии любви. И чем меньше любви, тем больше вы доказываете, демонстрируете — когда она есть, никакие доказательства не нужны. Когда бы муж ни явился домой с подарком жене, она будет уверена, что что-то тут не так. Он, должно быть, перешел границы дозволенного, он наверняка встречался с другой. И теперь это — извинение, своего рода

оправдание, это замена; в то время как любовь — это такой подарок, что никаких других подарков не надо. Любовь не исключает подарков, нет, но любовь сама по себе — это самый большой подарок. Что еще вы можете подарить? Что может быть больше?

Но когда бы муж ни почувствовал, что дома что-то не так, что жена что-то подозревает, ему приходится это исправлять. Все должно быть вновь расставлено по местам, уравновешено. И тут возникает проблема — женщины так интуитивны, что сразу все понимают, ваш подарок не может их обмануть. Их невозможно этим обмануть; женщины все еще живут своей интуицией, своим нелогичным умом. Они немедленно вскидываются. Они поймут, что что-то не так, — иначе почему вдруг этот подарок?

Когда вы начинаете доказывать, демонстрировать — вы доказываете свою внутреннюю бедность. Если ваша саньяса становится демонстрацией, то вы не саньясин. Если ваша медитация превращается в доказательство, то вы не медитируете, потому что настоящее, истинное испускает такой свет, что нет нужды его демонстрировать или доказывать. Когда ваш дом освещен, когда во всех ваших окнах свет, то вам незачем бегать к соседям и говорить им: “Взгляните, у меня дома — лампа”. Она там и так видна. Но когда ваш дом темен, то вы стараетесь убедить ваших соседей, что в нем есть свет. Убеждая их, вы пытаетесь убедить себя. Это и есть причина, по которой вы хотите что-то доказать. Если другой убежден в чем-то, его убеждение, ее убеждение, их убеждение — помогает вам убедить самого себя.

Я слышал, что однажды у Муллы Насреддина был красивый дом, но вскоре он ему наскучил, как наскучивает любому его дом. Красив он или нет — разницы не составляет; живя каждый день в одном и том же доме, он заскучал. Дом тот был красив, с большим садом, несколько акров зеленого луга, плавательный бассейн, все что угодно. Но ему стало скучно, поэтому он вызвал агента по торговле недвижимостью и заявил тому: “Я хочу продать его. Я сыт по горло, этот дом стал для меня адом”.

На следующий день в утренних газетах появилось объявление; агент расписал все очень красиво. Мулла Насреддин перечитывал

его снова и снова,.. и в конце концов так в него поверил, что позвонил этому агенту: “Все отменяется, я передумал его продавать. Ваше объявление убедило меня, я теперь понял, что всю свою жизнь я искал именно такой дом, искал этот самый дом”.

Если вы сумеете убедить в вашей любви других, то вы сможете и сами в нее поверить. Но если вы любите, то незачем убеждать, вы и так это знаете!

Если вы мудры, незачем это доказывать. Но когда у вас есть лишь эрудиция, вы демонстрируете ее, доказываете другим, вы убеждаете их, а когда они убеждены в вашей мудрости, вы, глядя на них, тоже начинаете верить в нее. Когда вы обладаете мудростью, то не нужно никого убеждать. Даже если никто в это не верит, вы все равно знаете об этом, уверены в этом, потому что вы и сами по себе — достаточное доказательство.

Полная искренность не дает гарантий.

Все гарантии нужны из-за неискренности, из-за лицемерия. Вы гарантируете, вы обещаете, вы говорите: “Гарантирую, что я сделаю это”. В тот момент, когда вы даете гарантию, в то же самое мгновение и возникает лицемерие.

Полная искренность, полная откровенность не дает гарантий; ибо совершенная искренность — она так пробуждена, осознанна, осознанна во всем! Во-первых, будущее неизвестно. Как же можете вы что-то гарантировать? Жизнь меняется каждое мгновение, как вы можете обещать? Все гарантии, все обещания могут быть даны только на этот момент, но не на следующий. Для следующего момента ничего нельзя обещать. Вам придется подождать.

Если вы действительно искренни и любите женщину, то вы не можете пообещать: “Я буду любить тебя всю жизнь”. Если вы так говорите, вы лжете. Это обещание фальшиво. Но если вы любите, то вашей любви достаточно. Женщина не просит всей вашей жизни. Тот миг, когда нахлынет любовь, будет столь совершенен, будет таким многообещающим, что одного этого момента хватит на много жизней. Единственный момент любви — это целая вечность; она не

попросит. Но сейчас она просит, потому что сейчас любви нет. Поэтому она спрашивает вас: “Ты даешь гарантию? Ты обещаешь любить меня всегда?”

В этот момент нет никакой любви, поэтому она и требует гарантий. Даже в этот момент нет любви, а вы гарантируете на будущее — потому что только за счет таких обещаний вы можете обмануть в этот момент. Вы можете нарисовать красивую картинку будущего и вы можете закрасить жуткую картинку настоящего. “Конечно, я буду любить тебя всегда-всегда, — говорите вы. — Даже смерть не разлучит нас”. Что за чушь! Что за лицемерие! Как можете вы такое говорить?

Вы можете так поступать и поступаете так, потому что не осознаете того, что говорите. Следующий момент неведом; к чему он приведет, никто не знает: никто не знает, что случится в следующее мгновение; никто и не может этого знать.

Непредсказуемость — это часть будущей игры, игры в будущее, часть замысла. Как вы можете что-то обещать? Самое большее — вы можете сказать: “Я люблю тебя в это мгновение и в это мгновение я чувствую — это ощущение этого мгновения — что даже смерть не разлучит нас. Но это ощущение — в это мгновение. Это не гарантия. В этот момент я чувствую, и так и говорю, что буду всегда-всегда любить тебя; но это ощущение этого момента, это не гарантия. Что нас ожидает в будущем, не ведомо никому. Мы никогда раньше не знали об этом моменте, так как же мы можем что-то знать о других, будущих, моментах? Нам придется подождать. Нам придется преисполниться молитвы о том, чтобы так все и было, чтобы я любил тебя всегда-всегда; но это не гарантия”.

Полная искренность не может давать никаких гарантий. Полная, совершенная искренность настолько искренна, что она не может обещать: она дает то, что может дать только здесь и сейчас. Совершенная искренность пребывает в настоящем, у нее нет никакого представления о будущем.

Ум устремлен в будущее; существование, жизнь — пребывает здесь и сейчас. И полная искренность, полная откровенность принадлежит жизни, человеку, а не уму. Любовь, истина, медитация, искренность, простота, невинность — все принадлежат жизни. Иное

же, противоположное — относится к уму и, чтобы спрятать это противоположное, ум творит ложь, творит фальшивки: фальшивую искренность, которая гарантирует, обещает; фальшивую любовь, которая — всего лишь название обязанности; фальшивую красоту, которая лишь внешняя сторона внутреннего уродства. Ваш ум создает фальшивки, но помните, что именно вы-то и будете обмануты им.

Хватит на сегодня.

5

ТРИ УТРОМ

Что это за три утром?

Один дрессировщик обезьян, придя к своим подопечным, объявил им: “Что касается ваших бананов: вы будете получать по три штуки утром, и по четыре вечером”.

Услышав это, все обезьяны рассердились. Тогда дрессировщик предложил: “Ладно, тогда оставим по-прежнему: по четыре банана утром, и по три вечером”. Таким вариантом животные остались довольны.

Оба эти варианта были одинаковы — количество бананов не изменилось, но в одном случае обезьяны были недовольны, а в другом они были счастливы.

Дрессировщик охотно изменил свое собственное предложение соответственно конкретным условиям, ничего от этого не потеряв.

Истинно мудрый человек, рассматривая обе стороны проблемы без пристрастия,

видит обе их в свете Дао.

Это называется следовать в двух направлениях одновременно.

ТРИ УТРОМ

Закон трех утром. Чжуан Цзы очень любил эту историю. Он часто повторял ее. Она прекрасна, со многими смысловыми слоями. Внешне очень простая, она все-таки глубоко отражает деятельность человеческого ума.

Прежде всего нужно понять, что человеческий ум — это обезьяна. Это не Дарвин открыл, что человек произошел от обезьяны. Это давнишнее наблюдение: человеческий ум ведет себя подобно обезьяне. Очень редко случается, чтобы вы трансцендировали вашу обезьянность. Когда ум становится неподвижен, когда ум смолкает, когда в действительности ума вообще нет, тогда вы трансцендировали свое обезьянье подобие.

Что это такое — обезьянье подобие? С какой стороны ни глянь, ум никогда не бывает неподвижен. А пока вы не станете неподвижны, вы не сможете видеть истину. Вы волнуетесь, трепещете так сильно, что ничего не способны разглядеть. Чистое восприятие невозможно. Когда вы медитируете, что вы делаете? Вы приводите обезьяну в состояние неподвижности, покоя, — отсюда и все трудности медитации. Чем больше вы пытаетесь успокоить ум, тем больше он бунтует, тем больше в нем суматохи, беспорядка, тем беспокойнее он становится.

Видели вы когда-нибудь обезьяну, сидящую тихо и неподвижно? Исключено! Обезьяна всегда ест что-нибудь, что-то делает, раскачивается, болтает. То же делаете и вы. Человек изобрел массу занятий. Если нечем заняться, то он будет жевать жвачку; если нечего делать, то он будет курить! Это лишь глупые занятия, обезьяньи занятия. Нужно непрерывно что-то делать, чтобы оставаться занятым.

Вы настолько беспокойны, что вашей беспокойности необходимо так или иначе чем-то заняться. Поэтому, что бы ни делалось для борьбы с курением, эту привычку истребить невозможно. Только в мире, занимающемся медитацией, курение может быть побеждено —

иначе бороться с ним бесполезно. Даже если существует опасность умереть, или заболеть раком, или туберкулезом, не удастся бросить курить, потому что вопрос тут не просто в курении, вопрос в том, как избавиться от беспокойства.

Люди, повторяющие мантры, могут бросить курить, поскольку они нашли заменитель. Вы можете продолжать повторять: “Рам, Рам, Рам”, — и это становится одним из видов курения. Ваши губы работают, ваш рот движется, ваше беспокойство выходит наружу. Так что джапа (japa) может стать способом курения, лучшим сортом, от которого вред здоровью наименьший.

Но, в основе своей, это то же самое — ум ваш не может пребывать в покое. Вашему уму необходимо что-то делать, и не только, когда вы бодрствуете, но даже когда вы спите. Понаблюдайте как-нибудь за вашей женой или вашим мужем во сне, просто посидите тихо два или три часа и наблюдайте за лицом. Вы увидите обезьяну, а не человека. Даже во сне многое продолжает происходить. Человек занят. Такой сон не может быть глубоким, он не может быть по-настоящему расслаблять, потому что работа все идет и идет. День продолжается, перерыва, отдыха — нет; ум продолжает функционировать, как обычно. Продолжается постоянная внутренняя болтовня, внутренний монолог, и не удивительно, что вам все надоело. Вы сами себе надоели. Все кажется осточертевшим.

Мулла Насреддин рассказывал своим ученикам различные истории, когда внезапно начался дождь — наверное, день был, как сегодня. И прохожий, прячась от дождя, укрылся под тем же навесом, под которым Насреддин беседовал со своими учениками. Этот прохожий просто переждал дождь, но он не мог не прислушаться.

Насреддин рассказывал длинные истории. Много раз тот человек едва мог сдержаться, чтобы не прервать его, потому что Насреддин нес совершеннейшую чушь. Но он сдерживался снова и снова и говорил себе: “Какое мне дело до этого. Я здесь только из-за дождя, сейчас он закончится, и я уйду. Незачем мне лезть не в свое дело”. Но в какой-то момент он не выдержал. Он прервал Насреддина со словами: “Нет уж, довольно. Простите меня, это меня не касается, но вы уж хватили через край!”

Но сначала нужно рассказать вам ту историю и то место, где человек не смог сдержаться...

“Однажды, в годы моей юности, — рассказывал Насреддин, — я путешествовал по лесам Африки, черного континента. И вот как-то раз всего лишь в пятнадцати шагах от меня, вдруг выпрыгнул лев. У меня не было никакого оружия, защититься нечем, я один в лесу. Лев пристально на меня посмотрел и стал ко мне приближаться”.

Ученики очень разнервничались. Насреддин остановился на мгновение и взглянул на их лица. Один из учеников воскликнул: “Не томи нас в ожидании, что дальше?”

“Лев подходил все ближе и ближе, пока не оказался всего в пяти шагах от меня”, — сказал Насреддин.

“Хватит нас мучить. — взмолился другой ученик. — Расскажи нам, чем все кончилось”.

“Это же так очевидно, — ответил Насреддин, — попробуйте догадаться сами. Лев прыгнул и убил меня — и съел!”

Для прохожего это было уж слишком! “Ты утверждаешь, что лев убил и съел тебя, — воскликнул тот, — а сам сидишь здесь живой и рассказываешь об этом?”

Насреддин взглянул на него в упор и удивился: “Ха, и ты называешь это существо живым?”

Посмотрите на лица людей, и вы поймете, о чем он говорил. Вы называете это существо живым? То, которому, влачащему существование, смертельно все надоело?

Как-то раз один человек сказал Насреддину: “Я очень беден. Так жить совершенно невозможно. Как ты думаешь, не покончить ли нам с собой? У меня шестеро детей и жена, моя овдовевшая сестра и престарелые отец и мать. Выжить становится все труднее и труднее. Можешь ли ты что-нибудь посоветовать?”

“Ты можешь заняться двумя вещами и обе они помогут, — ответил Насреддин. — Одна — начни печь хлеб, потому что людям, чтобы жить, приходится есть, так что ты никогда не прогадаешь”.

“А другая?” — спросил человек.

“Начни шить саваны для мертвецов, потому что, если люди живы, они умрут. Это тоже недурной бизнес. Оба эти дела хороши — и хлеб, и саваны для мертвых”.

Через месяц этот человек вернулся. Он был совсем печален, выглядел даже еще более отчаявшимся. “Похоже, ничего не выйдет, — сказал он. — Я вложил все, что смог наскрести, в дело, как ты посоветовал, но, кажется, все против меня”.

Насреддин удивился: “Как такое может быть? Людям нужно есть хлеб, пока они живы, а когда они умирают, их родственникам приходится покупать саван”.

“Ты не понимаешь, — ответил человек. — В нашей деревне никто не живет и никто не умирает. Они все просто влачат существование”.

Люди просто влачат существование.

Вам не надо всматриваться в лица других, просто гляньте в зеркало — и вы увидите, что такое “влачить существование” — ни жив, ни мертв. Жизнь так прекрасна, смерть тоже великолепна — влачение безобразно.

Но почему все вы выглядите такими отягощенными, подавленными? Постоянная болтовня ума рассеивает, съедает всю энергию. Постоянная болтовня ума — это постоянная утечка в вашем существе. Энергия ваша рассеивается, теряется. У вас никогда не достанет сил ощутить себя живым, молодым, бодрым, а если вы не цветущи, не молоды, если вы измотаны, если вы вообще не живы, то и смерть ваша тоже будет очень вялой тоскливой историей.

Тот, кто живет напряженно, интенсивно, ярко, ярко и умирает, а когда смерть ярка, сильна, то она красива, она прекрасна сама по себе. Живущий полной жизнью, и умирает полной смертью, а где бы ни проявлялась эта полнота, эта глубина, там рождается красота. Смерть безобразна, но не из-за смерти, а из-за того, что вы никогда не жили нормально. Если вы никогда не были живы, так вы не заработали и красивой смерти. Ее надо заработать. Нужно жить так широко, тотально, так целостно, чтобы можно было умереть тотально, сразу, а не по частям. Вы живете местами, частично, по кускам, поэтому вы и умираете по кускам. Одна часть умирает, затем другая, потом еще одна, — а в итоге вы тратите много лет на то, чтобы

умереть. И тогда все это, вся эта ваша смерть, становится безобразно. Смерть могла бы быть прекрасна, если бы люди были живы. Эта ваша внутренняя обезьяна не дает вам быть живыми, и эта внутренняя обезьяна точно также не позволит вам красиво умереть. Эту постоянную болтовню необходимо прекратить!

Но что же это за болтовня, в чем тут дело? А дело в этих самых “трех утромах”, постоянно продолжающихся в уме. Чем вы занимаетесь в своем уме? Вы постоянно рассчитываете: сделать то, не делать этого, построить такой дом, продать тот дом; сменить этот бизнес на другой, потому что там прибыль будет больше; поменять эту жену, этого мужа. Чем вы занимаетесь? Просто перебираете варианты.

Чжуан Цзы говорит о том, что, если в конечном счете, после всего, вы взглянете на результат, то обнаружите, что он всегда будет одним и тем же. *Семь*. Дали тебе три банана утром и четыре вечером, или наоборот — четыре банана и три вечером — в сумме их семь. Это один из самых тайных и точных законов: результат всегда тот же самый.

Вы можете быть не в состоянии это уразуметь, но когда нищий или император умирают, их итог одинаков. Нищий жил на улицах, император жил во дворцах, но итог тот же самый. Богач и бедняк, преуспевающий и неудачник, — итог один и тот же. Если вы взглянете на итог, подводимый жизнью, то вы поймете, что имел в виду Чжуан Цзы под этими “тремя утромами”.

Что же происходит? Жизнь не беспристрастна, жизнь не пристрастна, жизнь абсолютно безразлична к вашему выбору вариантов — ее не волнуют те расчеты, что делаете вы. Жизнь — это дар. Вы можете сколько угодно переставлять местами слагаемые, итог от этого не изменится.

Богатый питается лучше, но утрачивает голод; он не может испытать настоящее чувство голода. Соотношение всегда одинаково. У него прекрасная постель, но с этой постелью приходит и бессонница. Он создал прекрасные условия для сна. Он должен бы впасть в *сусхупти* (sushupti) — в то, что индусы называют бессознательным *самадхи* — но этого не происходит. Он не может уснуть. Он всего лишь изменил вариант расстановки слагаемых.

Нищий спит прямо под открытым небом, на улице. Все идущие по дороге проходят мимо него, спотыкаются об него, а нищий спит. У него нет постели. То место, на котором он спит, неровное, жесткое и неудобное, но он спит. Нищий не в состоянии раздобыть приличной еды, это невозможно, поскольку ему приходится просить подаяния. Но у него отличный аппетит. Сумма не изменилась, конечный итог тот же самый. Результат: семь.

Преуспевающий человек не только преуспевает, с успехом к нему приходят все виды неприятностей. Неудача — это как раз не неудача, с ней приходит множество благословений. Итог всегда одинаков, но для осознания этого итога необходимо проникнуть в суть и осмотреться, нужна ясная перспектива. Нужны глаза, способные взглянуть на результат, потому что ум может смотреть только на фрагменты, на слагаемые. Если ум смотрит с утра, то он не в силах разглядеть, что будет вечером; если он смотрит вечером, то утро уже забыто. Ум не может окинуть взором весь день в целом, ум фрагментарен.

Только медитативное сознание может охватить все, целиком, от рождения до смерти — и тогда результат всегда — семь. Вот почему мудрец никогда не пытается переставить слагаемые. Вот почему на Востоке никогда не случалось революции — поскольку революция означает всего лишь перестановку слагаемых, выбор другого варианта.

Взгляните на то, что случилось в Советской России. В 1917 году на земле произошла величайшая революция. Расклад изменился. Я не думаю, чтобы Ленин, Сталин или Троцкий когда-то слышали историю о “трех утрах”. Они могли бы многому поучиться у Чжуан Цзы. Но тогда революции бы не было. Так что же в итоге изменилось? Капиталисты исчезли, не стало богатых, не стало бедных. Прежних классов больше не существовало. Но изменились только названия. Появились новые классы. До этого были богатые и бедные, капиталисты и пролетариат — теперь стали начальство и подчиненные. Но расстояние, различие, пропасть между ними остались теми же. Ничто не изменилось. Только теперь капиталиста вы зовете начальником!

Те, кто изучал революцию в России, говорят, что это не социалистическая революция, это революция управления. Между двумя классами остается та же пропасть, та же дистанция, а бесклассового общества как-то так и не появилось.

Чжуан Цзы очень смеялся бы. Он бы рассказал эту историю. Что вы сделали? Управляющий, начальник получил власть; подчиненные, управляемые — остались власти лишены.

Индусы говорят, что кто-то всегда будет власть имущим, управляющим, а кто-то всегда будет подчиненным. Существуют шудры (sudras) и кшатрии (kshatriyas); это не просто названия, это типы людей. Индусы разделили общество на четыре класса и они утверждают, что общество никогда не сможет быть бесклассовым. Это не вопрос общественного договора, соглашения — существуют четыре типа людей. Пока вы не измените сам этот тип, никакая революция не поможет.

Они утверждают, что есть тип трудящихся, работников — шудры, которые всегда останутся управляемыми. Если никто ими не управляет, они будут в растерянности, они будут несчастны. Они нуждаются в ком-то, кто распоряжается, приказывает, они нуждаются в ком-то, кому они могут подчиняться, они нуждаются в ком-то, кто может взять на себя всю ответственность. Они не готовы принять ответственность. Таков этот тип. Если начальник, управляющий неподалеку, то только тогда люди этого типа будут работать. Если начальства нет, он будут попросту сидеть сложа руки.

Управляющий может быть тонким, очень специфическим явлением, даже невидимым. Например, в капиталистическом обществе управляет мотив выгоды. Шудра работает не потому, что он любит работу, не потому, что работа — его хобби, не потому, что это творчество, но потому, что ему нужно кормить себя и свою семью. Если он не будет работать, кто его накормит? Мотив выгоды, материальной заинтересованности, голод, тело, желудок — вот что подталкивает его, управляет.

В коммунистическом обществе этот мотив, этот стимул не работает. Там приходится ставить видимых, осязаемых управляющих. Говорят, что в сталинской России на каждого гражданина было по милиционеру; иначе было бы трудно управлять, потому что мотива

выгоды, стимула материальной заинтересованности больше не было. Необходимо его заставить, необходим приказ, к нему постоянно должны придираться, только тогда шудра станет работать.

Всегда существует тип бизнесмена, торговца, который наслаждается деньгами, богатством, самим процессом накопления. Он будет это делать — как он это будет делать, значения не имеет. Если доступны деньги, он будет собирать деньги; если деньги недоступны, тогда он будет собирать марки. Но он будет это делать, он будет собирать, копить. Если марки недоступны, он будет собирать последователей — но собирать он будет! Ему нужно оперировать числами. Он будет иметь десять тысяч, двадцать тысяч последователей, миллион последователей. Это такое же высказывание, как и то, что у него миллион рупий!

Обратите свой взор к вашим садху — чем больше у них последователей, тем более они велики. Таким образом, последователи — это ничто иное, как счета в банке. Если никто не следует вам, то вы никто — тогда вы бедный гуру. Если множество людей, толпы следуют за вами, тогда вы богатый гуру. Что бы ни произошло, бизнесмен будет собирать. Он будет считать. Такая материальность, вещественность — сверхматериальна, она дана свыше.

Есть воин, который будет воевать — по любому поводу. Он будет сражаться, сражение у него в крови. Из-за наличия людей такого типа мир не может жить в мире. Это невозможно. Раз в каждые десять лет должна быть большая война. И если вы хотите избежать больших войн, тогда пусть у вас будут небольшие, локальные войны, но итог останется тем же. Из-за атомных и водородных бомб большая война стала почти невозможна. Вот почему по всему миру столько горячих точек, внутренних конфликтов: во Вьетнаме, Кашмире, Бангладеш, Израиле, множество мелких войн, но итог будет тем же. За пять тысяч лет человек участвовал в пятнадцати тысячах войн, по три войны в год.

Существует тип, которому нужно воевать. Вы можете изменить этот тип, но изменения будут поверхностны. Если этому воину не позволят сражаться на войне, он будет сражаться как-нибудь по-другому. Он будет сражаться на выборах, или может стать

спортсменом — он может сражаться в крикете или в футболе. Но он будет сражаться, он будет соперничать, ему нужен кто-то, кому бросить вызов. Здесь или там, но сражение должно произойти, чтобы удовлетворить его. Вот почему по мере развития цивилизации, людям обязательно должно предлагаться все больше и больше игр. Если тип воина не занять играми, то чем он займется?

Пойдите и понаблюдайте, как люди безумствуют во время матча по крикету, футболу или хоккею, как будто это очень серьезно, как будто они сами участвуют в игре! Сражаются игроки, — а болельщики вокруг них сходят с ума. Вспыхивают драки, происходят беспорядки. На стадионах всегда опасно, потому что тип приходящих туда, — это тип воина. В любой момент все может пойти не так, как предполагалось.

Есть тип брамина, который всегда живет словами, писаниями. На западе такого типа, как брамины, нет; но название не важно, брамины существуют повсюду. Ваши ученые, ваши профессора — все университеты заполнены ими. Они продолжают работать со словами, с символами, создавая и развивая теории, защищаясь, споря. Они продолжают заниматься этим иногда под именем науки, иногда под именем религии, иногда под именем литературы. Имена меняются, но брамин продолжает свое дело.

Существуют эти четыре типа. Вы не можете построить бесклассовое общество. Эти четыре типа сохранятся, и в результате ситуация останется той же самой. Фрагменты могут меняться, слагаемые можно переставлять. Утром вы можете делать одно, вечером что-то другое, но итог всего дня останется прежним.

Я слышал о молодом ученом, отец которого был против его научных исследований. Отец всегда считал, что это бесполезно. “Не трать понапрасну время, — заявил он своему сыну. — Лучше выучись на врача, это будет более практично и для людей полезнее. Голые теории, абстрактные физические теории, никому не помогают”. В конце концов он убедил своего сына, и тот стал врачом.

Первый пациент, пришедший к нему, страдал пневмонией в очень тяжелой форме. Доктор справился по своим книгам — потому что

был абстрактным мыслителем, брамином. Он сверял то одно, то другое. Пациент стал проявлять нетерпение, он спросил: “Долго еще?”

Ученый, ставший теперь врачом, ответил: “Сомневаюсь, чтобы была хоть какая-то надежда. Вы умрете. При этой болезни летальный исход неизбежен, она неизлечима”. Пациент, который был портным, пошел домой.

А две недели спустя врач проходил мимо его дома и увидел этого портного за работой, здорового и полного сил. “Как, вы все еще живы? — поразился он. — Вы же должны были давно уже умереть. Я сверялся с книгами, это невозможно. Как вам удалось остаться в живых?”

“Вы сказали мне, что в течение недели мне предстоит умереть, — объяснил портной, — вот я и подумал: “Тогда почему бы не пожить в свое удовольствие? Осталась всего неделя...” А моя слабость — это картофельные блины, так что я вышел из вашей приемной, пошел прямо в кафе и съел тридцать два картофельных блина — и в ту же секунду я ощутил огромный прилив сил. И теперь я в полном порядке!”

Доктор сразу же записал в своем блокноте, что тридцать два картофельных блина — верное средство от тяжелых случаев пневмонии.

Следующий пациент случайно тоже был болен пневмонией. Он был сапожником. “Не беспокойтесь. Я только что открыл средство от этой болезни, — сказал ему доктор. — Немедленно пойдите и съешьте тридцать два картофельных блина, не меньше тридцати двух, — и вы будете в порядке; в противном же случае вы умрете в течение недели”.

Через неделю доктор постучался в дверь дома сапожника. Она была заперта. “Он умер, — сказал ему сосед. — Ваши картофельные блины убили его”. Доктор тотчас же записал в блокноте: “Тридцать два картофельных блина помогают портным, но убивают сапожников”.

Это — абстрактный ум. Он не может быть практичным, это — брамин.

Вы можете изменить наружность, вы можете намалевать лицо, надеть маску, но внутренний тип остается неизменным. Поэтому Восток не затруднял себя революциями. Восток ждет; и те, кто на Востоке мудр, видя происходящее на Западе, знают, что вы забавляетесь с игрушками. Все ваши революции — это игрушки. Рано или поздно, вы придете к тому, что осознаете закон о “трех утром”.

Что это за “три утром”? Должно быть, ученик задал вопрос Чжуан Цзы, потому что, когда кто-нибудь упоминал революцию или переворот, Чжуан Цзы хохотал и восклицал: “Закон о трех утром”. Поэтому ученик, видимо, спросил: “Что это за “три утром”, о которых ты всегда упоминаешь?”

И Чжуан Цзы пояснил:

Один дрессировщик обезьян,
придя к своим подопечным, объявил им:

“Что касается ваших бананов:

вы будете получать по три штуки утром,
и по четыре вечером”.

Услышав это, все обезьяны рассердились...

Потому что раньше они получали четыре банана утром и три вечером. Ясное дело, они рассвирепели! “Ты что это выдумал?! Мы всегда получали четыре банана утром, а теперь ты заявляешь: “Три”. Мы такого не потерпим”.

Тогда дрессировщик предложил:

“Ладно, тогда

оставим по-прежнему:

по четыре банана утром,
и по три вечером”.

Таким вариантом животные остались довольны.

В итоге все осталось по-прежнему... но обезьяны не могут разглядеть результат. Это было утром, поэтому они могли видеть только утро. Заведенный порядок был таков: каждое утро они

получают по четыре банана, и они ожидали четырех бананов, а тут этот человек говорит: “По три банана утром”! Он урезает порцию на один банан. Ну как такое стерпеть! Они начали сердиться, они взбунтовались.

Но этот обезьяний дрессировщик, надо полагать, был мудрым человеком. Если вы не мудры, то трудно быть дрессировщиком обезьян. Я знаю это из своего собственного опыта. Я — дрессировщик обезьян.

Дрессировщик обезьян сказал: “Ладно, тогда не беспокойтесь. Я буду придерживаться старого варианта. Вы получите по четыре банана утром и по три вечером”. Обезьяны были счастливы. Бедные обезьяны! — они могут быть счастливы или несчастны без какой-либо на то причины. Но этот человек обладал большей перспективой. Он мог видеть, он умел складывать четыре плюс три. Результат был все тем же — им выдавалось по семь бананов в день. Как они получили их и каков был вариант, из каких слагаемых получилась сумма, значения не имеет. Оба варианта были одинаковы, число бананов осталось прежним, но в одном случае обезьяны были недовольны, а в другом они были прямо-таки счастливы.

Так работает ваш ум: вы просто продолжаете переставлять слагаемые. При одном варианте расстановки их вы чувствуете себя удовлетворенными, при другом вы несчастны — а в итоге все остается тем же. Но вы никогда не смотрите на результат. Ум не может видеть то, что стоит за знаком равенства. Только через медитацию можно разглядеть итог. Ум смотрит на слагаемые, на фрагменты, он близорук, очень близорук. Поэтому, когда бы вы ни испытывали наслаждение, вы немедленно бросаетесь в него сломя голову, вы никогда не задумываетесь, не смотрите, а что же будет вечером. Когда появляется наслаждение, в нем всегда сокрыты страдание, боль. На это указывает весь ваш опыт, но вы этого не сознаете. Страдание придет вечером, а удовольствие — вот оно, здесь, утром, сейчас.

Вы никогда не вглядываетесь в то, что спрятано, в то, что невидимо, в то, что скрыто. Вы смотрите только лишь на поверхности, и сходите с ума. Вы занимаетесь этим всю свою жизнь. Вы попадаетесь на фрагменты, на внешность. Многие люди приходят ко

мне и говорят: “В начале, когда я женился на этой женщине, все было прекрасно. Но счастье разрушилось в несколько дней. Теперь все стало безобразно, теперь это — сплошной кошмар”.

Однажды произошла автомобильная авария. Машина перевернулась и оказалась в кювете. На земле возле нее лежал совершенно изувеченный человек, почти без сознания. Подошел полицейский и стал что-то заполнять в своем блокноте. “Вы женаты?” — спросил он этого человека.

Тот сказал: “Я разведен. О, это была самая большая неприятность из тех, что выпадали на мою долю”.

Говорят, что знающие, что такое семейная жизнь, никогда не женятся. Но как вы можете узнать, что произойдет в браке, кроме как заключив его? Вы смотрите на человека, на фрагмент — на его внешность, но часто внешность эта, когда вы позднее, после всего, оглянетесь назад, покажется вам весьма дурной.

Цвет глаз — что за глупость! Как ваша жизнь может зависеть от цвета ваших или чьих-то еще глаз? Как может ваша жизнь быть прекрасной только из-за цвета глаз? — маленький пигмент, достойный трех или четырех пенни. Но вы становитесь романтичны: “О, глаза, цвет глаз”. Тогда вы сходите с ума и решаете: “Если я не женюсь на этой женщине, жизнь моя будет потеряна, я покончу с собой”.

Но вы не ведаете, что творите. Невозможно прожить цветом глаз вечно. В течении двух дней вы привыкнете к этим глазам, и вы их забудете. Тогда перед вами целая жизнь, во всей ее полноте. И тогда начинается кошмар. Еще до того, как заканчивается медовый месяц, наступает кошмар, страдание; человек в его полноте не принимался в расчет — ум не может видеть того, что в итоге. Он смотрит только на поверхность, на фигуру, лицо, волосы, цвет глаз, на походку женщины, на то, как она говорит, звук ее голоса. Это части, но где же весь человек?

Ум ваш не может видеть результата. Ум смотрит на фрагменты, оперирует фрагментами, и он клюет на эти фрагменты. Как только он на крючке, то появляется итог — итог недалек. Глаза существуют не сами по себе, они — часть всего человека. Если вы попались на глаза, то дело-то иметь вам приходится со всем человеком целиком, а не

только с его глазами. И когда возникает, проявляется это самое “целиком”, рождается кошмар.

Так кто же в этом виноват? Вам стоило бы принять в расчет всего человека полностью. Но утром ум интересуется только утром и совершенно забывает про вечер. Хорошенько запомните — после каждого утра наступает вечер. Утро всегда переходит в вечер, и ничего с этим не поделаешь, вы не можете его задержать.

Чжуан Цзы говорит:

Оба эти варианта были одинаковы — количество бананов не изменилось, но в одном случае обезьяны были недовольны, а в другом они были счастливы.

Обезьяны — это ваши умы; они не могут охватить целое. Из-за этого наступает кошмар. Вы всегда попадаете впросак, вы все упускаете из-за фрагмента. Если вы способны сначала взглянуть на целое, а затем действовать, то ваша жизнь никогда не станет адом. И тогда вы не будете беспокоиться о поверхностном, о внешних вариантах, о расстановке слагаемых, об утре и вечере, потому что тогда вы умеете считать — а бананов в сумме всегда семь. Получили вы утром четыре или три банана, не имеет значения — в день их всего семь.

Мне рассказывали, как маленький мальчик пришел домой из школы очень озадаченным. “Что у тебя за проблемы?” — спросила его мать.

“Я запутался, — объяснил ребенок. — Похоже, наша учительница сошла с ума. Вчера она сказала, что четыре плюс один будет пять, а сегодня она нам сказала, что три плюс два получается пять. Она, должно быть, сошла с ума, потому что когда четыре плюс один — это уже пять, то как могут быть пятью три плюс два?”

Ребенок не может понять, как пять может получаться разными способами — не существует единственного набора слагаемых,

дающих в сумме пять. Могут быть миллионы наборов слагаемых, результатом сложения которых будет пять.

Как бы вы ни устраивали свою жизнь, чем бы они ни занимались, религиозный человек всегда смотрит на итог, а мирской человек всегда будет ориентироваться на фрагмент. В этом и заключается различие. Все то, что поблизости, будет приковывать внимание мирского человека, но он не будет видеть скрытого вдали. А отдаленное на самом деле не столь уж и далеко, оно вот-вот станет близким. Оно скоро произойдет. Вечер наступает быстро.

Способны ли вы разглядеть перспективу всей вашей жизни? Говорят, и я думаю, это правда, что когда человек тонет, то внезапно вся его жизнь, целиком, подводя итог, проходит перед его взором. Вы умираете, тонете в реке, времени у вас не осталось, и внезапно в поле зрения вашего ума разворачивается целая жизнь от начала и до конца. Как будто весь фильм проходит на экране ума. Но какой прок от этого, если вы умираете?

Религиозный человек оглядывается на результат каждое мгновение. Там вся жизнь, и он действует, исходя из этой перспективы целого. Он никогда не будет сожалеть, как всегда делаете вы. Это неизбежно: как бы вы ни поступили, вы будете об этом сожалеть.

Однажды король решил посетить сумасшедший дом. Директор этого сумасшедшего дома сопровождал его, они заходили в каждую палату. Король весьма интересовался таким явлением, как сумасшествие, он изучал его. Каждому следовало бы интересоваться, потому что это проблема каждого. И вам не нужно отправляться в сумасшедший дом: пойдите куда угодно и изучайте лица людей — вы будете заниматься изучением в сумасшедшем доме!

Один сумасшедший плакал и вопил и бился головой о решетку. Его мучения были столь глубоки, столь искренни, его страдание было таким проникновенным, что король попросил рассказать о том, как этот человек сошел с ума. “Этот человек любил одну женщину, — ответил директор, — но не смог ее добиться, — и попал сюда”.

Затем они прошли в другую палату. В ней находился человек, плевавший в женский портрет. “А что случилось с этим человеком?

— спросил король. — Похоже, он тоже имел дело с женщиной”.

Директор объяснил: “Да, с той же самой. Этот человек тоже влюбился в нее, но он ее добился. И поэтому он здесь”.

Если вы получаете то, чего хотите, вы сходите с ума; если вы не получаете того, что хотите, вы сходите с ума. В итоге — одно и то же. Что бы вы ни делали, вы будете об этом сожалеть. Фрагмент никогда не может быть полным. Целое столь велико, а фрагмент настолько мал, что вы не можете вывести целое из фрагмента. И, если вы полагаетесь, рассчитываете на фрагмент и соответственно с этим принимаете решения в вашей жизни, вы всегда будете обнаруживать, что все ваши усилия пропали втуне. Вся ваша жизнь будет потрачена зря.

Так что же нам делать? Что Чжуан Цзы хочет, чтобы мы сделали? Он хочет, чтобы мы не были разделены, фрагментарны — он хочет, чтобы мы были полными, целостными. Но не забывайте, что вы можете разглядеть результат лишь тогда, когда *вы* полны, *вы* цельны, ибо только подобное может познать подобное. Как вы можете распознать целое, итог, если вы фрагментарны? Если вы разделены, раздроблены на части, целое не отразится в вас. Когда я говорю о медитации, я имею в виду ум, который больше не разделен, в котором все фрагменты слились воедино. Ум, который неразделим, целостен, един.

Такой ум видит в глубину, до самого основания. Он видит от смерти до рождения, он видит от рождения до смерти. Обе противоположности проходят перед его взором. И из этого взора, из этого проникающего видения, рождается действие. Если вы спросите меня, что такое грех, то я скажу: “Действие, проистекающее из фрагментарного ума, это грех”. Если вы спросите меня что есть добродетель, то я скажу: “Действие, порожденное цельным умом, есть добродетель”. Вот почему грешнику вечно приходится каяться.

Вспомните вашу собственную жизнь, изучите, просмотрите ее всю. Что бы вы ни делали, что бы вы ни выбирали, то или это, все равно у вас ничего хорошего не выходит. Добиваетесь ли вы женщины или теряете ее, в обоих случаях вы сходите с ума. Что бы вы

ни выбирали, выбираете вы несчастье. Поэтому Кришнамурти постоянно настаивает на освобождении от потребности выбирать.

Попытайтесь это понять. Вы здесь, слушаете меня. Это выбор, потому что вы, надо полагать, оставили незаконченной какую-то работу, отложили какие-то дела. Вам нужно бы пойти в офис, в магазин, к семье, на рынок, а вы — здесь, слушаете меня. Этим утром вы, должно быть, решали, как вам поступить. То ли пойти послушать этого человека, то ли отправиться на работу, в офис, на рынок. Тогда вы выбрали придти сюда.

Вы сделали выбор — придти сюда. Вы будете сожалеть о своем выборе... потому что даже пока вы здесь, вы не можете быть здесь полностью, тотально: половина ума там, и вы только ждете, пока я закончу, чтобы вы смогли уйти. Но не думаете ли вы, что, выбери вы другой вариант, пойдя вы в магазин или в офис, то вы были бы полностью, целиком там? Нет, потому что это опять был бы выбор. Вы будете там, а ваш ум будет здесь. И вы будете сожалеть: “Что я упускаю? Кто его знает, что там происходит, о чем говорится? Кто знает, какие тайны будут открыты там этим утром?”

Поэтому, что бы вы ни выбирали, решаете ли вы придти или не приходиться, но, если вы сделали выбор, то это означает, что его желала лишь половина вашей души или чуть больше. Это демократическое, парламентское решение. С большинством ума вы решили, но меньшинство все равно остается. А никакое меньшинство не является чем-то окончательным, и никакое большинство тоже не является чем-то окончательным. Никто не знает их размера, члены партий продолжают менять стороны.

Когда вы пришли сюда, вы решили, вы сделали выбор. Пятьдесят один процент вашего ума захотел придти и сорок девять процентов желали отправиться в офис. Но со времени вашего прихода сюда расстановка сил изменилась. Само решение придти и слушать вызывает это изменение.

Меньшинство, вероятно, стало большинством с тех пор, как вы сюда пришли. Если все еще не стало, то с вашим уходом оно им станет, и вы подумаете: “Два часа потрачены впустую! Как мне теперь их возместить? Не стоило приходиться — дела духовные можно

отложить, а этот, реальный, мир отложить нельзя. Жизнь достаточно длинна, мы еще успеем помедитировать попозже”.

В Индии люди говорят, что медитация — это только для стариков. Раз уж подошел к порогу смерти, можно и помедитировать, но это не для молодых. Медитация завершает список дел; занимайся этим, когда сделал все остальное. Но помните, что никогда не наступает то время, когда все сделано, когда вы слишком стары, чтобы заниматься чем-то еще, когда вся ваша энергия уже растрочена, когда пора начинать медитировать.

Когда вы неспособны ничего делать, то как вы можете медитировать? Медитации нужна энергия, чистейшая, самая живая, витальная — медитации нужна переполняющая энергия. Ребенок может медитировать, но как может медитировать старик? Ребенок легко медитирует, старый человек — нет, он растрочен. В нем нет потока энергии, его река не способна течь, он заморожен. Многие части, многие составляющие его жизни уже мертвы.

Если вы решаете придти в храм, вы страдаете, вы сожалеете. Если вы отправляетесь в офис или на рынок, вы страдаете и сожалеете.

Как-то раз умер монах. Он был очень известным монахом, его знала вся страна. Многие почитали его и считали просветленным. И в этот же день умерла проститутка. Она жила прямо напротив монастыря того монаха. Она была тоже очень знаменитой проституткой, не менее знаменита, чем монах. Они были прямыми противоположностями, существующими по соседству друг с другом, и умерли они в один и тот же день.

Явились Ангелы смерти и вознесли монаха на Небеса; пришли другие Ангелы смерти и потащили проститутку в Ад. Но когда первые Ангелы добрались до Небес, они обнаружили врата закрытыми, а стоявший на вратах сказал: “Вы их перепутали. Этого монаха нужно отправить в Ад, а проститутка должна попасть в Рай”.

“Что ты говоришь? — поразились Ангелы. — Этот человек — очень известный аскет, постоянно медитировавший и молившийся. Мы не стали даже уточнять, а прямо пошли и принесли его. А проститутка уже, наверное, в Аду, потому что другие Ангелы

потасили ее туда. Нам и в голову не пришло спросить, это казалось совершенно очевидным”.

И сказал стоявший на вратах: “Вы перепутали, потому что вы посмотрели только на внешность. Этот монах пользовался медитацией, чтобы превзойти других, а про себя он всегда думал: “Я трачу жизнь впустую. Как прелестна та проститутка, что живет напротив, и так доступна. В любой момент, стоит мне только пересечь улицу. Я занимаюсь кучей какой-то ерунды, бессмыслицы — молюсь, сижу в позе будды, а ничего не достигаю”. Но, боясь потерять репутацию, он не осмеливался этого сделать”.

Многие люди добродетельны лишь потому, что они такие же трусы, как и он. Он был добродетельным из-за того, что был трусом — решиться пересечь улицу он не мог. Столько людей знали его, как же он мог пойти к проститутке? Что подумали бы люди?

Трусы всегда боятся общественного мнения. Так он и остался аскетом, так и постился, но мыслями он всегда был с проституткой. Когда у нее бывали гулянье и танцы, он слушал. Он сидел перед статуей Будды, но не Будда был перед его взором. Он не поклонялся; он мечтал, как он будет слушать звуки веселья и в своих мечтах занимался с этой проституткой любовью.

А что же насчет проститутки? Она всегда каялась, каялась и каялась, она знала, что растратила свою жизнь понапрасну. И ради чего? Только лишь ради денег, продавая свое тело и душу. Она всегда посматривала в ту сторону, где стоял монастырь, так завидуя тихой праведной жизни, что шла за воротами монастыря была. Что за удивительные медитации происходили там?

Она страстно желала, чтобы Бог даровал ей хоть один шанс войти в храм. Но она думала: “Я проститутка, нечестивая, мне не следует приближаться к храму”. Поэтому она любила ходить вокруг храма снаружи, чтобы хотя бы взглянуть на него с улицы. Какая красота, какая тишина, какое благословение там внутри! А когда там были киртан (kirtan) и бхаджан (bhajan), пение и танцы, она порой причитала, и плакала, и рыдала, представляя, чего она лишена.

Так что стоявший на вратах сказал: “Перенесите проститутку в Рай, а монаха этого бросьте в Ад. Их внешняя жизнь была различной,

и их внутренняя жизнь была разной, но, как и любой другой, оба они сожалели”.

Мы в Индии изобрели слово, которому нет аналогии ни в одном другом языке мира. Рай и Ад вы найдете везде; все языки на земле имеют слова для обозначения Рая и Ада. У нас есть другое слово: это мокша (moksha), или нирвана, или кайвалья (kaivalya) — абсолютная свобода, которая не является ни Адом, ни Раем.

Если ваша внешняя жизнь — это ад и вы раскаиваетесь в этом, то вы попадете в Рай, как та проститутка, что постоянно жаждала мира медитации и молитвы. А если ваша внешняя жизнь — достойна небес, а внутренняя — это ад, как у того монаха, что мечтал о проститутке, то вы и отправитесь в Ад. Но если вы не делаете выбора, у вас нет покаяний, если вы не выбираете, тогда вы достигнете мокши.

Невыбирающая пробужденность — это мокша, абсолютная свобода. Ад — это рабство, Рай — это тоже рабство. Рай может быть красивой тюрьмой, Ад может быть жуткой тюрьмой — но и то, и другое — тюрьмы. Ни христиане, ни магометане не могут с этим согласиться, потому что для них Рай — окончателен, это высшее. Если вы спросите их о том, где Иисус, они ответят неверно. Они говорят: “На небесах с Богом”. Это абсолютно не так. Если Иисус на небесах, значит, он не просветлен. Небеса могут быть золотыми, но все равно это тюрьма. Она может быть хорошей, она может быть приятной, но все равно это выбор, выбор против Ада. Добродетель, которая было выбрана против греха, — это решение большинства, но меньшинство всего лишь чуть позади, ждет своей очереди решать.

Иисус в мокше — я это утверждаю. Он не в Раю, он не в Аду. Он полностью свободен от всякого ограничения свободы: хорошо/плохо, грех/добродетель, морально/аморально. Он не выбирал. Он прожил жизнь, свободную от выбора. Это то, о чем я продолжаю вам твердить: избавьтесь от выбора в своей жизни.

Но как возможна свободная от выбора жизнь? Она возможна только если вы способны разглядеть итог, суть; иначе вы будете выбирать. Вы будете говорить: “Надо бы, чтобы это произошло утром, а то вечером”, — и вы уверены, что, только лишь перебирая

варианты, тасуя слагаемые, вы изменяете результат. Итог нельзя изменить. Итог остается тем же — итог каждого из нас остается прежним.

Поэтому я и говорю, что нет никакой разницы между нищим и императором; утром вы — император, вечером вы будете нищим; с утра вы — нищий, к вечеру станете императором. А в результате — то же самое. Увидьте итог, *станьте* итогом, и тогда весь выбор исчезает.

Тот дрессировщик обезьян просто взглянул на итог и согласился: “Ладно, вы — глупые обезьяны, если это вас осчастливит, то давайте выберем такой вариант, какой вам нравится”. Но если бы он тоже был обезьяной, как другие, началась бы борьба. “Вариант будет этот, — настаивал бы он. — Кто приказывает, кто решает? Кто тут, по-вашему, хозяин? Вы или я?”

Эго всегда выбирает, решает и заставляет. Обезьяны бунтовали, и, будь этот человек тоже обезьяной, они свели бы его с ума. Ему пришлось бы ставить их на место, на их прежнее место. Он бы требовал: “Четырех бананов с утра больше не будет. Я так решил”.

Был юбилей — шестидесятилетие — одного человека. Тем вечером он вернулся домой, к жене, с которой прожил без малого сорок лет в постоянных ссорах и конфликтах. Но, придя домой, он был поражен, когда обнаружил, что его жена ожидает его с подарком — парой прекрасных галстуков. Никогда он не думал, что его жена способна на такое. Это было почти невозможно — чтобы она ожидала его возвращения, приготовив ему в подарок пару галстуков. Он ощутил себя таким счастливым, что воскликнул: “Не возись с ужином, я буду готов через пару минут, и мы пойдем с тобой в лучший ресторан”.

Он принял ванну, приготовился, и одел один из подаренных ею галстуков. Жена пристально на него взглянула и спросила: “Как?! Ты хочешь сказать, другой галстук тебе не нравится? Что, другой галстук недостаточно хорош?” Мужчина может надеть только один галстук, но какой бы галстук он бы ни выбрал, случилось бы то же самое: “И что ты хочешь сказать? Другой недостаточно хорош для тебя?”

Это старая привычка ссориться, спорить. Рассказывают про ту же самую женщину, что каждый день она искала какой-нибудь повод поскандалить. И она всегда добивалась успеха, потому что кто ищет, тот всегда найдет. Запомните это: чего бы вы ни искали, вы найдете это. Мир столь обширен, и все существующее настолько разнообразно, богато, что если вы действительно очень сильно жаждете найти нечто, вы это найдете.

Иногда она находила волос на плаще своего мужа, и тогда она скандалила, что он ходит к какой-то другой женщине. Но однажды случилось так, что в течение недели она не могла найти хоть какого-нибудь повода устроить сцену. Она пыталась и так, и этак, но причины, чтобы начать скандал, не находилось. Тогда, на седьмой день, когда муж пришел домой, она стала кричать и бить себя в грудь. “Ну что еще? — сказал он. — В чем дело, что ты теперь-то кричишь?”

А она заявила: “Ты негодяй, ты решил меня перехитрить. Ты бросил ту потаскуху и теперь ты шляешься с лысой любовницей!”

Ум всегда ищет неприятностей. И не смейтесь, потому что это про *ваш* ум. Своим смехом вы просто обманываете себя. Вы, может, думаете, что это о ком-то другом — это о вас. И что бы я ни говорил, это всегда о вас.

Ум выбирает, и всегда выбирает неприятность, потому что с выбором приходит именно неприятность. Вы не можете выбрать Бога. Если вы выбираете, будет неприятность. Вы не можете выбрать свободу. Если вы выбираете, свободы не будет.

Тогда как же все это получается? Как получается Бог, получается саньяса, получается свобода, получается мокша? Это получается когда вы осознаете глупость выбора. Это не новый выбор, это просто отбрасывание всякого выбора. Просто, глядя на все это, вы начинаете смеяться. Не из чего выбирать. В итоге — все то же. В конце, вечером, итог будет тем же. Тогда вы перестаете беспокоиться, император вы утром или нищий. Вы счастливы, потому что вечером все приходит к одному и тому же, все выравнивается.

Смерть приравнивает. В смерти нет ни императоров, ни нищих. Смерть подводит итог; а он всегда семь.

Те два варианта были одинаковы. Помните, в сумме число бананов не изменилось. Но в одном случае обезьяны были недовольны, а в другом случае они были счастливы.

Дрессировщик охотно изменил свое собственное предложение соответственно конкретным условиям, ничего от этого не потеряв.

Человек знания всегда смотрит на объективное, истинное положение вещей, и никогда — на свои субъективные ощущения, чувства. Когда обезьяны сказали “нет”, то, будь вы дрессировщиком обезьян, вы бы обиделись. Эти обезьяны взбунтовались, они перестали слушаться, ну как такое стерпеть! Это ранило бы вас до глубины души.

Вы гневаетесь даже на мертвые вещи. Если вы пытаетесь открыть дверь, а она не открывается, вы сходите с ума. Если вы пытаетесь написать письмо, а ручка не пишет, то вы начинаете злиться. Вы чувствуете себя задетыми, как если бы ручка делала это сознательно, как если бы кто-то был в лодке.

И это логика не только маленьких детей, это и ваша логика тоже. Если ребенок ушибется об стол, он ударит его, просто так, чтобы расквитаться с ним, и он всегда будет этому столу врагом. Но вы точно такие же — на мертвые вещи, на предметы вы тоже злитесь, вы сходите с ума!

Это субъективно, а мудрец никогда не субъективен. Мудрый всегда смотрит на объективные условия. Он посмотрит на дверь, и, если она заперта, то он попробует ее отпереть. Но он не может на нее злиться, потому что лодка пуста. Нет никого, кто бы пытался придержать дверь, сопротивляясь вашим усилиям.

Для того, чтобы соответствовать объективным условиям, дрессировщик отказался от предложенного им же варианта. Он взглянул на обезьян и на их умы, но не счел себя оскорбленным — он был дрессировщиком обезьян, а не обезьяной. Он посмотрел и, должно быть, рассмеялся про себя, потому что он знал, что получается в сумме, в результате. И он уступил. Только мудрый

человек уступает. Глупый человек всегда сопротивляется. Глупые люди говорят, что лучше умереть, чем согнуться, что лучше сломаться, умереть, чем жить, согнувшись.

Лао Цзы и Чжуан Цзы всегда говорят: “Когда ветер силен, глупые деревья сопротивляются и умирают, а мудрая трава сгибается, покоряется. Гроза проходит, и трава снова выпрямляется, смеясь и наслаждаясь. Трава объективна, большое дерево субъективно. Большое дерево так мнит о себе: “Я — это некто огромный, кто может меня согнуть? Кто может заставить меня сдаться?” Большое дерево будет сражаться с грозой. Глупо сражаться с грозой, потому что гроза пришла не за вами. В этом нет ничего особенного, грозы случаются время от времени, а то, что вы попали под грозу, — это совпадение.

Обезьяны — это животные, и они почитают себя самыми высшими животными! Они не оскорбляют дрессировщика. Обезьяны — это всего лишь обезьяны. Они такие, какие они есть. Они не могут увидеть сумму, они не умеют складывать. Они могут смотреть только на то, что поблизости, но не на то, что далеко — то, что далеко, слишком далеко для них. Для них невозможно задуматься о вечере, они знают только утро.

Итак, обезьяны есть обезьяны, а грозы есть грозы. Зачем обижаться? Они не сражаются с вами. Они только лишь и делают, что следуют своему собственному пути, своим собственным привычкам. Поэтому дрессировщик обезьян не обиделся. Он был мудрым человеком, он уступил, он был, как трава. Когда бы вы ни начинали чувствовать себя субъективно, вспомните это. Если кто-нибудь что-то говорит, вы сразу же чувствуете себя задетым, как если бы это было сказано вам. Вы слишком уж в лодке. Возможно, это и вовсе не для вас было сказано. Другой, скорее всего, выражал его или ее субъективность.

Когда кто-нибудь заявляет: “Ты меня оскорбил”, — то он в действительности имеет в виду что-то другое. Если бы он был чуть более разумным, он выразил бы это иначе. Он сказал бы: “Я чувствую себя оскорбленным. Ты, может быть, и не оскорблял меня, но что бы ты ни сказал, я буду чувствовать себя оскорбленным”. Это субъективное чувство.

Но никто не признает своей субъективности и каждый продолжает проецировать субъективное на объективные условия. Другой всегда говорит: “Ты меня оскорбил”. А когда вы слышите это, вы тоже становитесь субъективны. Обе лодки полны, прямо переполнены. И тогда столкновение, вражда, насилие — неизбежны.

Если вы мудры, то, когда другой говорит: “Ты меня оскорбил”, — вы взглянете объективно, в чем же тут дело, и подумаете: “Почему он чувствует себя оскорбленным?” Вы попытаетесь понять чувства другого, и, если вы сумеете расставить все на свои места, то вы уступите. Обезьяны есть обезьяны. Зачем же злиться, зачем чувствовать себя оскорбленным?

Рассказывают про Муллу Насреддина, что, на старости лет, его сделали почетным мировым судьей. Первым делом, которое ему пришлось разбирать, оказалось дело об ограблении. Насреддин выслушал потерпевшего и сказал: “Да, ты прав”. Но ведь он еще не слышал обвиняемого!

Секретарь суда шепнул ему на ухо: “Вы еще не привыкли к установленному порядку, господин судья. Поймите, так нельзя поступать. Вы теперь должны выслушать другую сторону, прежде чем принять решение”.

“Ладно”, — кивнул Насреддин.

Другой человек, грабитель, рассказал свою историю. Насреддин выслушал и произнес: “Ты прав”.

Секретарь растерялся: “Этот новый мировой судья не просто неопытен, он сумасшедший”. Снова он шепнул ему на ухо: “Что вы говорите? Оба не могут быть правы”.

“Да, ты прав”, — ответил Насреддин.

Таков мудрец, воспринимающий ситуацию объективно. Он уступит. Он всегда уступает, он всегда говорит “да” — потому что, если вы говорите “нет”, тогда ваша лодка не пуста. “Нет” всегда происходит от эгоизма. И поэтому, если мудрецу необходимо сказать “нет”, то он все-таки будет использовать терминологию “да”. Он не скажет открыто “нет”, он воспользуется словом “да”. Если глупый человек захочет сказать “да”, то он столкнется с трудностями из-за

того, что он не говорит “нет”. Он станет общаться в терминах “нет”, и, если ему придется уступить, он уступит весьма неохотно. Он уступит обиженно, сопротивляясь. Тот дрессировщик обезьян охотно уступил.

Дрессировщик охотно
изменил свое собственное предложение
соответственно конкретным условиям,
ничего от этого не потеряв.

Ни один мудрец никогда еще ничего не терял, говоря “да” глупым людям. Ни один мудрец еще ни разу ничего не потерял, уступая. Он лишь приобретал. Когда нет никакого эго, эгоизма, то не может быть никакой и утраты. Утрату всегда ощущает эго: “Я теряю”. Почему вы чувствуете, что вы теряете? — потому что вы всегда боялись что-то потерять. Почему вы ощущаете себя неудачником? — потому что вы всегда стремились иметь успех. Почему вы чувствуете себя нищим? — потому что вы всегда мечтали быть императором.

Мудрец просто берет то, что есть. Он принимает то, что в итоге. Он знает — нищий утром, император вечером; или император утром, нищий вечером. Что лучше?

Если мудрого человека вынудить сделать выбор, то он предпочтет быть нищим утром и императором вечером. Мудрый человек никогда не выбирает, но, если вы настаиваете, то он скажет, что лучше быть нищим в начале и императором в конце. Почему? — потому что быть сперва императором, с утра, а затем быть нищим вечером, — это очень трудно. Но все равно это выбор.

Мудрый человек выберет боль в начале и удовольствие в конце, потому что боль с утра задаст вам тон, и после нее удовольствие будет приятнее, чем когда-либо. Удовольствие в начале расслабит вас, и затем боль будет слишком сильна, невыносима.

Восток и Запад выбрали разные варианты. На Востоке в первые двадцать пять лет жизни каждый ребенок должен испытать лишения. Этому принципу следовали тысячи лет до тех пор, пока Запад не появился и не начал доминировать над Востоком.

Ребенок должен был отправиться в джунгли искать учителя, он должен был пройти через всевозможные тяготы. Как нищий, он спал на полу на циновке — никаких удобств не было. Он ел как нищий; ему приходилось ходить в город и просить милостыню для учителя, рубить дрова, водить животных на водопой, пасти их.

В течение двадцати пяти лет он вел самую простую, аскетичную жизнь, был ли он рожден королем или нищим, — разницы не было никакой. Даже императорский сын должен был пройти через это, исключений не делалось. И потом, когда он, наконец, узнавал все стороны жизни, жизнь была так прекрасна, так блаженна.

Но если Восток и был таким удовлетворенным, то это был трюк, выбор соответствующего варианта: ведь что бы ни преподносила вам жизнь, это всегда оказывалось больше того, с чего вы начали. Ребенок переходит жить в хижину. Для него это — дворец, по сравнению с тем, когда он лежал на голой земле безо всякой крыши над головой, там, где было и так тесно. Он спит на обыкновенной кровати — и он на седьмом небе от счастья. Обычные хлеб, масло и соль — это райская пища, потому что в хижине учителя не бывало даже масла. Он счастлив всему, что бы ни даровала ему жизнь.

А вот западная модель противоположна. Когда вы — школьник, студент, то вам предоставлены все удобства. Общежития, прекрасные университеты, красивые комнаты, аудитории, преподаватели; для вас предусмотрено медицинское обслуживание, составлено расписание приема пищи, вас обучают гигиене — обо всем позаботились. А после двадцати пяти лет подобного существования вы брошены в безжалостную битву жизни. Вы стали тепличным растением! — и, что такое борьба, вы не понятия не имеете. Потом вы становитесь клерком в офисе или преподавателем в начальной школе: жизнь превращается в ад. Теперь всю вашу жизнь вы будете причитать, вся ваша жизнь будет бесконечным брюзжанием, жалобами, все вам будет не так. Так будет.

Дрессировщик обезьян предложил: “Три банана утром и четыре вечером”.

Но обезьяны настояли: “Четыре утром и три вечером”.

Четыре утром и три вечером... тогда вечер наверняка будет мрачен. Вы будете сравнивать его с прошлым, с утром. Император с

утра и нищий вечером... вечер наверняка будет несчастным. А вечер должен быть не несчастьем, а кульминацией.

Обезьяны не выбирают мудрого варианта. Во-первых, мудрый человек не выбирает, он живет неизбирающе, потому что он знает: что бы ни произошло, результат будет тем же. Во-вторых, если ему и приходится выбирать, в силу объективных обстоятельств, то он выберет три плода утром и четыре вечером. Но обезьяны заявили: "Нет. Выбирать будем мы. Четыре банана у нас будут с утра". Тот дрессировщик согласился, он переиграл свой выбор соответственно объективным условиям. Он ничего от этого не потерял. А обезьяны? Они-то потеряли.

Поэтому, когда вы оказываетесь рядом с мудрецом, предоставьте ему выбирать варианты, не настаивайте на своем. Выбирать во-первых не следует, а во-вторых, каков бы ни был тот выбор, что сделаете вы, обезьяны, он будет неправильным. Обезьяний ум замечает только немедленное, мгновенное счастье. Обезьяну не заботит то, что произойдет позже. Она не знает, у нее нет перспективы целого. Так что предоставьте мудрецу решать.

Но вся расстановка сил, вся система ценностей изменилась. На Востоке решали мудрые. На Западе существует демократия: обезьяны голосуют и выбирают. А теперь и весь Восток превратили в демократию — демократию, подразумевающую, что голосуют и выбирают обезьяны.

Аристократия означает, что выбирать будут мудрецы, а обезьяны будут им уступать и следовать. Ничто не способно подменить хорошо налаженную аристократию. Демократия не может не превратиться в хаос. Обезьяны в восторге, потому что они выбирают, выбирают варианты, но мир был много счастливее, когда выбор оставался за мудрецами.

Помните, короли всегда хаживали к мудрецам, чтобы принять окончательное решение по важным вопросам. Мудрецы не были королями, потому что не могли взвалить на себя такую заботу, они были нищими, живя в своих хижинах среди лесов. Но, когда бы ни возникала серьезная проблема, король не устраивал опросов общественного мнения, не назначал голосований, чтобы спросить народ: "Что нужно делать?" Он бежал в лес, чтобы просить совета тех,

кто от всего отрекся — потому что у них есть перспектива, виденье целого и они лишены и привязанностей, и маниакальных идей, они избавлены от всего — они сами так решили. Они отказались от выбора; они видят целое и решают.

Истинно мудрый человек,
рассматривая обе стороны проблемы
без пристрастия,
видит обе их в свете Дао.
Это называется следовать в двух направлениях одновременно.

Взглянуть на то, что в итоге, — значит следовать в двух направлениях сразу. Тогда это вопрос не четырех бананов утром и трех вечером. Это вопрос семи во всей жизни.

Расклад нематериален. Варианты можно менять в соответствии с объективными условиями, но все равно получится семь, сумма в обоих вариантах совпадет. Мудрый человек видит все сразу, в целом. Секс доставляет вам удовольствие, но он видит также и ту боль, которую секс приносит. Богатство дарует вам наслаждение, но он видит ночные кошмары, что сопутствуют богатству. Успех делает вас счастливым, но он знает о той бездне, что следует за пиком, за кульминацией, о той неудаче, которая обернется страшной, невыносимой болью.

Мудрый человек смотрит в целом. А когда вы видите все целиком, то у вас нет выбора, вам не из чего выбирать. Тогда вы имеете два пути одновременно, следуете одновременно этим двум направлениям. Утро и вечер теперь вместе — четыре плюс три теперь вместе, сложены, стали суммой. Ничто теперь не разделено, не разбито на фрагменты, все стало целым. Следовать этому целому и есть — Дао. Следовать этому целому это и есть — быть религиозным. Следовать этому целому и есть — Йога.

Хватит на сегодня.

6

ПОТРЕБНОСТЬ ПОБЕЖДАТЬ

Когда стрелок пускает стрелу для забавы,
все его мастерство при нем.

Если он стреляет на медную пряжку,
он нервничает.

Если ж он стреляет на золотой приз,
то он слепнет

а мишень двоится в его глазах —
он уже безумен.

Мастерство его осталось прежним,
но приз раздваивает, разделяет его.

Он озабочен призом.

Он думает больше о победе,
чем о выстреле —

и потребность побеждать
истощает его силы.

ПОТРЕБНОСТЬ ПОБЕЖДАТЬ

Если ваш ум заполнен мечтами, то вы не можете правильно видеть. Если ваше сердце заполнено желаниями, то вы не можете правильно чувствовать. Желания, мечты и надежды — будущее мешает вам и разделяет вас. Но все, что существует, существует в настоящем. Желание уводит вас в будущее, а жизнь — она “здесь и сейчас” (here-and-now). Действительность — это “здесь и сейчас”, а желание переносит вас в будущее. Тогда вас здесь нет. Вы смотрите, но вы не видите; вы слышите, но все равно вы пропускаете, прослушиваете; вы чувствуете, но ощущение размыто, неясно, оно не

может стать глубоким, оно не может проникнуть в вас. Так вы упускаете истину.

Люди продолжают спрашивать: “Где находится божественное, где истина?” Это не вопрос — как найти божественное или истину. Истина всегда здесь, она не где-то там, нигде больше она не может быть. Она там, где вы, да вот только вас там нет, ваш ум бродит где-то вдалеке. Ваши глаза застланы снами, ваше сердце полно желаний. Вы устремлены в будущее, но что такое будущее, как не иллюзия? Или вы перенеслись в прошлое, вы живете в нем, — а прошлое уже мертво. Прошлого больше нет, а будущему еще только предстоит быть. Между этими двумя существует настоящее, настоящий момент. Этот момент очень короток, он атомичен, вы не можете его разделить, он неделим. Этот момент проходит в мгновение ока. Если появляется желание, то вы его упустили; если вы погружаетесь в мечты, то вы его упускаете.

Вся религия состоит не из того, что куда-то ведет, направляет вас, но из того, что переносит вас в “здесь и сейчас”, переносит, возвращает вас к целому, назад, туда, где вы на самом деле всегда пребывали и пребываете. Но голова ваша, мысли ваши уносятся прочь, очень-очень далеко. И эту голову нужно вернуть обратно. Поэтому незачем стремиться “где-то увидеть Бога” — из-за того, что вы где-то его разыскиваете, вы его и теряете. Он был и есть здесь все это время, ожидая вас.

Как-то раз Мулла Насреддин пришел домой, плохо держась на ногах, совершенно пьяный, и долго и громко стучал в свою собственную дверь. Было уже далеко за полночь. Жена отозвалась, и он спросил ее: “Не могли бы вы, мадам, подсказать мне, где живет Мулла Насреддин?”

Жена воскликнула: “Идиот! Ты — Мулла Насреддин”.

“Верно, это я знаю, — возразил он, — но это не решает моей проблемы. А где же он живет?”

Такова ситуация. Опьяненные желаниями, пошатываясь, вы стучите в свою собственную дверь и спрашиваете, где находится ваш дом. В действительности вы спрашиваете, кто же вы есть. Это и есть

ваш дом, и вы никогда его не покидали, покинуть его невозможно. Это не нечто вне вас, от чего вы можете уйти прочь или что вы можете бросить; это внутри вас, сама ваша суть.

Спрашивать о том, где Бог, глупо, поскольку вы не можете Бога потерять. Бог внутри вас, это ваша глубочайшая суть, сама ваша сердцевина. Это ваше существование: вы дышите в нем, вы живете в нем, и по-другому быть не может. Ситуация такова: вы так пьяны, что не можете узнать свое собственное лицо. И пока вы не вернетесь назад и не протрезвеете, вы будете продолжать поиски и розыски, и вы будете продолжать Его терять.

Дао, Дзен, Йога, Суфизм, Хасидизм, все это — методы для того, чтобы вернуть вас назад, чтобы отрезвить вас, разрушить ваше опьянение. Чем вы так пьяны? Что вас так опьяняет? Почему ваши глаза так сонны, так мутны? Отчего вы не бодрствуете, не пробуждаетесь, ничего не воспринимаете? В чем коренная причина всего этого? Основная причина состоит в том, что вы *желаете*.

Попытайтесь понять природу желания.

Желание алкоголично, желание — это наркотик, величайший из наркотиков. Марихуана — это ничто, ЛСД — ничто. Желание — величайшее из возможных ЛСД — окончательный, предельный, абсолютный наркотик.

Какова же природа желания? Что происходит, когда вы желаете? Когда вы желаете, вы создаете, строите в уме иллюзию; когда вы желаете, вы уже отбыли отсюда. Теперь вы не “здесь”, вы отсутствуете в “здесь”, потому что ум создает мечту, ум порождает сон. Это ваше отсутствие — и есть ваше опьянение. Присутствуйте! Будьте здесь!

И в ту же самую секунду врата Рая распахнутся. Не нужно даже стучать, потому что вы не вне небес, вы уже внутри. Будьте лишь чутки, внимательны и посмотрите вокруг без затмевающих ваши глаза желаний, — и вы расхохочетесь от всей души. Вы будете смеяться над этой шуткой, которая происходила все это время. В точности, как человек, который видел ночью страшный сон и пробудился.

Один человек ужасно страдал и переживал — его ночи были прямо сплошным кошмаром. Каждая его ночь превращалась в

непрерывное сражение. Это было так тяжело, что он всегда очень боялся засыпать, и всегда был счастлив проснуться. А содержание этих снов было следующим: лишь только он засыпал, как он видел тысячи львов, драконов, тигров, крокодилов, прячущихся под его небольшой кроватью. Из-за этого видения он не мог спать — они же могли в любую секунду наброситься на него.

Вся его ночь была непрекращающимся кошмаром, мучением, адом. Медики лечили его, но ничто не помогало. Все было напрасно. Его проверяли и изучали психологи и психиатры, но ничего у них не получалось. А затем, однажды утром, он вышел из дому, громко хохоча.

Уж много лет подряд никто не видел его смеющимся. Его лицо стало словно из преисподней, всегда грустное, искаженное, испуганное. Соседи поразились: “Как это? Ты смеешься? Мы так давно не видели твоей улыбки, мы уже и забыли, что ты когда-то смеялся. Что случилось с твоими кошмарами?”

“Я рассказал обо всем моему шурину, — ответил тот человек, — и он вылечил меня”.

“Твой шурин какой-нибудь великий психоаналитик? Как же он тебя вылечил?” — спросили его соседи.

“Нет, — объяснил он, — мой шурин плотник, он просто отпилил ножки у моей кровати. Теперь под ней абсолютно негде спрятаться, и я впервые за много лет выспался!”

Вы создаете пространство, и желание — это способ создания такого пространства. Чем более велико желание, тем больше создано пространства. Если желание может быть исполнено в течение одного года, тогда у вас пространство в один год. Вы можете туда переместиться, и вы столкнетесь со множеством рептилий, множеством драконов. То пространство, что было создано желанием, вы называете временем. Если желания нет, то время не нужно.

Существует один-единственный момент — даже не два момента, потому что второй необходим только желанию, а вашему существованию он ни к чему. Все ваше существование происходит одномоментно, завершено, полностью выражает себя, достигая совершенства, в один-единственный момент.

Если вы считаете, что время — это нечто вне вас, то вы ошибаетесь. Время — это не внешнее явление.

Если человек исчезнет с земли, будет ли на ней время? Деревья будут расти, реки будут течь, облака все равно будут плыть в небе, но я спрашиваю о том, будет ли время? Не будет. Будут моменты, более того, будет один момент — и когда этот один момент проходит, то начинает существовать другой, и так далее. Но, как такового, времени нет. Существует только атомарный момент.

Деревья ничего не хотят, они не хотят цвести, цветы появятся автоматически, сами собой. Это часть природы дерева, — что появятся цветы. Но дерево не мечтает, дерево не перемещается, оно не думает, оно не желает.

Времени не будет, только вечные моменты — если человека там нет. Желание ваше порождает время. И чем больше желание, тем больше требуется времени.

Но для материалистических желаний много времени не надо. Вот почему на Западе считается, что человеку дана лишь одна жизнь. На Востоке мы стремимся к мокше. Это величайшее из возможных желаний — никакое другое желание не может быть больше этого. Как вы можете достигнуть в мокши за одну жизнь? Одной жизни недостаточно. Вы можете добыть дворец, вы можете создать королевство, вы можете очень разбогатеть и добиться власти, стать Гитлером, Фордом, вы можете стать кем-то в этом мире, но мокша — такое огромное желание, что одной жизни недостаточно.

Поэтому на Востоке мы верим во множество жизней, в перевоплощения, так как больше времени, много жизней, требуется для исполнения такого желания — желания мокши. Только тогда есть надежда, что желание исполнится. Дело не в том, существует множество жизней или одна, а в том, что на Востоке люди верят во множество жизней по причине желания мокши.

Если у вас только одна жизнь, то как вы можете достичь мокши? Только чего-то материального можно достичь за одну жизнь, но духовная трансформация за такое короткое время невозможна. Это желание столь огромно, что необходимы миллионы жизней. Вот почему на Востоке люди живут так неторопливо. Нет никакой спешки,

ибо нет нехватки во времени. Вы будете рождены снова, и снова, и снова — так зачем спешить? Время ваше неограничено.

Поэтому, если Восток ленив и совершенно не вписывается в бег времени, если вся деятельность, если само время на Востоке едва течет, то причина этого заключается в понимании того, что жизнью впереди много. И если Запад настолько время-сознающий, так это потому, что существует только одна жизнь, и именно в ней всего нужно достичь. Если вы не достигнете цели сейчас, то не достигнете ее никогда — второй такой возможности не представится! Из-за этой нехватки времени жизнь на Западе стал до предела напряженной. Столько нужно сделать, а времени почти не осталось. Времени никогда нет, а желаний так много.

Люди всегда спешат, всегда все делают бегом. Никто вокруг не живет спокойно. Все бегут, а скорость требуется все больше. И Запад продолжает изобретать все более быстрые средства передвижения, но удовлетворения они никому не приносят. Запад продолжает удлинять человеческую жизнь, но лишь затем, чтобы дать вам еще немного времени для исполнения ваших желаний.

Но зачем же нужно время? Не можете ли вы быть “здесь и сейчас” без времени? Разве этого не достаточно, этого момента, просто сидеть рядом со мной, без прошлого, без будущего — этого момента между, в промежутке между ними, атомичного, который реально словно бы и не существует? Он настолько мал, что вы не можете его ухватить. Если вы поймали его, то он уже в прошлом. Если вы думаете о нем, то он еще в будущем. Вы можете быть в нем, но вы не можете его поймать. Когда вы ухватили его, он уже прошел; когда вы думаете о нем, его еще нет.

Когда он есть, сделать можно только одно — вы можете его жить, жить им, только и всего. Он столь мал, что вы можете только жить в нем, но он настолько живой, витальный, что он дает вам жизнь.

Запомните, он словно атом, так мал, что его нельзя увидеть. Его еще никто не видел, даже ученые. Вы можете видеть только следствия. Они сумели взорвать его: Хиросима и Нагасаки были следствиями. Мы видели пылающую Хиросиму, погибли больше сотни тысяч людей — это следствие. Но ни один человек не видел, что произошло внутри атомного взрыва. Никто не видел атом своими

собственными глазами. Все еще не существует инструментов, чтобы увидеть его.

Время атомично, этот момент тоже атомичен. Никто не может его увидеть, потому что в тот момент, когда мы видим его, он уже прошел. За время, которое требуется для того, чтобы увидеть, он уже ушел — река утекла, стрела переместилась; и никто никогда не видел время. Вы продолжаете использовать слово “время”, но если вас просят определить это понятие, вы теряетесь.

Кто-то спросил Святого Августина: “Объясни, что такое Бог. Определи Бога. Что ты имеешь в виду, когда ты произносишь слово “Бог”?”

И Августин ответил: “Это все равно как пытаться объяснить, что такое время. Я могу говорить о нем, но если вы просите его определить, объяснить, что это такое, я теряюсь”.

Поспрашивайте людей: “Что такое время?”<N> (“What is the time?” (англ.) — букв.: “Сколько времени?”, другой вариант перевода: “Что такое время?”). Они посмотрят на часы и ответят. Но если вы действительно спрашиваете: “Что такое время?”<N> (“What is the time?”), если вы спрашиваете определение, объяснение, тогда часы не помогут.

Можете ли вы определить время? Никто никогда не видел его, его невозможно увидеть. Если вы оглядываетесь, следите за ним, оно уже прошло; если вы думаете о нем, то его еще нет. Когда вы не думаете, когда вы не смотрите, не следите, когда вы просто есть, то есть и оно. Вы живете его, живете им, живете в нем. И святой Августин прав: “Бога можно пережить, но нельзя увидеть”. Время тоже можно пережить, прожить, но увидеть его нельзя. Время — не философское понятие, оно экзистенциально (просто существует). Бог тоже не философичен, он экзистенциален. Люди живут им, но если вы настаиваете на определении, на объяснениях, они промолчат, они не смогут ответить. И если вы можете быть в этом моменте, в настоящем, то двери всех таинств откроются вам.

Так отбросьте все желания, протрите глаза, успокойтесь внутренне, откажитесь от всех стремлений, даже от стремления к Богу. Все стремления — это одно и то же, к роскошному лимузину, к Богу, к большому дому — нет никакой разницы. Стремление — это

всегда стремление. Не стремитесь — просто будьте. Даже не смотрите — просто будьте! Не думайте! Пусть будет этот момент, а вы в нем, и внезапно у вас появится все — ибо появится жизнь. Вдруг все начинает изливаться на вас, и тогда этот момент становится вечностью, и тогда время перестает существовать. Теперь всегда — сейчас. Это сейчас никогда не заканчивается, никогда не начинается. Но теперь вы в нем, а не снаружи. Вы вошли, вы влились в целое, вы поняли, кто вы есть.

Теперь постарайтесь понять сутру Чжуан Цзы о потребности побеждать. Из чего рождается эта потребность — *побеждать*? Все стремятся к победе, стремятся к выигрышу, но почему возникает эта потребность побеждать?

Вы ни под каким видом не созн'аетесь, что вы уже победили: что вы оказались живы. Вы уже победитель и ничто большее невозможно, все, что может быть, уже есть у вас. Вы уже император, и не нужно завоевывать никакого королевства. Но вы не понимаете этого, вы не видите красоты жизни, уже доставшейся вам. Вы не ведаете тишины, мира, не осознаете того блаженства, которое уже есть.

А поскольку вы не осознаете этого своего внутреннего королевства, вы постоянно ощущаете потребность в чем-то большем, в какой-нибудь победе, чтобы доказать, что вы не нищий.

Однажды Александр Великий явился в Индию — чтобы побеждать, разумеется. Если вам не надо побеждать, то вы никуда не пойдете. Зачем утруждать себя? И в Афинах было прекрасно, ни к чему было бы отправляться в такую даль.

По пути он прослышал, что на берегу реки живет мистик, Диоген. А Александру много о нем рассказывали. В те дни, особенно в Афинах, на устах были два имени — одно из них было: Александр, другое было: Диоген. Они были двумя противоположностями, двумя полярностями. Александр был императором, пытающимся создать королевство, которое распростерлось бы от одного края земли до другого. Он хотел владеть всем миром; он был завоевателем, человеком, стремящимся к победе.

А Диоген был полной его противоположностью. Он жил голым, ни одной вещью он не владел. Вначале у него была чаша для подаяния, он пил из нее воду и иногда пользовался ею, чтобы просить подать ему еды. Но как-то раз он увидел собаку, лакающую воду, и немедленно выбросил прочь свою чашу, воскликнув: “Если собаки пьют прямо так, неужели же я не смогу? Собаки настолько разумны, что они могут обходиться без посуды. Я, должно быть, совсем сдурел, что таскал с собой эту чашу, она — пустое бремя”.

Он принял ту собаку в качестве учителя и пригласил пса жить с ним, раз тот был столь разумен. Ведь пес указал ему, что чаша его была ненужной ношей — сам он не признавал этого. И с тех пор пес остался с ним. Они спали вместе, вместе ели. Тот пес был его единственным другом.

“Почему ты дружишь с этим псом?” — задал кто-то Диогену вопрос.

“Он разумнее так называемых человеческих существ, — ответил тот. — Я был гораздо глупее, пока не встретил его. Наблюдая за ним, изучая его, я стал более чутким, восприимчивым. Он живет в “здесь и сейчас”, не заботясь ни о чем, ничем не владея. И он так счастлив, что, не имея ничего, он имеет все. Я не настолько доволен собой, внутри меня остается некоторое беспокойство, неудовлетворенность. Когда я стану таким же, как он, я достигну цели”.

Александр слышал о Диогене, о его экстатичном блаженстве, о его безмолвности, о его подобных зеркалу глазах, напоминающих голубое небо без единого облачка. И человек этот жил голым, ему не нужна была даже одежда. А тут кто-то заметил: “Он живет здесь рядом на берегу реки, и мы будем проходить мимо, неподалеку...” Александр пожелал повидать его, и отправился туда.

Было утро, зимнее утро, и Диоген загорал, лежа голым на песке, наслаждаясь этим утром, солнцем, льющим на него свои лучи, все так прекрасно, тихо, струится река...

Александр не знал, что сказать. Человек вроде Александра не может думать ни о чем, кроме вещей и власти. Поэтому он взглянул на Диогена и произнес: “Я — Александр Великий. Если тебе что-

нибудь нужно, скажи мне. Я могу тебе здорово помочь и буду рад это сделать”.

Диоген рассмеялся и ответил: “Мне ничего не нужно. Просто отойди чуть-чуть в сторону, ты заслоняешь мне солнце. Это все, что ты можешь для меня сделать. Не отбрасывай на меня тень, а больше ничего делать не надо”.

Александр посмотрел на этого человека. Он, надо полагать, чувствовал себя подле него, как нищий: “Ему ничто не нужно, а мне нужен весь мир, но даже тогда я не буду удовлетворен, даже всего мира мне будет недостаточно”. Александр заметил: “Я ощущаю все большее счастье, глядя на тебя, я никогда не видел такого довольного человека”.

“Так в чем же дело?! — удивился Диоген. — Если хочешь быть таким же довольным, как я, подходи и ложись рядом, загорай. Забудь о будущем, и отбрось прошлое. Что тебе мешает?”.

Александр рассмеялся, — внешне, конечно, — и произнес: “Ты прав — но время еще не пришло. В один прекрасный день я буду счастлив расслабиться и наслаждаться подобно тебе”.

“Так этот день не настанет никогда, — возразил Диоген. — Что еще тебе надо, чтобы сбросить напряжение, отдохнуть? Если я, нищий, могу так блаженствовать, что же нужно еще? К чему эта борьба, эти усилия, эти войны, это завоевание, зачем эта потребность побеждать?”

“Когда я одержу победу, — заявил Александр, — когда я завоюю весь мир, я приду и буду у тебя учиться и воссяду с тобой здесь на берегу”.

“Но если я могу здесь лежать и блаженствовать прямо сейчас, то зачем же откладывать на будущее? — сказал Диоген. — И зачем это — обходить весь мир, принося страдания себе и другим? Зачем ждать конца своей жизни, чтобы придти ко мне и расслабиться здесь? Я же уже блаженствую”.

Так что же такое — потребность побеждать? Вам приходится утверждать себя. Вы чувствуете себя настолько неполноценным, вы чувствуете себя настолько незаполненным и пустым, вы чувствуете такую пустоту, такое “состояние-никто”, состояние внутренней пустоты, такую неуверенность в себе, что возникает потребность

доказывать, утверждать себя. Вам приходится самоутверждаться; а пока вы не сумели самоутвердиться — как можете вы успокоиться?

Есть только два пути, и постарайтесь понять, что эти два пути — единственные. Первый способ — это действовать вовне и самоутверждаться; другой путь — это устремиться вовнутрь и осознать, что вы — никто. Если вы направлены наружу, то вы никогда не сможете доказать, что вы некто, вы не сможете самоутвердиться. Потребность останется; более того, она может усилиться. Чем больше вы доказываете, чем больше утверждаете себя, тем более нищим вы будете себя чувствовать, как Александр, стоящий подле Диогена. Показное самоутверждение перед другими, попытка доказать, что вы кто-то, не поможет вам действительно стать кем-то. Глубоко внутри остаются пустота, незаполненность, “состояние-никто”. Они исподволь гложат ваше сердце, и в глубине его вы чувствуете, что вы — никто.

Никакие королевства не помогут, потому что королевства никогда не попадут внутрь и не заполнят той внутренней пустоты в вас. Ничто не может попасть внутрь вас, ничто не может войти в вас. То, что снаружи, будет оставаться снаружи; то, что внутри, будет оставаться внутри. Встретиться они не в силах. Вы можете владеть всеми богатствами мира, но как вы сможете перенести их внутрь и заполнить пустоту? Никак; даже имея все богатства, вы все равно будете ощущать себя опустошенным — еще более опустошенным, потому что теперь будет с чем сравнивать. Вот почему Будда оставил свой дворец: видя все богатство и все-таки ощущая внутреннюю пустоту, он почувствовал, понял — бесполезность всего.

Другой путь — это направиться вовнутрь; не пытаться избавиться от этого “состояния-никто”, но осознать его. Это то, о чем говорит Чжуан Цзы: “Стань пустой лодкой, просто углубись в себя и осознай, что ты — никто”. В тот миг, когда вы осознаете это, вы “взрываетесь” в новое измерение, ибо когда человек приходит к осознанию того, что он никто, то он осознает также и тот факт, что он — это все.

Вы не кто-то — индивидуально, конкретно, не кто-то важный — потому что вы — это все. Как все может быть “кем-то”? “Кто-то” — это всегда часть. Бог не может быть кем-то, ибо Он — все; Он не может ничем владеть, потому что Он — целое. Владеющие — всегда нищие,

поскольку все владения конечны, они не могут стать безграничными. “Состояние-кто-то” имеет предел, “состояние-кто-то” не может избавиться от границ, оно не может стать бескрайним. “Состояние-никто” — беспредельно, точно также, как и “состояние-все”.

В действительности, оба способа, оба эти пути — это одно и то же. Если вы движетесь вовне, то там, внутри, ваша внутренняя суть будет ощущаться вами, как “никто”. Если же вы движетесь внутрь, то вы ощутите то же самое “состояние-никто”, как все, как всеобъемлющее. Вот почему Будда говорит, что шунья<N>(shunya), абсолютная пустота, есть Брахман. Быть “никем” — это осознать, что вы — все. Осознать, что вы “кто-то”, — это осознать, что вы не все. И ничего с этим не поделать.

Так что другой путь — это двигаться вовнутрь, не бороться с этим “состоянием-никто”, не пытаться заполнить пустоту, но осознать ее и стать с нею единым. Станьте пустою лодкою, и тогда все моря — ваши. Тогда вы сможете двигаться в области, не нанесенные на карты, тогда этой лодке ничто не мешает, никто не сможет задержать ее на ее пути. Карты не нужны. Эта лодка будет двигаться в бесконечность, в бескрайнее, и тогда целью вашего путешествия станет все, цель будет — повсюду. Но направляться нужно вовнутрь.

Потребность побеждать состоит в том, чтобы утверждать себя, а единственный известный вам способ это делать — это самоутверждаться в глазах других, потому что их глаза стали зеркалами, отражениями.

Глядя в глаза других, Александр мог видеть, что он был кем-то весьма важным, Великим; стоя напротив Диогена, он ощущал, что он — никто. Диоген не признал бы внешнего величия. Перед ним Александр должен был чувствовать себя глупо. Говорят, он сказал Диогену, что, если бы Господь даровал ему родиться еще раз, то он предпочел бы стать скорее Диогеном, чем Александром — но в следующий раз!

Ум всегда устремлен в будущее! Вот в этот самый момент он мог стать Диогеном, не было никаких препятствий к этому, никто не мешал ему. Будут миллионы препятствий на пути к тому, чтобы стать Александром Великим, потому что каждый постарается воспрепятствовать этому. Когда вы пытаетесь самоутвердиться, вы

неприменно задеваете чье-нибудь самолюбие, чье-то эго, и все окружающие будут стремиться доказать, что вы — ничтожество, будут стараться унижить вас. Так чем же, кем же вы себя считаете? Вам придется доказывать это другим, насаждать свое мнение, придется утверждать себя, а это очень трудный путь: через насилие, через разрушение.

Ничто не мешает стать Диогеном. Александр ощутил красоту, гармонию, изящество этого человека. “Даруй мне Господь другое рождение, — воскликнул он, — я хотел бы родиться Диогеном. — И добавил: — Но в следующий раз”.

Диоген рассмеялся и сказал: “Что касается меня, то одно точно: никогда не хотел бы я быть Александром Великим!”

В глазах Диогена Александр не мог увидеть признания своих побед. Внезапно он, вероятно, почувствовал, что погибает, слабеет, испытал ощущение, подобное смерти, — он был никто. Он, надо думать, бросился прочь, убежал от Диогена со всех ног. Тот был опасным человеком.

Говорят, что Диоген преследовал Александра всю его жизнь. Куда бы тот ни направлялся, Диоген был с ним подобно тени. Ночью, во снах, Диоген появлялся, смеясь. И эта красивая история утверждает, что они умерли в один и тот же день.

Они умерли в один день, но Диоген, надо думать, подождет немного — так, чтобы он мог последовать за Александром. Во время переправы через реку, отделяющую этот мир от того, Александр повстречал Диогена вновь, и эта вторая встреча была опаснее первой. Александр был впереди, поскольку умер несколькими минутами раньше — Диоген ждал, чтобы последовать за ним. Александр, услышав, что позади него в реке кто-то есть, обернулся и увидел смеющегося Диогена. Он, вероятно, был весьма ошарашен, потому что на этот раз все сложилось совсем иначе. Он был таким же голым, как и Диоген, — ведь вы не можете взять в другой мир вашу одежду. В этот раз он был абсолютно никем, а не императором.

Но Диоген был тем же. От всего, что смерть могла отнять у него, он отрекся еще при жизни, поэтому смерть не смогла забрать у него ничего. Он был точно таким же, как и при прошлой их встрече на берегу реки, совсем таким же, как прежде.

И для того, чтобы выглядеть беспечно, чтобы придать себе смелости и солидности, Александр тоже рассмеялся и заметил: “Прекрасно, просто здорово! Снова встретились величайший император и величайший нищий”.

“Ты абсолютно прав, — отозвался Диоген, — только ты немного путаешь, кто император, а кто нищий. Это действительно встреча величайшего императора и величайшего нищего, но император позади, а нищий впереди. И надо заметить, Александр, что то же самое было и при нашей первой встрече. Ты был нищим, но ты считал таковым меня. Взгляни теперь на себя! Что ты получил, побеждая весь мир?”

Так что же это такое — потребность побеждать? Что вы хотите доказать? Вы знаете, что в ваших собственных глазах вы — ничтожество, что вы — ничто, и это “состояние-ничто” начинает терзать ваше сердце. Вы страдаете, потому что вы — ничто, и, стало быть, вам необходимо проявить себя перед другими. Вам необходимо возвыситься в их глазах, самоутвердиться, занять положение, необходимо создать впечатление у окружающих, что вы не ничтожество. И, глядя в их глаза, вы будете собирать мнения, общественное мнение, а из общественного мнения вы создадите образ. Этот образ — эго; он не является вашим настоящим “я”. Он — отраженное великолепие, не ваше собственное; он собран из глаз окружающих, соткан из их мнений.

Человек вроде Александра Великого всегда будет опасаться окружающих, потому что они могут отнять назад все то, что они ему дали. Политик всегда боится общественности, людей, ибо они могут забрать все, взятое у них. Его “я” — это всего лишь “я”, позаимствованное у других. Если вы боитесь других, то вы раб, вы не хозяин.

Диоген не боится никого. Вы не можете ничего у него отнять, потому что он ничего не одалживал у вас. У него есть “я”, у вас же — только эго. В этом и заключается разница между “я” и эго: эго — это “я”, взятое взаймы.

Эго зависит от других, от общественного мнения; я — это ваша подлинная суть. Она не заимствована, она — ваша. Никто не может

забрать ее назад.

Взгляните, как прекрасны строки Чжуан Цзы:

Когда стрелок пускает стрелу для забавы,
все его мастерство при нем — для забавы!

Когда стрелок пускает стрелу для забавы,
все его мастерство при нем.

??? ОСТОРОЖНЕЕ ЗДЕСЬ С ПЕРЕНОСОМ СТИХОВ ИЗ ШАПКИ ГЛАВЫ
— ЗДЕСЬ ПОВТОР ПЕРВОГО ДВУСТИШИЯ ДВА РАЗА, НО В ПЕРВОМ С
ДОБАВЛЕНИЕМ ПАРЫ СЛОВ ???

Когда вы забавляетесь, вы не пытаетесь самоутвердиться. Вы спокойны, расслаблены, нормальны. Пока вы играете, действуете просто ради забавы, вас не волнует, что о вас подумают другие.

Видели ли вы отца, который в шутку борется с ребенком? Он будет побежден. Он будет лежать на лопатках, а ребенок будет сидеть на нем верхом и хохотать, и закричит: “Я тебя победил!” — и отец будет счастлив. Это обычная забава. В игре вы можете быть побеждены и при этом быть счастливым. Забава несерьезна, она не имеет отношения к эго. Эго всегда серьезно.

Так помните, что, если вы серьезны, вы всегда будете в суматохе, внутреннем беспорядке. Святой всегда забавляется, как если бы он пускал стрелу шутки ради. Его не интересуют мишень, он просто приятно проводит время.

Немецкий философ, Евгений Херригел, отправился в Японию учиться медитации. А в Японии используют все виды упражнений для обучения медитации; стрельба из лука — одно из них. Херригел был прекрасным стрелком: он был абсолютно точен, он никогда не промахивался. Поэтому он отправился к мастеру, чтобы тот обучил его медитации с помощью стрельбы из лука, раз он в этом был уже дока.

Три года обучения миновали, когда Херригел начал понимать, что попусту тратит время. Мастер продолжал настаивать на том, что *он* не должен стрелять. “Предоставь стреле вылететь самой по себе. —

говорил он Херригелу. — Тебя не должно быть, когда ты целишься, позволь стреле целиться самой”.

Это был бред. В особенности для западного человека, это было абсолютным абсурдом: “Что значит “позволь стреле стрелять самой?” Как может стрела стрелять сама? Если я не буду ничего делать, так и выстрела не будет”. И он продолжал стрелять, никогда не промахиваясь мимо мишени.

Но мастер повторял: “Цель — это вовсе не мишень. Цель — *ты*. Мне неважно, попадешь ты в мишень или нет. Это механическое мастерство. Я обращаю внимание только на то, есть ты или нет. Стреляй ради забавы! Наслаждайся этим, не пытайся доказать, что ты никогда не мажешь мимо мишени. Не старайся утвердить эго. Оно уже и так есть, ты есть, совершенно незачем это доказывать. Освободись, пребывай в покое, будь непринужден и предоставь стреле вылететь самой”.

Херригел никак не мог понять, о чем речь. Он все пытался и пытался и спрашивал снова и снова: “Если я всегда набираю сто очков из ста, почему ты не признаешь моего умения?”

Западный ум всегда заинтересован в конечном результате, а восточный ум всегда интересуется самим процессом. Для восточного ума результат бесполезен; вся суть в начале, в стрелк'е, а не в мишени. Поэтому мастер отвечал: “Нет!”

Тогда, окончательно разочаровавшись, Херригел попросил разрешения уехать. “Тогда мне придется уехать. — заявил он. — Три года — это слишком долгий срок, а в результате — ничего. Ты продолжаешь говорить “нет”... что я все еще тот же самый, не изменился”.

В день своего отъезда он пошел попрощаться с мастером и увидел, что тот обучает других учеников. Но этим утром Херригелу все это было уже неинтересно; он уезжал, он махнул рукой на все свои планы. Поэтому он просто ждал, когда мастер освободится, чтобы он мог попрощаться и уехать.

Сидя на скамье, он впервые взглянул на мастера. В первый раз за три года он посмотрел на мастера. Тот и вправду ничего не делал; все было так, будто стрела вылетала сама. Мастер не был серьезен, он

забавлялся, наслаждался. Не было никого, кто бы интересовался, достигнет ли выстрел цели.

Эго всегда нацелено в мишень. У забавы нет мишени, в которую можно попасть, сама забава заключена в начале, когда стрела еще только покидает лук. Выстрел случаен, и, если он и достигает мишени, это к делу не относится; попали вы или промахнулись — значения не имеет. Но когда стрела покидает лук, стрелок должен развлекаться, наслаждаясь, быть несерьезным. Когда вы серьезны, вы напряжены; когда вы несерьезны, вы расслаблены, а когда вы расслаблены, — вы есть. Когда вы напряжены, есть эго; *вы* — сокрыты им.

Впервые Херригел посмотрел... потому что теперь это его не касалось. Теперь это было не его делом, он бросил все это. Он уезжал, поэтому и вопроса о серьезности не стояло. Он признал свое поражение, ему нечего было доказывать. Он взглянул, и сейчас впервые его глаза не были прикованы к мишени.

Он посмотрел на мастера: все происходило так, как если бы стрела покидала лук сама по себе. Мастер только лишь придавал, вкладывал в это энергию, он не стрелял. Он не делал ничего, не прикладывал никакого усилия. Херригел взглянул, и впервые он понял.

Словно зачарованный, он подошел к мастеру, взял в руку лук и оттянул тетиву. “Вот ты и постиг, — произнес в этот миг мастер. — Этому-то я три года и учил тебя”. Стрела еще не покинула лука, а мастер уже сказал: “Ну вот и все. Цель достигнута”. Наконец-то Херригел развлекался, не был серьезен, он не был целенаправлен.

В этом и заключается отличие. Развлечение не целенаправлено; у него нет цели. Развлечение — оно является целью само по себе, имеет свою внутреннюю ценность, не существует ничего вне его. Вы наслаждаетесь, и ничего больше. В нем нет никакого дела, никакой цели, вы просто играете в нем, забавляетесь им, и это все.

Когда стрелок пускает стрелу для забавы,
все его мастерство при нем.

Когда вы стреляете ради забавы, вы не находитесь в конфликте. Вы не разделены, напряжения нет; ваш ум никуда не направлен. Ваш ум вообще неподвижен — поэтому вы цельны. Так рождается мастерство.

Рассказывают историю о мастере Дзен, архитекторе, проектировавшем новый храм, пагоду. У него была привычка — чтобы рядом с ним был его первый ученик. Он рисовал проект, эскиз, оборачивался к ученику и спрашивал: “Ну как?”

“Это недостойно тебя”, — отвечал ученик каждый раз. И тогда мастер отбрасывал этот проект.

Так повторялось девяносто девять раз. Миновало уже три месяца, и властитель начал интересоваться, когда же, наконец, будет закончен проект, чтобы можно было приступить к строительству. А потом как-то раз, пока мастер рисовал очередной эскиз, у него высохли чернила, и он велел ученику пойти и приготовить новых чернил.

Ученик вышел, а когда он возвратился, то воскликнул в изумлении: “Как?! Ты создал его! Но почему же ты не мог сделать этого все три месяца?”

“Из-за тебя. — сказал мастер. — Ты сидел подле меня, и я был разделен. Ты смотрел на меня, и я действовал целенаправленно, это не было развлечением. Когда ты ушел, я расслабился. Я почувствовал, что никто не смотрит на мою работу, и я стал целым. Этот проект я не делал, он родился сам. Он не получался все эти три месяца, потому что я стремился его сделать, я был деятелем, действующим лицом”.

Когда стрелок пускает стрелу для забавы,
все его мастерство при нем.

...Потому что все его существо, самая суть его доступна. А когда доступно все существо, в вас рождаются красота, грация, совсем иное качество бытия. Когда вы разделены, серьезны, напряжены — вы безобразны, вы уродливы. Вы можете добиться успеха, но успех ваш будет ужасен. Вы можете суметь самоутвердиться, доказать, что вы кто-то важный, но этим вы ничего на самом деле не докажете, вы

лишь создаете фальшивый образ. А когда вы тотальны, расслаблены, цельны — никто вас, возможно, и не знает, но вы есть, вы существуете.

И эта целостность — благословение, самое наипрекраснейшее, самое осчастливливающее, что вообще бывает с медитирующим умом, что вообще случается в медитации.

Медитация означает целостность.

Поэтому помните, что медитация должна быть развлечением, она не должна походить на работу. Не нужно заниматься ею, как занимается молитвой так называемый верующий, делайте ее, как игрок. Забавляйтесь, играйте, делайте ее в шутку; как шутник, повеса, а не как бизнесмен! Она должна быть развлечением, и тогда все ваше мастерство будет вам доступно, тогда она расцветет сама по себе. Вы будете не нужны. Усилия не нужны. Просто должно быть доступно все ваше существо, самая ваша суть, должна быть доступно вся ваша энергия. И тогда цветок распускается сам по себе.

Если он стреляет на медную пряжку,
он нервничает.

Если он борется всего лишь за медную пряжку, если есть что-то, чего можно достичь, какой-то результат, то он уже нервничает, боится. Внутри появляется страх: “А вдруг я проиграю?” Он разделен. Одна часть его ума говорит: “Может быть, ты и выиграешь”; “Возможно, ты проиграешь”, — заявляет другая. Теперь все его мастерство недоступно, теперь он состоит из двух половин, он разделен. А когда вы разделены, все ваше существо, вся ваша жизнь становятся безобразны и болезненны. Вы уже нездоровы.

Если ж он стреляет на золотой приз,
то он слепнет
а мишень двоится в его глазах —
он уже безумен.

Ступайте на рынок и взгляните на людей, гонящихся за золотом. Они слепы. Золото ослепляет людей, как ничто другое, золото

совершенно лишает зрения. Когда вы слишком озабочены успехом, слишком озабочены результатом, слишком амбициозны, слишком честолюбивы, когда вы чересчур беспокоитесь о золотой медали, тогда вы слепнете и мишень начинает двоиться в ваших глазах. Вы настолько опьянены, что у вас вообще все начинает двоиться.

Насреддин как-то раз беседовал, сидя в баре со своим сыном. “Всегда помни о том, что надо вовремя остановиться, — поучал он. — Спиртное — это хорошо, но нужно знать меру. Это я говорю тебе из своего собственного опыта. Посмотри вон в тот угол — когда эти четверо за вот тем столиком начнут выглядеть, как восемь, пора остановиться”.

“Но пап, я там вижу только двоих”, — признался сын.

Когда ум пьян, в глазах начинает двоиться. А золото делает вас бессознательным, пьяным. Теперь есть две мишени, и вы так спешите попасть в них, что нервничаете, внутренне дрожите.

Именно об этом и говорит Чжуан Цзы:

... он уже безумен.

Каждый — безумен. Безумны не только сумасшедшие, вы тоже безумны. Разница лишь в количестве, но не в качестве, еще немного — и в любой момент вы можете преступить черту безумия. Это как если бы вы были девяносто девять градусов. Сто градусов, — и вы кипите, вы пересекаете границу кипения. Разница между теми, кто в сумасшедших домах, и теми, кто снаружи, только лишь количественная, не качественная. Все — безумны, потому что каждый гонится за результатами, преследует цели, имеет намерения. Каждому нужно чего-то достигнуть. Отсюда рождается нервозность, внутренняя дрожь, и тогда вы уже не можете быть внутренне неподвижны, не можете успокоиться, не можете достигнуться внутренней тишины, безмолвия. А когда вы беспокойны внутри, мишень превращается в две, а то и в четыре или восемь — а тогда уже невозможно стать стрелком.

Совершенный стрелок — это всегда стрелок развлекающийся.

Совершенный человек проживает жизнь как развлечение, как игру.

Взгляните на жизнь Кришны. Было бы прекрасно, если бы Чжуан Цзы знал о нем. Жизнь Кришны — это развлечение. Будда, Махавира, Иисус так или иначе выглядят немного серьезными, как если бы чего-то нужно было достигнуть — мокши, нирваны, избавления от желаний. Но Кришна абсолютно лишен намерений, бесцелен: великий флейтист живет просто ради забавы, ради удовольствия, танцуя с девушками и наслаждаясь, распевая. Ему не нужно никуда идти. Все есть здесь, так зачем беспокоиться о результатах? Все доступно прямо сейчас, так почему же этим не наслаждаться?

И если развлечение — это признак совершенного человека, то Кришна — совершенен. В Индии мы никогда не называли жизнь Кришны чаритрой (charitra), его качеством, мы называли ее лилой (lila) Кришны, его игрой. Это не качество, это не намерение; она абсолютно лишена намерений, она бесцельна.

Это подобно игре маленького ребенка. Вы не можете его спросить: “Что ты делаешь?” Вы не можете спросить: “В чем смысл этого?” Он приятно проводит время, просто играя с бабочками. Чего он достигнет, прыгая на солнце? Куда его приведут эти его действия? Да никуда! А он никуда и не собирается. Мы называем это ребячеством и мы думаем о себе, что мы зрелы, но, уж поверьте мне, если вы действительно зрелы, то вы снова уподобляетесь ребенку. И тогда жизнь ваша снова превращается в забаву, в развлечение. Вы будете ею наслаждаться, каждым ее мгновением, вы будете несерьезны. Громкий смех зазвенит по всей вашей жизни. В ней будет более всего танца и меньше всего — бизнеса; она будет больше всего похожа на пение, мурлыканье под нос в ванной, и менее всего — на вычисления в офисе. Она не будет математикой, она будет просто наслаждением.

Мастерство его осталось прежним,
но приз раздваивает, разделяет его.
Он озабочен призом.
Он думает больше о победе,
чем о выстреле —

и потребность побеждать
истощает его силы.

Если вы чувствуете себя слабым, таким бессильным, беспомощным, то причина этого — в вас. Никто другой не истощает ваши силы. У вас неисчерпаемые источники сил, эти источники никогда не пересыхают, но вы выглядите таким иссушенным, как будто вот-вот упадете, израсходовав последнюю каплю энергии.

На что же уходит вся ваша энергия? Вы породили внутри себя конфликт, хотя мастерство ваше и неизменно.

Мастерство его осталось прежним,
но приз раздваивает, разделяет его.
Он озабочен призом.

Давайте я расскажу вам историю. Это случилось в одной деревне: бедный мальчик, сын нищего, был молод и полон сил. Он был так молод и настолько силен, что, когда королевский слон проходил через деревню, он просто хватал слона за хвост — и тот не мог двинуться с места!

Это вызывало большое недовольство короля и восторг народа, поскольку тот сидел на слоне, а собирался весь рынок и все смеялись. И все из-за какого-то сына нищего!

Король позвал своего премьер-министра: “Что-то надо делать. Это оскорбительно. Я теперь боюсь проезжать через эту деревню, а тот мальчишка иногда уже приходит и в другие деревни! Где угодно, в любое время, он может схватить моего слона за хвост, и тот не сможет двинуться. Этот парень изумительно силен, так сделай что-нибудь, чтобы поубавить его энергию”.

“Мне придется сходить посоветоваться с мудрецом, потому что я представления не имею, как истощить его силы, — ответил министр. — Он же просто нищий. Имей он какую-нибудь лавку, это поубавило бы его энергию. Если бы он работал в офисе клерком, это истощало бы его. Будь он школьным учителем, тогда его силы расходовались бы на другое. Но он ничем не занимается. Он живет ради собственного удовольствия, и народ любит и кормит его, поэтому он

никогда не испытывает недостатка в еде. Он счастлив, он ест и спит. Трудно будет что-то придумать, но я пойду”.

Итак, он отправился к одному старому мудрецу. Старец этот велел ему: “Сделай одну вещь. Пойди и скажи мальчику, что ты будешь давать ему по золотой рупии ежедневно, если он будет выполнять одну небольшую работу — а работа эта действительно небольшая. Он должен будет зайти в деревенский храм и зажечь лампу. Нужно лишь зажечь в сумерках лампу, только и всего. И ты будешь давать ему по одной рупии каждый день”.

“Но как это поможет? — удивился премьер-министр. — Это может только лишь придать ему еще сил. Он будет получать по рупии ежедневно, и он станет еще больше есть. Ему даже не надо будет заниматься сбором милостыни”.

“Не беспокойся, просто делай, что я говорю”, — ответил мудрец.

Так и было сделано; а на следующей неделе, когда король проезжал мимо, мальчик вновь попытался остановить слона, но потерпел поражение. Слон протацил его.

Что же произошло? Появилась забота, родилось стремление. Он должен был помнить, двадцать четыре часа в день он должен был помнить, что ему нужно каждый вечер заходить в храм и зажигать свет. Это стало заботой, которая разделила все его существо, всю его жизнь. Даже когда он спал, ему стало сниться, что уже вечер: “Чем ты занимаешься? Иди скорее зажги свет, и получи свою рупию”. И, к тому же, он начал собирать эти золотые рупии. У него их было семь, потом восемь, и тогда он начал вычислять, что за такое-то время у него накопится сотня рупий — а потом они вырастут до двухсот. Появилась математика, расчет, но развлечение было утрачено. А была лишь ерундовая вещь, которую он должен был сделать: зажечь свет. Просто работа одной минуты, даже меньше, просто секундное дело. Но это породило беспокойство. Это иссушило все его силы.

А если вы обессилены, то не удивительно, что вся ваша жизнь — не развлечение. У вас столько храмов и такое количество ламп, которые нужно зажигать и тушить, так много вычислений, расчетов, которые необходимо сделать в вашей жизни, что она просто не может быть развлечением.

Мастерство стрелк'а не изменилось, искусство его осталось прежним, но стрелку, стреляющему для развлечения, для собственного удовольствия, доступно все свое умение. Теперь же, хотя мастерство неизменно, его разделяет приз. Он полон забот, появилась устремленность, внутри зародилась нервозность. Он больше думает о выигрыше, теперь его не интересует сам процесс выстрела. Теперь речь идет о том, как победить, а не о том, как стрелять. Он переместился из начала действия в его конец. Теперь средства, способ не играют роли, важен результат, а когда вы заинтересованы в результате, ваша энергия разделена, раздроблена, потому что все, что вы делаете, нужно делать ради средств, ради намерений, а не ради результата. Результаты не в вашей власти.

Кришна в Гите говорит Арджуне: “Не интересуйся концом. Просто делай то, что должен делать “здесь и сейчас”, а результат оставь мне, Господу. Не спрашивай, что случится, никто этого не знает. Интересуйся средствами и не оглядывайся на последствия. Не ориентируйся на результат”.

Этот момент великолепен и прекрасно согласуется с высказываниями Чжуан Цзы, поскольку Арджуна был стрелком, величайшим из рожденных Индией. Он был совершенным стрелком.

Но цель, результат проникли в его ум. Он никогда не волновался, такого ни разу раньше не случалось. Его стрельба из лука была совершенной, его мастерство было полно, абсолютно, но, глядя на поле битвы Курукшетра, на две армии, стоящие лицом к лицу друг с другом, он ощутил волнение. Откуда оно взялось? У него были друзья с обеих сторон. Это была семейная трагедия, война между двоюродными братьями, и все они были связаны друг с другом кровными узами, с обеих сторон были родственники. Вся семья разделилась на два лагеря — это была странная, необычная битва, семейная война.

Кришна и Арджуна были на одной стороне, а армия Кришны сражалась на другой. “Оба вы любите меня, поэтому вам придется делить между собой, — заявил Кришна. — На одной стороне буду я, а на другой стороне будет моя армия”.

Дурьодхана, командующий другой стороной, был глуп. Он подумал: “Что я буду делать с Кришной, когда он один, сам по себе?”

Но его огромная армия...” И он выбрал армию Кришны.

Таким образом Кришна оказался на стороне Арджуны, и Арджуна был счастлив, потому что сам по себе Кришна больше, чем весь этот мир вместе взятый. Что могут армии — бессознательные, спящие люди? Один пробужденный стоит всего спящего мира.

Присутствие Кришны обернулось реальной помощью, когда Арджуна пришел в замешательство и ум его разделился. В Гите сказано, что, глядя на эти две армии, он начал недоумевать. И, обращаясь к Кришне, он произнес следующее: “Мои силы иссякли. Я нервничаю, я растерян, я ощущаю бессилие; силы мои покинули меня”. А он был человеком высочайшего мастерства, совершенным стрелком.

Его лук звался Гандива (Gandiva). “Я чувствую, что Гандива чересчур тяжел для меня, — воскликнул он. — Я так обессилен, тело мое оцепенело, и я не в силах думать, понимать, я ничего не вижу. Все смешалось, ведь все враждующие — они мои родственники, а мне придется убивать их. И что в итоге? Убийство, столько людей будет убито, столько крови пролито, и что я получу от этого всего? Нес’оющее королевство? Я не хочу сражаться, цена, которую надо заплатить, чересчур высока. Лучше я брошу все и стану саньясином, я предпочитаю отправиться в лес и медитировать. Это все не для меня. Силы мои иссякли”.

“Не думай о результате. — ответил ему Кришна. — Он не в твоей власти. И не думай о себе, как о деятеле, потому что, будь ты действующим лицом, результат был бы в твоих руках. Деятель — всегда божественен, но ты лишь инструмент. Занимайся тем, что в “здесь и сейчас”, средствами, способами, а конец предоставь мне. Говорю тебе, Арджуна, люди эти уже мертвы, им суждено умереть. Ты не собираешься убивать их. Ты всего лишь инструмент, который лишь откроет им тот факт, что они уже были убиты. В моих глазах они уже мертвы. Они достигли того места, где происходит смерть — и ты всего лишь инструмент”.

В санскрите существует прекрасное слово, в английском ему нет эквивалента: это “нимитта” (nimitta). Нимитта означает, что вы не деятель, вы не причина, даже не одна из причин; вы просто нимитта. Это значит, что причина в руках божественного. Господь — деятель,

вы же лишь его средство. Вы как почтальон: почтальон — это нимитта. Он приходит и вручает вам письмо. Если письмо оскорбляет вас, то не злитесь же вы на него. Не говорите же вы: “Зачем ты принес мне это письмо?” Почтальона это не касается, он — нимитта. Он не писал этого письма, он не был тому причиной, он здесь вообще ни при чем. Он лишь выполнил свои обязанности. Вы не станете злиться на него. Вы не заявите: “Зачем ты принес мне это письмо?”

“Ты как почтальон, — сказал Кришна Арджуне, — тебе приходится вручать им смерть. Ты не убийца; смерть — она от Господа. Они ее уже заработали, так что не волнуйся. Если ты не убьешь их, то кто-то другой доставит им это письмо. Если один почтальон не сделает этого, тогда это сделает другой. Если ты прогулял работу, или у тебя выходной, или ты заболел, это не значит, что письмо не будет доставлено. Это сделает другой почтальон, подменяющий тебя. Но письмо должно быть вручено. Поэтому не беспокойся, не волнуйся попусту; ты — лишь нимитта, не причина этого, не деятель, ты просто инструмент. Интересуйся средствами, не думай о последствиях, потому что, сосредоточиваясь на результатах, ты лишаешься своего мастерства.

“Ты разделен, и поэтому ты чувствуешь себя таким истощенным, Арджуна. Твоя энергия никуда не делась, она превратилась в конфликт — во внутреннее противоречие, ты разделен. Ты сражаешься сам с собой. Одна часть тебя требует идти вперед, другая утверждает, что делать этого не следует. Целостность твоя потеряна. А когда утрачивается целостность, вслед за этим приходит ощущение бессилия”.

И тогда даже такой сильный человек, как Арджуна, может заявить: “Я не в силах поднять Гандиву, лук слишком тяжел для меня. Я нервничаю. Я испытываю сильный страх, во мне нарастает озабоченность. Я не в состоянии сражаться”.

Мастерство осталось прежним, ничто не изменилось, но ум разделен. Когда вы разделены, вы — бессильны; когда вы нераздельны, вы полны сил. Желания разделяют вас, медитация возвращает вас к цельности: желание устремляет вас в будущее, медитация приводит вас в настоящее.

Помните это заключение: не перемещайтесь в будущее. Когда бы вы ни заметили, что ум ваш ринулся вперед, в будущее, немедленно бросайтесь обратно в настоящее. Не пытайтесь это перемещение завершать. Немедленно, в тот же миг, как вы замечаете, сразу же, как только вы осознаете, что ум переместился в будущее, в желание, в мечту, кидайтесь назад в настоящее. Будьте в себе, “в своем уме”.

Вы будете все равно терять настоящее. Снова и снова вы будете утрачивать его, потому что это уже стало вашей многолетней привычкой; но рано или поздно, все больше и больше, вы сможете оставаться в настоящем, в себе, разумны. И тогда жизнь превращается в развлечение, становится игрой. Тогда вы настолько полны сил, что они вас переполняют — это наводнение витальности. И наводнение это есть блаженство.

Обессиленный, измученный, вы не в состоянии испытывать экстаз. Как можете вы танцевать? Для танца необходима неограниченная энергия. Истощенный, как можете вы петь? Пение — это всегда переполнение. Мертвый настолько, насколько вы сейчас мертвы, как же вы можете молиться? Лишь когда вы полностью, абсолютно живы, благодарность поднимается, выплескивается из сердца, признательность захлестывает вас. Эта благодарность, эта признательность — и есть молитва.

Хватит на сегодня.

7

ТРОЕ ДРУЗЕЙ

Раз трое друзей обсуждали жизнь.

Один сказал:

“Могут ли люди жить вместе, не зная ничего об этом,
трудиться вместе, но ничего не производить?
Могут ли они витать в облаках
и позабыть навеки, что это такое — жизнь?”

Трое друзей переглянулись

и расхохотались.

Не было у них объяснений,

и от этого дружба их только крепла.

Потом один из друзей умер.

Конфуций послал ученика,

чтобы помочь другим двоим воспеть его доблести на его похоронах.

Когда тот ученик пришел,

один из друзей уже сочинил песню,

а другой аккомпанировал ему на лютне.

“Эй, Сунг Ху, куда ж ты ушел?

Эй, Сунг Ху, куда ж ты ушел?

А ушел ты туда, где на самом деле уже был,

а мы здесь — будь оно все проклято! Мы все еще здесь!” —
пропели они.

Тогда ученик Конфуция

накинулся на них со словами:

“Могу ли я поинтересоваться, где нашли вы такое
в правилах обряда погребения,
этот фривольный напев
в присутствии усопшего?”

Двое друзей переглянулись
и рассмеялись:
“Бедняга,
он не знает новой литургии!”

ТРОЕ ДРУЗЕЙ

Первое, что надобно отметить относительно жизни — это то, что она не имеет объяснения. Она существует в своем абсолютном великолепии, но у нее нет объяснения, она необъяснима. Она есть — как таинство, а если вы попытаетесь ее объяснить, вы упустите ее. Ее вы не объясните, но сами вы станете совершенно слепы в результате ваших объяснений.

Философия — это враг жизни. Самая неприятная вещь, какая только может произойти с человеком, — он попадет в переделку, погрязнув в объяснениях. В тот самый момент, как вы решаете, что вы можете что-то объяснить, жизнь покидает вас, вы уже мертвы.

Это звучит как парадокс. Смерть можно объяснить, но жизнь объяснить невозможно; потому что смерть — это нечто законченное, завершенное, а жизнь — это постоянно продолжающаяся история; жизнь всегда в пути, смерть уже прибыла. Когда что-либо достигнуто и завершено, вы можете это объяснить, вы можете определить это. Но когда что-то все еще продолжается, происходит, процесс не завершен, то это означает, что с неведомым еще только предстоит встретиться на пути.

Вы можете знать прошлое, но вы не можете знать будущего. Вы можете построить теорию прошлого, но как вы можете построить теорию будущего? Будущее — всегда открытие, бескрайнее, бесконечное открытие, и оно продолжает открываться и открываться. И поэтому, когда вы объясняете, то объяснение всегда касается того, что мертво.

У философии полно объяснений на все случаи жизни. Поэтому ни одна философия не может быть достаточно живой, и вряд ли вы сумеете найти кого-нибудь мертвее, чем философы. Жизнь отступила, жизнь покинула их. Они — это одряхлевшие, дряблые от старости головы, как мертвые камни. Они производят много шума, но в нем нет музыки жизни. У них есть множество объяснений, но они совершенно позабыли, что в руках у них остались одни лишь объяснения.

Объяснение — оно как сжатый кулак. Жизнь — как раскрытая ладонь. Они абсолютно различны, и когда кулак плотно сжат, в нем нет неба, в нем нет воздуха, нет пространства для дыхания. Вы не можете зажать небо в кулак. Кулак упустит его. Небо есть там, где рука раскрыта, там оно доступно. Объяснение — это хватание, сжимание кулака, определение — это жизнь, вытекающая сквозь пальцы.

Даже смех больше, чем любая философия, и когда кто-то смеется над жизнью, он понимает ее. И поэтому все те, кто действительно обладал знанием, смеялись. Смех их можно слышать даже спустя века. Видя Будду, держащего цветок в руке, Махакашьяпа рассмеялся. Его смех слышно и сейчас. Те, у кого есть уши, чтобы слышать, слышат этот смех, словно река, непрерывно струящийся вниз сквозь столетия.

В монастырях Дзен в Японии ученики все еще продолжают спрашивать своих мастеров: “Скажи нам, Мастер, почему Махакашьяпа рассмеялся?” Но те из них, кто более чуток, говорят: “Скажи нам, Мастер, почему Махакашьяпа все смеется?” Они используют настоящее, а не прошедшее время, и говорят, что мастер ответит вам, только лишь когда он увидит, что вы можете слышать смех Махакашьяпы. Если вы не в состоянии слышать его, то вам ничего о нем не рассказать — это невозможно.

Будды смеются вечно. Вы не можете слышать их потому, что вы сами лишили себя такой возможности. Если вы видели будду, вы могли заметить, что он серьезен, но серьезность эта спроецирована, привнесена. Это ваша собственная серьезность — вы используете будду, как экран. Поэтому христиане и утверждают, что Иисус никогда не смеялся. Это звучит, как полная нелепица. Конечно, Иисус смеялся

и смеялся он так от души, так полностью отдаваясь этому, что все его существо, вся его жизнь, несомненно, обратилась в смех — только вот ученики его не смогли этого смеха расслышать. Они, само собой разумеется, остались закрыты, глухи, спроецировав на Иисуса свою собственную серьезность.

Увидеть Иисуса на кресте смогли — потому что все вы живете в таком страдании, что можете видеть одни лишь страдания. А вот если Иисус рассмеется, то это пропустят мимо ушей. Это так противоречит жизни, это так не вписывается в нее. Смеющийся Иисус вас не устраивает, он становится странным, чужим.

Но на Востоке все было иначе, и в Дзен, и в Дао смех достиг своей кульминации. Это стало полной противоположностью философии.

Философ серьезен потому, что считает жизнь головоломкой и полагает возможным найти ее решение. Он трудится, корпит над жизнью своим умом, - и становится все более и более серьезным. Чем больше он упускает жизнь, тем он становится серьезнее и мертвее.

Даосы — Лао Цзы и Чжуан Цзы — говорят, что, если вы можете смеяться, если вы можете ощутить звонкий смех, исходящий из самой сердцевины вашего естества, а не просто изображать вежливую улыбку на своем лице, если вы способны расслышать смех, доносящийся из самых глубин вашего сердца, распространяющийся, расходящийся волнами повсюду вокруг вас, переполняющий, захлестывающий вселенную, — то смех этот даст вам первый проблеск сияния жизни. Жизнь — это таинство.

У Чжуан Цзы такой смех молитвенен, потому что с ним вы принимаете жизнь, не ища ей объяснений. Как можно найти объяснение жизни? Мы — часть ее. Так как же может часть найти объяснение целому? Как может часть изучать целое? Как может часть препарировать, разделять целое? Как может часть идти впереди целого?

Объяснение означает, что вы должны трансцендировать, профанизировать, лишиться таинства то, что пытаетесь объяснить — но тогда вы должны существовать до того, как оно, объясняемое, начало существовать, до того, как оно появилось, и вы должны продолжать существовать после того, как это объясняемое

прекратит свое существование. Вы должны свободно передвигаться вокруг и вне его, тогда вы можете его определить, объяснить; и вы должны разобраться в нем, проанализировать его — тогда вы можете проникнуть в самую его суть. Анатом может найти объяснение, — не жизни, но труп. Все медицинские определения жизни глупы, потому что анатом препарирует, и к тому времени, когда он делает свои выводы и заключения, жизни уже нет, есть только труп, мертвое тело. Все объяснения посмертны, жизни в них уже нет.

Теперь даже ученым стало известно о таком удивительном явлении, что, когда вы исследуете человеческую кровь, она не может быть такой же точно, какой была, когда текла в сосудах живого существа. Тогда она была жива, она обладала иным качеством; теперь, когда она в пробирке, она мертва. Это не та же самая кровь, потому что основного качества — жизни — в ней больше нет. И со всеми объяснениями происходит то же самое.

Цветок, когда он на дереве, — иной из-за того, что жизнь — принимающая форму цветка жизнь — протекает в нем. Когда вы срезаете его с растения, забираете его в лабораторию, исследуете его, этот цветок уже совсем другой. Не обманывайтесь его внешней видимостью. Теперь в нем уже нет жизни. Вы можете узнать химический состав цветка, но это не объяснение, не понимание.

У поэта подход иной, не через препарирование, но через любовь, не через обрывание цветов с деревьев, но, скорее, через слияние с цветком, пребывание с ним в глубокой любви, в мистерии участия. Он участвует в ней, и тогда он познает нечто новое; но только это не объяснение. Поэзия не может быть объяснением, но в ней есть проблеск, отголосок истины. Она истиннее любой науки.

Понаблюдайте: когда вы влюблены в кого-то, сердце ваше бьется иначе. Ваш любимый, ваша любимая будут прислушиваться к вашему сердцу: оно бьется по-другому. Ваш любимый касается вашей руки... тепло другое. Кровь движется в ином танце, она пульсирует не так, как обычно.

Но когда вашу руку берет в свою врач, пульс совсем не такой. Он может слышать удары вашего сердца, но это другое биение. Когда сердце бьется для любимого, оно имеет свою собственную песнь, но

лишь любимый может услышать ее, лишь любимый может знать это биение, эту кровь, это тепло жизни. Врач этого знать не может.

Что же изменилось? Врач становится исследователем, а вы — исследуемым, — вы не едины, не одно. Врач относится к вам, как к объекту. Он смотрит на вас так, как если бы он смотрел на вещь — это и порождает различие. Любимый не смотрит на вас, как на объект — он становится с вами одним, он сливается и тает. Он стремится познать глубочайшую суть вашего естества, но нет у него объяснений. Он чувствует это, но чувство — это совсем иное, это не объяснение. Он не может об этом — думать.

Все, что поддается осмыслению, не живо. Мысль имеет дело со смертью, она всегда имеет дело с мертвыми предметами; вот почему в науке нет места чувству. Чувство придает существованию другую размерность, придает дополнительное измерение — измерение живого.

Эта красивая история может о многом вам рассказать. Продвигайтесь по ней шаг за шагом, и, если вы придете к заключениям, к выводам, то, поймите, вы упустили ее суть. Если же вы начнете смеяться, вы ее поняли.

Раз трое друзей обсуждали жизнь.

Чжуан Цзы краток. Как всегда, те, кто знает, немногословны, они не проронят ни единого лишнего слова. В их жизни остается только самое существенное.

Раз трое друзей обсуждали жизнь.

Первое, что надо заметить, — только друзья могут обсуждать жизнь. Когда бы обсуждение ни переходило в спор, когда бы обсуждение ни превращалось в дебаты, диалог разрушен. Жизнь так обсуждать невозможно. Только друзья могут обсуждать, потому что их обсуждение не становится дебатами, оно остается диалогом.

В чем же различие между дебатами и диалогом? В дебатах вы не готовы, не хотите выслушать другого; даже если вы вроде бы и слушаете, вы лишь притворяетесь. Вы не слушаете по-настоящему, вы

просто подготавливаете свои аргументы. Когда ваш оппонент говорит, вы готовитесь противоречить. Пока говорит другой, пока он что-то произносит, вы лишь ждете удобного случая возразить. В вас уже живет предубеждение против его слов, у вас всегда есть свои соображения, своя теория. Вы не пытаетесь искать нового, вы не ничего не воспринимаете, вы не простодушны, не невинны; вы уже полны, ваша лодка не пуста. Вы тащите с собой определенные теории, и вы пытаетесь доказать их истинность.

Искатель истины не таскает с собой теорий. Он всегда открыт, уязвим, всегда восприимчив. Он может слушать. Индуист слушать не может, мусульманин слушать не может. Как может индуист что-то услышать? Он уже знает истину, слушать нет нужды. Вы пытаетесь его заставить слушать, но он не в силах это делать; ум его уже настолько полон, что ничто не в состоянии проникнуть в него. Христианин — ничего не слышит, он уже знает истину. Он закрыл свои двери для новых ветров, он закрыл свои глаза для нового солнечного восхода, новой зари пробуждения, он всего достиг, он добрался до места.

И все те, кто считает, что они достигли цели, отлично могут дебатировать, но вступить в диалог они не способны. Они могут лишь сталкиваться и размахивать руками. И тогда их дебаты перерастают в конфликт и они во всем противопоставляют себя другому. В подобной дискуссии вы можете доказывать что угодно, хотя ничего и не сможете доказать. В ваших силах заглушить, заставить замолчать другого, но так вы его никогда не обратите на путь истины. Вы не можете ничего довести до сознания оппонента, ни в чем его убедить, потому что это ни что иное, как своего рода война, этакая цивилизованная война — вы не палите во все стороны из оружия, вы стреляете словами.

Не зря Чжуан Цзы говорит: “Трое друзей обсуждали жизнь”, — вот почему они могли в конце концов расхохотаться; иначе бы они пришли к заключению. Одна теория могла бы нанести поражение другим теориям, одна философия могла бы заставить замолчать другие философии, тогда было бы сделано заключение, сделаны выводы — а заключение мертво.

У жизни нет выводов, она не имеет заключения. Жизнь не заботится о таких глупостях. Она все продолжается и продолжается

без конца; она есть всегда, вечная, устремленная вперед история. Как вы можете что-либо о ней заключить? В тот момент, когда вы пришли к выводам, вы вышли, выпали из нее. Жизнь продолжает идти дальше, а вы сошли, свернули с пути. Вы можете оставаться верным своим выводам, но жизнь не станет вас дожидаться.

Друзья способны обсуждать, беседовать. Почему? Можно любить кого-то, но невозможно любить философскую теорию. Философы не бывают друзьями. Вы можете быть либо их учеником, либо их врагом, но вы не можете быть их другом. Одно из двух: либо они вас убедили, либо нет, либо вы им следуете, либо не следуете, но вы не можете быть их друзьями. Дружба возможна только между двумя пустыми лодками. Тогда вы открыты другому, приглашаете другого, тогда вы — постоянное приглашение: приди ко мне, войди в меня, будь со мной.

Вы можете отбросить все теории и философии, но вы не можете отринуть дружбу. И когда вы дружите, диалог становится возможен. В диалоге вы слушаете, а если говорите, то не для того, чтобы противоречить другому, вы говорите просто для того, чтобы искать, чтобы узнать, поинтересоваться. И говорите вы не с уже готовым заключением, но с заинтересованностью, с постоянным живым любопытством. Вы не пытаетесь ничего доказывать: вы говорите из невинности, из желания познания, а не из философских соображений. Философия никогда не невинна, она всегда хитра, это некий прием ума.

Трое друзей обсуждали жизнь — потому что между друзьями диалог возможен. И поэтому на Востоке существует традиция: пока вы не найдете дружбу, не испытаете любовь, почтение, доверие — никакое познание невозможно. Если вы отправляетесь к мастеру, а лодка ваша полна идей, то никакого контакта быть не может, диалога не получится. Сперва вы должны опустошить ее настолько, чтобы стала возможна дружба, настолько, чтобы вы могли смотреть безо всяких идей, проносящихся и мельтешащих у вас перед вашим взором и застилающих ваши глаза, настолько, чтобы вы могли смотреть, не делая выводов, не приходя к заключениям. И когда вы сможете видеть так, перспектива вашего взгляда станет огромна, она станет неограниченна.

Индуист может читать Библию, но он никогда не поймет ее. На самом деле он при этом не читает ее, он не может прислушаться к ней. Христианин может читать Гиту, но он остается вне ее. Он никогда не проникнет в ее глубочайшую суть, он никогда не достигнет внутреннего королевства, он кругами ходит вокруг нее. Он уже знает, что истинен только Христос, он уже знает, что спасение достижимо лишь через Христа; он уже знает, что только Христос — сын Бога. Как он может прислушаться к Кришне? Только Христос истинен. Кришна не может не быть неистинным, самое большее — красивая неправда, но никогда не истина. Или, если он очень уступит, то он скажет, “близко к истине”.

Но что вы подразумеваете под словами “близко к истине”? Это — неправда, отсутствие истины, ложь! Истина либо есть, либо ее нет. Ничто не может быть “приблизительно истинно”. Или истина есть, или истины нет. Это всегда тотально, полностью. Вы не можете ее делить, она неделима. Вы не можете сказать, что это “истинно в какой-то степени”. Нет, истина не знает степени. Она либо есть, либо ее нет.

Поэтому, когда разум приходит к выводу, что Христос — это единственная истина, то расслышать Кришну невозможно. Даже если вы на своем пути проходите рядом с ним, вы будете не в силах услышать его. Даже если вы столкнетесь с Буддой, вы не встретитесь с ним.

А весь мир полон заключений, выводов. Кто-то христианин, кто-то индуист, кто-то джайн, кто-то буддист — так и теряется истина! Истинно религиозный человек не может быть христианином, индуистом, буддистом, религиозный человек может быть только искренне интересующимся. Он интересуется, и он остается открытым, не делая никаких выводов. Его лодка пуста.

Трое друзей, обсуждающих жизнь... Только друзья могут обсуждать, потому что между ними существует диалог, их взаимоотношения строятся на “я и ты”. Когда вы дебатируете, отношения “я и оно”. Другой — это вещь, которую надо обратить, убедить, другой — это не “ты”; другой не имеет значения, другой — это просто число.

В дружбе другой важен, другой обладает присущей ему ценностью, другой ценен сам по себе, является самоцелью, вы не

пытаетесь его обратить. Как вы можете обратить человека? Что за глупость! Сама попытка обратить человека глупа. Человек — это не вещь. Человек столь велик и огромен, что никакая теория не может быть важнее человека. Никакая Библия не является более важной, чем человек, никакая Гита не может быть важнее человека. Человек являет собой само великолепие жизни. Вы можете человека любить, но вы не можете его обратить. Если вы пытаетесь обращать, то вы пытаетесь манипулировать, управлять. Тогда человек становится средством, а вы эксплуатируете его, пользуетесь им.

Диалог возможен, когда ваше “я” говорит с “ты”, когда другой любим, когда за этим всем не стоит идеологии. Другой просто любим, и христианин он или индуист — значения не имеет. Это и есть дружба — и друзья могут обсуждать жизнь, потому что возможен диалог.

Один сказал:

“Могут ли люди жить вместе, не зная ничего об этом,
трудиться вместе, но ничего не производить?
Могут ли они витать в облаках
и позабыть навеки, что это такое — жизнь?”

Он не предлагает теории, он лишь затрагивает вопрос. И запомните, вы можете поднимать вопрос двумя способами. Иногда вы поднимаете вопрос только потому, что вам необходимо снабдить им ответ, а ответ этот у вас уже есть — вы задаете вопрос, просто чтобы ответить на него. Тогда этот вопрос не настоящий, он фальшив. Ответ на него уже давно готов. Этот вопрос — всего лишь трюк, он риторический; он не реален, не подлинен.

Вопрос подлинен тогда, когда у вас нет ответа, когда вы спрашиваете, — но не для того, чтобы подвергнуть ответ сомнениям и привести свои аргументы, как вы часто задаете вопрос только лишь из желания подобающе выглядеть, — подлинный вопрос оставляет вас пустым, просто открытым, приглашающим, заинтересованным.

Один сказал:

“Могут ли люди жить вместе, не зная ничего об этом?..”

Мы, живя вместе, никогда не знаем, что же это за состояние такое — “вместе”. Вы можете годы прожить вместе и так и не узнать, что значит “быть вместе” (togetherness). Дословный перевод такого словообразования должен был бы звучать, как “бытие вместе”, “пребывание вместе”, “совместность”. Прим. перев. Повсюду в мире — люди всегда живут вместе, никто не живет в одиночку: мужья живут с женами, жены с мужьями, дети с родителями, родители с друзьями; все живут вместе. Все время проходит в совместной жизни, в контактах, в бытии вместе, но знаете ли вы что такое — “быть вместе”?

Прожив рядом с женой лет сорок, вы, возможно, не жили вместе с ней ни единого мгновения. Даже в то время, когда вы занимаетесь с ней любовью, вы можете думать о совершенно посторонних вещах. Тогда вас нет рядом с ней, тогда это занятие любовью — просто механическое действие.

Рассказывают, что однажды Мулла Насреддин пошел в кино с женой. Они были женаты уже, по меньшей мере, лет двадцать. А шел как раз один из этих знойных иностранных фильмов! И вот, когда они выходили из кинотеатра, жена спросила его: “Насреддин, ты никогда не любил меня так, как любят эти актеры в кино. Почему?”

“Ты что, с ума сошла? Знаешь, сколько им за это платят?” — воскликнул Насреддин.

Люди продолжают жить друг с другом безо всякой любви, потому что вы любите только тогда, когда это того стоит. Да и как можете вы по-настоящему любить, если вы любите лишь при условии, что получаете что-то взамен? Любовь при этом тоже становится объектом торговли; тогда она — уже не взаимоотношения, не совместная жизнь душа в душу, она перестает быть праздником. Вы не испытываете счастья, будучи с другим, в лучшем случае — вы просто терпите другого.

Жена Муллы Насреддина была при смерти, и врач сказал ему: “Насреддин, мне придется быть с тобой откровенным; в такие

моменты лучше говорить правду. Твою жену спасти не удастся. Болезнь зашла слишком далеко; я делаю все возможное, но ты должен быть готов ко всему. Не терзай себя, прими это, это судьба. Твоей жене остается жить не больше суток”.

“Да ладно. Если я смог выдержать с ней столько лет, так я могу потерпеть еще несколько часов!” — ответил ему Насреддин.

Самое большее — мы терпим. А когда вы мыслите в понятиях терпимости, — вы страдаете, ваша совместная жизнь — это сплошное страдание. Вот почему Жан Поль Сартр заявляет: “Другой — это ад...” Да вы с другим просто страдаете, он ставит вас в зависимость от себя, он подавляет вас. Он является причиной забот, проблем, неприятностей, и вы теряете свою свободу, вы утрачиваете ваше счастье. И тогда все это становится заведенным порядком, привычкой, просто терпимостью. Когда вы другого терпите, как же вы можете познать красоту, прелесть совместной жизни? И в самом деле, ведь ее у вас никогда и не было.

Браки почти всегда бывают неудачны, потому что супружество подразумевает торжество совместной жизни, жизни душа в душу. Это не свидетельство о заключении брака. Никакой ЗАГС не может выдать вам эту самую семейную жизнь; никакой священник не может преподнести это вам этот дар. Это огромная революция в жизни, это великая трансформация в самом образе вашей жизни, и это может произойти только когда вы достигаете торжества, праздника совместного существования, торжества жизни вместе, когда вы больше не ощущаете супруга, как другое лицо, когда вы больше не рассматриваете себя, как “я”. Когда двое на самом деле — уже не двое, они соединились, они стали в определенном смысле едины. Физически они остаются двумя, но в том, что касается глубочайшей сути, они — едины. Они могут быть двумя полюсами одного существования, но они — не двое. Они взаимосвязаны. И эта связь дает вам проблеск понимания, что же такое: жизнь вместе.

Это редкая удача — повстречать своего супруга, своего суженого. Люди живут вместе просто из-за того, что не могут вынести одиночества. Запомните это: люди не могут жить одни — и поэтому они живут вместе. Жить одному неудобно, жить одному

неэкономично, жить одному трудно, вот почему люди живут вместе. Иными словами: причины, побуждающие к супружеской жизни, носят негативный характер.

Один мужчина готовился к свадьбе. “Ты ведь всегда был против женитьбы, что это ты вдруг передумал?” — задал ему вопрос кто-то.

“Уже зима на носу, и, говорят, она будет очень холодной. На центральное отопление мне не наскрести, а жена обойдется дешевле!” — объяснил он.

Вот такова логика супружества. Вы живете с кем-то по причине того, что это удобно, устраивает вас, экономично, так дешевле. Жить одному и в самом деле трудно, а у жены столько положительных сторон: домохозяйка, кухарка, прислуга, нянька — такое множество полезных качеств. Она — самый дешевый в мире работник, делающий много полезного вообще без всякой оплаты. Это эксплуатация.

Брак существует, как институт эксплуатации, это не совместное существование, не жизнь вместе. И поэтому от него никому не будет никакого счастья. Не может быть. От него ничто не расцветет. Разве могут посреди поля эксплуатации распуститься цветы экстаза?

Ваши так называемые святые продолжают вам твердить, что несчастны вы из-за того, что живете в семье, из-за того, что обитаете в миру. “Брось все, отрекись!” — настаивают они. И доводы их выглядят вполне разумно, но не потому, что они верны, а потому, что вы лишены жизни вместе, лишены совместного существования. В противном же случае вы увидите, что все те святые абсолютно неправы. Познавший совместную жизнь познал божественное; тому, кто действительно соединен, действительно женат, ведомо божественное, ибо любовь — это величайшие врата.

Но совместного существования, единения у вас нет, и вы живете рядом без понимания того, что такое “быть вместе”; так вы и живете семьдесят, восемьдесят лет, не осознавая того, что же такое жизнь. Вы плывете по течению, предоставив все решать судьбе, не имея никаких корней в жизни. Вы просто влачите существование изо дня в день, не пытаясь вкусить того, что жизнь предлагает вам. А знание

жизни не дается при рождении. Это не переходит по наследству — знать жизнь.

Жизнь появляется, даруется при рождении, но мудрость, опыт, экстаз — этому надо научиться. И в этом смысл медитации. Вам нужно их наработать, вам нужно расти в их сторону, вам необходимо достичь определенной зрелости; только тогда вы сможете познать их.

Жизнь может открыться вам лишь по достижении определенной зрелости. Но люди живут и умирают инфантильными. Они никогда по-настоящему не вырастают, они никогда не становятся зрелыми.

Что такое зрелость? Достижение половой зрелости вовсе не означает еще, что вы стали зрелы. Спросите психологов: они подтвердят, что ментальный возраст среднего взрослого человека остается где-то около тринадцати или четырнадцати лет. Ваше физическое тело продолжает расти, но ваш ум застывает в тринадцатилетнем возрасте. Не удивительно, что вы себя так глупо ведете, что ваша жизнь становится сплошным идиотизмом! Инфантильный ум не может не ошибаться каждую секунду.

А незрелый ум всегда старается свалить ответственность на других. Вы чувствуете себя несчастным и уверены, что в этом виноват кто-то, создающий для вас ад. “Другой — это ад”. Я заявляю: это утверждение Сартра весьма инфантильно. Если вы зрелы, то другой может стать раем. Другой — это точно то же, что и вы сами, ибо другой — он как зеркало, как ваше отражение, *вы* отражаетесь в нем.

Когда я говорю “зрелость”, я имею в виду внутреннюю честность. А эта внутренняя прямота, цельность появляется лишь тогда, когда вы перестаете сваливать всю вину на других, когда вы прекращаете твердить, что другие заставляют вас страдать, когда вы обнаруживаете, что вы сами — творец своего мучения. Это первый шаг к зрелости зрелости: “Я ответственен. Что бы ни происходило, я причастен к этому”.

Вы опечалены чем-то... Зачем это вам? Это чувство будет вам только здорово мешать, но если вы сумеете сохранить это ощущение, то, рано или поздно, вы сможете преодолеть очень многое, многое изменить. В этом заключена вся теория кармы. Вы, именно вы, отвечаете за все. Не говорите, что ответственно общество, не

говорите, что ответственны родители, не говорите, что ответственно экономическое положение, не перекладывайте ответственность ни на кого. *Вы* ответственны.

Поначалу это будет тяжело, это покажется невыносимым, ибо теперь вы уже не можете спихнуть ответственность ни на кого другого. Но примите это...

“Ты чего такой грустный?” — спросил кто-то Муллу Насреддина.

“Моя жена настояла на том, чтобы я прекратил рисковать, пить, курить, играть в карты. Я все это бросил”, — ответил тот.

Спрашивавший воскликнул: “Твоя жена должна быть теперь очень счастлива”.

“В том-то и дело, — покачал головой Насреддин. — Теперь она не может найти ничего, к чему бы придраться, поэтому она страшно несчастна. Она пытается ныть, но пожаловаться-то ей не на что. Теперь она не может объявить меня виноватым во всем, и я никогда не видел ее такой подавленной. Я думал, что, когда я брошу все дурные привычки, она приободрится, но она стала гораздо несчастнее, чем была”.

Если вы продолжаете сваливать ответственность на других, а они все делают то, что вы им говорите, то вы кончите самоубийством. В конце концов рядом с вами не останется никого, чтобы свалить на него ответственность.

Поэтому очень неплохо иметь пару-тройку недостатков; это сделает ваших близких намного счастливее. От абсолютно совершенного мужа жена сбежит через несколько дней. Как вы можете в чем-то превзойти совершенного человека? Так что, даже если вам это и не к чему, делайте иногда что-нибудь не так, тогда ваша жена сможет возвыситься, превзойти вас в чем-то — и она будет чувствовать себя поистине счастливой!

Когда муж совершенен, брак не может не закончиться разводом. Найдите совершенного человека — и все вы будете против него, он будет раздражать вас, поскольку вы не можете его осудить, вам нечего сказать о нем дурного. Наши умы любят перекладывать ответственность, вину на плечи других. Наши умы любят жаловаться.

Это дает нам возможность почувствовать себя уютнее, ведь тогда мы ни за что не отвечаем, мы неотягощены. Но эта неотягощенность, эта свобода весьма дорого ст'оит. Вы отнюдь не свободны по-настоящему, вы становитесь все более и более скованы. Просто вы не чутки, вы не замечаете этого.

Люди проживают по семьдесят лет, проживают по много-много жизней, так и не осознав того, что же такое жизнь. Все это время они были незрелы, они обманывали сами себя, они не углублялись в свою жизнь. Они жили внешне, поверхностно.

И если эта ваша "внешность" встречается с "внешностью" другого, столкновение неизбежно. Если вы продолжаете придавать значение чужим недостаткам, чужим ошибкам, то вы так и остаетесь поверхностны. Но однажды вы вдруг прозреваете: "Это я отвечаю за все мое существование; что бы ни происходило, я — причина, я причастен к этому", — так ваше сознание внезапно перемещается с периферии в центр. И вы становитесь, в первый раз, центром вашего мира.

Многое тогда можно сделать... потому что от всего, что вам не нравится, вы можете отказаться, а все, что вам по душе, можете принять; вы можете следовать всему, что, как вы чувствуете, истинно, а ложному вам следовать незачем, ибо теперь вы — центр и основа вашего мира.

Один из друзей спросил:

"Могут ли люди жить вместе, не зная ничего об этом, трудиться вместе, но ничего не производить?
Могут ли они витать в облаках
и позабыть навеки, что это такое — жизнь?"

Трое друзей переглянулись...

Только друзья могут переглянуться. Когда есть кто-то, к кому вы испытываете враждебность или неприязнь, вы никогда не смотрите на него прямо. Вы избегаете его глаз. Даже если вам придется посмотреть другому в глаза, ваш взгляд будет пустым,

отсутствующим, вы не позволите своим глазам впитать его; он — нечто чужеродное, отвергнутое.

Глаза — это двери. Вам нужно только посмотреть человеку в глаза — и вы сможете его впитать, позволить ему раствориться в вас.

Трое друзей переглянулись...

Один из друзей затронул проблему, но двое других не спешили с ответом. Они подождали, они были неторопливы. Если бы они пришли к какому-нибудь разумному заключению, если бы они сделали выводы — они немедленно заговорили бы. Но вместо этого они переглянулись. Они прочувствовали ситуацию, проблему, суть проблемы, смысл, глубину вопроса. Запомните: если вы можете ощутить глубину вопроса, ответ уже почти найден. Но ни у кого нет терпения, никто не готов глубоко вникнуть в вопрос, проникнуть в него. Вы спрашиваете, но на самом деле вы никогда не вдаетесь в проблему. Вы хотите ответа в ту же секунду.

Трое друзей переглянулись
и расхохотались.

Сам факт вопроса, сам вопрос, вторжение его в беседу, глубина, реальность, само существование его ясно показали, что ответ не нужен. Любой ответ будет глупым, любой ответ будет поверхностным.

Про Будду говорят, что миллионы раз люди задавали ему вопросы, но он не отвечал. Если ответ на вопрос был поверхностным, он не отвечал; если кто-нибудь спрашивал: “Есть ли Бог?” — он продолжал молчать. А люди глупы. Они подумали, что он не верит в Бога, иначе он ответил бы “да”; или они думали, что он был невежествен, что он не знает, что ответить, а иначе он сказал бы “да” или “нет”!

Когда вы задаете вопрос наподобие: “Есть ли Бог?” — вы не знаете, вы не понимаете, что вы, собственно, спрашиваете. Вы что, считаете, что на такой вопрос можно ответить? Тогда вы глупы. Существуют ли ответы на столь жизненные вопросы? Если вы так

думаете, то вы просто не понимаете всей глубины вопроса; тогда это простое любопытство, а не проблема.

Если б человек, спрашивавший Будду, действительно искал ответ, он бы принял и понял молчание Будды — потому что молчание и было ответом. В этом молчании он ощутил бы сам вопрос, в этом молчании вопрос сформулировался бы, как бы усилился. На фоне молчания он стал бы яснее. К задавшему вопрос пришло бы понимание, ясность.

Когда вы задаете вопрос по существу, исходящий из глубины вас, ответа не требуется. Все, что нужно, — это остаться наедине с вопросом. Не мечитесь туда-сюда, оставайтесь с вопросом один на один и ждите. Сам вопрос станет ответом. Вопрос, если вы углубитесь в него, выведет вас к тому самому источнику, откуда происходит также и ответ. Источник этот — внутри вас.

Будда не ответил ни на один настоящий вопрос — и, заметьте, я тоже. Я продолжаю отвечать на ваши вопросы, но на настоящие ваши вопросы я тоже не могу ответить — а вы все еще их не задали. Но если вы зададите настоящий вопрос, я не собираюсь отвечать на него, ибо ни на один настоящий вопрос ответить невозможно, они не из области интеллекта. Только от сердца к сердцу происходит передача, но не от разума к разуму.

Трое друзей переглянулись...

Что случилось при этом взгляде? Не разум их переглянулся, но сердца. Они посмотрели друг на друга, они ощутили, они затронули вопрос — настоящий вопрос, настолько настоящий, что не существовало ответа на него.

Да, мы живем, не понимая, что такое жизнь. Да, мы живем вместе, не зная, что такое "быть вместе". Да, мы живем, полностью забывая о том, что мы существуем. Мы витаем и витаем в облаках, не осознавая, куда мы идем и почему.

Этот вопрос был таким настоящим, что, если попытаться ответить на него, ответ этот будет совершенно дурацким. Только дурак ответил бы на такой вопрос. Они переглянулись, — они действительно посмотрели друг на друга — и расхохотались. Почему

расхохотались? Да вся ситуация так абсурдна, так глупа! И в самом деле: мы живем не понимая, что такое жизнь; мы существуем, но так и не сознаем этого факта, мы бредем и бредем по жизни, не зная, откуда, куда и почему.

Жизнь — таинство. Если мы стоим лицом к лицу с таинством, нам станет смешно от одной мысли попытаться что-то ответить ему.

Что самое таинственное в вас? Самое таинственное — это смех! Ни одно животное не умеет смеяться, только человек. Смех — наивысшее великолепие человека. Ни одно животное не смеется, ни одно дерево не смеется — смеется только человек. Смех — самый таинственный элемент в человеке.

Аристотель определил человека, как рациональное существо. Это неудачное определение, потому что понятие причинности, логика — они есть и у других животных. Разница только в степени, в количестве, и разница небольшая. Человека можно определить только как животное, способное смеяться и плакать, никакое другое определение не подойдет, потому что никакое другое животное не умеет плакать, никакое другое животное не умеет смеяться. Эти противоположные крайности присутствуют только в человечестве. Это нечто таинственное, мистическое, самое мистическое в человеке.

Гнев существует повсюду, это ничто. Секс существует повсюду, это ничто, он отнюдь не таинственен. Если вы хотите разобраться в сексе, то достаточно понять животный секс, и все, что применимо к сексу у животных, применимо и к человеку. В этом смысле человек не является ничем б'ольшим.

Гнев, насилие, агрессия, стяжательство, ревность — все, что угодно — существует, и существует в более чистом и естественном виде, у животных, чем у вас. В вас все перепутано, все беспорядочно. Поэтому психологам приходится изучать крыс для того, чтобы разобраться в психологии человека. Они просты, чисты, не так запутанны, и к каким бы заключениям относительно крыс они ни приходили, это все относится также и к вам. Все психологические лаборатории полным-полны крыс. Крыса стала для психологов самым важным животным — так она похожа на человека почти во всех отношениях.

Крыса — единственное животное, которое следует за человеком, куда бы тот ни шел. Это достигает уже вселенских масштабов. Если вы возьмете человека в Сибири, то где-нибудь поблизости обнаружится и крыса. Куда бы он ни направлялся, крыса идет следом — я подозреваю, что крысы уже добрались до Луны. Ни одно животное так не вездесуще, как крыса. И поведение ее абсолютно человечески. Поймите поступки крысы — и вы поймете человеческую природу.

Но крыса не умеет смеяться, крыса не умеет плакать. Смех и слезы — это два аспекта чего-то такого, что существует только в человеке. Если вы хотите понять смех или плач, то вам придется разбираться в природе человека; это нельзя изучить иначе. Крысы здесь не помогут. Поэтому я и называю смех и плач наиболее отличительными признаками человека.

Если вы ощутили присутствие таинства, у вас есть две альтернативы: либо плакать, либо смеяться. Что именно — зависит от вашей личности, вашего типа. Вполне возможно, что, будь их личности другого типа, трое друзей расплакались бы. Когда вас окружает такое таинство, когда вы сталкиваетесь с таким непознаваемым таинством, что никакое толкование его невозможно, что остается вам делать? Как еще вы можете отреагировать?

Но смех лучше, чем плач, ибо плач проявляется тогда, когда вас окружает таинство смерти. Тогда вы плачете. А вопрос касался жизни, поэтому стоило смеяться. Когда вы сталкиваетесь с таинством смерти, вы плачете; в присутствии смерти вы всегда чувствуете, что плач уместен.

Вопрос был о жизни, а не о смерти. Так что, похоже, имело смысл им взглянуть друг на друга, на жизнь, которая была в каждом из них — жизнь пульсирует, жизнь танцует повсюду и без всякого толкования, и нет такой тайной книги, чтобы открыть ее секреты; жизнь — в ее бесконечном таинстве, в ее полной, абсолютной непознаваемости.

Что было делать? Они не были философами, они были правдивыми людьми, мистиками. Они засмеялись, не было у них объяснений.

И от этого дружба их только крепла.

Как это прекрасно! Если возникает объяснение, с ним появляется и вражда; когда вы верите во что-то, уверены в чем-нибудь — вы разделены. Верование, убежденность порождают конфликт. Весь мир разделен из-за верований. Вы индуист, а кто-то мусульманин, — и вы уже враги. Почему? Из-за ваших убеждений. Верование создает конфликт, противоречие; все эти дурацкие толкования, объяснения, идеологии вызывают столкновения, войны.

Подумайте сами: если нет объяснений, то как определить, кто индуист и кто мусульманин? И как вы станете сражаться? Чего ради? Люди всегда сражались во имя философий, проливая кровь и убивая друг друга просто ради всяких дурацких верований. И если вы действительно исследуете верования, то вы можете разглядеть всю их глупость — не ваших верований, конечно, но верований других! Ваша вера — о! это святое; но веры всех остальных — они выглядят дурацкими!

Все веры глупы. И вы не можете видеть глупости вашей собственной лишь из-за того, что она так близка. На самом деле, все объяснения, все толкования глупы, дурацки.

Рассказывают, что однажды стая перелетных птиц направлялась на юг зимовать. Одна из птиц, летевших в хвосте стаи, спросила другую: “Слушай, а чего мы всегда летим за этим идиотом вожаком?”

Та ответила ей: “Ну во-первых, все вожаки идиоты...” — иначе кто захочет вести? Только глупцы всегда готовы вести других. Мудрый человек колеблется. Жизнь так таинственна — это не проложенная заранее дорога. Как вы можете вести других? Мудрый человек колеблется, а идиот всегда готов вести всех за собой.

“...А во-вторых, у него есть карта, так что каждый год нам приходится лететь следом за ним”.

У жизни нет карты, и невозможно составить такую карту. Это непроторенный путь. Без объяснений и толкований — что вас может разделить? Если бы объяснений не было, то мир был бы един. Но существует миллионы толкований, и — миллионы фрагментов, миллионы осколков.

Чжуан Цзы изумительно проникателен:

Не было у них объяснений,
и от этого дружба их только крепла.

Не было ничего, из-за чего стоило бы враждовать, не было причин сражаться. Они рассмеялись, и смех объединил их. Они рассмеялись, и смех принес мир в их отношения, привел их к взаимопониманию. Объясните что-нибудь — и вы разделены, обратитесь к философии — и вы отделены от других, станьте индуистом, мусульманином, буддистом — и тогда все окружающие — враги.

Взгляните на таинство и рассмейтесь, — и человечество едино. И тогда незачем говорить, что христиане — братья индуистов, что индуисты — братья мусульман. Сперва разделите их, заразите их верами, а потом преподнесите им это лекарство: все вы братья. А вы видели братьев? Да они сражаются похлеще, чем враги! Так что ж толку делать из них братьев?

Человек сражается за свои объяснения, за свои толкования, за свои убеждения. Все сражения глупы. Человек сражается за свои знамена; да вы только посмотрите на эти знамена! Что за глупость такая, что за новый тип сумасшествия развелся в мире?! За флаги, за символы, за веры, за идеологии?

Чжуан Цзы говорит: “Не было у них объяснений...” — они рассмеялись. В этот таинственный момент они объединились, стали целым, стали еще лучшими друзьями, чем прежде.

Если вы действительно хотите быть друзьями, не имейте ни объяснений, ни заключений, ни во что не верьте. И тогда вы нераздельны, тогда все человечество будет едино, тогда не станет барьеров.

Любовь действует не через ум, она проявляется через чувство.

Они рассмеялись. Смех рождается из сердца, смех исходит от души, смех появляется, происходит из всего существа в целом. Когда трое смеются, они становятся друзьями. Когда втроем плачут, становятся друзьями. Когда три человека спорят, они превращаются во врагов.

Потом один из друзей умер.
Конфуций послал ученика,
чтобы помочь другим двоим воспеть его доблести на его
похоронах.

Конфуций был человеком весьма манерным наряду с наличием у него развитого чувства собственного превосходства. Вряд ли в этом кто его превзойдет. Поэтому он всегда уязвим и является мишенью для насмешек Чжуан Цзы и Лао Цзы. Они часто упоминают в своих историях Конфуция, просто для того, чтобы посмеяться над его глупостью.

В чем выражалась эта глупость? Он жил по системе, он жил по формуле, в соответствии с теориями и убеждениями. Он был абсолютно цивилизованным человеком, самым совершенным джентльменом, какого только видел мир: он передвигается, но он передвигается в соответствии с правилами. Он смотрит, но он смотрит в соответствии с правилами. Он смеется, но он смеется в соответствии с правилами. Он никогда не переходит границ, он живет в постоянном рабстве, созданном им самим. Поэтому он — мишень для их насмешек, и Чжуан Цзы и Лао Цзы получают большое удовольствие, привнося его в свои истории.

Потом один из друзей умер.
Конфуций послал ученика,
чтобы помочь другим двоим воспеть его доблести на его
похоронах.

Ни жизнь, ни смерть — ничто для него не является таинством. Это все — элементы системы, и следует придерживаться определенных формальностей. Поэтому он послал своих учеников, чтобы проверить, поступили ли с усопшим согласно всем правилам, соответственно этикету, с предписанной молитвой, отпевали ли его подобающим образом — как записано в книгах. Покойнику нужно оказывать уважение.

Вот в чем разница. Человек, живущий манерами, всегда думает об уважении, но никогда о любви. И что такое уважение в сравнении с любовью? Любовь — это нечто живое; уважение же абсолютно мертво.

Когда тот ученик пришел,
один из друзей уже сочинил песню,
а другой аккомпанировал ему на лютне.

Это невероятно! Какое неуважение по отношению к усопшему! Здесь лежит тело, а один из друзей сочиняет песню! Они любили этого человека, а когда вы любите человека, вы хотите напоследок попрощаться с ним через вашу любовь, а не через книги, не через заготовленное песнопение, уже набившее оскомину; столько разных людей уже отпевали этой молитвой, что она превратилась в нечто совершенно бессмысленное, прогнившее и никуда не годное. И они сочинили свою собственную песню, свежую, молодую. Само собой разумеется, она была доморощенной, самодельной, не отштампованной. Просто кустарная, не слишком отшлифованная, конечно, они ведь не были поэтами, они были друзьями, и они не знали, как пишутся песни. Размер стиха, скорее всего, был неверен и грамматика неточна, но любовь не заботится о грамматике, любовь не заботится о размерности и ямбах, любовь не интересуется ритмом, потому что у любви свой собственный ритм, живой, и поэтому заботится о чем-то ей нет нужды. Когда любви нет — тогда обо всем нужно позаботиться, ибо тогда вам необходимо подменить любовь заботой.

Один играл на лютне — а я знаю, что он был не слишком хорошим лютнистом. Но как вы прощаетесь с другом? Ваши слова должны исходить из вашего сердца, прощание должно быть спонтанным, оно не может быть заранее подготовлено. В этом-то все и дело.

“Эй, Сунг Ху, куда ж ты ушел?” —
пропели они.

Таинство! Они не сказали: “Ты отправился на небеса”. Они не знают. Вы наоборот, когда кто-то умирает, заявляете: “Он отправился на небеса”. А кто же тогда отправляется в Ад? Этак похоже, что Ад вообще пустует.<F3Здесь необходимо заметить, что английское выражение “go to hell” — “отправиться в Ад”, имеет еще переносное, идиоматическое, значение, эквивалентное русскому выражению “пойти (пошел ты) к черту”. Таким образом, “он отправился в ад”, можно перевести, как “пошел он к черту”.<N>Прим.<N>перев.>

В Индии прощальное слово для умершего — это сваргия<N> (swargiya). Оно переводится: “Тот, кто отправился на небеса”. Так кто же все-таки попадает в Ад? Если вам ничего не известно, зачем же нести чушь? Кто его знает, куда отправился этот человек, этот Сунг Ху — в Ад или в Рай? Кто знает, вообще существуют ли Ад и Рай? Никто не знает; это таинство, и не стоит осквернять таинство, не следует превращать его в мирское, в профанное, не нужно утверждать глупости. Это настолько священо, что ни к чему говорить то, в чем вы не уверены наверняка.

“Эй, Сунг Ху, куда ж ты ушел?”

— здесь стоит знак вопроса.

“Эй, Сунг Ху, куда ж ты ушел?”

А ушел ты туда, где на самом деле уже был,
а мы здесь — будь оно все проклято! Мы все еще здесь!”

Говорят: “Ты ушел туда, откуда пришел”. Это священный закон: окончание может быть только началом. Круг замыкается, становясь совершенным, завершенным, законченным, он достигает той же точки, откуда он начался. Конец не может быть ничем иным, кроме как началом, смерть не может быть ничем иным, кроме как рождением. Завершение непременно становится источником, чем-то исходным. Человек рождается из ничто и затем, умирая, обращается в ничто. Лодка была пуста, когда вы родились, и, когда вы умираете, она вновь пустует. Просто вспышка молнии. На какое-то мгновение

вы — в теле, а затем вы исчезаете. Никто не знает, откуда вы пришли и куда ушли.

Они вовсе не утверждают, что что-то знают. Они говорят: “Мы чувствуем, что ты, Сунг Ху, отправился туда, откуда пришел, а мы, будь оно все проклято, мы все еще здесь”. Да-да, они не жалеют Ху, им жаль самих себя, ведь они застряли на пол-пути, а его круг уже завершился.

Когда кто-нибудь умирает, какие чувства вы испытываете? Вы жалеете умершего, или вам жаль себя? Действительно, когда кто-нибудь умирает, горюете вы о нем или о ней или о себе? Каждый жалеет самого себя, потому что любая смерть напоминает вам, что вы тоже когда-то умрете. Но человек, способный смеяться над таинством жизни, знает, что это такое, потому что лишь истинное знание, лишь настоящая мудрость, способна смеяться.

Туда, где на самом деле уже был, ты ушел...

“А мы здесь — будь оно все проклято! Мы все еще здесь!”

“А мы все еще на середине пути. Наше путешествие еще не закончено, а твой круг завершился”. Поэтому они жалеют самих себя и, если они и рыдают, то плачут они о себе. Для третьего, ушедшего, друга у них нет ничего, кроме песни, ничего, кроме праздника души. Если они и жалеют, то они жалеют себя.

Это то, что ст'оит осознать очень глубоко. Если вы понимаете жизнь, если вы можете смеяться над ней, тогда для вас смерть — это завершение, тогда она — не конец. Запомните: смерть — не конец жизни, это завершение, это пик, крещендо, кульминация, высшая точка, достигнув которой, волна возвращается в свой первоначальный источник.

Они жалеют самих себя, жалеют, что их волна еще только на пол-пути. Они не достигли пика, а их друг добрался туда, где был прежде. Он вернулся домой. Лишь те, кто понимает жизнь, могут понять смерть, ибо жизнь и смерть — неразделимы. Смерть — это кульминация, это апофеоз, завершение, итог, это окончательное цветение, это — аромат жизни.

Смерть кажется вам такой мерзкой, потому что вы никогда не знали жизни, и пугает вас смерть потому, что вы боитесь жизни. Запомните, каково бы ни было ваше отношение к жизни, ваше отношение к смерти будет таким же. Если вы напуганы смертью, значит, вы напуганы и жизнью; если вы любите жизнь, вы полюбите и смерть, потому что смерть — это ничто иное, как высочайший пик, кульминация, завершение. Песня допета, река впадает в океан. Река изначально родилась из океана. Теперь круг завершен, река возвратилась, влилась в целое.

Тогда ученик Конфуция
накинулся на них со словами:

“Могу ли я поинтересоваться, где нашли вы такое
в правилах обряда погребения,
этот фривольный напев
в присутствии усопшего?”

Этому ученику Конфуция их не понять. Ему эти стихи кажутся фривольными, неуважительными, а поведение друзей — предосудительным. Где же песнопения, что это за куплеты? Откуда вы их взяли? Как вы можете себе такое позволять, это же не из Вед.

“Могу ли я поинтересоваться, где нашли вы такое?..”

Все нужно делать по книгам, в соответствии с Библией, с Ведами. Но жизнь не вписывается в книги — жизнь превышает всех книг, она выходит за все рамки, идет дальше; жизнь всегда отбрасывает книги в сторону, устремляясь вперед.

“Где нашли вы такое в правилах обряда погребения, откуда вы взяли этот фривольный напев, да еще в присутствии усопшего? Вам следовало бы проявлять уважение. Кто-то скончался, кто-то умер, а вы чем занимаетесь? Это мирское! Это профанизация!”

Двое друзей переглянулись
и рассмеялись:
“Бедняга,
он не знает новой литургии!”

Он не читал нового писания, он не знает новой религии. А это то, что происходит здесь постоянно — эта новая литургия.

Несколько дней назад сюда приезжал один человек, профессор истории, и он задал мне вопрос: “К какой традиции, к какой школе вы принадлежите?”

“Ни к какой”, — ответил я.

Он приехал из Соединенных Штатов, чтобы снять фильм о медитативных техниках, о лагере, о том, что я говорю, о том, что здесь происходит. Но как только он услышал, что я не принадлежу ни к какой школе, не придерживаюсь никаких традиций, он просто исчез. Ведь тогда я не принадлежу истории, это же очевидно.

Бедняга, он не знает новой литургии!

Хватит на сегодня.

8

БЕСПОЛЕЗНОЕ

Хуэй Цзы заметил Чжуан Цзы:

“Все твоё учение сосредоточено на бесполезном”.

Чжуан Цзы ответил:

“Если ты не ценишь бесполезное,
то как ты можешь говорить о чём-то полезном.

Земля, например, широка и огромна,
но из всех этих пространств человек использует лишь несколько дюймов,

на которых ему случается стоять в это самое время.

“Представь, что ты внезапно уберёшь
все, что он в действительности не использует,
и повсюду вокруг ног его воззияет бездна,
а он стоит среди пустоты
безо всякой опоры кроме пяточка земли под каждой ступней,
много ли ему будет пользы от того, что полезно ему сию секунду?”

Хуэй Цзы согласился:

“От этого не будет вообще никакого проку”.

“Вот видишь, как необходимо
предполагавшееся бесполезным”, —
заклучил Чжуан Цзы.

БЕСПОЛЕЗНОЕ

Жизнь диалектична, вот почему она нелогична. Логичность означает, что противоположное — оно и в самом деле противоположно, а жизнь всегда содержит противоположность в

самой себе. В жизни противоположное — это не противоположное, это дополнение. И без него ничто в жизни невозможно.

Например, жизнь существует благодаря смерти. Если бы смерти не было, то не было бы и никакой жизни. Смерть это не конец и смерть это не враг — более того, наоборот, благодаря существованию смерти становится возможной жизнь. Поэтому смерть — это не нечто заключительное, она вплетена в “здесь и сейчас” (here-and-now). Каждый момент обладает своей собственной жизнью и своей собственной смертью; а иначе существование было бы невозможно.

Есть свет, и есть тьма. С точки зрения логики это — противоположности, и логика утверждает: “Если есть свет, то не может быть никакой темноты, а если темно, значит, нет никакого света”. Но жизнь доказывает нечто совершенно обратное. “Если существует свет, то причиной этому — тьма”, — утверждает она. Мы, возможно, просто не в силах разглядеть это другое, хотя оно спрятано здесь рядом, за углом.

Тишина существует потому, что есть звук. Если бы звука вообще не было, то как бы вы были безмолвны? Как вы можете быть безмолвны? Противоположное необходимо — как фон, для сравнения. Те, кто следует логике, всегда идут не в том направлении, потому что их жизнь становится однобока. Они мечтают о свете, и поэтому они отрицают тьму; они мечтают о жизни, и поэтому начинают бороться со смертью.

Вот почему в мире не существует предания, которое утверждало бы, что Бог — это одновременно и свет, и тьма. Есть такая традиция, которая гласит, что Бог — это свет, что Он не темен. В Господе нет тьмы для людей, верящих в то, что Бог есть свет. И существует другая религия, утверждающая, что Господь — это тьма; но с ее точки зрения в Нем нет света. Обе они неверны, поскольку обе логичны, они отрицают противоположное. А жизнь так огромна, беспредельна, всеобъемлюща, она содержит противоположное в самой себе. Она ничего не отрицает, она заключает в себе все.

Однажды кто-то сказал Уолту Уитману, одному из величайших поэтов: “Уитман, ты всегда противоречишь самому себе. Сегодня ты

говоришь одно, а назавтра ты заявляешь совершенно противоположное”.

Уолт Уитман расхохотался и ответил: “Я огромен. Я содержу в себе все противоположности и противоречия”.

Только мелкие умы последовательны, и, чем ‘уже, чем скованнее ум, тем он более последователен. Когда ум велик, бесконечен, он охватывает все: свет и тьму, и Бога, и Дьявола тоже; он объемлет все в своем абсолютном великолепии.

Только если вы понимаете этот таинственный, мистический процесс жизни, проявляющей себя через противоположности, диалектической, нуждающейся в противоположном для придания равновесия, для задания тона, создания предпосылки, фона, только тогда вы можете понять Чжуан Цзы — потому что все Даосское видение мира, вся пронизательность Даосов, вся их дальновидность, основаны на взаимодополняемости противоположностей.

Они пользуются двумя словами: инь и ян. Слова эти противоположны по смыслу, они обозначают мужское и женское начала. Просто представьте себе мир абсолютно мужской, или мир абсолютно женский. Такой мир будет мертвым, мертворожденным. В тот момент, когда он родится, он уже будет мертв. В нем не может быть никакой жизни. Если это мир женский — женщины, женщины, одни только женщины, никаких мужчин — женщины покончат с собой. Нужно противоположное, потому что противоположное притягательно. Противоположное становится магнитом, оно притягивает вас; противоположное позволяет вам взглянуть на себя, противоположное разрушает вашу тюрьму, противоположное делает вас безбрежным, безграничным. Если отринуть противоположное, случится беда. Но этим мы и занимаемся все время, и отсюда в мире столько горя.

Мужчины пытались построить общество в основе своей мужское, что породило массу проблем и конфликтов — женщина была отвергнута, ее отодвинули в тень. В прошлых веках женщину вообще не было видно. Ее прятали в темных подвалах дома, ей даже не позволялось появляться в гостиной. Вы не смогли бы встретить ее на улице, вы не смогли бы увидеть ее в магазине. Она перестала быть частью жизни. Мир стал уродлив, ибо к чему же еще может привести

отрицание противоположного? Мир перекосялся, равновесие было нарушено. Мир сошел с ума.

Женщине до сих пор не позволяют принимать участие в жизни; на самом деле она все еще не часть, не живая часть жизни. Мужчины объединяются в группы, ориентированные на мужчин — исключительно мужские клубы, где собираются только мужчины, рынок, политика, научные группы. Повсюду эта неуравновешенность, этот перекосяк. Мужчина доминирует, и это порождает столько страданий! Когда превалирует одна из противоположностей, это вызывает лишь страдание, потому что другая сторона чувствует себя задетой и старается отомстить.

И поэтому каждая женщина старается отомстить дома. Конечно, она ведь не может выйти и, приняв участие в жизни общества, отомстить человечеству, отомстить мужскому полу. И она мстит своему мужу. Это неизменный конфликт.

Говорят, что однажды Мулла Насреддин заявил своему сыну: “Какое твое дело, мал еще задавать такие вопросы. Кто ты такой, чтобы спрашивать, как я познакомился с твоей матерью? Но одну вещь я могу сказать тебе наверняка: она совершенно отучила меня свистеть”.

“А вообще мораль такова, — добавил он немного погодя, — если не хочешь быть таким же несчастным, как я, никогда не свисти девушке!”

Почему жена всегда конфликтует с мужем? Дело не в личных качествах, это не персональный конфликт, он не уровне личностей. Это месть всех женщин, всего женского рода, отверженной половины. А этот мужчина в доме, ее муж — он является представителем всего мужского мира, мира, ориентированного на мужчин. И она сражается.

Семейная жизнь оборачивается таким несчастьем потому, что мы не даем себе труда прислушаться к словам Чжуан Цзы. Сколько войн возникает из-за нашего нежелания понять, что противоположности должны быть слиты воедино. Отрицая это, вы кличете беду, и на

каждом пути, на каждом уровне, в каждом измерении повторяется всегда одно и то же.

Чжуан Цзы утверждает, что, откажись вы от всего бесполезного, в мире не стало бы и полезного. Если вы отказываетесь от бесполезного; от игры, от забавы, то не может быть и никакой работы, никаких полезных обязанностей. Это очень трудно понять, потому что все наше внимание сосредоточено на полезном.

Если кто-нибудь спросит вас, из чего состоит дом, вы ответите, что из стен. А Чжуан Цзы сказал бы точно так же, как и его мастер Лао Цзы: что дом состоит не из стен, но из дверей и окон. И Лао Цзы, и Чжуан Цзы — оба они придают значение другой части. “Да, — говорят они, — стены полезны, но их полезность зависит от бесполезного пространства за ними”.

Комната — это пространство, но не стены. Конечно, пространство ничего не стоит, а за стены приходится платить. Но, приобретая дом, что же вы покупаете? Стены, материальное, видимое. Но можете ли вы жить в этом материале? Вы можете жить в стенах? Вы будете жить в комнате, в пустом пространстве. Вы покупаете лодку, но жить вам приходится в пустоте.

Так действительно, что же такое дом? Пустота, окруженная стенами. А что такое дверь? Ничего. “Дверь” значит, что ничего нет — стены нет, пустота. Но вы не можете войти в дом, если нет двери; если нет окон, ни один луч солнца не пробьется внутрь, ни единого дуновения ветерка не пронесется по комнатам. Вы будете мертвы, и дом ваш станет могилой.

Чжуан Цзы говорит: “Помните, в доме две составляющих: стены, материал — то, что можно купить, продать, утилитарное, полезное — и пустота, окруженная стенами, неутилитарная, бесполезная, которая не может быть куплена, которая не может быть продана, которая не имеет никакой экономической ценности”.

Можете вы торговать пустотой? Но жить вам приходится в пустоте — попытайтесь вы жить в стенах, вы сойдете с ума. Это невозможно — но мы упорно пытаемся делать это невозможное. В жизни мы выбираем утилитарное.

К примеру, при виде играющего ребенка, вы восклицаете: “Прекрати немедленно! На что ты тратишь время?! Это

бессмысленное занятие. Займись чем-нибудь полезным. Учись, читай, хотя бы делай что-нибудь по дому, что-нибудь полезное. Не болтайся без дела, а то станешь бродягой, когда вырастешь". И если вы будете достаточно последовательны и настойчивы в этих своих требованиях, то постепенно вы убьете в нем все бесполезное. И тогда ребенок останется лишь полезным, а когда кто-нибудь только полезен, он мертв. Вы можете использовать его, он теперь механическая вещь, средство, но не законченное самосовершенство.

Вы — действительно вы лишь тогда, когда вы делаете что-нибудь бесполезное: рисуете — не на продажу, а ради собственного удовольствия; что-нибудь делаете в саду, наслаждаясь этим; валяетесь на песке на пляже, ничего не делая, просто расслабляясь, бесполезно, развлекаясь; сидите молча рядом с другом.

Можно было бы многое сделать за это время. Вы могли бы сходить в магазин, на рынок, вы могли бы чему-нибудь научиться. Можно было бы превратить время в деньги. Вы могли бы составить неплохой капитал, увеличить счет в банке; вы упустили солидный куш, потому что эти моменты уже не вернутся. Глупцы говорят, что время — деньги. Им ведомо только одно использование времени: как обращать его в деньги, больше денег, еще больше денег. В конце концов вы умираете, имея большой банковский счет, но абсолютно нищими в душе, потому что внутреннее богатство возникает лишь тогда, когда вы способны наслаждаться бесполезным.

Что такое медитация? Люди приходят ко мне и говорят: "Какая от нее польза? Что мы получим от нее? Какая от этого выгода?"

Медитация... и вы спрашиваете о выгоде? Вы никак не можете понять того, что медитация — это именно бесполезное. В тот момент, когда я произношу "бесполезное", вы чувствуете себя обманутым, вы испытываете неудобство, неловкость, потому что весь ваш ум стал насквозь утилитарен, настолько привязан к купле-продаже, что вы даже от медитации ожидаете результата. Вы не способны допустить даже мысли, что что-то может быть удовольствием само по себе.

"Бесполезное" — означает, что вы наслаждаетесь этим, но вам от этого никакой выгоды; вы в глубине души слиты с ним, и оно дарует вам блаженство. Но когда вы погружены в бесполезное,

наслаждаетесь им, вы все равно не можете копить это блаженство, вы не можете сваять из него сокровища.

В мире существовало два типа людей: утилитариане — они стали учеными, инженерами, врачами; и другая ветвь, их дополнение — поэты, бродяги, саньясины — бесполезные, не занимающиеся никакой полезной деятельностью. Но именно они приводят мир в равновесие, именно они придают миру гармонию, грацию. Представьте себе мир, в котором полно ученых, но нет ни единого поэта — он будет ужасным, безобразным, уродливым, в нем не стоило бы жить. Представьте себе мир, все живущие в котором — в магазинах, в офисах, где нет ни единого бродяги. Это будет Ад. Бродяги привносят в мир красоту.

Как-то раз арестовали двух бродяг... Судьи и полиция — это стражи утилитариан. Они охраняют их, ведь эта бесполезность опасна — она может распространиться! Поэтому полиция следит, чтобы нигде не было бродяг, бесполезных людей. Если вы просто стоите на улице и кто-нибудь спрашивает вас, чем вы занимаетесь, а вы отвечаете: “Да ничем”, — полиция немедленно потащит вас в суд — потому что “ничем не заниматься” запрещено! Вы должны делать что-нибудь полезное. Зачем вы стоите там? Если вы говорите: “Я просто стою и наслаждаюсь окружающим”, то вы — опасный человек, вы — хиппи. Вас нужно арестовать.

Так вот, эти двое бродяг были арестованы. “Где вы проживаете?” — спросил судья первого из них.

Бродяга ответил: “Весь мир — мой дом, небо — мой кров; я направляю свои стопы, куда пожелаю, для меня не существует преград. Я свободен”.

Тогда судья спросил другого: “А вы где проживаете?”

“А сразу за ним, следующая дверь”, — сказал тот.

Эти люди придают миру красоту, они — аромат жизни. Будда — бродяга, и Махавира — бродяга. Тот человек, бродяга, ответил, что небо — его единственный кров. Именно это подразумевается под словом “дигамбер” (digamber). Махавира, последний тиртанкара (tirthankara) джайнов, известен как дигамбер. Дигамбер значит —

голый, лишь небо — крыша над его головой, а больше у него ничего нет. Небо — его кров, его родной дом.

Когда мир становится утилитарен, вы создаете массу вещей, вы владеете множеством вещей, вы становитесь рабом вещей — внутри себя вы все утрачиваете, потому что цветение в душе возможно лишь, когда у вас нет напряжения вовне, когда вы никуда не стремитесь, когда вы просто отдыхаете, расслабляетесь. Тогда ваша душа распускается.

Религия абсолютно бесполезна. Ну какая польза от храма? Какой прок от мечети? Зачем нужны церкви? В России все храмы, мечети, церкви превратили в больницы и школы, — во что-нибудь полезное. Почему этот храм стоит здесь без всякой пользы? Коммунисты — это утилитариане. Именно поэтому они против религии, против религиозности. Им приходится такими быть, ибо религиозность открывает дорогу бесполезному, тому, что никак невозможно эксплуатировать, тому, что никак не сделать средством для достижения чего-нибудь полезного. Вы можете иметь это, вы можете быть блаженны в этом, вы можете испытывать высочайший экстаз, какой только возможен, но вы не можете этим манипулировать, управлять, вы не в силах на это воздействовать. Оно просто происходит. Бесполезное происходит, когда вы не делаете ничего. И самое огромное оно случается, когда вы совсем ничего не делаете. И лишь тривиальное происходит, когда вы что-нибудь делаете.

Сорен Киркегард, датский философ, написал одну очень пронзительную вещь. “Когда я еще только начинал молиться, я старался приходить в церковь и разговаривать с Господом...” — замечает он. Это то, чем занимаются христиане по всему миру. Они говорят с Богом громким голосом, они так кричат, так вопят, что можно разбудить мертвого. И, видимо, почитая Бога всего лишь глупым существом, они советуют, указывают Ему, что Ему следует делать, а чего не следует. Или, будто Господь — всего лишь глупый монарх, они убеждают его, подкупают его, — чтобы добиться исполнения своих желаний и планов.

Но Киркегард пишет: “Я начал разговаривать, но потом я вдруг понял, что это совершенно бессмысленно. Что можно говорить пред Господом? Нужно быть безмолвным. Что у вас есть такого, что можно

сказать? Могу ли я сказать Господу что-то новое для Него, чего Он не знает? Он всемогущ, Он всеведущ, Он всезнающ, Он видит все, так зачем же что-то еще говорить?”

Киркегард добавляет: “Много лет подряд я разговаривал с ним, а потом я внезапно осознал, как это глупо. И я перестал говорить, я замолчал. А потом, спустя еще много лет, я обнаружил, что даже молчание не подходит. И тогда я сделал следующий шаг, я стал слушать. Сначала я говорил; потом я не говорил; — а потом я слушал”.

Слушание отличается от пребывания просто в молчании, ибо просто молчание — оно негативно, отрицательно по своей сути; слушание же позитивно. Пребывать в молчании — это пассивно, но слушать — это пассивность бдительная, это ожидание чего-то: вы ничего не говорите, но ожидаете всем своим существом. Слушание обладает силой, энергией, глубиной. И Киркегард написал: “И когда я, наконец, начал слушать, тогда, впервые в жизни, ко мне пришла молитва”.

Но это слушание выглядит совершенно бесполезным, и в особенности — прислушиваться к неведомому; вы даже не знаете, есть ли оно вообще, где оно, что оно такое. Молчание бесполезно, полезной выглядит болтовня. Благодаря разговору можно достичь весьма немало; имея хорошо подвешенный язык, вы можете, постаравшись, добиться в этом мире многого. И поэтому вы считаете, что для того, чтобы стать религиозными, тоже нужно постараться, нужно приложить усилия.

А Чжуан Цзы утверждает: “Религия начинается лишь тогда, когда вы поняли никчемность всей вашей деятельности, и предались полной ее противоположности, бездействию, неделанию, когда вы остаетесь пассивным, когда вы стали совершенно бесполезным”.

А теперь заглянем в сутру, в Бесполезное.

Хуэй Цзы заметил Чжуан Цзы:

“Все твое учение сосредоточено на бесполезном”.

Такое учение выглядит совершенно нест’оящим, но Чжуан Цзы и его мастер Лао Цзы всегда учили именно бесполезному, они всегда превозносили тех, кто абсолютно бесполезен.

У Чжуан Цзы есть история об одном человеке, горбуне. Всех юношей в его городе забрали в армию и послали на войну, ведь от всех от них была польза для армии. Это миновало только одного мужчину, того горбуна, так он был бесполезен из-за своего уродства. “Старайся походить на этого горбуна, старайся быть столь же бесполезным, чтобы тебя не убили в каком-нибудь сражении”, — советует Чжуан Цзы.

Они, Чжуан Цзы и Лао Цзы, продолжают восхвалять бесполезное, ибо, по их словам, от полезного всегда одни только затруднения. Если от вас есть польза, мир будет вас эксплуатировать, все будут готовы использовать вас, манипулировать вами, контролировать вас. Но если вы бесполезны, то никто на вас даже не взглянет, люди позабудут про вас, они оставят вас в покое, они не будут вам досаждать, не будут вас беспокоить. Ваше существование вообще пройдет для них незамеченным.

Так было со мной. Так есть со мной. Я бесполезен. В детстве я мог сидеть совсем рядом с матерью, а она, оглядываясь по сторонам, замечала: “Надо бы сходить на рынок за овощами, но я ума не приложу, кого бы мне послать” — а я сидел прямо напротив нее! Она могла сказать: “Никого не найти, надо же, вообще никого нет в доме — некого послать за овощами!” Я, бывало, смеялся про себя — я был настолько бесполезен, что она не только не могла отправить меня на рынок, но и вообще меня не замечала.

Однажды к нам в гости приехала моя тетка, которая ничего не знала о моей бесполезности. Моя мать в очередной раз воскликнула: “Опять никого нет дома, чтобы сходить на рынок. Все дети вечно где-то бегают, а слуга заболел, что же делать-то? Кого-то ведь надо послать”.

“Почему ж ты не пошлешь Раджу? Вон он сидит там, и валяет дурака”, — удивилась моя тетя.

И меня послали. На рынке я попросил продавца: “Дайте мне самые хорошие овощи, что у вас есть, лучшие бананы, лучшие манго”. Поглядев на меня и выслушав все то, что я нес, — он, вероятно, предположил, что имеет дело с полным идиотом, потому что ну кто же на рынке будет спрашивать самое лучшее?! Поэтому он заломил

двойную цену, положив мне все гнилье, что только у него было, и я явился домой очень довольный и счастливый.

Моя мать, выкинув все, что я принес, объяснила тетке: “Видишь?! Вот поэтому я и говорю, что здесь никого нет”.

Чжуан Цзы очень настойчиво советует: “Будь бдителен, внимателен и будь по возможности бесполезен; иначе люди будут эксплуатировать тебя. Иначе они постараются управлять тобой — и ты попадешь в беду”. И если вы можете производить продукцию, они будут насильно заставлять вас выпускать ее всю вашу жизнь. Ведь если вы способны делать что-то полезное, какую-то определенную работу, если вы умелы, вы специалист, то вам нельзя позволить попусту растрачивать свои силы.

Он замечает, что бесполезность имеет свою собственную, внутреннюю пользу. Если вы можете быть полезны для окружающих, то вам приходится жить и трудиться для других. Но когда вы бесполезны — о, никто не смотрит на вас, никто не обращает на вас никакого внимания, никто не беспокоится о вашем существовании. Вас оставили в покое, вы один. Посреди базара вы живете так, как жили бы в Гималаях. В этом уединении вы развиваетесь. Вся ваша энергия направлена внутрь вас самих.

Хуэй Цзы заметил Чжуан Цзы:

“Все твоё учение сосредоточено на бесполезном”.

Чжуан Цзы ответил:

“Если ты не ценишь бесполезное,
то как ты можешь говорить о чем-то полезном.

Он говорит о том, что бесполезное — это другая сторона полезного. Вы можете говорить о полезном только благодаря существованию бесполезного. Это часть, дающая жизнь. Если вы полностью отбрасываете бесполезное, то полезного просто не станет. Вещи бывают полезны лишь потому, что существуют вещи бесполезные.

Но так и случилось с миром. Мы выкорчевали всю забаву, всю игру из нашей деятельности, полагая, что теперь все наши силы будут

направлены в сторону работы. Но после этого работа стала скучной. Человеку необходимо окунуться в противоположное, становиться противоположным — лишь тогда он сможет восстановить свои силы.

Весь день вы бодры, ночью вы засыпаете. Какая польза от сна? Это потерянное время — и время немалое. Прожив девяносто лет, вы тридцать из них потратите на сон, целую треть, по восемь часов в день. Ну какая же от этого польза?

В России ученые решили, что сон — это пустая трата сил и времени. Это весьма неэкономично, значит нужно с этим что-то делать: нужны какие-то изменения химического равновесия в организме или какие-нибудь гормональные препараты. Да даже если потребуется изменить что-то на клеточном уровне или в самих генах, то это ст'ойит сделать. Нужно создать человека, который осознан, бодр, который будет активно действовать, принимая участие в жизни общества — все двадцать четыре часа в сутки.

Вы только представьте себе... если бы они добились успеха, то они стали бы убивать! Тогда они сделали бы вас автоматом, самым настоящим механическим устройством, которое функционирует и функционирует, денно и нощно, для которого не существует ни отдыха, ни работы — только функционирование. Не стало бы противоположного, в котором вы могли бы отдыхать и забывать!

И они творят множество безумств. Они начали обучать маленьких детей во сне. Теперь тысячи детей в Советской России спят с магнитофонами, вставленными в уши. И, пока они спят, магнитофон учит их. Всю ночь напролет магнитофон твердит им то или другое. Они все слушают и слушают это — и оно становится частью их памяти: обучение во сне, гипнопедия. А теперь эти ученые всерьез утверждают, что, рано или поздно, все, чему мы обучаемся в школах, можно будет изучать в то время, пока ребенок спит, а тогда дневное время можно будет использовать каким-то другим полезным образом.

Даже сон подвергается эксплуатации. Вам не позволяют быть самим собою даже во сне. Вам недопустимо даже позволить свободно видеть сны. Так кто вы тогда? Вы становитесь спицей в колесе. Тогда вы просто действующая часть колеса, механизма. Если вы функционируете, то все в порядке; а иначе вас можно отбросить,

выкинуть на свалку, и кто-то другой, исправно функционирующий, заменит вас.

Но что же происходит после целого дня работы? Вы засыпаете. Что при этом происходит? Вы из полезного становитесь бесполезным. И поэтому утром вы чувствуете себя таким свежим, отдохнувшим, таким живым, неотягощенным. Ваши ноги стремятся пуститься в пляс, ваш разум может петь, ваше сердце снова способно чувствовать — вся пыль работы стерта, зеркало вновь сияет чистотой. Утром вы снова обладаете ясностью ума. Как так получается? Это приходит к вам через бесполезное.

Вот поэтому медитация может дать вам наибольшие проблески, наибольшие моменты просветления, ибо медитация — это самая бесполезная вещь в мире. Вы просто ничего не делаете, вы погружаетесь в тишину, в молчание. Это больше чем сон, потому что во сне вы бессознательны; что бы ни происходило с вами во сне, происходит неосознанно. Вы можете оказаться в раю, но вы этого не поймете.

В медитацию вы погружаетесь сознательно. И тогда вы приходите к пониманию пути: пути из внешнего мира полезности в бесполезный мир внутри вас. А если вы узнали этот путь, то в любой момент вы можете взять и уйти, погрузиться внутрь себя. Например, когда вы сидите в автобусе, вам не нужно ничего делать, вы просто сидите; когда, путешествуя в машине, или на поезде, или на самолете, вы ничего не делаете, все делают другие — вы можете спокойно закрыть свои глаза и окунуться в бесполезное, в мир внутри себя. И все вдруг станет безмолвным, тихим, на вас вдруг повеет легкой приятной прохладой, и вы очутитесь подле источника всей жизни.

Но на рынке это все не имеет никакой ценности. Вы не можете взять и продать это, вы не можете предложить: “У меня есть потрясающая медитация! Хочет ли кто-нибудь купить ее?” Никто не станет ее покупать. Она не является товаром, она бесполезна.

Чжуан Цзы ответил:

“Если ты не ценишь бесполезное,
то как ты можешь говорить о чем-то полезном.
Земля, например, широка и огромна,

но из всех этих пространств человек использует лишь несколько дюймов, на которых ему случается стоять в это самое время.

“Представь, что ты внезапно уберешь все, что он в действительности не использует, и повсюду вокруг ног его воззияет бездна, а он стоит среди пустоты безо всякой опоры кроме пяточка земли под каждой ступней, много ли ему будет пользы от того, что полезно ему сию секунду?”

Это прекрасное сравнение. Он понимал, что говорил. Сидя здесь, вы пользуетесь лишь маленьким кусочком пространства, два на два фута. Вы не используете всю землю, стало быть, вся земля бесполезна; вы занимаете только маленький участок, два на два. Чжуан Цзы говорит: “Представьте, что всю лишнюю землю убрали прочь, и оставили вам лишь этот кусочек два на два; вы стоите, опираясь каждой ногой на несколько квадратных дюймов земли. Представьте, что это все, что у вас осталось, а все остальное убрано — сколько вы сможете пользоваться этой крошечной частью, на которую вы опираетесь сию секунду?”

Пропасть, бездонная бездна, воззияет вокруг вас — в то же мгновение у вас закружится голова и вы сорветесь вниз. Бесполезная земля поддерживает полезную, и бесполезное огромно, а полезное совсем крошечное. Это истинно на всех уровнях бытия: бесполезное огромно, полезное же совсем крошечное. Если вы пытаетесь сохранить полезное, отбрасывая бесполезное, то, рано или поздно, у вас закружится голова. И это уже происходит, у вас уже кружится голова, вы летите в бездну.

Во всем мире все мыслящие люди сталкиваются с такой проблемой: жизнь не имеет смысла, жизнь кажется бессмысленной. Загляните в Сартра, Марселя, Джасперса, Хайдеггера — все они утверждают, что жизнь бессмысленна. Почему же вдруг жизнь потеряла смысл? Она никогда не была такой — бессмысленной. Будда никогда не говорил такого; Кришна мог танцевать, петь, приятно проводить время; Магомет был способен молиться и

благодарить Господа за то благословение, что было даровано ему как жизнь. Чжуан Цзы был счастлив, так счастлив, как только возможно, настолько счастлив, насколько вообще может быть счастлив человек. Они никогда не говорили, что жизнь бессмысленна. Так что же случилось с современными умами? Почему жизнь кажется им столь бессмысленной?

Убрали всю землю, а вы остались с той лишь ее частью, на которой вы сидите или стоите. У вас начинает кружиться голова. Повсюду вокруг себя вы видите бездну и опасность; и вы не можете использовать ту землю, на которой вы стоите сейчас, потому что вы могли пользоваться ею лишь постольку, поскольку бесполезное было едино с нею. Должно быть бесполезное. Что отсюда следует? Ваша жизнь превратилась в одну только работу и перестала быть забавой, игрой. Игра — бесполезна, огромна; работа — это нечто полезное, тривиальное, крошечное. А вы совершенно заполнили свою жизнь работой. Когда вы беретесь что-нибудь делать, первое, что приходит вам на ум, — а какая будет от этого польза? И если есть хоть какая-то польза, вы это делаете.

Сартр переносит действие одной из своих историй в наступающее столетие, в двадцать первый век. Один очень богатый человек замечает: “Любовь не для меня, это все для бедняков. А что касается меня, то пусть этим занимается прислуга”.

Конечно, зачем же Форд будет идти и растрачивать свое время на то, чтобы любить женщину? Для этого можно нанять слугу, и недорого. Время Форда ценится намного выше. Он должен использовать его с гораздо большей пользой.

И такое возможно! Глядя на человеческий ум такой, каков он есть, понимаешь, что это возможно, и что вы, вероятно, в будущем одни лишь слуги будут заниматься любовью. Если вы можете переложить свои обязанности на слугу, зачем утруждать себя? Когда все мыслят на языке экономики, когда у Форда, Рокфеллера есть столько вариантов эффективного использования своего времени, зачем же они будут тратить его на женщину? Они могут послать слугу, это гораздо проще.

Нам кажется абсурдом — выслушивать такую чушь, но ведь это уже происходит во многих областях жизни. Сами вы никогда не играете, за вас это делают слуги. Вы отправляетесь смотреть футбольный матч: в футбол играют другие, а вы только наблюдаете — вы пассивный зритель, не принимающий участия. Вы идете в кино, чтобы посмотреть фильм, в котором другие занимаются любовью, творят войну, насилие — да все что угодно; вы же просто зритель в кресле. Это настолько бесполезно, что вам незачем утруждать себя такой деятельностью. Кто-нибудь другой сделает это за вас, а вы сможете просто сидеть и наблюдать. Вы делаете работу, но развлекаются за вас другие. Так а чем любовь хуже? Если быть логичным до конца, нужно предположить, что кто-нибудь другой сделает за вас и это.

Жизнь кажется бессмысленной, потому что смысл представляет собой равновесие между полезным и бесполезным. Вы полностью отвергли бесполезное. Вы закрыли дверь. Теперь у вас осталось одно только полезное и это страшно тяготит вас.

Это признак преуспевания, если к сорокалетнему возрасту у вас язва; это доказывает, что успех сопутствует вам. Если четвертый десяток миновал и вам уже под пятьдесят, а язвы все еще нет, то вы неудачник. Чем вы занимались всю свою жизнь? Вы, скорее всего, растрачивали время попусту.

К пятидесяти вы обязательно должны иметь первый инфаркт. Ученые подсчитали, что к сорока годам всякий преуспевающий человек должен иметь язву, к пятидесяти — хотя бы один сердечный приступ. К шестидесяти его уже нет — и никогда и не было. Он никогда не жил. Жить было некогда. У него было столько более важных дел, которые необходимо было сделать, что совершенно не оставалось времени на жизнь.

Осмотрите вокруг, взгляните на преуспевающих людей: политиков, богачей, промышленных воротил — что случилось с ними? Не обращайтесь внимания на то, чем они владеют, посмотрите прямо на них самих, потому что, глядя на имущество и на богатство, вы сами себя обманываете. У вещей нет язвы, у машин не бывает сердечных приступов, дома не кладут в больницы. Не смотрите на вещи, иначе вы опять будете обмануты. Взгляните на человека,

отбросив все его владения, посмотрите прямо на него самого — и тогда вы почувствуете все его убожество. После этого даже нищий может оказаться богачом. После этого даже бедняк может быть богаче постольку, поскольку это касается жизни.

Успех непременно расслабляет; ничто так не расслабляет, как успех, ибо человек, преуспевая, теряет способность улавливать суть жизни, он не способен понимать жизнь — он вообще не способен что-либо понимать. Человек, преуспевающий в реальной торговле, выбрасывает настоящее ради ненастоящего, выбрасывает бриллианты души ради разноцветной пестреющей гальки на берегу; он собирает эти булыжники, теряя бриллианты.

Богатый человек — это проигравший; преуспевающий человек — это неудачник. Но поскольку вы смотрите глазами амбиции, глазами честолюбия, вы видите только владения. Вы никогда не взглянете на самого политика, вы смотрите на его пост, на кресло премьер-министра. Вы видите власть. Вы никогда не замечаете самого человека, находящегося здесь же, потерявшего последние силы, упускающего все на свете, лишенного даже проблеска понимания того, что же такое блаженство. Он купил, он приобрел власть, силу, но в этой сделке он продал, потерял себя. Вся его жизнь — торг.

Рассказывают, что как-то раз, после массового митинга членов партии, политический лидер этой партии раскричался на секретаря, занимавшегося организацией прошедшей встречи. Секретарь ничего не мог понять. “Меня надули!” — вопил лидер.

“Не понимаю вас, митинг прошел весьма успешно, — удивлялся секретарь. — Пришло много тысяч людей, и взгляните на гирлянды цветов, которые они вам преподнесли. Да они прямо забросали вас цветами, только взгляните”.

Лидер воскликнул: “В том-то дело! Гирлянд здесь всего одиннадцать, а я заплатил за дюжину! Где двенадцатая?”.

В конце концов каждый преуспевающий человек почувствует себя обманутым. Это должно произойти, этого не может не случиться, это неизбежно, потому что: что вы даете — а что вы получаете?! Внутреннее “я” утрачивается ради никчемных приобретений. Вы

можете обмануть других, но как вы сможете обмануть самого себя? В конце вы оглянетесь на прожитую вами жизнь и обнаружите, что упустили ее, растратили ее на полезное.

Обязательно должно быть бесполезное. Полезное — оно словно сад, опрятное, чистое; бесполезное — как лес, естественное, оно не может быть таким же чистым и ухоженным. Природа обладает своей собственной красотой, и, если все аккуратно и опрятно, значит, оно уже мертво. Сад не может быть по-настоящему живым, потому что вы продолжаете обрезать в нем ветви, подстригать траву, ухаживать за ним. Огромный, безбрежный лес обладает жизнью, обладает очень мощной, полной сил душой. Войдите в лес — и вы почувствуете это влияние; потеряйтесь в лесу — и тогда вы увидите его силу. В саду вы не можете ощутить силу; ее там нет, он сделан человеком. Вы можете любоваться на него, он красив, но он взращен, он управляем, им манипулируют, его направляют.

Действительно, сад фальшив — настоящим является лес. Бесполезное — оно как огромный лес, а полезное — всего лишь цветничок, разбитый вокруг вашего дома. Не суйтесь в лес со своими садовыми ножницами. Это ничего, пусть у вас остается этот ваш садик, но пусть он станет частью огромного леса, являющегося не вашим садом, но садом Бога.

И можете ли вы помыслить о чем-нибудь более бесполезном, чем Бог? Как вы можете его использовать? В том-то и дело; вот поэтому мы и не видим в Боге никакого смысла. И наиболее практичные становятся атеистами. Они утверждают, что Бога нет, и быть не может. Ну какой может быть Бог, если от Него никакой пользы?

Лучше все не включать Его в наш мир, и тогда мир достанется нам самим, мы сами будем им управлять и его контролировать. И тогда мы превратим весь мир в рынок, мы сможем сделать из храмов больницы и школы. Но бесполезность Бога — это и есть основа всей утилитарности, происходящей вокруг, всей полезности. Если вы способны развлекаться, то ваша работа доставляет вам удовольствие. Если вы можете приятно проводить время, просто забавляясь и наслаждаясь этим, если вы в состоянии играть, как малые дети, то работа ваша не будет для вас в тягость. Но это очень непросто. Ваш ум старается продолжать мыслить на языке денег.

Я читал историю о том, как Мулла Насреддин, возвратившись домой, застал свою жену в постели со своим лучшим другом. Друг очень смутился и испугался. “Послушай, — воскликнул он, — я не в силах совладать с этим. Я люблю твою жену и она тоже влюблена в меня. Ты ведь разумный человек, так давай найдем какое-нибудь решение этой проблемы. Ну в самом деле, не драться ж нам из-за этого”.

“Ну и какое же решение ты предлагаешь?” — заинтересовался Насреддин.

“Давай сыграем в карты, и пусть жена будет ставкой в этой игре. Если я выигрываю, то ты ее отпускаешь; если же выиграешь ты, я никогда больше не увижусь с твоей женой”, — предложил его друг.

“Ладно, договорились”, — согласился Насреддин, но, подумав, добавил: “Но учти, я играю только на деньги. Начальная ставка, ну, скажем, одна рупия, и по рупии очко, а то что без толку играть. Играть только на жену — это совершенно бесполезное занятие, это полный идиотизм. Я не хочу попусту тратить время, так что будем играть на деньги”.

Тогда игра становится полезной. Похоже, деньги — единственная полезная вещь. Все эти утилитариане слегка свихнулись на почве денег, потому на деньги можно покупать. Деньги — это суть всей утилитарности. И если Будда или люди, подобные Ему, отреклись от них, то не потому, что они были против денег, а потому, что они были против утилитарности, против полезного. И поэтому они заявили: “Оставьте ваши деньги себе. А я уйду в лес. Этот сад больше не для меня. Я войду в огромное, в неизвестное, неотмеченное ни на каких картах, где можно затеряться, где не ступала нога человека. Эта аккуратная, чистая посыпанная песком дорожка, много раз исхоженная, известная вся от начала до конца, нанесенная на все схемы и планы — не для меня”.

Когда вы вступаете в безбрежность бесполезности, ваша душа тоже становится огромной. Когда вы выходите в море без карт, вы

становитесь подобны океану. Тогда сам вызов, брошенный неведомым, возрождает вашу душу.

Когда вы в безопасности, когда проблем нет, когда все математически распланировано, решено, то ваша душа сжимается, сморщивается, уходит в себя. Ей нечем заниматься, у ней не остается никаких задач. Бесплезное, бросая ей вызов, пробуждает ее.

“Представь, что ты внезапно уберешь все, что он в действительности не использует, и повсюду вокруг ног его воззияет бездна, а он стоит средь пустоты безо всякой опоры кроме пяточка земли под каждой ступней, много ли ему будет пользы от того, что полезно ему сию секунду?”

Лишенный Бога, мир не способен продолжать существовать. Ровно сто лет назад Ницше провозгласил, что Бог умер. И хоть он этого и не понимал, но этим он провозгласил, что мы тоже не можем жить дальше. Он никогда так не думал, он всегда утверждал прямо противоположное. “Бог умер, — заявлял он, — и теперь человек свободен жить, как ему вздумается”. А я говорю вам: “Если умер Бог, то человек тем более уже мертв”. Новости, может, еще не дошли до вас, но он, этот человек, точно мертв — ибо Бог есть ничто иное, как огромная, безбрежная бесплезность.

Мир человека — это утилитарный мир, полезное; без бесплезного полезное существовать не может. Бог — это игра, а человек — это работа; без Бога работа станет бессмысленной, ношей, которую необходимо как-то нести. Бог — это развлечение, забава, человек же серьезен; если не будет развлечения, серьезность задушит вас, она превратится в болезнь. Не разрушайте храмы, не разрушайте мечети, не делайте из них больницы и школы; вы можете построить другие больницы, вы можете возвести новые здания для школ, но пускай бесплезное остается здесь, с вами, в самом центре вашей жизни. Вот поэтому храмы возводили прямо на самих базарах, прямо в самом центре города — именно для того, чтобы показать, что бесплезное должно оставаться в центре, иначе все полезное

будет утрачено. Надо помнить о противоположном, противоположное более важно.

В чем цель, смысл жизни? Люди продолжают приходить и спрашивать меня об этом. Цели нет. И никакой цели, никакого смысла, никакой пользы у жизни быть не может. Она бесцельна, это забава. Наслаждайтесь ею, это единственное, что вы можете делать с жизнью, — наслаждайтесь! Она не имеет ценности, цены, стоимости, она не объект торговли. И если вы упускаете из нее хоть мгновение, вы упускаете его навсегда; вам его уже не вернуть.

Религия — это всего лишь символ. Ко мне как-то пришел один человек и заявил: “В Индии пятьсот тысяч саньясинов. Это крайне неэкономично. И чем эти люди занимаются? Они живут за счет чужого труда, они тунеядцы. Надо бы запретить их”.

В России они запрещены, там нет ни единого саньясина. Вся страна превращена в что-то наподобие тюрьмы. Вам запрещается быть бесполезным. В Китае убивают буддийских монахов и бхикку (bhikkus), их убиты уже тысячи, и разрушают все монастыри. Всю страну превращают в фабрику, как будто человек состоит из одного лишь желудка, как будто человек жив только хлебом единым.

Но у человека есть сердце, и у человека есть его существование, бытие, которое никоим образом не целе-ориентировано. Человек хочет наслаждаться без всякого повода и без всякой причины. Человек хочет быть счастливым, блаженным просто так, ни за что.

“Когда вы намерены прекратить в Индии деятельность всех этих саньясинов?” — поинтересовался тот человек. И он здорово разозлился на меня, когда я ответил, что вряд ли эта деятельность когда-то совсем прекратится. Он воскликнул: “А вы еще больше увеличиваете их число. Как вы можете?! От них же никакой пользы!”

И его вопрос выглядит вполне уместным. Пойди он в какое-нибудь другое место, спроси он какого-нибудь другого религиозного лидера, ему бы ответили, что от них есть польза, много пользы, объяснили бы — какая. Но его здорово задело, когда я ему сказал, что от них нет вообще никакой пользы, и быть не может.

Но жизнь сама по себе бесполезна. В чем смысл жизни? Какова ее цель? Куда вы идете? И что в результате? Нет цели, нет результата, нет смысла, нет намерения. Жизнь — это постоянный, неизменный

экстаз, вы можете наслаждаться ею хотя бы время от времени; но, начав размышлять о результатах, вы упускаете это наслаждение, вы отрываетесь от своих корней, вы больше уже не в ней, вы стали кем-то обособленным, вне ее. И тогда вы требуете смысла, цели, намерения.

Обращали ли вы внимание на то, что, когда вы счастливы, вы никогда не задаетесь вопросом: “Какова цель счастья? В чем его смысл?” Когда вы были влюблены, вы когда-нибудь спрашивали: “Что за цель у всего этого? Зачем это?” Когда утром вы видите восходящее солнце и клин перелетных птиц в небе, задаете ли вы вопрос: “Какая от этого польза?” Цветок, распускающийся лишь в ночные часы и наполняющий всю ночь своим удивительным ароматом... спрашивали ли вы: “Зачем он нужен?”

Цели вообще нет. Цель — это из области ума, а жизнь существует вне ума; отсюда такая потребность в бесполезном. Если вы чересчур старательно ищете пользы, то вы не в состоянии избавиться от ума. Как вы сможете отбросить ум, если вы вечно ищете какой-то пользы, какого-то результата? Ум можно отбросить лишь тогда, когда вы придете к выводу, когда вы поймете, что цели нет и ум ни к чему. Вы можете отложить его в сторону. Он не так уж необходим. Конечно, когда вы отправляетесь на рынок, прихватите его с собой. И покупая что-нибудь в магазине, пользуйтесь им: ум — это некое механическое устройство, что-то вроде компьютера.

Сейчас ученые утверждают, что, рано или поздно, мы будем выдавать каждому ребенку по компьютеру, который он сможет носить в кармане. И ему незачем будет запоминать в школе и забивать свою голову кучей математики, он сможет просто нажать кнопку — и компьютер все сделает, все сосчитает. Ваш ум — это естественный компьютер. Зачем же постоянно таскать эту ношу? Когда он не нужен, отложите его в сторону, уберите его в карман. Но вы уверены, что он вам требуется, ведь вам нужно сделать что-нибудь полезное. Кто же еще сможет подсказать вам, что полезно и что бесполезно? Ум постоянно сортирует: “Это полезно, делай это; а это бесполезно, этого не делай”. Ум — ваш управляющий, менеджер. Ум — это воплощение полезного. Медитация является собой бесполезное.

Переходите от полезного к бесполезному, и старайтесь сделать этот переход настолько спонтанным и естественным, чтобы не было борьбы, не было конфликта. Делайте это так же естественно, как входите и выходите из вашего дома. Когда ум нужен — используйте его, как механическое устройство; когда вы им не пользуетесь, отложите его и забудьте о нем. Тогда станов'итесь бесполезны и делайте что-нибудь бесполезное — и вы начнете жить полной счастливой жизнью, ибо ваша жизнь станет равновесием между пользой и не-пользой. И эта уравнишенность трансцендирует и то, и другое. Это трансцендентально — ни польза, ни не-польза.

“Много ли ему будет пользы от того, что полезно ему сию секунду?”

Хуэй Цзы согласился:

“От этого не будет вообще никакого проку”.

“Вот видишь, как необходимо предполагавшееся бесполезным”, — заключил Чжуан Цзы.

Ничто полезное не может существовать без бесполезного. Бесполезное — основа. Говорю вам, ваш ум не может существовать без медитации, а если вы попытаетесь добиться невозможного, вы просто сойдете с ума. Это-то со многими и происходит. Они сходят с ума. Что такое сумасшествие? Сумасшествие — это попытка действовать без медитации, жить только умом, безо всякой медитации. Медитация — это основа, ум совершенно не способен существовать без нее. А если вы все-же попытаетесь, то ум ваш свихнется, он станет ненормальным. Это будет для него уже чересчур. Он не выдержит. Совершенный утилитарианен — именно такой сумасшедший. Он пытался совершить невозможное, он попытался жить без медитации, — потому он и сошел с ума.

Психологи считают, что, если вам не позволять спать в течение трех недель, вы сойдете с ума. Почему? Сон бесполезен. Почему вы свихнетесь, если будете не спать три недели? Человек может три месяца обходиться без пищи, но он не может прожить трех недель

без сна. И три недели — это крайний предел. Это не для вас — вы сойдете с ума через три дня, если не позволять вам спать. Если отбросить бесполезное, вы сходите с ума.

Безумие растет с каждым днем, потому что медитацию не считают чем-то ценным. Вы что же, считаете, что ценно лишь то, стоимость чего можно указать в деньгах? что ценно только то, что можно купить и продать? что ценно лишь то, чем можно торговать на рынке? Тогда вы не правы. Не имеющее назначенной цены тоже имеет ценность. То, что не может быть продано и куплено намного ценнее, нежели все, что можно купить и продать, вместе взятое.

Любовь — это основа секса. Если вы полностью лишаете людей любви, секс становится извращением. Медитация — это основа ума. Если вы отрицаете медитацию, ум становится ненормальным. Забава, игра — это основа работы. Если вы отказываетесь от забавы, от игры, работа становится в тягость, становится мертвым грузом.

Взгляните в бесполезное небо. Ваш дом, может быть, и полезен, но он существует среди этого огромного неба бесполезности. Если вы сможете почувствовать и то, и другое и если вы найдете в себе силы свободно перемещаться от одного к другому, тогда впервые родится в вас совершенное человеческое существо.

Совершенное человеческое существо не ведает, что внутри, а что вне его: и то, и другое — есть оно. Совершенное человеческое существо не беспокоится о том, что полезно, а что бесполезно: и то, и другое — его крылья. Совершенный человек парит в небе, несомый обоими крылами: ума и медитации, материи и сознания, этого мира и того, Бога, не-Бога. Он — высочайшая гармония противоположностей.

Чжуан Цзы делает такое сильное ударение на не-пользе, на бесполезности, потому что вы уделяете слишком большое внимание полезному. Иначе это ударение было бы ни к чему. Оно требуется лишь для того, чтобы уравновесить вас. Вы слишком отклонились влево, вы нуждаетесь в том, чтобы вас толкнули вправо.

Но не забывайте, если толкнуть вас слишком сильно, вы можете удариться теперь уже в другую крайность. И это случилось со многими последователями Чжуан Цзы. Они чересчур увлеклись бесполезным, оно стало пагубной привычкой — и они сошли от

бесполезного с ума. Они слишком сильно отклонились в бесполезное, но суть была не в этом, суть была в другом, — и они упустили ее.

Чжуан Цзы уделял столько внимания бесполезному только потому, что вы так привязались к пользе. Поэтому он делал на нем такое ударение. Но я должен напомнить вам — потому что ум способен перекидываться в противоположную крайность, оставаясь тем же самым — что основной задачей является трансценденция. Вам необходимо найти такое положение, в котором вы можете пользоваться и полезным, и бесполезным, тем, что имеет цель, и бесцельным. Тогда вы за пределами и того, и другого, оба они служат вам.

Есть люди, неспособные избавиться от своего ума, и есть люди, которые не могут избавиться от своей медитации. И не забывайте, что это та же самая болезнь: вы не в состоянии от чего-то избавиться. Сперва вы были не в силах избавиться от ума, потом вы каким-то образом справились с этим; но теперь вы не можете избавиться от медитации. Опять вы перебрались из одной тюрьмы в другую.

Настоящий, совершенный человек, человек Дао, не имеет привязанностей. Он легко может перемещаться от одного края к другому, из одной крайности в другую, ибо сам он остается посередине. Он использует оба крыла.

Нужно, чтобы вы поняли Чжуан Цзы правильно, вот почему я говорю все это. А он может быть понят превратно. Люди, подобные Чжуан Цзы, опасны, потому что вы можете неправильно их понять. И понять его неверно шансов гораздо больше, нежели понять правильно. Ум заявляет: “Ладно, довольно с меня этого магазина, довольно этой семьи; теперь я стану бродягой”. Это ошибочное понимание. Вы будете носиться с тем же самым умом, вы привяжетесь к вашему бродяжничеству. После этого вы уже не в состоянии возвратиться в магазин, на рынок, к семье. После этого вы будете бояться старого.

Точно так же сильнодействующее лекарство, наркотик, может обернуться новым заболеванием, если вызовет привыкание к нему. Поэтому врач обязательно должен убедиться, что вы не только избавились от болезни, но и не стали привязаны к этому лекарству —

в противном случае это плохой врач. Сперва вам нужно избавиться от болезни, а после этого вам немедленно надо избавиться от лекарства; а иначе лекарство займет место болезни, вызовет привыкание, зависимость, и вы на всю жизнь будете связаны им.

Мулла Насреддин учил своего маленького сына, которому было лет семь, как подойти к девушке, как пригласить ее потанцевать, что сказать и чего не говорить, как делать ей комплименты, как уговаривать ее.

Мальчик ушел куда-то, а полчаса спустя вернулся назад и потребовал: “А теперь научи меня, как от нее избавиться!”

Этому тоже необходимо научиться, и это труднее всего. Пригласить очень легко, но избавиться очень трудно. Да вы хорошо знаете из своего собственного опыта: пригласить девушку всегда просто, убедить девушку всегда легко, но как потом от нее отвязаться? Да. Потом это становится проблемой. Потом вам уже никуда не выйти, потом вы полностью отучаетесь свистеть.

Запомните, бесполезное тоже очень привлекательно. И если вы так сильно озабочены полезным, то вы можете слишком удариться в другую крайность. И снова потерять равновесие.

Для меня саньясин — это глубокое, полное и устойчивое, равновесие, находящийся посередине, свободный от всех противоположностей. Он может использовать полезное и он может использовать не-полезное, он может пользоваться тем, что имеет цель, и бесцельным, и все-таки оставаться вне и того, и другого. Он не используем ими. Он стал мастером.

Хватит на сегодня.

9

ЦЕЛИ И СРЕДСТВА

Назначение рыбной блесны —
поймать рыбу,
а когда рыба поймана,
блесна забыта.

Назначение слов —
сообщить идеи.
Когда идеи восприняты,
слова забываются.

Где мне найти человека,
позабывшего слова?
Он — тот,
с кем я хотел бы поговорить.

ЦЕЛИ И СРЕДСТВА

Это трудно — забыть слова. Они зацепляются за ум. Трудно выбросить прочь сети, потому что не только рыба поймана в нее, рыбак тоже попался. Это одна из величайших проблем. Работа со словами — это игра с огнем, ибо слова становятся столь важны, что значение их уже не играет роли. Символ приобретает такое значение, что содержимое просто теряется; поверхностное гипнотизирует вас, и вы забываете о том, что внутри — о сути.

Это происходит повсюду в мире. Христос — содержимое, а христианство — это просто слово; Будда — значение, содержание, дхаммапада (dhammapada) — всего лишь слово, пустой звук; Кришна — это смысл, суть, Гита — ничто иное, как западня. Но Гиту помнят, а Кришна забыт — или, если вы помните о Кришне, то только

в связи с Гитой. Если вы говорите о Христе, то это в разговоре о церквях, о теологии, о Библии, — о словах. Люди многие жизни таскают за собою свои сети, не понимая того, что это только лишь сети, ловушка.

Будда любил рассказывать одну историю:

Несколько человек переправлялись через реку. Река была широкой, опасной, было половодье — это, наверное, был сезон дождей — и они остались целы и невредимы лишь благодаря своей лодке. Они, наверное, были очень, очень разумными, потому что подумали: “Эта лодка спасла нам жизнь, как же мы теперь можем ее бросить? Она — наш спаситель, и было бы черной неблагодарностью оставить ее здесь!” Поэтому они притащили эту лодку на своих плечах в город.

“Что вы делаете? — поинтересовался у них один из удивленных прохожих. — Первый раз вижу, чтобы кто-то притащил в город лодку”.

“Нам теперь придется носить эту лодку всю оставшуюся жизнь, — объяснили они, — потому что она спасла нас, и мы не можем быть неблагодарными”.

Те вполне разумные на первый взгляд люди были, надо полагать, полными идиотами. Поблагодарите лодку, но оставьте ее там. Не носите ее с собой. Вы таскаете столько разных лодок на своих плечах, что голове на этих плечах места уже не остается, одни только лодки, — и не столько на плечах, сколько в самой голове. Вы загляните внутрь своей головы. Лестницы, лодки, тропы, слова — таково все содержимое вашей головы, вашего ума.

Сосуд, форма, внешность становятся важнее всего, средство, проводник ставятся во главу угла, тело делается самым важным — и вы слепнете. Носитель информации, средство передачи предназначено лишь для передачи вам послания — получите послание, но отбросьте проводник. Посланник был нужен просто, чтобы передать вам знание — усвойте знание, но забудьте о

принесшем их. Поблагодарите его, но не усаживайте его себе на плечи.

Магомет не уставал снова и снова, почти каждый день своей жизни, повторять: “Я всего лишь посланник, пайгамбер<N> (paigamber). Не поклоняйтесь мне. Я принес вам послание божественного, и только. Не смотрите на меня, обратите свои лица к божественному, пославшему вам эту весть”. Но магометане забыли об источнике. Магомет стал важен, посланник, проводник.

Чжуан Цзы спрашивает:

Где мне найти человека,
позабывшего слова?
Он — тот,
с кем я хотел бы поговорить.

Человек, позабывший слова, он ст’оит того, чтобы с ним поговорить, ибо ему в глубине его души доступна глубочайшая подлинная суть бытия, все существование сосредоточено в нем. У него есть, что сказать. Безмолвие его полно значения, смысла. Ваш же разговор пуст. Вообще, что вы делаете, когда говорите? Вы никогда ничего не говорите конкретно. Вам не было вручено послание, вам нечего передавать. Ваши слова пусты, они ничего не содержат, ничего не несут. Они — лишь символы. И когда вы их говорите, вы просто выбрасываете наружу свой мусор. Это, возможно, неплохой катарсис<N>(очищение: души, ума, желудка; также: срабатывание кишечника) для вас, но это может оказаться опасным для других. И как вы можете разговаривать с человеком, заполненным словами? Это абсолютно невозможно. Слова не хотят покидать его, они занимают весь его ум. Слова не позволяют к нему пробиться, не пропускают вас. Слов слишком много, и вы не в силах достучаться до него.

Разговаривать с человеком, полным слов, практически невозможно. Он не способен слушать, ведь для того, чтобы слушать, надо молчать, нужно быть восприимчивым. Слова не позволяют этого — слова агрессивны, они не способны к восприятию. Вы можете говорить, но вы не в состоянии слушать, ваш разговор — это

разговор безумца. Вы говорите, не понимая, *почему* вы говорите; вы говорите, не ведая, *что* вы говорите. Вы продолжаете говорить, — потому что это дает вам своего рода освобождение.

Вы чувствуете себя лучше после того, как вы основательно выговорились. Вам становится легче. Ваше самочувствие улучшается, потому что вы облегчились: ваш разговор — это часть ваших потуг. Он не исходит от вас самих, вы лишь избавляетесь от мешающего вам, он — просто нарушение тишины; это не песнь, в нем нет внутренней красоты. Вот почему, когда вы начинаете говорить, вы только утомляете другого, ему становится просто скучно. Так зачем же он слушает? А он не слушает, он просто ждет того, чтобы, в свою очередь, сделать скучно вам, он просто ожидает подходящего момента, когда он сможет перехватить у вас инициативу, взять дело в свои руки.

Говорят, что как-то раз на собрании выступал один известный политический деятель, любивший поговорить, и он говорил, и говорил, и говорил, и дело уже близилось к полуночи. Постепенно все слушатели стали расходиться, пока в зале не остался только один человек. Тот политик поблагодарил его за внимание и добавил: “Похоже, вы единственный любитель истины, единственный мой настоящий последователь. Я благодарен вам. Несмотря на то, что все остальные покинули нас и несмотря на поздний час, вы нашли в себе силы остаться”.

“Не обольщайтесь, — ответил тот человек, — просто я выступаю после вас”.

Когда вы слушаете, вы слушаете потому, что вы выступаете следующим. Это дает вам силы вытерпеть болтовню этого человека — это сделка, своего рода торговля. Если вы хотите заставить скучать других, то вам придется позволить им надоедать вам. Когда вы считаете кого-нибудь скучным, занудой, то вы на самом деле имеете в виду, что этот человек не дает вам возможности выступить после него. Он все продолжает и продолжает говорить, и вам никак не удастся отыскать промежуток, чтобы вклиниться со своим выступлением, он не позволяет вам начать досаждать ему. Тот

человек кажется вам воплощением занудства, но на самом деле любой набитый словами ум — это сама скука.

Когда вы поймете это?! Почему человек скучен? — потому что остались одни лишь слова, в них нет рыбы, только блесна... бесполезные, бессмысленные, бессодержательные, за ними ничего нет. Это как погремушка, трещотка, просто какой-то шум; никакой мысли они не привносят. Когда появляется смысл, это прекрасно; когда существует содержание, вы растете, вы что-то приобретаете, чему-то учитесь благодаря ему; когда имеется глубокая мысль, когда вы сталкиваетесь с человеком, способным, умеющим мыслить, то это дает вам новый прилив энергии. Это не пустая трата сил и времени, это обучение, это опыт. Редко удается найти человека, который молчалив. Трудно отыскать того, кто способен молчать.

Если вы сумеете найти молчаливого человека и сможете убедить его побеседовать с вами, то вы приобретете очень многое — ибо когда ум не заполнен словами, то сердце начинает говорить с сердцем. Когда все исходит из молчания, когда каждое слово рождается в молчании, оно прекрасно, оно живо, оно чем-то делится с вами. Но когда слово происходит лишь из толпы других слов, оно безумно; и оно может свести с ума и вас.

Маленького пятилетнего мальчика учитель спросил: “Твоя младшая сестренка уже научилась разговаривать?”

“Да, научилась, — ответил мальчик. — Мы теперь учим ее молчать”.

В том-то и беда. Вам приходится учить слова, учиться разговаривать, — это часть жизни; а потом вам приходится учиться молчать, учиться тишине, учиться быть безмолвным, бессловесным. Университеты, родители, учителя, — все они учат вас болтовне, учат вас словам; но затем вам приходится искать мастера, который научит вас молчанию.

Один немецкий ученый явился к Рамана Махарши и сказал: “Я пришел очень издалека, чтобы научиться у тебя чему-нибудь”.

Рамана рассмеялся. “Тогда ты пришел не туда, — заметил он. — Тебе надо в какой-нибудь университет, к какому-нибудь ученому,

знатоку, к какому-нибудь великому пандиту; там ты сможешь научиться. А если ты пришел ко мне, то имей в виду, здесь учиться нечему, мы только разучиваем. Я могу лишь научить тебя, как разучиться, как избавиться от слов, чтобы в тебе родилась пустота. Эта пустота божественна; эта пустота и есть Бог”.

Где вы ищите? В словах, в писаниях? Тогда не сегодня-завтра вы станете атеистом. Пандит, ученый — он не может долго оставаться верующим. Запомните, как бы он ни изучал их, что бы он ни отыскал в них — в Библии, и в Гите, и в Коране — ученый не может не стать в один прекрасный день атеистом, потому что это логически вытекающее следствие из привычки к собиранию слов. Рано или поздно у него возникнет вопрос: “А где же Бог?” Ни Библия не способна дать на него ответ, ни Гита. Более того, все Библии, Гиты, Кораны, когда они слишком занимают ваш ум, могут привести к тому, что вы наоборот утратите божественное, ибо все пространство вашего ума заполнится ими... внутри вас слишком много мебели, все слишком заставлено. Богу там не пошевеливаться. Бог, скорее всего, будет просто не в силах наладить с вами контакт, если ваш ум чересчур словесен, чересчур вербален. При этом слушать невозможно, а если вы не в состоянии слушать, то как же вы можете молиться? Нет никаких сил ждать, слова так нетерпеливы, они стучатся в вас, стремясь выбраться наружу.

Я слышал такую историю:

Как-то раз, часа в три утра, Мулла Насреддин позвонил знакомому бармену и спросил его: “Слушай, когда, наконец, откроют бар?”

“Ну ты нашел время задавать такие вопросы, — возмутился бармен. — Ты постоянный посетитель, Насреддин, и ты прекрасно знаешь, что мы открываемся в девять утра. Ложись снова спать и потерпи до девяти”, — бросил трубку.

Но минут десять спустя Насреддин позвонил опять и сказал: “Слушай, но мне очень надо. Может быть все-таки можно отпереть бар?”

Тут бармену это уже надоело. “Ты вообще соображаешь, что делаешь? — заорал он в трубку. - Я тебе сказал, ни минутой раньше

девяти. И не звони сюда больше”, — и снова швырнул трубку на рычаг.

Но через десять минут тот позвонил снова. “Ты что, свихнулся, что ли? — взвыл бармен. — Не будет тебе никакой выпивки до девяти”.

“Подожди, не бросай трубку, ты не понимаешь, — разрыдался Насреддин. — Меня заперли в зале, и я не знаю, как отсюда выбраться!”

Если ваш ум перегружен словами, теориями, писаниями, они будут продолжать стучаться: “Выпусти нас, мы хотим выбраться отсюда, мы хотим прозвучать!” А когда ум стремится выбраться наружу, старается проявиться, Бог не может проникнуть в вас. Когда ум хочет выбраться наружу, хочет изрекать, он закрыт для всего, что входит вовнутрь. Он закрыт, это одностороннее движение — двигаться ему навстречу невозможно.

Когда вы проявляете свою агрессию через исходящие от вас слова, ничто не может проникнуть в вас: ни любовь, ни медитация, ни Бог. А все прекрасное — это входящий процесс. Когда вы безмолвны, когда никакие слова не стучатся внутри вас, стремясь выбраться наружу, когда вы пассивны — в этот миг ожидания рождается красота, прекрасное, в этот миг случается любовь, приходит молитва, в этот миг ожидания в вас нисходит Бог. Но если человек слишком предаётся разговорам, слишком подвержен болтовне, чересчур увлекается словами, — он упустит это все. И в конце у него будет лишь скучная и обширная коллекция слов и теорий, логики, всего что угодно — но ничего ст’оящего у него не будет, ибо все содержание будет утрачено.

У вас есть сети, есть блесна, но у вас нет рыбы. Если бы вы действительно поймали рыбу, то вы бы сразу же выбросили сети. Кому они тогда нужны? Если вы поднялись по лестнице, то вы сразу же забудете о ней. Кого она заботит? Вы трансцендировали ее, она уже использована.

Поэтому, когда человек действительно узнаёт что-то, знание забывается. Это и есть то, что мы называем мудростью. Мудрый — это тот, кто оказался способен разучиться от знания. Он просто отбрасывает все несущественное.

Чжуан Цзы говорит:

Где мне найти человека,
позабывшего слова?
Он — тот,
с кем я хотел бы поговорить.

С ним ст'оит поговорить. Это может оказаться не так-то легко — убедить его поговорить, но даже просто быть поблизости от него, даже просто сидеть с ним рядом — это будет общением, причастием, это будет передачей, будет связью — глубочайшими из всех, какие только возможны. Два сердца сольются, растворившись друг в друге.

Но откуда эта привязанность к словам? — она происходит оттого, что символ представляется вам чем-то реальным. И, если вы повторяете его вновь и вновь, этим повторением вы сами себя гипнотизируете. Начните повторять себе что-нибудь, убеждать себя регулярно в чем-то, и, спустя некоторое время, вы в это поверите, вы забудете, что это всего лишь выдуманно вами. Повторение вызовет у вас уверенность, что вы уже давно это знаете и убедились в этом на опыте.

Если вы впервые попадаете в храм, вы полны сомнений, неуверенности. Или в этом храме действительно что-то есть, или это только кажется, то ли Бог есть, то ли нет... Но начните ходить туда каждый день, опять и опять, и продолжайте повторять весь ритуал, все молитвы; и, кто бы вам что ни говорил, продолжайте делать это день за днем, год за годом. И вы позабудете все сомнения, зарождавшиеся в вашем уме первое время. Благодаря непрерывному повторению это все проникает вглубь вашего ума, и вот вы уже начинаете ощущать, что это — храм, что здесь живет Бог, что это — жилище Бога. Теперь вы переместились в мир иллюзии.

Вот поэтому все религии настаивают на обучении детей с самого раннего возраста, с какого только возможно, — потому что, если не сделать это с самого детства, то потом уже будет весьма непросто обратить людей в столь глупые вещи, как религия, это будет трудно; очень трудно. Психологи утверждают, что любого человека следует подлавливать до семилетнего возраста. Ребенок может быть

поставлен в такие условия, что станет индуистом, мусульманином, христианином или чем угодно, — коммунистом, теистом или атеистом; это все без разницы, главное — сцапайте ребенка до семи. До семилетнего возраста ребенок усваивает почти половину всего того, что он вообще выучит за всю свою жизнь.

И эти пятьдесят процентов имеют наибольшее значение, поскольку что они становятся основой. Он выучит еще много после этого, он создаст огромную структуру знаний, но вся эта структура будет покоиться на знании, усвоенном, когда он был ребенком. А в это время — до семи лет — у ребенка еще нет логики, нет аргументативности. Он доверяет, изучает; он верит. Он еще не может сомневаться, потому что он не знает, что существует — вера, и что существует — сомнение.

Когда ребенок рождается, у него еще нет ума, чтобы спорить, чтобы проверять. Он не знает, что такое спор, что такое доводы, аргументация, доказательства. Что бы вы ему ни говорили, для него это представляется истинным, а если вы это еще и повторяете, то ребенок совершенно загипнотизирован. Этим методом все религии всегда эксплуатировали человечество. Ребенку приходится насильно приспособливаться к клише, к образцу, к системе жизни, и, если этот шаблон достаточно глубоко укоренится, поделаться уже будет ничего нельзя. Даже если по прошествии какого-то времени ребенок переменит религию, ничто в нем особо не изменится. Наоборот, его христианство будет очень смахивать на индуизм, в основе своей.

Когда-то, неподалеку от Амазонки, существовало племя каннибалов. Постепенно они съели б'ольшую часть своих соплеменников, и под конец их осталось всего сотни две или что-то около того... Они убивали и ели друг друга. Как-то раз туда приехал трудиться миссионер. Но вождь племени разговаривал с ним на чистейшем английском! Миссионер был поражен и воскликнул: "Как! Ты отлично разговариваешь по-английски, да еще и с явным оксфордским акцентом, — и при этом ты людоед?"

"Да, — ответил тот, — я действительно учился в Оксфорде, я многое оттуда вынес. Правда, мы по-прежнему остались людоедами,

но теперь я пользуюсь ножом и вилок. Я научился этому в университете”.

Такая вот произошла в нем сильная перемена — правда, не слишком сильная. Обратите индуиста в христианство — и его христианство будет смахивать на индуизм. Обратите христианина в индуизм — в глубине души он останется христианином, потому что вы не можете изменить основу. Вы не в силах снова сделать его ребенком, вы не в состоянии вернуть ему невинность. Момент упущен.

Если эта земля хоть когда-нибудь достигнет истинной религиозности, то тогда мы перестанем учить христианству, индуизму, мусульманству, буддизму — ибо это один из самых тяжких грехов на свете. Мы будем обучать молитве, мы будем обучать медитации, но — никаких сект. Мы не будем учить словам и верам, мы будем обучать жизни и как идти по ней, мы обучать счастью, мы будем обучать экстазу. Мы будем обучать тому, как любоваться деревьями, как танцевать среди деревьев и вместе с ними, как быть более чувствительными, более восприимчивыми, более отзывчивыми, как быть более живыми и как наслаждаться благословениями, что дарует нам Господь... но не словам, не верам, не убеждениям, не философиям, не теологиям. Нет, мы не потащим их в церкви, или в храмы, или в мечети, потому что эти места — это источники развращения, испорченности. Они извратили ум. Мы предоставим обучение детей природе — Природе, которая и есть храм, и есть настоящая церковь.

Мы научим детей любоваться плывущими облаками, восходящим солнцем, луной, заливающей всю ночь своим светом. Мы научим их любить, и мы научим их не мешать любви, медитации, молитве; мы научим их быть открытыми и ранимыми, мы не замкнем их умы. И, конечно, мы научим их словам, но одновременно мы научим их и молчанию, ибо если в основание лягут только слова, то достигнуть молчания станет очень трудно.

Вы приходите ко мне, и ваши проблемы заключаются в том, что в основе вашей лежат слова, а вы теперь пытаетесь медитировать и быть безмолвными — но основа-то эта всегда остается с вами. И,

когда вы погружаетесь в тишину, в безмолвие, эта самая основа начинает действовать, функционировать. Поэтому, когда вы пытаетесь медитировать, вы вдруг с изумлением замечаете, что чрезмерно думаете, — даже больше, чем вы ощущаете это обычно. Почему? Что происходит? Когда вы безмолвны, вы погружаетесь в себя и становитесь более чувствительны к внутреннему нонсенсу, противоречию, к внутренней дисгармонии, которые все продолжают и продолжают. Когда же вы не находитесь в состоянии медитации, ваше внимание направлено вовне, вы экстравертны; вы увлечены миром и уже не можете слышать внутренний шум, который так все и продолжается. Но ум ваш уже не там.

Этот шум существует непрерывно, вы просто не в состоянии его услышать, вы заняты. Но, когда вы закрываете глаза и обращаете взгляд внутрь себя, вам открывается этот сумасшедший дом. Вы можете чувствовать, и ощущать, и слышать его — и тогда вам делается страшно и вы пугаетесь. Что же случилось? Ведь вы полагали, что путем медитации вы достигнете тишины и молчания! А то, что происходит — это прямо противоположно!

Поначалу того, что вы ожидаете, может и не произойти, поскольку вам в свое время было навязано неверное основание. Все общество, ваши родители, ваши учителя, ваши университеты, вся ваша культура дали вам неверную основу. Вас уже испортили, извратили вашу основу, ваш источник отравлен. В этом-то и проблема — как избавить вас от этой отравы. Это занимает время, и это одна из самых трудных вещей — избавиться от всего, что вы узнали, разучиться.

Чжуан Цзы говорит:

Где мне найти человека,
позабывшего слова?
Он — тот,
с кем я хотел бы поговорить.

Лишь с мудрецом стоит беседовать. Лишь мудреца стоит слушать.
Только с мудрецом стоит жить.

Кто же такой мудрец? Пустая лодка — никаких слов внутри, лишь пустое безоблачное небо. Ни звука, ни шума, никого обезумевшего, никакого хаоса внутри, лишь непрерывная гармония, уравниновешенность, баланс. Он живет так, как если бы его не было. Он существует так, как если бы он отсутствовал. Он движется, но ничто не движется внутри него. Он говорит, но внутренняя тишина сохраняется. Она никогда ничем не тревожима; он пользуется словами, но слова эти — лишь средства передачи: через эти слова он вручает вам нечто, что за пределами слов. Если же вы цепляетесь и хватаетесь за слова, вы все это упускаете.

Когда вы слушаете мудреца, не слушайте самих его слов; они вторичны, они поверхностны, это — лишь внешнее, периферия. Прислушивайтесь в нему, но не прислушивайтесь к его словам. Когда слова достигают вас, просто отложите их в сторону, как поступает путешественник, переплывший через море — он бросает лодку и идет дальше. Оставьте лодку там и свободно шагайте вперед. Если же вы носите эту лодку с собой, вы безумны. Испытывайте к ней благодарность, это нормально, но таскать лодку на себе — это уж слишком.

Сколько лодок вы поддерживаете на своих плечах! Вся ваша жизнь стала неподвижной из-за такой тяжести. Вы не способны летать, вы не можете плавать, ибо вы таскаете такой мертвый груз, и не одну только жизнь — эту жизнь, — но многие жизни. Вы упорно продолжаете собирать все бесполезное, никчемное. Почему так происходит? Должна же быть какая-то причина, иначе никто не стал бы этого делать.

Почему это происходит? Во-первых, вы путаете слово и реальность — вы считаете, что это одно и то же: слово “бог” — это Бог, слово “любовь” и есть любовь; вам кажется, что слово реально. Слово — это *не* реальность. Нужно отличать, и очень четко отличать, где слово, а где реальность. Слово — всего лишь символ, обозначение, указание на что-то; само по себе оно не реально. Если вы попались в ловушку веры в реальность слов, то, поддавшись гипнозу чьего-нибудь признания в любви, вы в конце концов будете здорово разочарованы. Потому что он или она говорит, что любит

вас, и вы начинаете верить в это — ибо слово для вас является реальностью.

Если вы не способны разглядеть реальность за пределами слов, вас ожидают неприятности на каждом шагу на вашем жизненном пути, везде вы будете расстраиваться, поскольку реальность вы подменяете словами.

Многие приходят ко мне и жалуются: “Эта девушка любила меня, она сама так говорила”. “Мы с этим мужчиной любили друг друга, а теперь любовь исчезла”. Слова обманули их.

Дейл Карнеги советует, даже если вы женаты уже лет двадцать, почаще употреблять те слова, которыми вы пользовались, ухаживая за своей будущей женой — продолжайте произносить их. Каждое утро говорите то же самое, что говорили во время ухаживания. Не забывайте этих слов. Повторяйте каждый день: “Нет никого лучше тебя. Ты самая красивая на свете, и я жить не могу без тебя”. Дейл Карнеги рекомендует продолжать говорить это, даже если вы уже давно не испытываете подобных чувств, потому что слова — это и есть ваша реальность. И жена будет обманута, и муж будет обманут, потому что мы живем одними лишь словами, и только ими.

И ничего другого вы не видите, вы не ведаете ничего настоящего, реального. Ну как вы можете контактировать с реальностью? Когда кто-нибудь говорит: “Я тебя люблю”, — все, готово! Если кто-то заявляет: “Я ненавижу тебя”, — кончено! Да отложите вы слова в сторону и посмотрите вы на человека. Когда кто-нибудь вам говорит: “Я тебя люблю”, — ну не запутывайтесь же в словах, отбросьте вы их в сторону. Загляните в самого человека, увидите его целиком, полностью. И тогда никто и ничто не сможет одурачить вас. Любовь — это такой огонь, что вы не сможете ее не увидеть, вы прикоснетесь к ней и ощутите ее жар, вы сразу поймете, есть она или нет.

Любовь невозможно скрыть. Если она есть, то никакие слова на самом деле не нужны. Когда кто-то действительно любит вас, он никогда не скажет: “Я тебя люблю”. Это ни к чему. Любви достаточно ее самой — а купля-продажа ей не нужна. Ей не нужно никого убеждать, уговаривать; она самодостаточна, любовь — огонь. Ничто не огненно более любви, любовь — пламя. Когда во тьме пылает

огонь, об этом незачем говорить. Он есть. Его невозможно не увидеть.

Зачем ему реклама? К чему ему пропаганда?

Попробуйте отделить слова от реальности. В вашей повседневной жизни — когда кто-нибудь говорит: “Я тебя ненавижу”, не поддавайтесь словам. Это, скорее всего, просто одномоментная эмоция, это может оказаться секундным раздражением. Не цепляйтесь за слова, это не мерило человеческих отношений, так вы сотворите себе врагов на всю жизнь. Точно так же, как вы легко подружились — из-за слов, — точно так же вы из-за слов станете и врагами. Не следуйте словам, не стремитесь к ним, не оценивайте ими другого, посмотрите на человека, взгляните ему в глаза, почувствуйте его всего, целиком; все эти слова, скорее всего, были лишь случайной эмоцией. В девяноста девяти случаях из ста это именно так. Ему что-то причинило боль, он среагировал и произнес: “Я тебя ненавижу”. Обождите несколько минут, не решайте ничего, не постановляйте: “Это — враг”. Как только внутренне вы произнесете это, в тот же момент вы будете обмануты уже не только чужими словами, но вы будете обмануты также и своими собственными. Когда вы говорите: “Это враг”, то это слово сразу прилипает, вы нацепили его на человека. А назавтра, даже если он совершенно изменится, вы уже будете не готовы или не захотите переменить свое мнение, вы будете носить эту ненависть в себе. Так настойчиво, своим поистине ослиным упрямством, вы создаете себе врага. Враги ваши фальшивы; и друзья ваши фальшивы, ибо слова — это не реальность.

Слова могут только одно: когда вы упорно продолжаете их повторять, они дают вам иллюзию реальности. В своей биографии, Майн Кампф, Адольф Гитлер пишет: “Мне известно лишь одно различие между правдой и ложью — состоящее в том, что ложь, повторенная многократно, и есть правда”. Он вынес это из своего опыта, он говорит, что он так и делал — он беспрестанно повторял ложь, и повторял, повторял ее.

Поначалу она выглядела глупой. Он начал говорить, что из-за евреев Германия проиграла первую мировую войну. Это был полнейший абсурд.

Однажды он выступал на митинге и спросил: “Кто виноват в поражении Германии?”

Однажды один человек поднялся и сказал: “Велосипедисты”.

Гитлер удивился. “Что?.. Почему?” — переспросил он.

Тот человек ответил: “А почему евреи?” Он был еврей. Почему евреи?

Даже умирая, когда Германия вновь была повержена и полностью разрушена, Гитлер не верил в то, что он побежден из-за Сталина, Черчилля, Рузвельта... Он мог поверить, что проиграл войну из-за того, что его враги оказались сильнее и могущественнее его. Последнее его заявление было все тем же: это был еврейский заговор, евреи боролись в подполье и из-за них немцы были побеждены... И ведь вся Германия поверила ему — один из самых просвещенных народов на земле!

Но как раз интеллигентные-то люди и оказываются глупы, поскольку интеллигентные люди верят в слова. В этом все дело. Немцы, высоко интеллигентный, прекрасно воспитанный народ, произвели на свет величайших профессоров, философов; вся страна была образованна и просвещенна. Как мог такой глупый человек, как Адольф Гитлер, убедить их всех в том, что его доводы логичны?

Но как раз там это и *должно было* случиться, потому что страна профессоров, интеллигенции, так называемых интеллектуалов всегда помешана на словах. Если вы повторяете, повторяете и повторяете какие-нибудь слова, вдалбливая и вдалбливая их, народ, слушая снова и снова, с каждым разом начинает все больше ощущать, что это и есть истина. Истину вполне можно создать из лжи, если почаще эту ложь повторять. Повторение — это метод обращения лжи в истину. Но как же можно обратить ложь в истину? Такое возможно лишь в воображении. Попробуйте. Начните повторять что-нибудь, и вы вскоре поверите в это. Может, вы все же вовсе не так несчастны, как вам кажется? Просто вы всегда твердили: “Я несчастен, я так несчастен, о! как я несчастен”, и повторяли вы это постоянно, — и вот теперь вы, наконец, сами в это поверили и стали несчастны.

Да взгляните же на свое несчастье. Вы что, действительно так несчастны? Вы и вправду в таком аду, какой вы изображаете на своем лице? Да вы задумайтесь хоть на секунду! И в то же мгновение вы

перестанете чувствовать себя несчастным, потому что до вас дойдет, что никто просто не может быть так несчастен, как стараетесь быть вы. Это невозможно. Бог такого не допустит! И весь этот ужас — лишь благодаря повторению, самогипнозу.

Французский психолог, Эмиль Коу, вылечил много людей. Его использовал просто обычное повторение, самовнушение, самогипноз. Вы приходили к нему и говорили: “У меня ужасные головные боли, постоянные мигрени, и никакие лекарства не помогают. Я испробовал все “патии”, даже натуропатию, но ничто меня не спасает”.

Он отвечал вам, что в лечении нет необходимости, поскольку головной боли у вас на самом деле нет. Вы просто поверили в нее, внушили ее себе. В процессе хождения от одного врача к другому, все они поддерживали в вас веру, что да, головная боль у вас есть — ведь если вы не будете в нее верить, им будет просто-напросто не на что жить. Врачи не могут признаться вам, что у вас нет головной боли. Когда вы приходите к врачу, то, даже если у вас все в полном порядке, он что-нибудь да найдет. Хороший врач что-нибудь да отыщет. Должен отыскать. Он этим существует.

Разговор с Коу мог помочь вам тут же, почти в половине случаев головная боль пропадала от одного только разговора с ним — безо всяких лекарств. И он замечал и узнавал по расслаблению мышц вашего лица, что его трюк сработал и боль прошла. Кроме этого, он давал вам формулу, которую вам нужно было повторять в любое время дня и ночи, когда бы вы ни вспомнили, что существует головная боль. Каждое утро, когда вы просыпались, вы должны были воскликнуть: “Мне становится лучше и лучше с каждым днем”. И за две-три недели ваша головная боль полностью исчезала.

Настоящая головная боль так не исчезнет. С самого начала ваша головная боль была рождена словами; с самого начала она была вымышленной; с самого начала вы загипнотизировали себя, внушили себе, что у вас болит голова, а теперь вы занимаетесь тем, что разгипнотизируете себя. Настоящая болезнь исчезнуть не может. Но ваши болезни — девять десятых из них — они нереальны, иллюзорны. Вы создали их словами, на словах. Коу помог тысячам

пациентов, Месмер вылечил тысячи, просто вызывая ощущение, что вы не больны, что вы совершенно здоровы. Это вовсе не доказывает того, что самогипноз излечивает болезни; наоборот, это показывает, что вы достигли столь высокого уровня в искусстве самогипноза, что вы уже в состоянии *творить* болезни! Вы даже верите в них.

А врачи — ну как они могут вам сказать, что все ваши заболевания ментальны?! Как неуютно и неловко вы себя чувствуете, когда кто-нибудь заявляет вам, что ваша болезнь вами выдумана, что она “от головы”; вам такое очень не понравится, и вы сразу же поменяете врача. Зато, если врач признается вам, что у вас очень опасное, очень серьезное заболевание, вы ощущаете себя совершенно счастливым: ведь такой человек как вы, такой великий, Некто, — да вы просто *должны* иметь серьезную, большую болезнь! Мелкие заболевания для маленьких людей, обыкновенные болезни для обыкновенной публики. Но когда у вас рак, туберкулез или что-нибудь еще опаснее, вот тогда вы чувствуете себя на голову выше всех, теперь вы стали кем-то значительным. По крайней мере хотя бы в том, что касается болезни, вы необыкновенны.

Молодой врач, выпускник медицинского колледжа, только что получивший диплом врача, возвратился к себе домой. Его отец тоже был врачом — ужасно уставшим от многолетней непрерывной работы... так что он взял отпуск. Он заявил сыну: “Мне нужно отдохнуть хотя бы недельки три, и я еду в горы, а ты на это время возьмишь на себя всю мою практику”.

Когда же отец вернулся назад три недели спустя, сын встретил его словами: “Папа, у меня для тебя сюрприз. С заболеванием той пожилой леди, которую ты лечил на протяжении стольких лет и никак не мог вылечить, я полностью справился за три дня”.

Отец отвесил сыну затрещину и вскричал: “Ты глупец, идиот, да эта леди оплатила все твое образование и я рассчитывал, что и остальные мои дети еще будут учиться в этом колледже. Ну да, да, ну не было у нее язвы! И я беспокоился в горах, я вспомнил, что забыл тебе запретить заходить к ней без меня, но мне в голову не приходило, что ты настолько глуп... У ней денег куры не клюют, так

она богата, и если она хочет иметь болезнь желудка, зачем я буду перечить ей?! Она уже столько лет кормила всю нашу семью!..”

Девяносто процентов всех заболеваний психосоматичны. Их можно вылечить мантрой, они могут быть вылечены внушением, их может вылечить Сатья Саи Баба, ибо раньше всех *вы* продемонстрировали истинное чудо, создавая их. И теперь уже кто угодно может излечить вас от них.

Непрерывное повторение какого-либо слова рождает действительность, но действительность эта иллюзорна. Это галлюцинация, и вы не в состоянии пробиться к настоящей реальности до тех пор, пока все слова не исчезнут из вашего ума. Даже одно-единственное слово может породить иллюзию. Слова обладают великой силой. Если в уме есть хотя бы одно-единственное слово, то ваш ум уже не пуст. И все, что вы будете видеть, слышать, чувствовать, будет доходить до вас, преломленное через это слово, и слово это будет порождать всю вашу действительность.

Вы должны стать полностью лишенным слов, лишенным мыслей. Вы должны стать просто самим сознанием.

Когда вы являетесь лишь сознанием, лодка ваша пуста и вся действительность открыта, распахнута для вас. Поскольку вы ничего не повторяете, не твердите себе и поскольку вы ничего не выдумываете себе, никаких фантазий, — то вы и не гипнотизируете себя. И только тогда появляется истинное, реальное — оно появляется, открытое навстречу вам.

Чжуан Цзы прав. Он говорит:

Где мне найти человека,
позабывшего слова?
Он — тот,
с кем я хотел бы поговорить.

Назначение рыбной блесны —
поймать рыбу...

Вы совершенно позабыли о предназначении, о цели. Вы набрали такое количество рыбных блесн и вы так о них постоянно беспокоились — что кто-нибудь может их украсть, что они могли сломаться или заржаветь — что вам уже никогда и не вспомнить про рыбу!

Назначение рыбной блесны —
поймать рыбу,
а когда рыба поймана,
блесна забыта.

Если вы не в силах забыть о блесне, то это означает, что рыба все еще не поймана. Помните, что если вас постоянно беспокоят мысли и идеи, касающиеся блесн, это указывает на то, что рыбы у вас все еще нет. Вы уже совершенно позабыли про нее, вы так запутались в этих рыбных блеснах и столько возитесь с ними, что уже влюбились в них!

Однажды у меня был сосед, профессор — человек мира слов. Он купил себе машину. Каждое утро он занимался тем, что тщательно ее мыл. Она всегда была у него как картинка, хоть сейчас на выставку, — он вообще никогда не выезжал на ней на улицу. Многие годы я за ним наблюдал. Каждое утро у него была куча дел: надо было вычистить ее, кое-где подполировать, вытереть пыль, ополоснуть стекла, протереть фары...

Однажды мы с ним ехали в поезде в одном купе, и я между делом спросил его: “А что, у вас машина не в порядке? Я смотрю, вы совсем не ездите на ней. Она у вас всегда стоит на дорожке возле дома”.

“Нет, знаете, я влюбился в нее. — рассмеялся он. — Я так сильно ее полюбил, что мне теперь страшно даже подумать: а вдруг, если я поеду на ней куда-нибудь, с ней что-то случится — ну там авария, столкновение, или она поломается... да что угодно может произойти! Мне невыносимо о таком даже помыслить!”

Машина, слово, блесна, — все это средства, но не цель. Вы можете влюбиться в них — и тогда вы навсегда перестаете ими пользоваться.

Я часто останавливался в одном доме. У хозяйка этого дома было сотни три сари, хотя пользовалась она только двумя — другие хранились у нее на всякий случай. Так когда же придет этот самый

случай? Насколько мне известно, — а я знал ее пятнадцать лет, — этот всякий случай за это время не наступил ни разу. А чем дальше, тем меньше на это надежды, потому что с каждым днем она стареет; кончится все тем, что она умрет, а те триста сари будут продолжать жить.

Так что же произошло? Она что, влюбилась в сари? Да, можно влюбиться в сари, можно влюбиться в вещи. В человека влюбиться трудно, а в вещь влюбиться легко, потому что вещи мертвы, вы можете манипулировать, управлять ими. Сари никогда не потребуют от вас: “Носи нас! Мы хотим выйти на улицу и поглядеть, что там делается”. Та машина никогда не заявит: “Давай-ка води меня, а то мне становится скучно”.

С людьми трудно, с людьми такое не проходит. Они будут требовать, они начинают просить, они хотели бы выйти в свет, у них есть свои собственные желания, которые нужно исполнять, и мнения, с которыми нужно считаться... Когда вы влюбляетесь в какого-нибудь человека, постоянно возникают конфликты, и поэтому те, кто поумнее, никогда не влюбляются в людей, они стараются влюбляться в вещи: в дом, в машину, в наряды. С этими всегда легко: они поддаются управлению и вы всегда остаетесь хозяином положения, объект вашей любви никогда не причиняет вам хлопот. Или, если вы все же влюбляетесь в человека, вы немедленно пытаетесь обратить его в вещь, в мертвую вещь. Жена — это мертвая вещь, муж — мертвая вещь, и они терзают друг друга. Но почему же, зачем они причиняют друг другу мучения? Какая польза им от этого? Дело в том, что с помощью мучений вы умертвляете другого настолько, что тот превращается в мертвую вещь, в послушную вещь, поддающуюся манипулированию. Тогда можно не беспокоиться.

Две матроны, матери семейств, разглядывали витрину книжного магазина. “Посмотри, — заметила одна другой, — там есть книга, озаглавленная “Как третировать вашего мужа”.

Но другую книга не заинтересовала. Она даже не взглянула в ту сторону. “Мне это ни к чему, — пояснила она. — У меня своя собственная система”.

У каждого своя собственная система, как мучить другого, ибо только с помощью или мучения, или прямого физического разрушения, человека можно превратить в послушную вещь.

Однажды Мулла Насреддин ворвался в кофейню, кипя от гнева и возмущения, и поднял шум: “Говорят, здесь кто-то назвал мою жену уродливой старой ведьмой. Кто этот парень?”

Из-за одного из столиков поднялся здоровенный верзила, раза в два пошире и на целую голову выше Насреддина. “Ну я это сказал про твою жену, а в чем дело?”

Глядя на него, Насреддин сразу как-то притих; у него явно возникли кое-какие опасения. Он подошел к столику и сказал: “Спасибо тебе, я, честно говоря, и сам это знаю, но все никак не могу набраться смелости сказать это вслух. Ты сделал это, ты храбрый человек”.

Что же происходит во взаимоотношениях? Почему они всегда оборачиваются мерзкой, уродливой стороной? Почему так тяжело, практически невозможно любить? Почему все становится отравленным, наполняется ядом? ...Потому что ум всегда счастлив получить возможность манипулировать вещами, ведь вещи никогда не бунтуют: они всегда послушны, они не пререкаются. Человек же — живой, и вы никогда не можете предугадать, что он собирается делать, что он выкинет в следующую минуту. Но тогда вы не можете им управлять... и его свобода оборачивается для вас проблемой.

Любовь становится проблемой потому, что вы не желаете позволить другому быть свободным. И запомните это: если вы действительно любите, то настоящая любовь возможна только тогда, когда вы даете другому полную свободу оставаться самим или самой собой. Но при этом вы не можете владеть, тогда вы не в состоянии предугадать или предвидеть, тогда вы не сможете быть в безопасности, тогда все у вас будет происходить от случая к случаю, независимо от вашего желания. А ум хочет планировать, он хочет быть в целостности и сохранности.

Ум желает, чтобы жизнь ваша проходила в колее, в заранее установленных рамках, потому что ум — это самая мертвая вещь в

вас. Это все равно как если бы вы были рекой, и часть реки превратилась в айсберг. Ваш ум — это айсберг, он — замерзшая, застывшая ваша часть, и он стремится и остального вас заморозить целиком настолько, чтобы потом можно было уже ничего не бояться. Когда возникает что-то новое, возникает страх, опасения — а со старым бояться нечего. Ум всегда счастлив со старым.

Именно поэтому ум всегда ортодоксален, никогда не революционен, всегда стремится к старому и не приемлет ничего нового. Не существовало еще ума, который можно было бы назвать революционным. Ум вообще не может быть революционным. Будда революционен, Чжуан Цзы революционен — потому что у них нет умов. Ленин не революционен; и Сталин абсолютно нет. Они и не могут таковыми быть. Обладая умом, ну как вы можете быть революционны? Ум всегда ортодоксален, ум всегда конформичен, потому что ум — это ваша мертвая, отмершая часть. Поймите это.

В вас существует множество мертвых частей, которые ваше тело просто выбрасывает. Ваши волосы мертвы, и поэтому вы легко можете их стричь, не испытывая при этом боли. Ваши ногти мертвы, поэтому вы можете легко обрезать их, не причиняя себе ни боли, ни вреда. Тело продолжает выбрасывать их прочь. Сознанию тоже необходимо выбросить множество вещей, в противном случае они начнут накапливаться. Ум — это такая же мертвая часть, как и волосы. И это символично. То, что Будда велел своим ученикам обрить головы, это просто символ: так же, как вы наголо сбриваете волосы, также вы обриваете и внутреннюю голову, ваше сознание, полностью сбривая с него ум.

И то, и другое: и волосы, и ум — мертвы, не таскайте их на себе. Это будет прекрасно! Следите, чтобы отмершие частицы не накапливались в вас. Что такое ум? Ваш прошлый опыт, то, чему вы научились, все, что было. Ум никогда не в настоящем — как он может туда попасть? В “здесь и сейчас” ума быть не может.

Если вы просто смотрите на меня, где ваш ум? Если вы просто сидите здесь и слушаете меня, где ум? Вот когда вы начинаете спорить, ум появляется; если вы начинаете судить, осуждать, рассуждать — то немедленно появляется ум. А как вы рассуждаете, оцениваете, считаете, составляете мнение, делаете выводы? Вы

привносите прошлое в настоящее, прошлое становится судьей, мерилom настоящего. Как вы спорите? Вы вытаскиваете прошлое в качестве аргумента, но как только вы хватаетесь за прошлое, тут же появляется ум.

Ум — это мертвая ваша часть, это экскремент. И как есть люди, страдающие запорами, — а люди эти испытывают очень сильные мучения, — точно так же существуют и умственные запоры, — это такое накопление экскрементов. Вы же никогда не избавляетесь от них, не выбрасываете их наружу. В ваш ум все только входит; но никогда ничего из него не выходит, вы его совершенно не чистите, не освобождаете, не выкидываете из него мусора.

Медитация — это выбрасывание ума наружу, это освобождение себя от ноши. Не нужно носить с собой все свои экскременты, иначе вы будете все тупеть и тупеть. Вот поэтому у ребенка свежий ясный ум — в нем еще ничего не накоплено. И иногда дети могут говорить такие вещи, которые не под силу сформулировать и высказать всем вашим философам. Они часто видят и проникают в действительность, которую эти ваши умные образованные люди попросту упускают. Дети очень, очень проницательны. Они обладают ясностью ума, их взгляд свеж, их взор не зашорен, их глаза не застланы ничем и широко открыты. А мудрец — он вновь становится ребенком. Он опустошил свою лодку, он избавил себя от всего ненужного груза. Он выбросил все экскременты, у него больше не бывает запоров. Его сознание — это сплошной непрерывный поток, и в нем нет замерзших и застывших частей.

Назначение рыбной блесны —
поймать рыбу,
а когда рыба поймана,
блесна забыта.

Назначение слов —
сообщить идеи.
Когда идеи восприняты,
слова забываются.

Если вы действительно понимаете меня, то вы не сможете вспомнить, что я сказал. Вы поймаете рыбу, а блесны бросите. Вы просто станете тем, что я говорил, но помнить то, что я сказал, вы не будете. Вы пройдете через это, изменитесь этим, но от этого вы не станете более учеными. Благодаря этому вы лишь опустеете, станете менее заполнены; вы уйдете от меня освеженными, избавленными от слов, а не отягощенными ими.

И не старайтесь, не пытайтесь собирать то, что я говорю, потому что что бы вы там ни насобирали, это будет чушью. Собирать, копить — это глупость, это ложь: не накапливайте, не набивайте моими словами ваши шкатулки с драгоценностями. Слова — это экскременты, они вообще ничего не стоят. Выбросьте их подальше, и тогда у вас останется смысл, но смысл никогда не нужно, да и невозможно, запоминать; он никогда не превратится в часть памяти, он становится частью вас самих целиком. Вам приходится запоминать, помнить и вспоминать что-нибудь только тогда, когда это — часть памяти, точнее — интеллекта. Вам никогда не нужно помнить то, что действительно с вами произошло. Если это происходит с вами, оно просто есть — что за необходимость помнить? Не повторяйте, не возвращайтесь к этому вновь и вновь, потому что повторение создаст у вас фальшивое представление.

Прислушайтесь, но не к словам — совсем рядом со словами вам дается бессловесное. Не фокусируйте ваше внимание на словах, но посматривайте слегка и по сторонам, на то, что с краю, чуть-чуть отводите взгляд, потому что настоящее дается именно там. Не слушайте то, что я говорю, слушайте *меня!* Я тоже здесь, здесь не только слова. И как только вы услышите меня, все эти слова позабудутся.

Будда умер, и бхикку, его ученики, вдруг очень обеспокоились, потому что ни одного из его высказываний никто из них при жизни Будды не собрал и не запомнил. У них совершенно вылетело из головы, что можно записывать его слова, да они и не предполагали, что он умрет так скоро, так внезапно. Ученики никогда об этом не думают — что мастер может внезапно исчезнуть.

И тут вдруг однажды Будда сказал: “Ну что ж, я ухожу”. Начинать записывать было уже поздно, они просто не успели, а ведь он

говорил сорок лет. Если он уже умер, как же тогда собрать его слова? Такое сокровище пропадало, но что можно было поделать?

Это просто прекрасно, что Махакашьяпа не смог повторить, не смог вспомнить слов Будды. “Да, я слышал его, — признался он, — но я совершенно не помню, что он говорил. Я настолько проникся этим, настолько ушел в это, что это даже и не откладывалось в моей памяти, не попадало в нее. Нет, не знаю”. А он ведь стал просветленным!

Шарипутра, Моггальян, все они, ставшие просветленными, пожалели плечами и признались: “Трудновато будет это восстановить. Он сказал столько всего, но мы совершенно этого не запомнили”. И это были те ученики, которые достигли!

Потом обратились к Анандо. Тот не стал просветленным, пока Будда был еще жив; лишь после смерти Будды Анандо достиг просветления. И он запомнил все. Он продиктовал слово за словом содержимое всех сорока лет, что он был с Буддой. Он продиктовал все слово в слово — человек, который тогда не был просветленным! Это кажется парадоксом. Казалось бы, все сказанное Буддой должны были запомнить те, кто достиг просветления, а не этот человек, который в то время еще не добрался до другого берега. Но когда тот — другой — берег достигнут, берег этот — забывается; когда сам становишься буддой, — ну кому придет в голову запоминать слова Будды?!

Назначение рыбной блесны —
поймать рыбу,
а когда рыба поймана,
блесна забыта.

Слова Будды были ничем иным, как блеснами, Махакашьяпа же поймал рыбу. Кого теперь заботит блесна? Кого волнует, что теперь будет с лодкой? Он пересек поток. Махакашьяпа заявил: “Не знаю я, что там этот парень говорил. Да и не стоит на меня полагаться, потому что у меня вообще очень трудно разобраться, где то, что сказал он, а где то, что говорю я”.

Конечно же, так оно и было. Если Махакашьяпа сам стал буддой, как же их теперь разделить, как их отделить одного от другого? Тут невозможно разобраться, что к чему. Но Анандо уверенно заявил: “Я поведаю вам его слова”, — и весьма подлинно их воспроизвел. Человечество в огромном долгу перед этим парнем Анандо, который тогда все еще был невежественен. Он к тому времени не поймал рыбу, поэтому он сохранил блесну. Он все еще думал о рыбной ловле, и поэтому ему приходилось таскать те блесны с собой.

Назначение слов —
сообщить идеи.
Когда идеи восприняты,
слова забываются.

И помните об этом, это основной закон жизни: бесполезное, бессмысленное, чисто внешнее, — оно выглядит таким значительным лишь потому, что о центре, о содержании вам ничего не известно. И этот мир — он тоже выглядит так значительно лишь постольку, поскольку вы представления не имеете о Боге. Если вы познали Бога, мир забыт. Иначе быть не может.

Люди пытались забыть мир так, как будто им удалось познать Бога — но это никогда никому не удавалось и никогда никому не удастся. Вы можете сколько угодно пытаться забыть этот мир, но вы не в силах этого сделать. Каждое ваше усилие забыть мир превращается в продолжение запоминания. Только лишь познав Бога вы забываете мир. Вы можете продолжать свои попытки избавиться от думания, но вам никогда этого не добиться, пока вы не достигнете осознания. Думание — это замена, суррогат сознания. Как же вы можете выбросить блесну, если рыбу вы все еще не поймали? Ум тут же скажет: “Не глупи. Где рыба?”

Как вы можете отбросить слова, если смысл все еще остается скрыт от вас? Не воюйте со словами, попытайтесь докопаться до смысла. Не старайтесь воевать с мыслями. Вот по этой-то причине я все время повторяю и повторяю вам, чтобы, даже если ваши мысли вам и мешают, вы не устраивали с ними целых баталий, чтобы вы не боролись с ними. Если они появляются, — пусть появляются, не

обращайте вы на них внимания. Если они продолжают течь, позвольте им это. Не делайте ничего, будьте безразличны, будьте всего лишь наблюдателем, просто наблюдающим, разглядывающим, не заинтересованным. Это все, что вы можете сейчас сделать — не быть заинтересованным.

Не требуйте: “Не приходите”. Не приглашайте, не отвергайте, не осуждайте и не восторгайтесь. Просто оставайтесь безразличны. Смотрите на них, они появляются, словно облака плывут в небе — потом они исчезают, как тают облака. Позвольте им приходиться и уходить, не вставайте у них на пути, не обращайтесь на них внимания. Если вы начинаете бороться с ними, начинаете обращать на них внимание, то тогда, в то же мгновение, вы вскидываетесь: “Моя медитация пропала!” Ничего не пропало. Пропадает ли небо, скрытое за облаками? Ничто никуда не пропадает.

Оставайтесь безразличны, не озабочивайтесь мыслями ни тем, ни иным образом. И, рано или поздно, вы ощутите, вы заметите, что их появления и исчезновения становятся все медленнее, все реже. Рано или поздно вы обнаружите: теперь они приходят, но их стало как-то намного меньше; а иногда их движение и вовсе останавливается — и путь ваш освобождается. Одна мысль уже прошла, другая еще не появилась; между ними возникают интервалы, разрывы. И в этих разрывах вы начнете замечать и познавать ваше внутреннее небо во всем его полном великолепии. Но если только появляется мысль, позвольте ей войти, не мешайте ей; и ни о чем не беспокойтесь.

Это все, что вы можете сделать; и это вообще все, что здесь можно поделаться, ничто иное невозможно. Старайтесь быть невнимательны, безразличны, неозабоченны. Оставайтесь просто свидетелем, наблюдая, не вмешиваясь ни во что, — и ум покинет вас сам, потому что ничто не в состоянии удержаться внутри, когда вы совершенно безразличны.

Безразличие подрубает корни, самое основание корней. Не позволяйте себе испытывать враждебность, ибо этим вы лишь снова создаете пищу для того, с чем пытаетесь бороться. Будьте абсолютно беспристрастны. Если вы помните о друзьях, то вам придется помнить и про врагов; даже более того: друзей-то вы можете забыть,

но как же вы сможете забыть врагов? Вам теперь придется постоянно помнить о них, потому что вы их боитесь.

Люди постоянно обеспокоены мыслями, — обыкновенные люди. Религиозные же люди обеспокоены в гораздо большей степени, поскольку они со всеми этими мыслями постоянно борются. Но этой борьбой вы лишь привлекаете к ним свое внимание, фокусируете его на мыслях — а как раз само внимание и является пищей — и для мыслей в частности. Все разрастается, увеличивается, приобретает вес, если вы обращаете на это внимание, придаете этому значение; и вырастает быстро, становится все живее, все витальнее, все более реальным. Будьте просто безразличны, индифферентны.

Будда пользовался словом “упекша” (upeksha); оно означает абсолютное безразличие, ни то, ни это, полную беспристрастность — точно посередине: ни дружественно, ни враждебно, ни за, ни против, но между всем этим, в центре, глядя на все это так, как будто это вообще вас не касается, как если бы эти мысли принадлежали не вам, а существовали бы сами по себе, как некие члены общества. Предоставьте им быть. И потом вдруг однажды, совершенно неожиданно для вас, когда ваше безразличие станет абсолютным, тотальным, всеобъемлющим, ваше сознание переместится из внешнего, с периферии — в центр.

Это невозможно предсказать или спланировать; остается только продолжать работать и ждать. Но, когда это произойдет, вам станет ужасно смешно: все те ваши мысли существовали лишь потому, что вы сами этого хотели, хотели, чтобы они были, поддерживали их; те мысли существовали потому, что вы постоянно и безотказно подкармливали их; причина их существования заключалась в том, что рыбу вы все еще не поймали. Как же вы могли выбросить блесну? Вам приходилось таскать ее с собой.

Помнится мне, что однажды в стране, где жил Мулла Насреддин, произошел один случай... Король там разыскивал мудреца. Прежний его мудрец скончался со словами: “Когда ты будешь подбирать мне замену, найди человека, самого скромного во всем королевстве, потому что эго — оно противоестественно мудрости. Скромность — это и есть мудрость, поэтому разыщи самого скромного человека”.

По всему королевству были разосланы тайные агенты, чтобы выявить самого скромного человека в королевстве. В конце концов они добрались и до деревни, где жил Насреддин. Он уже слышал новость о том, что скончался старый мудрец, и он крепко задумался, что же может послужить решающим фактором в выборе нового мудреца. Он много читал и он знал древнее предание о том, что скромнейший человек и есть самый мудрый. Поэтому он вполне логично пришел к заключению, что старец, должно быть, велел разыскать самого скромного человека.

И тут нагрянули сыщики короля. Мулла Насреддин был человеком очень богатым, но, когда они увидели его, самого богатого человека в этом городке, он нес рыболовные сети, возвращаясь с реки. А в этой деревне рыбная ловля считалась самым скромным и непрестижным занятием. Поэтому они решили: “Похоже, этот человек весьма скромн”, — и они задали Насреддину вопрос: “Скажи, а почему это ты таскаешь с собой сети? Ты ведь человек богатый, с какой стати тебе заниматься рыбной ловлей”.

“Я разбогател как раз благодаря рыбной ловле, — объяснил им Насреддин. — Я начал мою жизнь рыбаком. На этом я и разбогател, но для того, чтобы как-то отблагодарить свою прежнюю профессию за то, что она столько мне дала, я всегда ношу эту сеть на своем плече”.

Вот уж воистину скромный человек! Обычно, если бедный человек богатеет, он старается дочиста стереть свое прошлое, чтобы никто даже и не знал, что он когда-то был бедняком. Он отбрасывает все, что напоминает о его прежней нужде. Он отказывается видеть своих родственников, он не хочет, чтобы ему хоть чем-то напоминали о прошлом. Он полностью отбрасывает свое прошлое. Он создает себе новое прошлое, чтобы все были уверены, что он родился аристократом. Но этот человек остался по-прежнему скромн. Поэтому посланные сообщили королю, что Мулла Насреддин оказался скромнейшим человеком из всех, которых они когда-либо видели; так он был назначен мудрецом.

В день своего назначения он выбросил свою сеть. Люди, которые его рекомендовали, поразились: “Насреддин, а где же твоя сеть?”

“Когда рыба поймана, — ответил им он, — сеть выбрасывается”.

Но вы не можете выбросить ее раньше — это невозможно, вам придется ее носить. Но носите ее с безразличием. Не привязывайтесь к ней, не влюбляйтесь в нее, ибо в один прекрасный день ее придется выбросить. А если вы влюбились в сеть, тогда вы уже никогда не сможете поймать рыбу, вы будете прямо в ужасе от мысли, что, поймав рыбу, вам придется выбросить ваши сети.

Не влюбляйтесь в ум. Им нужно просто пользоваться, и существует он у вас лишь потому, что вы все еще не знакомы с неумом, вы не знакомы с глубочайшей сердцевинной вашего существа. Существует периферия, внешнее, одежда, и вам приходится все это таскать на себе, но носите ее, эту одежду, безразлично. Не становитесь ее жертвой.

Еще одна история:

Жил-был человек, любивший ходить каждый год в день своего рождения на ипподром. Целый год он копил деньги ради только одной ставки в свой день рождения. И он проигрывал и проигрывал год за годом. Но надежда всегда возрождалась снова и снова! Каждый раз, когда он уходил с ипподрома, он решал никогда больше сюда не приходить... но целый год — это такой долгий срок! Несколько дней он помнил о своем решении, а потом надежда снова осеняла его. “Кто его знает, — рассуждал он, — может, в этом году у меня есть шанс разбогатеть, так отчего ж не попытаться еще разок?”

К тому времени, когда пришел очередной день его рождения, он снова собрался на ипподром. Это был его пятидесятилетний юбилей, и он подумал: “Я попытаюсь вложить в это всю душу, все, что имею”.

Поэтому он продал все свое имущество, собрал небольшое состояние — все, что заработал за все свои пятьдесят лет, все, что только у него было — и решил: “Так или иначе, теперь все решится. Или я стану нищим, или императором; хватит быть посередине — ни то, ни се; достаточно!”

Он подошел к витринам и, прочитав имена лошадей, обнаружил лошадь по имени Адольф Гитлер. “Это не может не сработать, — подумал он. — Такой великий человек, такой победоносный, он припугнул весь мир. Эта лошадь наверняка ужасно сильная и

быстрая". Поэтому он поставил на нее все; ну и, понятное дело, проиграл — как проигрывают все те, кто ставит на Гитлеров. Теперь ему некуда было даже пойти, ведь он проиграл и собственный дом. Ему не оставалось ничего, кроме как покончить с собой.

Поэтому он пришел на обрыв и собрался броситься вниз и покончить со всем этим. Он уже изготовился к прыжку, когда внезапно услышал голос, и он не смог бы сказать, шел ли этот голос извне или изнутри. "Остановись! — велел ему этот голос. — В следующий раз я укажу тебе имя победителя — сделаешь еще одну попытку. Не совершай самоубийства".

В нем возродилась надежда, он вернулся в город. Весь год он тяжело трудился, ибо ему предстояла победа, которой он добивался всю свою жизнь. Мечте пришло время сбыться. Он работал день и ночь, и ему удалось неплохо заработать за этот год. Потом, с трепещущим сердцем, он добрался до окошка букмекера и подождал. "Отлично, — услышал он голос, — выбери эту лошадь, Черчилля". Не споря, не пытаясь возражать, без единой мысли, совершенно не обращаясь к голосу разума, он поставил все, что у него было, — и выиграл. Черчилль пришел первым.

Он вернулся к окошку, и подождал. "А теперь поставь на Сталина", — посоветовал ему голос. Он снова поставил все. Сталин пришел на голову впереди всех. Теперь у него было целое богатство.

В третий раз он подождал совета, но голос сказал: "Довольно".

"Заткнись, я выигрываю, — возмутился он, — взошла звезда моей удачи, и никто сейчас не сможет обыграть меня". Он выбрал Никсона, — и Никсон пришел последним.

От его богатства ничего не осталось, он снова стал нищим. Стоя там, он бормотал себе под нос: "Что же мне теперь делать?"

"Вот пожалуй теперь, — посоветовал ему голос, — тебе действительно стоит пойти на утес и прыгнуть!"

В те моменты, когда вы сталкиваетесь лицом к лицу со смертью, ум замирает, потому что тогда он лишается объекта своей деятельности. Ум — это часть жизни, но не часть смерти. И когда впереди жизни больше не остается, ум затихает; ему больше нечем заниматься, в эту секунду он остается без работы. И вот, когда

замолкает ум, появляется, вступает — внутренний голос. Он был, он есть — всегда, но от ума столько шума, что нет никакой возможности услышать этот негромкий голос.

Этот голос идет не откуда-то извне, издали, из-за пределов, не из потустороннего мира — за пределами вас никого нет, все находится внутри вас. Бог не в небесах, не в Раю, он в вас. Тот человек собирался умереть — это было последнее решение, принятое умом. Но, когда ум успокоился по той причине, что теперь ему больше нечем было заниматься, внезапно этот человек услышал голос. И голос этот исходил из его собственной глубочайшей сердцевины; а голос, идущий из глубин вашей души, всегда прав.

Что же произошло потом? Дважды голос сделал свое дело, но тут снова включился ум, и ум заявил: “Не слушай ты эти глупости, нам везет, и мы выигрываем”.

Запомните это: когда вы выигрываете, вы выигрываете благодаря внутреннему голосу. Но всегда тут же пробуждается и встречает ум и начинает принимать решения. Когда бы вы ни испытывали ощущение счастья, это всегда исходит от того, что внутри. Потом немедленно впрыгивает ум и берет контроль на себя и говорит: “Это благодаря мне”. Когда вы влюблены, любовь становится подобна смерти, и вы ощущаете блаженство. И тут вдруг появляется ум и объявляет: “А, вот и я, это все моими трудами”.

Когда вы медитируете, у вас случаются мгновения просветления, проблески. Но тогда сразу же включается ум и заявляет: “Будь счастлив! Взгляни, чего я добился!” И вы немедленно теряете контакт, которого достигли.

Помните: с умом вы всегда — неудачник, всегда все теряете. Даже если вы победоносны, ваши победы окажутся просто проигрышами, поражениями. С умом победа невозможна; с не-умом не бывает поражений.

Вам необходимо перенести все ваше сознание от ума к не-уму. Пока действует не-ум, то все прекрасно, все победоносно. Пока действует не-ум, то все идет как надо, ничто *не может* пойти не так, просто *не может быть* не в порядке. С не-умом все происходит абсолютно так, как и должно. Человек доволен, у него не остается ни единого, ни мельчайшего кусочка недовольства, человек абсолютно

в себе, чувствует себя совершенно уютно, в своей тарелке. А не в себе вы становитесь только благодаря уму.

Возможность этого перехода к не-уму появляется лишь тогда, когда вы становитесь безразличны; в противном же случае такой переход никогда не осуществится, это исключено. И даже если у вас уже были моменты просветления, вы эти проблески утратите. Да, у вас случались такие моменты, такие мгновения — это бывает не только при молитве или в медитации, что наступает проблеск. Они бывают и в обыкновенной жизни. Когда вы занимаетесь любовью с женщиной, ум останавливается, затихает. Именно поэтому секс так привлекателен: это естественный экстаз. Всего на одно мгновение ум вдруг исчезает, и вы ощущаете блаженство и наслаждение — но, увы, только на одно мгновение. Тут же включается ум и начинает прикидывать, как бы получить побольше, как бы растянуть удовольствие. Появляется планирование, контролирование, манипулирование — и все, проблеск, искру просветления — вы упустили.

Иногда, гуляя безо всякой цели и смысла, вы вступаете на улицу, укрытую под кронами деревьев, как вдруг пробивается солнечный луч и падает на вас, легкий ветерок касается вашего лица. И все внезапно становится иным, как будто изменился весь мир и на какое-то мгновение вы испытываете экстаз. Что же случилось? Вы гуляли, ни о чем не беспокоясь, никуда не направляясь, просто брели, это была ваша утренняя или вечерняя прогулка. В этот момент расслабления вдруг, хотя вы и не поняли этого, сознание ваше переместилось от ума к не-уму. И в то же мгновение появилось нечто прекрасное, родилась красота. Но сразу же встречается ум и настаивает: “Я должен добиваться все больше и больше таких моментов, как этот”. И теперь вы можете торчать там годы, жизни, вы можете порости там мхом, но это уже не повторится. И до того этого не случилось тоже из-за ума.

В обычной повседневной жизни, не только в храмах, но и в магазинах, и в ваших офисах тоже, такие моменты приходят к вам — сознание перемещается от периферии к центру. Но ваш ум немедленно восстанавливает свой контроль. Ум — это великий контролер. Вы, может быть, и хозяин, но он — ваш управляющий, и

этот управляющий забрал себе такое количество контроля и власти, что он уже считает себя самого хозяином. А истинный хозяин совершенно позабыт.

Относитесь к уму с безразличием. Когда наступают моменты бессловесного, молчания — и включается ум — не реагируйте на него и не отзывайтесь ему. Просто смотрите, продолжайте смотреть. Пусть он болтает все, что хочет, не обращайтесь вы на него внимания. Он сам отстанет.

В медитации к вам такие моменты приходят постоянно. Многие обращаются ко мне и удивляются: “Со мной такое случилось в первый же день, но с тех пор это не повторялось”.

Почему это случилось только в первый день? Чем отличался этот первый день от последующих? Теперь вы более подготовлены ко всему, а в первый день вы не представляли себе, что вас ожидает. Вы спрашиваете, почему это случилось в первый день? Да потому, что управляющему еще не было известно, что же должно было произойти. И он не мог планировать. А на следующий день управляющий уже прекрасно знает, что нужно делать: быстрое дыхание, потом кричать, рыдать, потом Хуу, Хуу. Теперь управляющий все это уже знает, и управляющий сам делает это. Вот только проблески эти теперь не повторяются, — менеджер взялся за управление.

Никогда не забывайте этого: если случаются моменты блаженства, не стремитесь их вернуть. Не ищите их повторения. Если вы начнете их искать, ваш ум тут же заявит: “А, это я уже знаю. Сейчас, я тебе это сделаю”, — и он сделает.

Когда эти моменты случаются, просто будьте счастливы и признательны и забудьте обо всем. Рыба поймана — зачем вам блесна? Вы уловили смысл, забудьте слова.

И последнее: когда вы достигаете полной медитации, вы начисто о ней забываете. И лишь тогда, когда вы забудете ней, медитация будет выполнена, она достигнет своего пика, высшей точки, климакса, лишь тогда наступит ее кульминация. И тогда вы будете пребывать в медитации все двадцать четыре часа в сутки. Но при этом вы ничего не будете делать; это просто будет; оно будет — вы, оно станет самой вашей сутью.

Если вы сможете этого достигнуть, тогда ваша медитация обернется непрерывным потоком, но не усилием с вашей стороны — ибо все усилия от ума.

Если медитация становится естественной для вас, самой вашей жизнью, спонтанной жизнью, становится вашим Дао, тогда, уж поверьте мне, в какой-нибудь из дней Чжуан Цзы повстречается вам. Ведь это он он спрашивает:

Где мне найти человека,
позабывшего слова?
Он — тот,
с кем я хотел бы поговорить.

Он ищет. Я много раз замечал его здесь, как он бродит вокруг вас, просто все ожидая, ожидая. И если только вы забудете слова, то он обязательно поговорит с вами. И не только Чжуан Цзы — Кришна, Христос, Лао Цзы, Будда, все они ищут вас; все просветленные люди ищут невежественных. Но они не могут говорить, потому что тот язык, который ведом им, рожден из тишины, а единственный язык, который знаете вы, происходит от сумасшествия. Они не могут вести куда попало. Они ищут; они ищут вас. Все будды, что когда-либо существовали, все они занимаются поиском. И как только вы погрузитесь в безмолвие, вы сразу почувствуете, что они всегда были вокруг вас.

Сказано: когда ученик готов, учитель приходит. Когда вы будете готовы принять ее, истина будет вручена вам. Между этими событиями не пройдет и доли мгновения. Как только вы будете готовы, это произойдет немедленно. Временного разрыва между ними не существует, это одно и то же.

И помните о Чжуан Цзы. В любой момент он может начать говорить с вами, но прежде, чем *он* начнет говорить, *ваш* разговор должен исчезнуть, должен перестать быть.

Хватит на сегодня.

10

ЦЕЛОСТНОСТЬ

Как истинный человек Дао
проходит беспрепятственно сквозь стены
и входит, не сгорая, в огонь?

Не из-за хитрости или дерзости,
и не потому, что он обучен —
но потому, что он разучился.

Его природа стекается к своему корню в единое.
Его жизненность, его сила —
скрыты в тайне Дао.

Когда он един,
в нем нету ни щели,
в которую можно вклиниться.

Так пьяный, выпав из повозки,
ушибается, но не покалечен.
Кости его не отличаются от костей других,
но падение его иное.
Дух его целен.
Он не ведает, что попал в повозку
или что выпал из нее.
Жизнь и смерть для него — ничто.
Он не тревожится,
встречает препятствия без мысли, без заботы,
и преодолевает их, о них не зная.

Раз вино дарует такую безопасность,

сколь же больше ее в Дао?
Мудрый человек скрыт в Дао;
ничто не коснется его.

ЦЕЛОСТНОСТЬ

Как истинный человек Дао
проходит беспрепятственно сквозь стены
и входит, не сгорая, в огонь?

Это одно из самых основополагающих и тайных учений. Обыкновенно мы живем при помощи хитрости, умничанья и стратегии; мы не живем, как малые дети, в невинности. Мы планируем, мы защищаемся, мы принимаем все возможные предосторожности — но каков результат? Что в конечном счете происходит? Все предосторожности разбиваются вдребезги, все хитрости оборачиваются глупостью — в конце концов за нами приходит смерть.

Дао утверждает, что никакие хитрости вам не помогут, ибо на самом деле это ничто иное, как попытка бороться против целого, единого, всеобщего. Кого вы пытаетесь перехитрить — природу, Дао, Бога? Ну подумайте сами: кого вы обманываете — источник, из которого сами же рождены, и к которому по завершении всего вы отправитесь? Волна, пытающаяся обмануть океан? лист, стремящийся обмануть дерево? облако, старающееся перехитрить небо? Так кого же пытаетесь перехитрить вы? Кого вы надеетесь обыграть?

Однажды поняв это, человек становится невинным, он отбрасывает свою хитрость, все свои стратегии, и просто принимает происходящее. Нет другого пути, кроме как принять мир таким, каков он есть, и течь вместе с ним. Тогда никакого сопротивления больше не существует, тогда вы превращаетесь в ребенка, тянущегося к своему отцу, в полном, в глубоком безграничном доверии.

Как-то раз сын Муллы Насреддина пришел домой в слезах и пожаловался отцу, что он дал поиграть игрушку своему другу, которому всегда доверял, а тот, пообещав вскоре вернуть ее, потом

отказался это сделать. “Как мне быть?” — спросил маленький Насреддин.

Мулла Насреддин пристально посмотрел на него и сказал: “Влезай на эту лестницу”. Мальчик послушался, он ведь верил отцу. Когда он оказался метрах в трех от земли, Насреддин велел ему: “А теперь прыгай, я тебя поймаю”.

Мальчик поколебался немного, и осторожно заметил: “Если я упаду, я ушибусь”.

“Я же здесь стою, чего тебе волноваться? — рассмеялся Насреддин. — Прыгай”. Мальчик прыгнул, а Насреддин отскочил в сторону. Мальчик ушибся об пол, вскрикнул и разрыдался.

“Ну вот, теперь ты понял, — заметил Насреддин. — Никогда никому и ничему не верь, даже тому, что говорит твой отец”.

Ни в кого не верьте, иначе вас будут обманывать всю вашу жизнь — это то, чему каждый отец, каждый родитель, каждая школа, каждый учитель постоянно учат вас. В этом и состоит ваше обучение: никому не верьте, не доверяйте, иначе вас обманут. И вы превращаетесь в хитрецов. Прикрываясь разумностью, вы становитесь хитрыми, недоверчивыми. А раз человек недоверчив, это означает, что он утратил контакт с источником.

Доверие — это единственный мост, единственное связующее звено; если вы не сумели пронести его по вашей жизни — вся она потрачена зря; вы сражаетесь в невозможной битве, в которой ваше поражение predetermined, это абсолютно точно. Лучше, чтобы вы поняли это сейчас, потому что к моменту прихода смерти каждый понимает, что его сражение проиграно с самого начала. Но тогда уже ничего поделать нельзя.

Настоящий разум — это не хитрость, это нечто совершенно иное. Настоящий разум — это смотреть вглубь вещей... И когда вы видите смысл, суть вещей, вы понимаете, что вы — всего лишь волна, что все это — океан, и беспокоиться совершенно не о чем. Это целое — оно создало вас и оно позаботится о вас. Вы пришли из целого, оно вам не враг. Вам незачем тревожиться, вам нечего планировать. И когда вы избавляетесь от беспокойства, когда вы перестаете планировать, то впервые начинается жизнь. В первый раз вы ощущаете себя

свободными от всяких волнений, и жизнь случается, жизнь происходит с вами, вы погружаетесь в нее.

Этот разум и есть религия, и есть религиозность. Этот разум делает вас все более и более доверчивыми, и, в конце концов, вы достигаете абсолютного, тотального доверия — доверия ко всему. Этот разум направляет вас к вашей окончательной природе, к принятию — это то, что Будда называл татхата (tathata). Будда говорил: “Происходит то, что происходит”. И ничто другое произойти не может, ничто другое невозможно. Не просите, чтобы все было иначе; пребывайте в состоянии “будь-что-будет” (letgo), и предоставьте действовать целому. И, когда вы полностью отдаетесь на волю этого целого, полагаетесь на него, когда вы перестаете оказывать ему хоть малейшее сопротивление, перестаете быть преградой, — то как же вы можете потерпеть поражение? В чем?

В Японии, благодаря Будде, благодаря Лао Цзы и Чжуан Цзы, было развито особое искусство, названное дзендо (zendo). Дзендо означает Дзен меча, искусство воина — и никто не знает его так хорошо, как японцы. То, чего они достигли в этом — превосходно. На это уходят годы, даже все время, отпущенное на жизнь, — на то, чтобы изучить дзендо, ибо обучение состоит в принятии. Вы не можете принять свою обыденную жизнь — да как же принять, если воин стоит перед вами, намереваясь убить вас? Как же принять ее, когда меч уже занесен над вами и в каждое мгновение, в любое мгновение, за вашим плечом ожидает смерть?

Искусство дзендо гласит, что, если вы можете принять этот меч, врага, можете принять собирающегося убить вас, и у вас не возникает никаких сомнений; даже если врагом оказывается ваш друг, вы не боитесь, не трепещете, — тогда вы становитесь столпом энергии, неуничтожимым. Меч разобьется о вас, но вас не разобьет ничто. Просто не будет никакой возможности вас уничтожить.

Однажды жил великий мастер дзендо. Ему было лет восемьдесят, и, по традиции, ученик, который смог бы победить его, занимал его место. Поэтому все ученики в глубине души надеялись, что в один прекрасный день он примет их вызов: ведь день ото дня он все стареет.

И был среди них один ученик, самый умнейший, самый прекрасный стратег, обладающий огромной силой, вот только он не был мастером дзендо, он лишь приобрел определенные навыки в этом искусстве. Хотя он и был отличным воином и знал все об искусстве владения мечом, он все еще не был столпом энергии, он все еще испытывал страх во время сражения. Татхата все еще не пришло к нему.

Снова и снова приходил он к мастеру, твердя: “Уже пора, ты стареешь с каждым днем. Еще немного — и ты станешь вообще слишком стар для сражения. Поэтому я вызываю тебя сейчас. Прими мой вызов, Мастер, дай мне шанс показать то, чему я научился у тебя”. Мастер смеялся и спроваживал его.

В конце концов этот ученик заподозрил, что мастер уже настолько ослабел и постарел, что начал бояться, и просто пытается уклониться от вызова. И поэтому однажды ночью он начал очень упорно настаивать на своем и, в конце концов, разозлившись, заявил: “Я не уйду, пока ты не примешь мой вызов. Завтра утром тебе придется сразиться со мной. Ты все стареешь, и иначе у меня не останется никакой возможности продемонстрировать свое умение, полученное от тебя. Так было во все века и времена”.

“Если ты так настаиваешь, — заметил мастер, — то сама твоя настойчивость указывает на то, что ты не созрел или недостаточно хорошо подготовлен. В тебе полным-полно возбуждения, твое эго жаждет вызова, ты все еще ни на что не способен; но, если ты так настаиваешь — что ж, ладно. Сделай одну вещь. Отправляйся в ближайший монастырь, там есть один монах, он лет десять назад был моим учеником. Он настолько овладел дзендо, что выбросил свой меч и стал саньясином. Он должен был бы стать моим наследником. Он никогда не вызывал меня, хотя он был единственным, кто мог бы вызвать и даже победить меня. Так что сперва пойд и вызови этого монаха. Если ты сможешь победить его, тогда приходи ко мне. Если ты не сможешь добиться победы, то просто выбрось всю эту дурь из головы”.

Тот ученик немедленно помчался в монастырь. К утру он был уже там. Он сразу же вызвал того монаха. Но он не мог поверить, что этот монах мог быть мастером дзендо — тощий и изможденный,

медитирующий целыми днями, принимающий пищу только раз в сутки. Монах выслушал его и рассмеялся. “И это ты-то пришел бросить мне вызов? — сказал он. — Да даже твой мастер не может вызвать меня, даже он меня боится”.

Услышав такое, ученик совершенно обезумел от ярости! “Немедленно вставай! — завопил он. — Вот меч, который я принес для тебя, хорошо зная, что ты монах и у тебя его может вообще не оказаться. Спускайся в сад. То, что ты говоришь — это оскорбительно, и я не желаю больше этого слушать”.

Однако монах выглядел абсолютно спокойным. Он заметил: “Ты еще ребенок, ты не воин. Ты будешь немедленно убит. Так зачем же ты без надобности просишь смерти?”

Это еще более разгневало ученика; оба они вышли наружу. “Мне не понадобится меч, — заметил монах, — настоящий мастер никогда не нуждается в нем. Я же не собираюсь на тебя нападать, я просто позволю тебе напасть на меня, чтобы твой меч разбился. Ты мне не ровня. Ты дитя, и люди засмеют меня, если я подниму против тебя меч”.

Это было уж слишком! Юноша вскочил — но тут он увидел, что монах стоит. До сих пор тот монах сидел; теперь он встал, закрыл глаза, и начал раскачиваться из стороны в сторону — и вдруг молодой человек увидел, что монах исчез. Остался только столп энергии — не лицо, просто плотный столп энергии, раскачивающийся. Он испугался и начал отступать, а колонна огня двинулась в его сторону, продолжая раскачиваться. Он бросил меч и в ужасе завопил: “О Боже! Спасите меня!”

Монах снова сел и начал смеяться. Его лицо снова было при нем, энергия исчезла. “Я же предупредил тебя заранее: даже твой мастер мне не ровня, — заметил он. — Ступай и расскажи ему все”.

Потря, дрожа от возбуждения и пережитого испуга, все еще не в силах успокоиться, ученик поплелся назад. Вернувшись к своему мастеру, он признался: “Как я благодарен тебе, что ты был так терпелив со мной! Куда мне до тебя! Даже тот монах начисто разбил меня. Но одного я уж никак не мог стерпеть, поэтому-то я и оказался вовлеченным в происходящее. Он заявил: “Мне даже твой мастер не ровня”.

Мастер расхохотался и воскликнул сквозь смех: “Так этот мошенник сыграл свой трюк и с тобой? Ты рассердился? Ну, тогда он мог видеть тебя насквозь, потому что гнев — это дыра в существе. Это его основной трюк, он всех так разыгрывает. Когда я посылаю к нему кого-нибудь, он говорит гадости про меня, — и мои ученики, понятное дело, начинают злиться. А когда они злятся, он находит, где у них есть лазейки; ну, а когда в вас полно дыр, как же вы можете сражаться”.

Когда вы начинаете гневаться, злиться, ваше существо получает из-за этого утечки, ваша энергия начинает вытекать и теряться. Когда вы чего-нибудь желаете, в вашем существе образуются от этого дыры. Когда вы ревнуете, когда вы полны ненависти, сексуальности, — вы не столп энергии. Поэтому будды и учили нас отказываться от желаний, ибо, когда у вас нет желаний, энергия перестает двигаться вовне, она начинает двигаться внутрь. Она начинает вращаться внутри вас, становится электрическим полем, биоэлектрическим полем. Когда есть такое поле, без какой-либо утечки, — вы столп; вас невозможно победить. Но только не думайте о победе, помните, что как только вы подумаете о победе, вы перестанете быть столпом энергии. И тогда ваше желание победы обернется утечкой.

Вы слабы; вы проигрываете не потому, что другие сильнее вас, нет, вы слабы потому, что вы прямо-таки переполнены множеством желаний. Вас побеждают не из-за того, что другие хитрее или умнее — вас побеждают потому, что у вас полным-полно утечек энергии.

Татхата — принятие, тотальное, полное принятие, оно означает отсутствие желаний. Желание возникает от непринятия. Вы не можете принять определенную ситуацию, поэтому возникает желание. Вы живете в хижине и вы не можете это принять; это слишком для вашего эго, вы хотите дворец — и тогда вы бедняк, но не потому что вы живете в хижине, нет. В хижинах жили и императоры. Будда жил под деревом, а он не был бедняком. Вы не сможете нигде найти человека богаче его.

Нет, не хижина делает вас бедным. Лишь в то мгновение, когда вы пожелали дворец, вы стали бедняком. И бедны вы не потому, что другие живут во дворцах, вы бедны из-за того, что желание жить во

дворце заставляет вас сравнивать дворец с хижинкой. Вы становитесь завистливы. Вы становитесь бедны.

Когда появляется недовольство, то появляется бедность; как только недовольство исчезает, — вы богаты. И обладаете такими богатствами, что ни один вор в мире не сможет их украсть; у вас такие богатства, что ни одно правительство на свете не сумеет отобрать их у вас налогами; вам принадлежат такие богатства, которые у вас никто никогда никоим образом не сможет отобрать. Сущность вашу вы защитили крепостью, неразрушимой, непроницаемой.

Но стоит только появиться желанию, как энергия ваша начинает таять, теряясь, вы сразу же становитесь слабыми из-за желаний, вы сразу же слабеете от стремлений. Когда вы ни к чему не стремитесь и всем довольны, когда ничто не движется, когда все ваше существо неподвижно, тогда, говорит Чжуан Цзы, вы становитесь непроницаемой крепостью. Огонь не может сжечь вас, смерть теперь невозможна. В этом и заключается смысл высказывания: “Огонь не может сжечь вас; смерть невозможна, вы не можете умереть. Вам дан тайный ключ вечной жизни”.

Иногда такое случается и в обычной жизни. Во время пожара сгорает дом — все погибают, но маленький ребенок остается жив. При несчастном случае взрослым выжить не удастся, но маленькие дети выживают. Люди порой называют это чудом, Милостью Божьей. Нет, это не что-то в таком роде, это происходит потому, что ребенок принял и ту ситуацию тоже. Те, кто были похитрее, кинулись бежать и пытались спастись; они сами себя поставили в трудное положение. Ребенок отдыхал. Ему даже не было известно, что что-то происходит, что он был на волосок от смерти. Ребенок спасается благодаря своей невинности.

И такое случается каждый день. Пойдите и понаблюдайте вечером возле бара, возле винного магазина, — пьяницы падают на улице, валяются в канаве, абсолютно счастливые. Утром они поднимутся. Они, вероятно, будут слегка помяты, но их телам ничего не сделалось. Все кости их целы. У них нет переломов.

Вы попробуйте упасть, как пьяный на улице, — да вы непременно себе что-нибудь сломаете. А он падает так постоянно, каждый день,

каждый вечер, по множеству раз на дню, но с ним ничего не случается. В чем же здесь дело, в чем секрет? Когда он пьян, у него нет желаний. Он абсолютно расслаблен, спокоен, он находится в “здесь и сейчас”. Когда он пьян, он ничего не боится, страха вообще нет, а когда нет страха, то нет и хитрости.

Хитрость рождается из страха. Поэтому, чем больше боится человек, тем больше вы найдете в нем хитрости. Храбрый человек не хитер, он может полагаться на свою храбрость; но человек, который боится, трус, — он может полагаться только на собственную хитрость. Чем более человек неполноценен, низок, тем он хитрее. Чем выше человек, тем он невиннее. Хитрость — это замена, суррогат. Когда человек пьян — совершенно пьян — будущее исчезает и прошлое тоже исчезает.

Рассказывают, что однажды Мулла Насреддин шел со своей женой в стельку пьяный. Она нашла его валяющимся на улице и вела теперь домой. Конечно, как обычно, она ругалась и пыталась драться, но при этом все ее аргументы и затрещины не находили никаких возражений, поскольку она была одна. Муллы Насреддина с ней не было; он шел просто рядом с ней.

И тут вдруг она увидела приближающегося разъяренного быка. Растолкать Насреддина или что-то попытаться объяснить ему времени не оставалось, поэтому она, бросив его, отпрыгнула в кусты. Бык подбежал и подкинул Насреддина в воздух, отбросив почти на полсотни шагов. Тот упал в канаву, а как только он вылез оттуда, он строго взглянул на свою жену и предупредил: “Если ты снова выкинешь со мной такую штуку, я действительно выйду из себя. Это уж слишком!”

Если обыкновенное вино придает столько силы, когда человек пьян, так что уж говорить о Дао, абсолютном опьянении? Что можно сказать о Кришне или Будде, величайших пьяницах — столь опьяненных божественным, что от их эго не осталось и следа? Вы не можете обидеть их или навредить им, потому что их нет, вы не можете оскорбить их, потому что нет никого, кто бы противостоял оскорблению или обижался. Ваше оскорбление пройдет сквозь них,

как сквозь воздух, как оно прошло бы сквозь пустой дом. Их лодки пусты. Легкое дуновение, легкий сквознячок в комнате появляется и исчезает, и ничто не мешает ему. Когда дуновение исчезло, дом даже не знает, что оно в нем возникало.

Вино столь привлекательно для вас из-за того, что вы так эгоистичны. Вы настолько отягощены этим своим эго, своим эгоизмом, что иногда хотите о нем забыть. В конце концов миру придется или спиться, или пойти по пути Дао — других альтернатив нет. Только религиозный человек — истинно религиозный человек — может не подпасть под влияние алкоголя, марихуаны, ЛСД — любого типа наркотиков. Только религиозный человек может быть выше их, вне их досягаемости; ваша ноша слишком тяжела, она постоянно давит на ваши плечи, на вашу голову. Вам просто *необходимо* забыть себя.

Но если вино может так много, то как же не задуматься о том, что может божественное вино. Как же действует вино? На некоторое время, в результате определенных химических реакций в мозге, в теле — вы забываете себя. Но это временно. Там, в глубине, вы остаетесь, и через несколько часов химический эффект прекращается, ваше тело избавляется от алкоголя, и эго снова предъявляет свои права.

Но это — вино, поверьте мне: Бог — это вино; Дао или как бы вы там это ни называли — это вино. Однажды вы вкусите его, и эго покинет вас навсегда. Никто никогда не возвращается из этого опьянения.

Вот почему Суфии всегда говорят о вине, Суфии всегда говорят о женщине. Их женщина — это не та женщина, которую знаете вы: их женщина — Бог. И их вино — это не то вино, которое вы пьете: их вино — Бог. Омар Хайям был понят превратно, он был ужасно искажен; трудами Фитцджеральда его по всему миру поняли неверно. Рубайят Омара Хайяма теперь всем кажется написанным во славу вина и женщин, но это абсолютная чушь. Омар Хайям — Суфий, мистик. Он говорит о вине, приходящем через Дао; он воспевает вино, в котором вы будете затеряны навсегда, навечно и безвозвратно. Это пьянящий напиток, опьянение, божественное

опьянение, — не временное, оно вне времени; оно не сиюминутно — оно вечно.

И еще Суфии говорят о Боге, как о женщине. Эти объятия вечны, окончательны; они больше неразделимы. Если вы в состоянии понять это, вы разумны — но не благодаря вашим стратегиям, планам и хитростям, не благодаря вашим расчетам, вашей арифметике, не из-за вашей логики.

Если вы можете, взгляните глубоко в само существование, во все сущее. Откуда вы пришли? Куда идете? С кем вы сражаетесь, и почему? Эти самые мгновения, растрачиваемые вами на борьбу, — они обратятся мгновеньями экстаза.

???ЗДЕСЬ НАЗВАНИЕ Д.Б. СОГЛАСОВАНО С НАЗВАНИЕМ ГЛАВЫ???

А теперь давайте обратимся к сутре: Целостность.

???КОНЕЦ СОГЛАСОВАНИЯ???

Вы думаете о себе, вы воспринимаете себя, как индивидуальность. Вы ошибаетесь. Существует лишь целое. Это сплошная ложь — призрак: “Я мыслю, следовательно существую” $\\$F$ Может быть также переведено, как: “Я думаю, что я есть” - “I think I am” $\langle N \rangle$ (англ.) $\langle N \rangle$ Прим. $\langle N \rangle$ перев.>. Это самая фальшивая в мире вещь. И из-за этого “Я существую” и возникает сражение. Если я существую, тогда целое выглядит враждебным; тогда кажется, что все против меня.

Это чушь, что все против вас — да быть такого не может! Эти деревья помогали вам, это небо помогало вам, эта вода помогала вам, эта земля создала вас. Но ведь тогда природа — это ваша мать. Как же может мать быть против вас? Вы вышли из нее. Но вы думаете: “Я, как индивидуальность...” — и возникает борьба. Правда, борьба эта несколько односторонняя. Вы начинаете размахивать руками, а природа продолжает смеяться, как ни в чем не бывало; и Бог продолжает наслаждаться. Даже в маленьком ребенке в тот момент, когда он начинает ощущать свое “я”, возникает борьба.

В супермаркете маленький ребенок начал ныть, чтобы мать купила ему игрушку. “Нет, — мягко ответила мать, — я не буду ее покупать. У тебя их и так достаточно”.

Ребенок рассердился и, топнув от злости ногой, воскликнул: “Мам, я никогда не видел девочки хуже, чем ты, ты самая плохая”.

Мать внимательно посмотрела на ребенка, на его лицо, гнев, отражавшийся на нем, — и она ответила: “Подожди немного, ты непременно встретишь действительно плохую девочку. Просто чуть-чуть подожди!”

Однажды мать заставляла ребенка делать уроки. Он не слушался, продолжая играть с игрушками, и она в гневе вскричала: “Ты меня слышишь или нет?”

Ребенок удивленно поднял на нее глаза и ответил: “Я что тебе, папа, что ли?”

Еще только маленький ребенок, а сражение уже начинается — появилось эго. Он знает, что папу могут заставить слушаться, но не его. В тот момент, когда ребенок чувствует себя, как отдельное существо, естественное единство нарушено, и тогда вся его дальнейшая жизнь превращается в борьбу и сражение.

Западная психология утверждает, что эго нужно усиливать. В этом заключается разница между Восточным отношением и Западным. Западная психология настаивает на том, что эго должно быть максимально усилено, развито; ребенок должен иметь сильное эго, он должен сражаться, бороться, — только тогда он будет зрелым.

Когда ребенок в утробе матери, он един с матерью, ему даже неизвестно, что он существует — он просто существует, без всякого сознания. По большому счету, все эти сознания — это своего рода заболевания. Не то, чтобы он был полностью бессознателен — он *осознан*. Его суть, его существо — оно есть, но без всякого самосознания. “Есть” присутствует, но “Я” еще не родилось. Ребенок чувствует, живет, он абсолютно живой, но он никогда не ощущает своей отдельности, выделенности. Мать и ребенок — едины.

А потом ребенок рождается. Происходит первое разделение — и первый крик. Теперь он появился, он движется самостоятельно, волна двинулась прочь от океана. Западные психологи говорят: “Мы научим ребенка быть независимым, быть индивидуальным”. Психология Юнга известна, как путь индивидуализации. Он должен

стать индивидуальностью, совершенно отделиться. Он должен сражаться. Вот поэтому на Западе молодое поколение всегда восстает. Это восстание создается не самим молодым поколением, это восстание было порождено, было заложено Фрейдом, Юнгом, Адлером и ???К'??? Comрану. Они выстроили для него базис, основание.

Сражение усилит ваше эго. Оно придаст вам форму. Поэтому сражайтесь с матерью, сражайтесь с отцом, сражайтесь с учителем, сражайтесь с обществом. Жизнь — это борьба. А стараниями Дарвина все вообще покатило под уклон, он подтолкнул все еще больше, заявив, что выживут только только самые приспособленные — самые сильные; жизнь — это выживание сильнейших. И, стало быть, чем вы сильнее в вашем эго, тем больше у вас шансов выжить.

Запад живет политикой, а на Востоке абсолютно другие отношения... и Дао — это сердцевина, это самая суть Восточного сознания. Оно гласит: “Ни индивидуальности, ни эго, ни борьбы; станьте едины с матерью; врага не существует, и ваша задача не в завоевании”.

Даже такой человек, очень знающий человек, очень проницательный, очень логичный человек, как Бертран Рассел, мыслит в терминах завоевания — завоевание природы, покорение природы. Кажется, вся наука — это сражение, борьба с природой: как сломать замок, как открыть секреты, как захватить тайны у природы.

Восточное сознание в принципе иное. Восточное сознание утверждает: “Эго — это и есть ваша проблема, ни в коем случае не усиливайте его. Не устраивайте никакой борьбы. И выживают не самые сильные, не самые приспособленные, но самые скромные”.

Вот почему я снова и снова настаиваю на том, что Иисус с Востока; поэтому его и не могли понять на Западе. Запад не понял его. Восток мог его понять, ибо Восток слышал, Восток знает Лао Цзы, Чжуан Цзы, Будду, а Иисус принадлежит к их числу. Он говорит: “Последние будут первыми в моем царствии Господа”. Самые скромные, самые мягкие — их есть царствие Небесное. Бедный духом — это и есть цель. Кто беден духом? Пустая лодка, тот, кого вообще нет — ему ничего не нужно, он ничем не владеет, у него нет “я”. Он живет, как будто его нет.

Природа делится своими секретами. Хватать нет нужды, нет необходимости убивать, нет необходимости взламывать замки. Любите природу, и природа откроет вам свои тайны. Любовь — это ключ. Завоевание — это абсурд. Это бред.

Так что же произошло на Западе? Это завоевание уничтожило всю природу. И теперь — крики об экологии, как восстановить равновесие. Мы разрушили природу полностью, потому что мы сломали все ее замки и уничтожили все ее равновесие. А теперь, из-за этой разбалансированности, из-за всех этих нарушений, человечество рано или поздно погибнет.

И теперь можно понять слова Чжуан Цзы: “Не борись с природой. Люби ее так глубоко, стань настолько единым с нею, что через любовь, от сердца к сердцу, будет тебе доверена тайна”. А тайна состоит в том, что вы не индивидуальность, вы целое. И зачем удовлетворяться тем, что быть всего лишь частью? Почему бы не быть целым? Почему не владеть всей вселенной? Зачем владеть мелочами?

Раматирса часто повторял: “Когда я закрываю глаза, я вижу звезды, движущиеся во мне, солнце, во мне восходящее, растущую во мне луну. Я вижу океаны и небеса. Я огромен, я — вся вселенная”.

Когда он впервые приехал на Запад и стал говорить такое, люди решили, что он спятил. “Кто создал мир?” — спросили его.

“Я, он во мне”, — ответил он.

Это “я” не есть эго, индивидуальность; это “я” — вселенная, Бог. Он кажется сумасшедшим. Это заявление выглядит выходящим за все рамки. Но загляните в его глаза: в них нет эго. Он ничего не утверждает, он просто констатирует факт.

Вы и есть этот мир! Зачем быть частью, крошечной частью, и зачем безо всякой необходимости создавать проблемы, когда вы можете быть целым?

Эта сутра касается целого, целостности. Перестаньте быть индивидуальностью, станьте целым. Не будьте эго, откажитесь от него. Если вы можете быть божественным, зачем же удовлетворяться таким мелким, крошечным, безобразным?

Как истинный человек Дао

проходит беспрепятственно сквозь стены
и входит, не сгорая, в огонь?

Кто-то спросил Чжуан Цзы: “Мы слышали, что человек Дао может беспрепятственно проходить сквозь стены. Почему?” Если нет никаких препятствий внутри вас, то не может быть никаких препятствий и вне, ничто не может встать на вашем пути. Таков закон. Если у вас нет сопротивления внутри, в вашем сердце, то весь мир открыт для вас. Сопротивления нет. Мир — это всего лишь отражение, это большое зеркало; если в вас появляется сопротивление, тогда весь мир сопротивляется вам.

Когда-то, давным-давно один король построил огромный дворец, дворец миллионов зеркал — все стены были покрыты зеркалами. Во дворец забежала собака, и она увидела миллионы собак вокруг себя. Ну и, будучи весьма разумной собакой, она стала лаять, чтобы защитить себя от этих миллионов окруживших ее собак и испугать их. Жизнь ее была в опасности. Ей пришлось напрячься, она стала лаять изо всех сил. Но, когда она залаяла, те миллионы собак тоже начали лаять. И, чем больше она лаяла, тем больше отвечали ей они.

Утром собаку нашли мертвой. А она была там одна, в том дворце были лишь миллионы зеркал. Никто не дрался с нею, вообще не было никого, кто мог бы драться, но она увидела саму себя в зеркалах и испугалась. И, когда она начала сражаться, отражения в зеркалах тоже вступили в борьбу. А она была одна, против миллионов и миллионов собак, окруживших ее. Можете ли вы представить себе, какой ад пережила она той ночью?

Вы живете в таком аду сейчас, постоянно: миллионы и миллионы собак лают вокруг вас. В каждом зеркале, в каждом взаимоотношении вы видите врага. Человек Дао может проходить сквозь стены, ибо в сердце его нет стен. Человек Дао нигде не встречает врага, ибо сам он никому не враг. Человек Дао видит все зеркала чистыми, все лодки пустыми, ибо его лодка пуста. Может показаться, что он отражается в зеркалах, но у него нет собственного лица, так что же тогда может отразиться в зеркале, как можно

отразить человека Дао? Все зеркала хранят молчание. Человек Дао проходит мимо — за ним не остается следов, ни единого отпечатка. Все зеркала безмолвствуют. Ничто не отражает его, ибо его нет, он отсутствует.

Когда исчезает эго, вы отсутствуете, и тогда вы — целое. Пока эго существует, вы здесь, присутствуете, и вы — всего лишь маленькая частица, весьма крошечная часть, и довольно при этом безобразная. Часть всегда будет безобразна. Вот почему нам приходится пытаться украсить ее таким множеством способов. Но человек, в котором есть эго, не может быть красив. Красота присутствует только в тех, у кого эго нет. Тогда красота несет в себе что-то от неведомого, что-то неизмеримое.

Запомните: безобразное можно измерить. Оно ограничено. Красота — так называемая красота — может быть измерена. У нее есть пределы. Но истинную красоту измерить невозможно — она не имеет границ. Она таинственна — она идет все дальше, и дальше, и дальше. Вы не можете придти к какому-то завершению в том, что связано с буддой. Вы можете войти в него, но вы никогда из него не выйдете. Бесконечное! Его красота никогда кончается.

Но эго продолжает пытаться стать красивым. Каким-то образом у вас сохранилось воспоминание о красоте целого; каким-то образом вы помните тишину утробы; каким-то образом глубоко внутри вы знаете блаженство цельности, союза, единения со всем сущим, с существованием. Из-за этого возникает множество желаний. Вам ведома красота, прелесть бытия богом, а вам приходится жить, как нищий. Что же вы тогда делаете? Вы создаете маски, вы разрисовываете себя. Но глубоко внутри, под ними, остается безобразие, уродство, потому что все рисунки — это всего лишь рисунки.

Как-то раз одна женщина гуляла по берегу моря. Она нашла на пляже бутылку, открыла ее, и из нее вышел джинн. И, как все истинные джинны, этот джинн сказал: "Ты освободила меня из моей тюрьмы, ты подарила мне свободу. Теперь ты можешь просить все, что пожелаешь, я исполню твое самое сокровенное желание или мечту".

Джиннов не находят каждый день, на всем побережье, в любой бутылке. Такое случается очень редко, и только в историях. Но эта женщина не раздумывала ни единого мгновения. “Я хочу стать красивой, — уверенно перечислила она, — волосы как у Элизабет Тэйлор, глаза как у Бриджит Бардо, тело как у Софи Лорен”.

Джинн взглянул на нее еще разок, и попросил: “Милая, засунь меня обратно в бутылку!”

И вы всегда просите этого — каждый просит именно этого — поэтому-то джинны и сбежали из нашего мира. Они уже вас просто боятся, вы же всегда просите невозможного. Так не бывает, часть никогда не может быть красива.

Ну только представьте себе: если отсечь мою руку — может ли такая рука быть красивой? Она будет становиться все более и более мерзкой, она начнет разлагаться, она начнет пахнуть. Как может быть красивой моя рука, отделенная от меня? Разделение приносит смерть; согласие, унисон — приносят жизнь. Единые с целым — вы живы; одни, отдельно, — вы уже мертвы или умираете.

Мои глаза, выньте их — что они тогда? Даже камни, цветные камни, будут красивее их, ибо камни все еще едины с целым. Сорвите цветок — и он потеряет свою красоту, великолепие ушло. Он был прекрасен лишь мгновение назад, когда он был соединен с корнями, с землей. Отделенные от корней, вы плывете, будучи (многими) эго. Вы больны, и вы останетесь больны; ничто не может вам помочь. Все ваши усилия, сколь угодно умные, потерпят поражение.

Лишь в целом вы красивы.

Лишь в целом вы прекрасны.

Лишь в целом возможна грация.

Это не из-за хитрости человек Дао проходит беспрепятственно сквозь стены и входит, не сгорая, в огонь. Это:

Не из-за хитрости или дерзости,
и не потому, что он обучен —
но потому, что он разучился.

Обучение направлено к эго; обучение усиливает эго. Вот почему пандиты, брамины, книжники имеют утонченнейшие эго. Обучение расширяет их границы, расширяет возможности, учение создает им пространство, придает им объем. Они становятся распухшими, самовозвеличенными, эгоистичными. Все их существо теперь отдано в эксплуатацию эго.

Чем более человек учен, тем труднее с ним жить, тем труднее иметь с ним дело, и тем труднее для него добраться до храма. Для него почти невозможно познать Бога, поскольку он сам теперь живет, как возвышенный, а возвышенный имеет свою собственную жизнь — теперь это эгоистичный возвышенный. Это засасывает. Чем больше вы знаете, тем меньше надежды на рождение молитвы.

Таким образом, говорит Чжуан Цзы, это не из-за хитрости; он не рассчитывает, он не хитер и не дерзок, ибо дерзость, хитрость, расчет — это все части эго. Человек Дао ни трус, ни храбрец. Он не знает, что такое храбрость, что такое трусость. Он живет. Он не самосознателен не потому, что он выучился, но потому, что он разучился. Вся религия — это процесс разучивания. Обучение — это процесс эго, разучивание — это процесс не-эго. Наученная, ваша лодка полна, полна вами.

Когда у Муллы Насреддина был паром, и, если времена наставали тяжелые, он зарабатывал на жизнь тем, что перевозил пассажиров с одного берега реки на другой.

Как-то раз великий книжник, грамматик и пандит переправлялся через реку на его пароме. Этот пандит спросил Насреддина: “Скажи-ка, лодочник, а знаешь ли ты Коран? Изучал ли ты писания?”

“Нет, некогда мне”, — отмахнулся Насреддин.

“Да, тогда половина твоей жизни прошла зря”, — изрек пандит.

В это время налетел ураган, маленькую лодку закружило и понесло понесло от берега. Поднявшиеся волны перехлестывали через борта и лодка быстро наполнялась водой. В любой момент она могла затонуть. Насреддин поинтересовался: “Скажите-ка, господин учитель, а знаете ли вы, как плавают?”

Тот человек очень испугался, весь покрылся холодным потом. “Нет”, — признался он.

“Да, тогда *вся* ваша жизнь прошла зря, — заметил Насреддин, перелезая через борт. — Ну, я поплыл!”

Итак, этой лодке не достичь другого берега. Но люди думают, что обучение может стать для них лодкой или обучение может заменить им умение плавать. Нет! Ну как могут писания стать лодками? Нет, они чересчур тяжелы. С ними вы можете утонуть, но пересечь реку на них невозможно. Разучивание освобождает вас от веса; разучивание делает вас вновь невинными.

Когда вы не знаете, то что происходит в этом незнании? Самое прекрасное явление... Величайший экстаз приходит к вам тогда, когда вы не знаете — когда вы не знаете, рождается тишина, безмолвие. Кто-то задает вопрос, а вы не знаете. Жизнь — это головоломка, а вы не знаете. Повсюду таинство, а вы стоите там, не зная, удивляясь. Когда вы не знаете, появляется восхищение, удивление, а удивление — это самое религиозное качество. Глубочайшее религиозное качество — удивление, изумление. Лишь ребенок способен удивляться. Человек, который знает, удивляться не может, а без удивления никто никогда не достигнет божественного. Это для удивляющегося сердца все является таинством... бабочка — это таинство, прорастающее зерно — это таинство.

И помните, ничто не изучено, не разрешены никакие проблемы: вся ваша наука ничего не сделала. Прорастающее зерно — остается таинством, и оно будет таинством. Даже если наука сумеет создать зерно, само прорастание останется таинством. Рождается ребенок; это таинство — то, что он рождается. Даже если ребенка удастся создать в пробирке, это ничего не меняет. Таинство по-прежнему останется.

Вы здесь. Это поразительное таинство. Вы не заработали, не заслужили этого, вы не можете заявить вселенной: “Я здесь, потому что я это заслужил”. Это самый настоящий подарок, вы здесь вообще безо всякой причины. Если бы вы были не здесь, то какая была бы разница? Если бы вы были не здесь, то в какой суд вы бы обратились?

Это чистое существование, это дыхание, что входит и выходит, то, что вы в этот момент здесь, слушаете меня, ветер, птиц, то, что вы живы, — это великое таинство. Если вы сможете оказаться с этим

таинством лицом к лицу безо всякого знания, вы вступите в него. Если лицом к лицу с ним вы окажетесь, отягощенный знанием, и воскликнете: “Я знаю, я знаю ответ”, — то двери будут закрыты для вас — не из-за таинства, двери останутся закрыты из-за вашего знания, ваших теорий, вашей философии, вашей теологии, вашего христианства, вашего индуизма — все они запирают пред вами двери.

Человек, который полагает, что он знает — не знает. Упанишады продолжают утверждать, что человек, который считает себя незнающим, знает. Сократ замечает: “Когда человек действительно знает, он знает одно: что он ничего не знает”. Чжуан Цзы говорит: “Это оттого, что он разучился”. Все, чему его научил мир, чему его научило общество, чему его научили родители и утилитариане, он отбросил. Он вновь стал ребенком. Его глаза снова полны удивления. Он смотрит на все окружающее — и повсюду видит таинство.

Эго убивает таинство. Эго ли это ученого, эго ли это книжника или философа — разницы не составляет. Эго заявляет: “Я знаю”. “Если я и не знаю, то, рано или поздно, я узнаю”, — добавляет оно. Эго утверждает, что нет ничего недоступного знанию.

Для эго все подразделяется на две категории: известное и неизвестное. Известное — это та часть, которую эго уже прошло в своем путешествии, а неизвестное — это та часть, которую эго пройдет: эго считает, что по всему возможно пропутешествовать и что нет ничего такого, чего узнать нельзя.

Эго не оставляет в мире таинства. А когда вокруг вас нет таинства, то не может быть таинства и внутри. Когда исчезает таинство, исчезают все песни; когда исчезает таинство, поэзия умирает; когда исчезает таинство, в храме больше нет Бога, нет ничего, кроме мертвой статуи; когда исчезает таинство, нет возможности для любви, ибо лишь два таинства могут любить друг друга. Если вы знаете, то любовь становится невозможна — знание противоположно любви. А любовь всегда за разучивание. Но потому, что он разучился:

Его природа стекается к своему корню в единое.

Его жизненность, его сила —

скрыты в тайне Дао.

Его природа стекается к своему корню... Эго существует в голове, запомните, а вы несете свою голову очень высоко поднятой. Корень как раз на другом полюсе вашего существа.

Чжуан Цзы и Лао Цзы повторяли: "Концентрируйтесь на пальце ноги. Закройте глаза и переместитесь в палец ноги и оставайтесь там. Это придаст вам равновесие. Голова дала вам слишком много разбалансированности". Палец ноги?.. Может показаться, что они шутят. Нет, они имеют ввиду именно это, они не шутят. Они правы. Выбирайтесь из головы, потому что голова — это вовсе не корень, а мы слишком уж в голове.

Его природа стекается к своему корню, к самому источнику. Волна идет вглубь океана, в единое. И помните, источник един. Волн может быть множество, миллионы, но океан один. Вы отделены там, я отделен здесь, но взгляните всего лишь чуть глубже в корни — и мы одно; мы словно ветви одного и того же дерева. Посмотрите на ветви — и они отдельные, но там, далеко внизу, они — одно.

Чем глубже вы погружаетесь, тем меньше и меньше вы будете находить множественности, тем больше и больше единства. В самой глубине все — едино. Вот почему индусы говорят о недualьном, едином, адвайт (advait).

Его жизненность, его сила —
скрыты в тайне Дао.

И какую бы жизненность ни получал человек Дао, она не управляема, не создана им, она дана корнями. Он живой, потому что он укоренен; он живой, ибо он воссоединился с океаном, с единым. Он вернулся к источнику, он пришел к матери.

Когда он един,
в нем нету ни щели,
в которую можно вклинить.

Когда человек укоренится в глубочайшей сердцевине своей сути, единой сути, то бреши нет. Вы не можете проникнуть в такого человека. Мечи не могут вонзиться в него, огонь не может его сжечь. Как вы можете уничтожить окончательное, вечное? Вы можете уничтожить моментальное, временное, но как вы можете уничтожить вневременное? Вы можете разрушить волну, как вы можете разрушить океан? Вы можете убить индивидуальность, но вы не можете убить душу. Форма может быть убита, но бесформенное...? Каким образом вы убьете бесформенное? Где вы отыщете меч, способный убить бесформенное?

Кришна сказал в Гите: "Найнам чхеданти саштрани" (Nainam chhedanti sashtrani) — никакой меч не может это убить, никакой огонь не может это сжечь". Речь не о том, что, если вы пойдете и попытаетесь убить Чжуан Цзы, то вы не сможете этого сделать. Вы сможете — убить форму, но эта форма не есть Чжуан Цзы — а сам он будет смеяться.

Александр Македонский, возвращаясь из Индии, внезапно вспомнил об Аристотеле, своем учителе, одном из величайших логиков.

Аристотель — это первоисточник всей глупости Запада, он ее отец. Он создал логический ум. Он создал анализ, он создал метод анатомирования, он создал эго и индивидуума, и он был учителем Александра.

Он попросил Александра, когда тот будет возвращаться, привезти мистика-индуса, саньясина, потому что полярные противоположности всегда интересны. Ему, наверное, было очень интересно узнать, кто такой индийский мистик. Что же он за тип человека такой, что живет вне логики, утверждает, что есть лишь единое, но не дуальное, который объединяет и примиряет в себе все противоречия и парадоксы, чье отношение ко всему есть отношение синтеза, а не анализа? Человек, который никогда не признает часть, но всегда признает лишь целое — что это за тип человека может быть?

Поэтому он попросил Александра: "Когда ты будешь возвращаться назад, привези с собой мистика-индуса, саньясина. Я

хотел бы взглянуть на него. Человек, живущий безумно и утверждающий, что есть нечто за пределами разума — это редкое явление”. А Аристотель никогда не верил в то, что что-либо может быть за пределами разума; для него ум был всем.

Когда Александр возвращался назад, он вдруг вспомнил об этой просьбе. Поэтому он велел своим солдатам пойти и найти великого индийского мистика, великого саньясина, святого, мудреца. Они стали расспрашивать в городе, знает ли кто-нибудь, где найти такого саньясина, и им сказали: “Да. На берегу реки стоит голый человек. Он там стоит уже не первый год, и мы полагаем, что он мистик. Мы не уверены, потому что он никогда не говорит много, а, кроме того, даже то, что он говорит, мы не очень понимаем. То, что он говорит, выглядит совершенно нелогично. Может, это правда, может, и нет”.

“Это как раз тот, кто и нужен, — обрадовался Александр. — Мой учитель, создавший основы логики, хотел бы увидеть иллогичного человека. Ступайте и скажите ему, что Александр приглашает его”.

Солдаты отправились на берег реки и передали этому голому человеку, что Александр Великий приглашает его: он будет королевским гостем, все удобства будут ему предоставлены, так что ему не о чем беспокоиться.

Тот человек расхохотался и ответил: “Человек, именующий себя Великим, — дурак. Пойдите и скажите ему, что я не имею дела с дураками. Я именно поэтому и стою здесь один уже много лет. Если бы я хотел иметь дело с дураками, то уж не думаете ли вы, что в Индии их меньше, чем в его стране? Этот город полон ими”.

Они были очень задеты, эти солдаты, но они обязаны были вернуться с докладом. Александр поинтересовался, что ответил тот человек — Дандами было его имя. Александр в своих воспоминаниях называл его другим именем — Дандамас. Когда Александр все услышал, он почувствовал раздражение, но это была последняя деревня перед границей, и скоро он был бы за пределами Индии, поэтому он решил: “Лучше всего будет, если я сам пойду и посмотрю, что это за тип человека”.

Очень может быть, что он вспомнил Диогена — вполне вероятно, этот человек был того же типа, благо он тоже стоял голым неподалеку

от реки. Аналогичная история произошла и с Диогеном. Тот тоже рассмеялся и решил, что Александр дурак.

Короче говоря, Александр подошел к Дандами с обнаженным мечом и потребовал: “Следуй со мной, или я немедленно отсеку твою голову. Я не верю в споры, я верю в приказы”.

Тот человек рассмеялся и сказал: “Так отсеки ее — не тяни время! Ту голову, что хочешь отсечь ты, я отсек уже давным-давно. Ничего нового ты не придумал, я уже безголовый. Отсеки ее прочь, а я тебе скажу, что, когда голова упадет на землю, ты увидишь ее падение, и я тоже это увижу, потому что я — не голова”.

Человека Дао можно сжечь, но все равно человек Дао не может сгореть. Форма всегда в огне. Она уже сгорает. Но бесформенное... бесформенное никогда не затрагивается никаким огнем. Откуда приходит эта сила, откуда берется такая жизненность? Они скрыты в тайне Дао. Дао означает: великая природа; Дао означает: великий океан; Дао означает: великий источник.

Так пьяный, выпав из повозки,
ушибается, но не покалечен.
Кости его не отличаются от костей других,
но падение его иное.

Эго нет...

Дух его целен.
Он не ведает, что попал в повозку
или что выпал из нее.
Жизнь и смерть для него — ничто.
Он не тревожится,
встречает препятствия без мысли, без заботы,
и преодолевает их, о них не зная.

Раз вино дарует такую безопасность,
сколь же больше ее в Дао?
Мудрый человек скрыт в Дао;

ничто не коснется его.

Понаблюдайте за пьяницей, потому что человек Дао во многих отношениях похож на него. Он идет, но идущего нет; поэтому он и выглядит таким разбалансированным, шатающимся. Он идет, но лодка пуста — всего лишь на мгновение, но пуста.

Понаблюдайте за пьяным. Последуйте за ним и посмотрите, что с ним происходит. Если кто-то ударяет его, он не раздражается. Если он падает, он принимает падение, он не сопротивляется, он падает, как мертвый. Если люди смеются и шутят над ним, это не беспокоит его. Он даже может шутить с ними, он может начать смеяться вместе с ними, он может начать смеяться над собой. Что происходит? На мгновение, благодаря химическим реакциям, его эго не стало.

Эго — это сооружение: вы можете избавиться от него даже с помощью химических соединений. Это всего лишь сооружение; это не реальность, это не существенно, не важно, не истинно в вас. Стараниями общества вы убеждены в обратном. Алкоголь же просто выбивает вас из общества. Вот почему общество всегда против алкоголя, правительство всегда борется с алкоголем, университет всегда против спиртного, все моралисты всегда против пьянства — потому что алкоголь опасен, он дает вам проблеск того, что вне общества. Вот поэтому разведено столько пропаганды в Америке и на Западе против наркотиков.

Правительства, политики, церковь, папа — все они пугаются, поскольку новое поколение очень увлечено наркотиками. А наркотики крайне опасны для общества, потому что раз у вас есть проблески того, что вне общества, то вас никогда уже не смогут сделать по-настоящему регулируемой его частью. Вы всегда останетесь кем-то вне его. Раз у вас есть проблески не-эго, то тогда общество не сможет легко доминировать над вами. А если погрузиться в наркотики слишком глубоко, эго может оказаться вообще полностью разрушено. И вы станете таким, как если бы вы были безумны.

Раз-другой наркотик даст вам проблеск, этакое мгновенное просветление; это как окно, которое открывается и закрывается. А если вы упорствуете и привязываетесь к нему, то эго может внезапно

отпасть. Но в том-то и проблема: эго отпадет, но не-эго не возникнет. Вы сойдете с ума, станете шизофреником, разделенным.

Религия действует с другой стороны, с другого конца: она пытается привнести, воспитать сперва не-эго. И чем больше не-эго проявляется, тем больше утверждается целое, и по мере этого эго отпадет само собой, постепенно. Перед тем, как эго отпадает окончательно, целое овладевает вами. Вы не сойдете с ума, вы не станете ненормальным, вы будете просто естественны. Вы выпадете из общества в природу.

С помощью наркотиков вы тоже можете выпасть из общества — но в безумие. Вот поэтому религии тоже против наркотиков. Общество дало вам занятия для эго: с помощью него вы кое-как управляете, вы как-то ведете жизнь. Но если вами овладевает целое, то тогда эта проблема — управления жизнью — отпадает — вы становитесь человеком Дао. Тогда в эго нет нужды, вы можете бросить его собакам.

Но вы можете поступить и иначе. Вы можете просто разрушить это эго при помощи химических препаратов. Это можно сделать. Вот тогда-то действительно *будет* проблема, потому что вы просто сойдете с ума. Вы будете ощущать определенную силу, но сила та будет фальшивой, поскольку целое не овладело вами.

Имеется множество описаний таких случаев. Одна девушка в Нью-Йорке, опьяненная ЛСД, просто выпрыгнула из окна тридцатого этажа, потому что она решила, что может летать. А когда вы под наркотиком, то, если приходит мысль, что вы можете летать, сомнений в этом нет никаких. Вы абсолютно уверены в этом, потому что сомневающегося, эго, — в вас нет. Так кому же сомневаться? Вы верите в это. Но целое не утвердило себя.

Чжуан Цзы, может, и летал. Чжуан Цзы, вполне вероятно, вылетал из окна, как птица на крыльях, но под ЛСД вы этого не сможете. Эго нет, поэтому вы не можете сомневаться, но целое не овладело вами, а, значит, вы не сильны. Силы нет, одна только иллюзия силы. Это порождает неприятности.

Опьяненные алкоголем, вы можете делать некоторые странноватые вещи...

Когда цирк переезжал в специальном поезде из одного города в другой, клетка льва была повреждена, и он сбежал. Тогда директор цирка собрал всех сильных мужчин и сказал: “Перед тем, как вы отправитесь в ночь, в джунгли, искать льва, я налью вам по стаканчику. Для смелости”.

Все двадцать мужчин хорошенько подзарядились. Ночь была холодна и опасна, и смелость была не лишней — но Мулла Насреддин отказался. “Я возьму только содовую”, — заявил он.

“Но тебе понадобится смелость!” — запротестовал директор.

“В такие моменты , — пояснил Насреддин, — мне смелость не нужна. И так небезопасно: ночь, ни зги не видно, и этот лев... тут смелость может только навредить. Лучше уж я буду труслив и осторожен”.

Когда у вас нет силы, а наркотик придает вам смелости, это опасно. Вы можете безумно двинуться по какому-то пути — в этом заключается опасность наркотиков.

Но общество боится не из-за этого. Общество боится из-за того, что, если у вас есть проблески, есть мгновения просветления, выводящие за пределы общества, то вы уже никогда к нему не приспособитесь. А общество — это такой сумасшедший дом — хочет, чтобы вы были приспособлены к нему, нельзя позволять вам иметь проблески того, что снаружи.

Религии тоже против наркотиков и алкоголя, но тут причина другая. “Будь пьяницей, — призывают они, — но будь опьянен божественным вином, ибо тогда ты имеешь корни, основу, центр. Тогда ты силен”.

Раз вино дарует такую безопасность,
сколь же больше ее в Дао?
Мудрый человек скрыт в Дао;
ничто не коснется его.

Совершенно ничто не коснется его. Почему? Только эго может быть затронуто. Оно очень чувствительно к касанию. Если кто-нибудь просто глянул на вас как-то не так — оно уже затронуто,

взбудоражено. А он даже ничего не сделал. Если кто-то слегка улыбнулся, это его затрагивает; если кто-нибудь просто отвернулся и не смотрит на вас, оно вне себя. Оно очень чувствительно к прикосновению. Оно подобно ране — всегда открытой, незажившей. Вы лишь коснулись ее — и возникает боль. Одно слово, единственный жест — другой, возможно, даже и не подозревает, что причинил вам боль, но он дотронулся до нее.

И вы всегда считаете, что в этом виноват другой, что он ранит вас. Нет, это вы несете свою рану. Благодаря эго все ваше существо становится одной большой раной. И вы таскаете ее повсюду. Да никому и в голову не придет ранить вас, каждый охраняет свою собственную рану. Кто же станет тратить силы на вашу? Но все равно это случится, потому что вы ожидаете, что вас поранят, настолько готовы к этому, что вы просто нарываетесь на первого же встречного, подвернувшегося вам.

Вы не можете дотронуться до человека Дао, не можете причинить ему боль. Почему? — потому что некого трогать. Раны нет. Он здоров, излечен, целостен. Это слово “целое”<N>(whole) прекрасно. Слово “излечивать”<N>(heal) происходит от “целое”<N>(whole), и слово “святой”<N>(holy) тоже происходит от “целое”<N>(whole).<N>Слова whole, heal и holy в английском языке близки по звучанию.<N>Прим.<N>перев.> Он целостен, излечен, свят.

Осознайте свою рану. Не помогайте ей расти, не подкармливайте ее, позвольте ей излечиться; а она излечится только, когда вы переместитесь к корням. Чем меньше голова, тем больше залечивается рана — без головы нет и раны. Живите безголовой жизнью. Двигайтесь, как полное, цельное существо, и принимайте все таким, как оно есть. Всего лишь на двадцать четыре часа, попробуйте это — полное, тотальное принятие, что бы ни происходило. Кто-то оскорбляет вас, примите это, не реагируйте, и видите то, что происходит. Внезапно вы ощутите вливающуюся в вас энергию, которой вы не ощущали раньше. Когда кто-то оскорбляет вас — вы чувствуете себя слабым, вы чувствуете себя задетым, вы начинаете думать о том, как вам отомстить. Тот человек поймал вас на крючок, и теперь вы движетесь кругами — вокруг него. В течении дней, ночей, месяцев, даже лет, вы не сможете спать, у вас будет

бессонница, кошмары. Люди способны растратить всю свою жизнь на всякую ерунду лишь из-за того, что кто-то когда-то их оскорбил.

Просто обернитесь на свое прошлое — и вы вспомните некоторые вещи. Вы были маленьким ребенком, и учитель в классе назвал вас идиотом, а вы все еще помните это и до сих пор испытываете обиду. Ваш отец сказал что-то обидное. Ваши родители давно позабыли об этом, и даже если вы напомните им, они вряд ли будут в состоянии это вспомнить. Ваша мать как-то не так, слишком строго на вас посмотрела — и с тех пор образовалась рана. И она все еще обнажена, свежа; если кто-нибудь дотронется до нее, вы взорветесь. Так не помогайте ж этой ране разрастаться. Не делайте из этой раны себе душу. Направляйтесь к корням, будьте с целым. В течение двадцати четырех часов, всего лишь двадцати четырех часов, попытайтесь не реагировать, не отвергать, что бы ни происходило.

Если кто-нибудь толкает вас и вы падаете наземь — падайте! Потом встаньте и идите дальше, идите домой. Никак на это не реагируйте, ничего не делайте. Если кто-то ударяет вас, склоните вашу голову, примите это с благодарностью. Пойдите домой, ничего не делайте, всего лишь в течение одних суток, и вы познаете новую волну энергии, о которой вы ничего не подозревали никогда прежде, новая жизненная сила поднимется к вам от корней. И, однажды узнав ее, однажды попробовав ее, вы изменитесь, ваша жизнь станет иной. Вы начнете смеяться на всеми дурацкими вещами, над всеми глупостями, которыми вы занимались до этого, над всеми обидами, реакциями, отмщениями, которыми вы разрушали себя.

Никто другой не может разрушить вас, кроме вас самих; никто другой не может спасти вас, кроме вас самих. Вы Иуды и вы Иисусы.

Хватит на сегодня.

11

ПОХОРОНЫ ЧЖУАН ЦЗЫ

Когда Чжуан Цзы был при смерти,
его ученики стали готовить величественные похороны.

Но Чжуан Цзы сказал:

“Мои гробом будут земля и небеса;
луна и солнце будут нефритовыми символами,
висящими подле меня;
планеты и созвездья
будут сиять драгоценными камнями повсюду вокруг меня,
и будут присутствовать все сущности,
как плакальщики, идущие за гробом.
Чего еще надо?
Позаботились уж обо всем вполне”.

Но ученики возразили:

“Мы боимся, что вороны и коршуны
съедят нашего мастера”.

Чжуан Цзы ответил:

“Ну что же, над землей я буду съеден
воронами и коршунами,
а под землю — муравьями и червями.
В обоих случаях меня съедят —
так чем же вам не нравятся птицы?”

ПОХОРОНЫ ЧЖУАН ЦЗЫ

Ум из всего делает проблему; иначе жизнь проста, смерть проста,
проблем вообще нет. Но ум создает обманчивое представление, что

каждый момент — это проблема, которую надо разрешать. Если вы сделали первый шаг к вере в то, что все на свете — это проблема, то ничего уже невозможно разрешить, ни в чем невозможно разобраться, потому что первый шаг был абсолютно неверен.

Ум не может подсказать вам никакого решения, он — всего-навсего механизм, производящий проблемы. Даже если вы считаете, что вам удалось справиться с проблемой, тысячи новых проблем появятся из этого решения. Это то, чем всегда занималась философия. Философия — это занятие ума. Когда ум смотрит на что-нибудь, он смотрит на это с вопросительным знаком, он смотрит глазами сомнения.

Жизнь очень проста, и смерть очень проста — но только если вы способны видеть без помощи ума. Лишь только вы привносите ум, как все превращается в кучу комплексов, превращается в смятение. А ум теперь пытается разрешить сумятицу, хотя в действительности он сам — источник всей неразберихи, поэтому в результате получается еще больше беспорядка. Это как если небольшой ручей течет с холмов. Несколько телег прошло через него и ручей помутнел, и вы прыгаете в ручей, чтобы вычистить его. Вы только поднимите еще больше мути. Лучше подождите на берегу. Предоставьте потоку возможность снова стать спокойным, затихнуть самому по себе так, чтобы мертвые листья уплыли, а ил осел, — и поток снова станет кристально чист. Ваша помощь не нужна. Вы его только еще больше замутите.

Поэтому, если вы чувствуете, что существует проблема, пожалуйста, не суйте туда своего носа. Стойте в сторонке. Не позволяйте уму увлекаться этим, велите уму подождать. А ждать для ума очень трудно, он — воплощение нетерпения.

Если вы велите уму ждать, получается медитация. Если вы можете убедить ум подождать, то вы будете в молитве — ибо ожидание означает не-думание, ожидание — это когда вы просто сидите на берегу, ничего не делая с ручьем, с потоком. Что вы можете сделать? Что бы вы ни делали, это только еще больше замутит его; даже само ваше вхождение в поток лишь породит еще больше проблем. Так что просто ждите.

Вся медитация — это ожидание. Вся молитва — это безграничное терпение. Вообще, вся религия, вся религиозность состоит в том, чтобы больше не позволять уму создавать вам все новые проблемы. Есть столько всего, столько самых простых вещей, которым радуются даже животные, которым радуются даже деревья, но которыми человек наслаждаться не может — для него они в ту же секунду превращаются в проблемы, а как же можно наслаждаться проблемами?

Вы влюбляетесь — и в то же мгновение ум заявляет: “Что такое любовь? А любовь это или это просто сексуальные желания? А насколько истинны твои чувства? И к чему это приведет? А может ли любовь быть вечной или она, как и все, преходяща?”

Ум хочет сперва все решить и лишь потом сделать шаг. С умом вы так никогда ни на что не решитесь, он всегда пребывает в нерешительности; нерешительность — это его наследственная черта. Он вечно твердит: “Не бросайся сломя голову, не принимай необдуманных решений, будь благоразумен”. Когда ум заявляет вам подобное, он выглядит очень умно, он кажется очень разумным и сообразительным, поскольку создает впечатление, что вы можете выбрать неверный путь, направиться не туда. Так что лучше не делайте этого скачка, не мечитесь, не двигайтесь, и вообще, оставайтесь-ка неподвижны.

Но жизнь — это движение, и жизнь — это доверие. Родилась любовь — старайтесь попасть в нее. И дело не в том, куда она ведет. Дело не в цели. Само пребывание вашего сознания в состоянии любви — откровение. Остальное неважно, любимая или любимый значения не имеют. Суть в том, что вы можете любить, вы способны любить, что это могло с вами произойти; ваша сущность раскрывается в доверии, без всякого сомнения, безо всякого вопрошания. Само это раскрытие и есть наполнение.

“Подожди, — тут же заявит ум, — дай мне подумать и решить; второпях никаких шагов предпринимать не следует; ничего нельзя делать, ничего нельзя предпринимать в спешке”. А потом вы можете ждать, и ждать, и ждать... сколько угодно. Так вы и потратите всю свою жизнь.

Каждое мгновение жизнь стучится в ваши двери, но вы раздумываете. “Подожди, — говорите вы жизни, — я открою тебе дверь, но дай мне сначала подумать, мне нужно решиться”. Нет, этого так никогда и не случится. Вся жизнь придет и уйдет, пока вы будете решать, а вы все так и будете волочиться, ни живы, ни мертвы. И то, и другое — жизнь и смерть — прекрасны, ибо у смерти есть своя собственная жизнь.

Поэтому запомните, самое первое — это не позволять уму вмешиваться. Тогда вы сможете стать подобны деревьям, даже еще зеленее их. Тогда вы будете подобны парящим в глубине неба птицам, но ни одной птице не добраться до высот, которых сможете коснуться вы. Тогда вы станете подобны рыбам, способным опускаться на самое дно морское — но вы сможете нырнуть к дну самого океана. Ничто не сравнится с вами. Человеческое сознание — это самый развитый феномен, это удивительное явление, но все это вы утрачиваете. Даже менее развитые существа наслаждаются больше вас. Птица — это всего лишь птица, она намного менее развита, чем вы; дерево вообще почти не развито, но наслаждается оно во много крат больше вас, и, в отличие от вас, оно цветет. Насколько полнее вас оно заливают все вокруг своим божественным ароматом! Зачем же вы упускаете все это?

Ваш ум стал тяжелой ношей. Вы не можете воспользоваться им; более того, наоборот, он использует, эксплуатирует вас. Не позволяйте уму вмешиваться в вашу жизнь — и тогда родится поток. Тогда на вашем пути не возникнет препятствий, тогда вы становитесь прозрачны, тогда каждое ваше мгновение — это блаженство, ибо вы не заботитесь о нем.

Одному человеку его психоаналитик порекомендовал отдохнуть в горах. Тот вечно жаловался то на то, то на это, и всегда задавал кучу недоверчивых вопросов. Он всегда обо всем беспокоился, был очень насторожен и с опаской относился ко всему окружающему. И вот ему посоветовали поехать отдохнуть и расслабиться.

На следующий день психоаналитик получил от него телеграмму. “Я чувствую себя здесь на удивление счастливым, — писал тот. — Странно, к чему бы это?”

Вы даже не можете принять счастья без того, чтобы не спросить “почему”. Для ума принять что-нибудь — невозможно: в ту же секунду рождаются тысячи этих “почему”, и “почему” все разрушают. Поэтому все религии так настаивают на вере. В этом смысл, суть веры: не позволять уму задавать эти свои “почему”.

Вера — это не убеждение, это не верование в какую-то определенную теорию; вера — это верование в жизнь саму по себе. Вера — это не верование в Библию, или Коран, или Гиту. Вера это не убеждение — вера это доверие, несомневающееся доверие. И только те, кто полон веры, те, кто способен доверять, смогут узнать, что такое жизнь и что такое смерть.

Для нас жизнь — это проблема, и, стало быть, смерть тоже не может не быть проблемой. Мы постоянно пытаемся ее разрешить, мы тратим время и силы на ее разрешение. Но она уже решена. Она вообще никогда не была проблемой. Вы — тот, кто эту проблему придумал. Поднимите глаза к звездам — проблемы нет; посмотрите на деревья — где проблема? Оглянитесь на все вокруг... Если бы не было человека, то все было бы уже давно решено. Где вы найдете проблему? Деревья никогда не спрашивают о том, кто сотворил мир — они просто им наслаждаются. Что за глупость — спрашивать, кто сотворил мир. Да какая разница, кто его сотворил: А, Б, В, Г или Д, ну какая вам разница? И вообще, сотворили его, или никто его не сотворял, или он такой всегда был — ну какое вам до этого дело? Как вас может затронуть то, что А сотворил мир, или Б сотворил мир, или вообще никто ничего не творил? Вы останетесь прежним, жизнь останется той же. Так зачем спрашивать о том, что незачем знать, задавать вопрос, не имеющий вообще никакого значения, — и запутываться во всем этом?

Реки продолжают течь, не интересуясь, не спрашивая, куда они идут. Они достигают моря, впадают в него. Если они начнут задаваться вопросами, они вполне могут и не добраться; их энергия может растратиться по пути. Они так озаботятся тем, куда они направляются — где же цель, каков замысел, и где смысл — настолько погрязнут в этой проблеме, что они могут и вовсе сойти с

ума. Но они продолжают течь, не волнуясь о том, куда, и они всегда добираются до моря.

Если деревья и реки способны совершить такое чудо, то почему же вы этого не можете? В этом заключена вся философия Чжуан Цзы, весь путь его жизни: “Если все и так происходит, что вы волнуетесь? Позвольте этому случиться. Уж коли реки могут добраться, доберется и человек. Уж раз добираются деревья, человек-то доберется и подавно. Если все сущее пребывает в движении — ведь вы же часть этого всего. Не превращайтесь в водоворот думания, иначе вы начинаете двигаться по кругу, по кругу — и будете вращаться, вращаться, вращаться... до бесконечности, а поток будет утерян. И тогда не будет в конце вашего пути океана.

Жизнь — загадка для вас, потому что вы смотрите на нее через призму ума; если вы смотрите сквозь не-ум, то жизнь оказывается таинством. Стоит вам глянуть на нее глазами ума, и жизнь уже мертва; но жизнь никогда не умирает, она бессмертна — если на нее смотрит ваш не-ум. Ум не способен ощутить живое. Ум лишь может дотрагиваться до мертвого, материального. Жизнь же столь тонка, незаметна, а ум так груб и неотесан — этот инструмент во много крат грубее жизни. И когда вы пытаетесь дотронуться до нее этим инструментом, он не может уловить биений ее. Он теряет их. Биение жизни очень тонкое — вы и есть это биение.

Чжуан Цзы — на смертном одре, а когда такой человек, как Чжуан Цзы, умирает, ученикам следует быть абсолютно безмолвными. Этот момент нельзя упускать, потому что смерть — это пик, это кульминация всей жизни. Когда умирает Чжуан Цзы, он умирает на гребне волны. Очень редко случается, чтобы сознание достигало такой абсолютной полноты. Ученикам стоило бы помолчать; им нужно было бы наблюдать за тем, что происходит; они должны были бы взглядеться в глубину души Чжуан Цзы и не позволять вмешиваться уму, не начинать задавать дурацкие вопросы.

А ум всегда начинает спрашивать. Они обеспокоены похоронами, хотя Чжуан Цзы пока еще жив. Но ум не жив, он никогда не бывает жив; ум всегда мыслит на языке смерти. Для учеников мастер уже умер. Они думают о похоронах — что нужно сделать, чего не делать.

Они придумали проблему, которой вообще не существует, благо Чжуан Цзы жив.

Как-то раз трое стариков сидели на скамейке в парке, обсуждая неизбежное — смерть. Один старик семидесяти трех лет заметил: “Когда я умру, хотел бы я быть похоронен рядом с Авраамом Линкольном, величайшим человеком, любимым всеми”.

“А я хотел бы быть похоронен рядом с Альбертом Эйнштейном, — признался другой, которому недавно исполнилось восемьдесят три, — величайшим ученым, гуманистом, философом, сторонником мира”.

Затем оба они посмотрели на третьего. Тому уже стукнуло девяносто три года. “Хорошо бы, чтобы меня похоронили вместе с Софи Лорен”, — сказал им тот.

Оба его собеседника возмутились. “Да она ведь еще жива”, — гневно воскликнули они.

“Ну да, — согласился третий старик, — так и я тоже!”

Это, пожалуй, был редкостный старик. Девяносто три года, а он заявляет: “Так и я тоже пока жив, и пока еще очень ничего!” Почему жизнь должна беспокоиться о смерти? Зачем жизни думать о смерти? Но ум создает проблему. И теперь вы озадачены.

Когда Сократ умирал, произошла та же самая история, что и с Чжуан Цзы. Ученики были очень озабочены предстоящими похоронами. Они подступили к нему с вопросами: “Что нам нужно делать?”

Говорят, что Сократ ответил: “Мои враги дают мне яд, чтобы убить, а вы строите планы, как меня похоронить, — так кто же мне друг, а кто враг? Вы, и те, и другие, интересуетесь моей смертью; похоже, вообще никого не интересует моя жизнь”.

Ум каким-то образом страдает манией смерти. Ученики Чжуан Цзы спорили о том, что им надо делать — а умирал мастер, и это уникальное явление происходило прямо на их глазах.

Будда — Чжуан Цзы — достигал своей конечной кульминации. Такое случается очень редко, раз-другой в миллионы лет. Пламя пылало. Его жизнь подошла к точке абсолютной чистоты, где она становится божественной, не человеческой, где она — это итог, а не

частица, где начало и конец встречаются, сливаясь воедино, где все секреты раскрыты и все двери распахнуты, где не остается замков. Там было все таинство... А ученики думали о похоронах — слепо, абсолютно слепо, в упор не видя того, что происходит перед ними. Их глаза были плотно закрыты.

Почему же так случилось? Эти ученики, — уж не думаете ли вы, что они знали Чжуан Цзы? Как они могли его знать? Если они пустили Чжуан Цзы в его высшем великолепии, как же можно поверить в то, что они сумели уловить его, когда он работал с ними, работал над ними, продвигался вместе с ними, вскапывал землю в саду и бросал в нее семя, разговаривал с ними, просто с ними был?

Как же можно предположить, что они знали, кем был Чжуан Цзы? Если они не заметили его высшее великолепие, то трудно не понять, что они всегда упускали его. Они и должны были все прозевать. Когда он говорил, они, вероятно, раздумывали: “О чем это он говорит? Что он имеет в виду?”

Смысл того, что говорит просветленный — это вовсе не то, что вам следует открыть или понять; он просто есть — и вам нужно лишь внимать ему. Он предназначен не для понимания, не для открытия, он не скрыт, это совсем не то, что необходимо интерпретировать. Просветленный не говорит теориями, он приводит вам простые факты. Если ваши глаза открыты, вы их увидите; если ваши уши могут слышать, вы услышите их. Ничего больше от вас не требуется.

Вот почему Иисус не устает повторять: “Способные слышать, да услышат. Способные видеть, да увидят”. Больше ничего не нужно — просто откройте глаза, откройте уши.

Будда, Чжуан Цзы или Иисус — они не философы вроде Гегеля или Канта. Если вы читаете Гегеля, то нужно докапываться до смысла. Он крайне труднодоступен — очень похоже, что Гегель приложил все усилия, чтобы сделать понимание его настолько трудным для вас, насколько это вообще возможно, наплетая слова вокруг слов, делая все загадочным. Поэтому, когда вы впервые сталкиваетесь с Гегелем, он кажется вам великолепным, высочайшим достижением, но, чем больше вы будете проникать в него и чем больше вы будете его понимать, тем меньшим он будет становиться. В тот день, когда вы его поймете, он окажется вообще бесполезен.

Весь трюк заключается в том, что вы не можете его понять, и поэтому он кажется вам таким великим. Поскольку вы его не понимаете, ваш ум поставлен в тупик, ваш ум не может уразуметь, что же здесь к чему, и эта штука выглядит очень таинственной, непостижимой, недоступной для понимания. Это не так, она всего лишь вербальна, словесна. Гегель пытается все спрятать, но при этом он ничего не говорит. Более того, он пользуется словами, не вкладывая в них вообще никакого внутреннего содержания.

Поэтому такие люди, как Гегель, сразу же добиваются уважения, но по прошествии некоторого времени уважение к ним и оценка их исчезают. Люди же, подобные Будде, уважаются и ценятся не сразу, но, чем больше проходит времени, тем больше вы их цените. Они всегда опережают свое время. Проходят столетия, а потом — потом их величие начинает проявляться, потом их величие начинает выходить на поверхность. Спустя много времени вы можете почувствовать их, ибо истина их так проста; нет мусора, нету хлама вокруг нее. Она настолько фактична, действительна, что вы просто ее утратите, если начнете думать о ней.

Слушая Чжуан Цзы, просто слушайте. От вас не требуется ничего другого, кроме пассивного восприятия, кроме открытого сердца. Все ясно, но вы можете так все поставить с ног на голову, что сами будете обескуражены своим собственным творением. Те ученики, которые, вероятно, всегда упускали Чжуан Цзы — они снова прозевали его. Они беспокоятся о том, что нужно сделать.

Постарайтесь понять этот момент: мудрый человек всегда касается сути, а человек невежественный всегда старается выяснить, что же нужно делать; для него суть — это не вопрос.

Для Чжуан Цзы имеет значение суть, он связан с внутренним, с содержанием; а ученики озабочены делами, которые им предстоят. Если наступит смерть, что нужно сделать? Что мы должны делать? Мастер близок к смерти, так что там у нас насчет похорон? Тут нужно все распланировать.

Мы спятили из-за планирования. Мы планируем жизнь, мы планируем смерть, этим планированием мы разрушаем спонтанность, разрушаем красоту, разрушаем весь экстаз жизни.

Мне рассказывали, как умирал атеист. Он не верил ни в Рай, ни в Ад, но все равно он решил, что лучше всего будет прилично одеться перед тем, как умереть. Он представления не имел, куда он отправляется, потому что ни во что не верил, но все равно — он явно куда-то уходил, поэтому перед тем, как отправиться куда-то, это как должное — быть опрятно одетым.

Он был человеком манер, этикета, поэтому он надел свой лучший выходной костюм, галстук и все такое прочее, а затем он умер. Позвали рабби, чтобы его благословить. “Этот человек, — заметил рабби, — никогда не был верующим, но смотрите, как прекрасно он сумел все спланировать! Он же неверующий, он же считал, что впереди у него ничего нет, но как он аккуратно оделся и готов предстать перед Всевышним!”

Даже если вы чувствуете, что впереди у вас ничего нет, вы все равно постараетесь все заранее спланировать, потому что ум всегда хочет играть будущим. Он прямо-таки в восторге, планируя будущее, но он ужасно несчастен, если ему приходится жить в настоящем. А планирование на будущее — о, оно выглядит прекрасным. Как только у вас появляется время, вы начинаете планировать на будущее, этого ли мира, или того — это не важно, но — на будущее. И ум наслаждается планированием. Планирование — это просто фантазия, мечтания, сны наяву.

Люди, подобные Чжуан Цзы, имеют отношение к сути, к содержанию, но не к процессу. Они не озабочены деятельностью, их не интересует будущее. Не нужно никакого планирования. Будущее, жизнь — сами позаботятся о себе.

Иисус говорил своим ученикам: “Взгляните на эти цветы, на эти лилии, которые так прекрасны в своей великолепии, что даже Соломон не был столь красив. А они не строят планов, они не думают о будущем, и они не беспокоятся о следующем мгновении”.

Почему же эти лилии так прекрасны? Откуда берется их красота? Где она сокрыта? Лилии существуют здесь и сейчас. Отчего лицо человеческое столь печально и уродливо? — потому, что он никогда не бывает здесь и сейчас, он всегда устремлен в будущее. Он смахивает на привидение. Как вы можете быть реальны, если вы не

здесь или не сейчас? Вы можете быть только привидением, либо безнадежно завязшим в прошлом, либо затерявшимся в будущем.

Чжуан Цзы умирает. В момент смерти Чжуан Цзы ученикам следовало бы хранить молчание. Это было бы самым большим проявлением уважения, какое только возможно, самой большой любовью, которая только может быть. Мастер умирал. Они никогда не прислушивались к его жизни, так, по крайней мере, они могли бы прислушаться хотя бы к его смерти. Они могли не быть безмолвны в то время, когда он говорил с ними на протяжении всей своей жизни; но теперь он собирался дать им последний урок, последнее обучение с помощью своей смерти.

Нужно быть бдительным, настороженным, когда умирает мудрец, ибо смерть его необычна. Невежественный человек умереть так не может. У вас есть ваша жизнь, и у вас есть ваша смерть. Если вы были глупы во всей своей жизни, можете ли вы быть мудры в своей смерти? Смерть — это завершение, вывод, подведение итогов, это заключение. В смерти присутствует вся ваша жизнь, суть ее, главное, — таким образом, глупый человек и умирает по-дурацки.

Жизнь уникальна, смерть тоже уникальна. Никто другой не может прожить вашу жизнь и никто другой не может умереть вашей смертью, только вы. Это уникально, этого никогда не случится вновь. Направления, образы различны, и не только жизни, но и смерти тоже. Когда умирает Чжуан Цзы, нужно быть абсолютно тихим, чтобы ничего не упустить — потому что *вы можете* все упустить.

Жизнь — длинная история, семьдесят, восемьдесят, сотня лет. Смерть — это одно мгновение. Это атомичное явление, сконцентрированное в один миг. Она во много раз живее жизни, ибо жизнь растянута. Жизнь никогда не сможет достичь такой интенсивности, какой достигает смерть, и никогда не сможет стать такой же прекрасной, какой может быть смерть, потому что жизнь размазана. Она всегда тепловата.

В момент смерти вся жизнь достигает точки кипения. Все испаряется из этого мира в тот, из тела в бестелесное. Это величайшая трансформация, какая только возможна. И нужно быть безмолвным, нужно быть почтительным, не нужно колебаться,

дрожать, ибо это произойдет в единое мгновение, и вы можете его пропустить.

А эти глупые ученики толковали о похоронах и размышляли, как бы все это повеличественнее обставить! А величественнейшая вещь в это время проходила, происходила величайшая вещь, но они размышляли о показном, о представлении. Ум всегда думает о выставке (exhibition) — он эксгибиционистичен.

Погиб Мулла Насреддин. Кто-то сообщил об этом его вдове, которая как раз пила после обеда чай — она уже выпила полчашки. “Твой муж погиб, он попал под автобус”, — сообщил ей вошедший. Но вдова Муллы Насреддина продолжала спокойно потягивать свой чай.

“Ты что! — воскликнул этот человек. — Ты что, продолжаешь пить чай?! Ты слышишь меня? Твой муж мертв — а ты не сказала ни единого слова!”

Жена ответила: “Дайте, я сейчас допью чай; а потом — о, молодой человек, я подниму такой крик! Сейчас, одну минуту”.

Ум — эксгибиционист. Она завопит, только дайте ей несколько минут все это обустроить, спланировать это!

Я слышал об актере, у которого скончалась жена. Он выплакал все глаза, он рыдал, слезы ручьями текли по его щекам.

“Вот уж никогда бы не подумал, — заметил его друг, — что ты так сильно любил свою жену”.

Актер взглянул на него и возразил: “Это еще что. Посмотрел бы ты на меня, когда умерла моя первая жена”.

Даже когда вы показываете свою муку, вы оглядываетесь на других и гадаете, что они об этом думают. К чему думать о величественных похоронах? Почему величественных? Вы устраиваете представление и из смерти тоже. Это ли истинное почтение? Или смерть — это тоже нечто рыночное, товар?

Наш мастер умер, теперь начнется соперничество, и мы должны доказать, что у него были величайшие похороны — ни у одного мастера никогда не было ничего подобного и ни у одного никогда

ничего подобного не будет. Даже в смерти ваши мысли идут от эго. Таковы ученики, они “следуют”. Но они никогда не следуют по-настоящему, потому что, если бы они следовали Чжуан Цзы, они не могли бы поднять вопроса о величественных похоронах. В то мгновение они были бы скромны, смиренны. Но эго напористо.

Когда вы заявляете, что ваш мастер очень велик, просто взгляните чуть глубже. Вы утверждаете: “Я очень велик, вот почему я следую этому великому человеку, я — великий последователь”. Каждый последователь провозглашает, что его мастер — самый великий — но не из-за мастера! Как же вы будете великим последователем, если ваш мастер не велик? А если кто-нибудь возражает вам, замечая, что это не так, вы расстраиваетесь, раздражаетесь, вы начинаете спорить и ругаться. Это вопрос выживания эго.

Повсюду эго всегда настаивает на своем. Оно хитрое и очень утонченное. Даже в присутствии смерти оно не покидает вас; оно присутствует даже в смерти. Умирает мастер, а его ученики рассуждают о похоронах. Они вообще не следовали мастеру — мастеру, подобному Чжуан Цзы, чье учение все состоит в том, чтобы быть спонтанным.

Когда Чжуан Цзы был при смерти,
его ученики стали готовить величественные похороны.

Он еще не умер, а они уже начали планировать — потому что дело не в Чжуан Цзы, дело в эго учеников. Они должны устроить ему величественнейшее прощание, и нужно все обставить так, чтобы любому стало ясно, что ничего подобного никогда еще не случалось.

Но невозможно обмануть Чжуан Цзы. Даже когда он умирает, он не бросает вас в одиночестве; даже когда он уходит, он оставляет вам свое сердце, свою мудрость; даже в последнее мгновение он будет участвовать во всем том, что он умел и осуществлял. Даже его последняя минута станет его вкладом.

Итак — но Чжуан Цзы сказал:

“Мои гробом будут земля и небеса;
луна и солнце будут нефритовыми символами,

висящими подле меня;
планеты и созвездья
будут сиять драгоценными камнями повсюду вокруг меня,
и будут присутствовать все сущности,
как плакальщики, идущие за гробом.

Чего еще надо? Все просто: позаботились уж обо всем вполне *<FAmply taken care of* — дословный перевод должен был бы быть: “обо всем вполне позабочено”. *<N>Прим.<N>перев.>* Чего надо еще? Что еще вы можете сделать? Что еще можете вы сделать для Чжуан Цзы, для будды? Что бы вы ни делали, это будет ничто, что бы вы ни планировали, это будет мелко. Ничто не может быть величественным по сравнению с этим, ибо вся вселенная готова принять его. Что еще *вы* можете сделать?

Чжуан Цзы сказал: “Солнце и луна и все существа и сущности на земле и на небесах готовы принять меня. И все сущее, все существа будут плакальщиками. Поэтому вам ни к чему беспокоиться, незачем нанимать плакальщиков”.

Вы можете нанять плакальщиков — их теперь можно найти на каждом рынке. Есть специальные люди, которым вы платите — и они оплакивают. Что же это за новый тип человечества такой рожден к жизни?! Если у вас умирает жена, умирает мать, а оплакивать ее некому, то вам приходится нанимать профессиональных плакальщиков. Их легко найти в Бомбее, в Калькутте; они есть во всех больших городах, и они сделают все так хорошо, профессионально, что вы не можете даже соперничать с ними. Конечно, они более умелы, у них есть ежедневная практика, но какая же это мерзость, если вам приходится за это платить, вы даже слезы — покупаете на рынке. Все, все теперь стало насквозь фальшиво, насквозь лживо.

Жизнь фальшива, смерть фальшива, счастье фальшиво. Даже оплакивание — и то фальшиво. И так и должно быть: это логически следует из всего происходящего. Это логически оправдано. Если вы никогда не были действительно счастливы с человеком, то как же вы можете по-настоящему оплакивать его, когда он умирает? Это невозможно. Если вы не были счастливы со своей женой, если вы никогда не знали с ней моментов блаженства, то, когда она умирает,

как могут в ваших глазах появиться настоящие слезы? В глубине души вы будете счастливы, в глубине души вы будете чувствовать свободу: “Теперь я независим, свободен, теперь я могу делать, что захочу”. Жена была похожа на тюремное заключение.

Рассказывают, что один человек умирал, и жена, чтобы его утешить, говорила: “Не волнуйся, не переживай, рано или поздно я к тебе там присоединюсь”.

“Но только не изменяй мне здесь”, — простонал умирающий. Он, наверное, боялся. Откуда в нем это опасение в последний момент? Видимо, этот страх сидел в нем всегда.

“Я никогда не буду тебе изменять”, — пообещала ему жена.

“Если ты хоть раз мне изменишь, — заявил он, — я перевернусь в гробу. Мне это будет очень больно”.

Лет десять спустя умерла и жена. У врат Рая Святой Петр спросил ее: “Кого ты хотела бы встретить первым?”

“Моего мужа, конечно”, — ответила она.

“Как его зовут?” — поинтересовался Святой Петр.

“Абрахам”, — сказала жена.

Но Святой Петр возразил: “Будет трудно его найти, у нас тут миллионы Абрахамов, расскажи поточнее, кто он”.

Жена подумала и сказала: “Со последним вздохом он сказал, что, если я изменю ему, то он перевернется в гробу”.

Святой Петр воскликнул: “Все понятно, можешь не продолжать! Ты, конечно, имеешь ввиду Вращающегося Абрахама, того, который безостановочно вертится в своей могиле! За десять лет у него не было ни секунды покоя. Здесь о нем каждый знает. Нет проблем, мы сейчас его позовем”.

Ни веры, ни доверия, ни любви, ни счастья никогда не рождалось из ваших взаимоотношений. И когда приходит смерть, что вам оплакивать? Ваши слезы будут лживы. Если ваша жизнь полна фальши, то ваша смерть тоже становится фальшью. И не думайте, что вы единственный, кто фальшив — все вокруг, те, кто имеет к вам отношение, — они тоже фальшивы. И мы живем в таком фальшивом,

таком лживом мире, что просто удивительно, как нам это еще удается.

Один политик остался без работы. Он был экс-министром. Он стал искать работу, потому что политики всегда испытывают затруднения, когда они не в офисе. Они не способны заниматься ничем другим, кроме политики, они ничего другого, кроме политики, не умеют. Никакой другой специальности у них нет. Даже самая ничтожная работа требует хоть какой-то квалификации — но для того, чтобы быть министром, не нужно никакой. Премьер-министр или первый министр абсолютно не нуждаются ни в каких квалификациях.

И вот, этот министр был в затруднительном положении. Он решил обратиться к директору цирка, поскольку он считал, что политика — это сплошной цирк, это великий цирк; так должен же он был научиться хоть чему-то, чем он мог бы воспользоваться в обычном цирке. Поэтому он спросил: “Не найдется ли у вас для меня работы? Видите ли, я не у дел, и в большом затруднении”.

“Вы пришли как раз вовремя, — обрадовался директор. — У нас умер один из медведей, так что мы дадим вам костюм медведя. Вам не нужно будет ничего делать; просто сидите, ничего не делая, целый день, и никто не заметит разницы. Просто сидите с утра до вечера, чтобы люди думали, что это медведь”.

Такая работа ему приглянулась, и политик согласился. Он вошел в клетку, натянул на себя медвежью шкуру и сел. Он сидел так уже минут пятнадцать, когда к нему вдруг втолкнули другого медведя. Он страшно перепугался, запаниковал и кинулся к решетке, начал трясти ее и орать: “Помогите, откройте клетку, выпустите меня отсюда, я министр!”

И тогда он услышал голос. Говорил другой медведь. Он сказал: “Ты что, думаешь, что ты единственный безработный политик? Я тоже бывший министр. Заткнись и прекрати панику”.

Вся жизнь стала фальшивой, насквозь лживой — и корни, и все остальное; и как только вы еще существуете в ней — это чистейшее чудо. Говоря с фальшивым лицом, говоря с — фальшивым лицом; счастливая ложь, несчастная ложь. А потом вы еще надеетесь

отыскать истину?! С лживыми лицами истину никогда не найти. Для этого нужно принять свое собственное обличье, признать свое истинное лицо и отбросить все эти фальшивые маски.

Чжуан Цзы сказал:

“Мои гробом будут земля и небеса;..”

Так чего же вы волнуетесь? И как вам может удасться достать гроб более величественный, чем этот? Предоставьте небесам и земле быть моим гробом — и они будут.

“... луна и солнце будут нефритовыми символами, висящими подле меня;..”

И вам не нужно зажигать подле меня свечи; они кратковременны, они сгорят, и, рано или поздно, их не станет. Оставьте же солнцу и луне быть символами жизни вокруг меня. И они таковы и есть.

“... планеты и созвездья будут сиять драгоценными камнями повсюду вокруг меня, и будут присутствовать все сущности,..”

Вот что необходимо понять: все сущности, все сущее будет присутствовать. То же сказано про Будду и Махавиру, но никто не верит этому, ибо в это невозможно поверить. Джайны читают об этом, но они не верят этому; буддисты читают это, но сомнение закрадывается в их умы.

Говорят, что, когда Махавира умирал, то все сущности присутствовали при этом. Не только человеческие существа — животные, души деревьев, ангелы, божества, все сущее изо всех измерений бытия, все творение при этом присутствовало. И так и должно было быть, ибо Махавира открыт не только для вас; его великолепие таково, его возвышенность такова, что поистине все измерения существования становятся знакомы с ним. Рассказывают, что, когда Махавира говорил, ангелы, божества, животные, духи, все

сущее, все виды сущностей собирались, чтобы послушать его, а не только человеческие существа. Это звучит, как сказка, как притча, но, поверьте, это правда — ибо чем выше вы поднимаетесь, тем больше вырастает ваша суть и тем более возвышенным становится ваше существование, — и другие измерения вселенной, все планы и грани творения становятся доступны вам.

Когда достигается высшая точка — точка ариханты (arihanta), как называют ее джайны, точка архата (arhat), как ее называют буддисты, точка совершенного Дао, человек Дао, как говорит Чжуан Цзы — тогда вас слушает все сущее.

Чжуан Цзы говорит:

“... и будут присутствовать все сущности, как плакальщики, идущие за гробом”.

Чего еще надо, и что еще вы можете сделать? Что еще вы можете добавить к этому? Вам не нужно ничего делать, и вам незачем беспокоиться.

“Позаботились уж обо всем вполне”.

Это чувствует ставший безмолвным:

“Позаботились уж обо всем вполне”.

Ни жизни, ни смерти — вам вообще ничего не нужно делать, все и так уже происходит без вас. Вы вмешиваетесь в это безо всякой необходимости и вы только все портите, всему мешаете, вы создаете хаос. Без вас все совершенно — такое, как оно есть, оно совершенно. Это отношение религиозного человека: такое, как оно есть, оно все совершенно. Ничего больше с этим поделать нельзя.

Говорят, на Западе Лейбниц сказал, что это самый совершенный из всех возможных миров. Его ужасно за это раскритиковали, потому что на Западе утверждать подобные вещи считается недопустимым. Как это: этот мир — самый совершенный? Да это, пожалуй, самый несовершенный из миров, самый мерзкий, самый ущербный; в нем

полно неравенства, страдания, бедности, болезней, смерти, ненависти, — да всего, что угодно — а какой-то там Лейбниц заявляет, что этот мир самый совершенный из всех возможных!

Лейбниц неоднократно подвергался критике, но Чжуан Цзы понял бы, что он имеет в виду. Я тоже понимаю это. Когда Лейбниц говорил: “Это самый совершенный мир, какой только возможен”, — он говорил не о политической или экономической ситуации. Он говорил не о равенстве, неравенстве, социализме, коммунизме, войнах. Это не объективное замечание, к этому замечанию не имеет отношения то, что снаружи, внешнее; это замечание основывается на глубоком, внутреннем ощущении — оно исходит из самой сути, из основы существования.

Совершенство всего сущего означает, что вам не о чем беспокоиться.

“Позаботились уж обо всем вполне”.

И вы не можете этот мир улучшить, вы просто *не можете* сделать его лучше. Если вы все же попытаетесь, то вы сможете сделать хуже, но сделать это лучше вы не сможете. Для научного склада ума очень трудно постижимо, — что вы ничего не можете улучшить — потому что научный ум зависим от этой идеи — что все можно улучшить. И что же вы сделали этим вашим умом?

Две тысячи лет, со времен Аристотеля, мы на Западе пытаемся сделать этот мир местечком получше. Стал ли он за это время хоть чем-то лучше? Счастливее ли человек хотя бы на чуть-чуть? Блаженнее ли человек хоть на немного? Абсолютно нет. Все стало хуже. Чем больше мы лечим пациента, тем ближе он к смерти. Ничто не помогает. Человек отнюдь не стал счастливее.

Мы теперь в состоянии иметь гораздо больше вещей, чтобы стать счастливее, но само сердце, способное радоваться, способное быть счастливым, мы утратили. У вас может быть куча дворцов, но человека, призванного быть императором, уже нет, и дворцы становятся могилами. Ваши города стали красивее, богаче, но они очень уж смахивают на кладбища, в них не найти ни одного живого

человека. Мы совершили страшную ошибку, пытаюсь сделать мир лучше. Он не стал лучше. И он может стать только еще хуже.

Оглянитесь назад... человек был совершенно иным, он был беднее, но богаче. Это кажется парадоксальным; он был беднее: не хватало пищи, не хватало одежды, не хватало крова, но жизнь его была богаче. Он способен был танцевать, он способен был петь.

А вы потеряли, вы погубили свою песню, ваша глотка забита вещами; ни одна песнь не в силах вырваться из вашего сердца. Вы не можете танцевать. Самое большее — вы в состоянии сделать несколько шагов, несколько движений, но движения эти — это не танец, ибо танец — это не просто движение. Когда движение становится экстазом, это танец. Когда это движение настолько тотально, настолько всеохватывающе, полно, что эго исчезает, — это танец.

И нужно заметить, что танец появился в этом мире, как техника медитации. Вначале танец был не для танцевания, он служил для того, чтобы достичь экстаза, когда танцор терялся, исчезал, и оставался только сам танец — никакого эго, никого, управляющего или воздействующего, тело переливается спонтанно, само собой.

Вы можете танцевать, но ваш танец — это лишь набор мертвых движений. Вы способны управлять телом: это может стать прекрасным упражнением, но это не экстаз. Вы все еще порой обнимаете друг друга, вы все еще иногда целуетесь, вы все еще совершаете все телодвижения занятия любовью, но самой любви нет, остались только движения. И, совершая их, вы чувствуете подавленность. Вы выполняете их, но вы прекрасно понимаете, что ничего не происходит. Вы делаете все, но, несмотря ни на что, вас не перестает постоянно преследовать ощущение крушения; ваша подавленность следует за вами, как тень.

Когда Лейбниц заявляет, что это самый совершенный из всех возможных миров, он говорит то же самое, что и Чжуан Цзы:

“Позаботились уж обо всем вполне”.

Вам незачем беспокоиться о жизни, вам незачем беспокоиться о смерти — тот же источник, что заботится о жизни, позаботится и о

смерти. Вам не нужно думать о величественных похоронах. Тот же источник, что дал мне рождение, примет меня в себя, и этого единственного источника достаточно, нам незачем что-то добавлять к этому.

Ученики выслушали его, но не смогли понять, иначе ему не пришлось бы объяснять что-то еще. Но ученики все-таки возразили:

“Мы боимся, что вороны и коршуны съедят нашего мастера”.

Если мы никак к этому не подготовимся, если мы не распланируем все от и до, то вороны и коршуны съедят нашего мастера.

Чжуан Цзы ответил:

“Ну что же, над землей я буду съеден
воронами и коршунами,
а под землю — муравьями и червями.
В обоих случаях меня съедят —
так чем же вам не нравятся птицы?”

Так зачем же что-то выбирать? Мне предстоит быть съеденным в любом случае, так зачем делать выбор? Чжуан Цзы учит: “Живите невыбирающе и умирайте невыбирающе”. Зачем делать выбор?

Вы пытаетесь управлять жизнью, а потом вы пытаетесь управлять еще и смертью. Поэтому люди составляют завещания, целые официальные документы, чтобы управлять, когда их уже не будет. <FЗдесь присутствует игра слов: will — “завещание”; другое значение: “будет”.>Прим.<N> перев.> Мертвые, но они все равно будут управлять. Воздействовать, влиять выглядит настолько привлекательным, что даже после смерти люди все еще продолжают манипулировать. Умирает отец, и записывает в своем завещании, что сын получит наследство лишь в том случае, если выполняет определенные условия, а иначе деньги пойдут в благотворительный фонд. Ну нет, эти условия придется выполнить... мертвый человек все еще продолжает иметь влияние.

Основатель и президент Общества попечительства и опеки над больницами для бедных в Лондоне оставил завещание. Оно гласит:

“Когда я умру, мое тело не должно быть уничтожено. Его следует сохранить, и я буду продолжать сидеть в кресле председателя”. Он все еще сидит там! Когда бы Общество ни собиралось на заседание, на месте председателя восседает его труп! Он сидит во главе стола, все еще возвышаясь, господствуя и довлея.

Ваша жизнь — это воздействие на других, манипуляция другими, и вам хотелось бы, чтобы ваша смерть тоже стала манипуляцией. Чжуан Цзы замечает: “Выбора нет. Если вы оставите мое тело валяться на земле, ну что ж, его съедят; если вы захороните его глубоко в землю, его съедят. Так зачем оказывать предпочтение птицам или червям? Пусть будет так, как будет. Пусть решает источник”.

Решение всегда подсказывает ваше эго: “Я буду решать”. Так предоставьте же решать источнику, пусть окончательное решает, как оно пожелает распорядиться этим телом. Меня никогда не спрашивали, как источнику создавать это тело, так почему я должен решать, как с ним теперь поступить? И откуда этот страх, что его съедят? Ну и прекрасно!

Мы боимся быть съедены — почему? Постарайтесь это понять. Почему мы так боимся, что нас съедят? Всю нашу жизнь мы едим, и мы убиваем, уничтожаем жизнь, чтобы есть. Что бы вы ни ели, вы убиваете. Вам приходится убивать, ибо жизнь может есть только жизнь. Другого способа не существует. Поэтому никто не может быть абсолютным вегетарианцем — никто. Каждый — невегетарианец, потому что что бы вы ни ели, это тоже жизнь. Вы едите фрукты — это жизнь; вы едите овощи — у овощей есть жизнь; вы едите пшеницу, рис, они — семена, основа жизни, основа роста, увеличения жизни, именно семя пускает первые ростки жизни. Все, от чего вы зависите, живо.

Жизнь ест жизнь, и все является пищей для кого-то другого; так зачем же вы защищаете себя и пытаетесь сделать так, чтобы вас никто никогда не съел? Это же просто глупость! Вы ели всю свою жизнь, теперь предоставьте возможность съесть вас, позвольте жизни съесть вас.

Вот поэтому я утверждаю, что у персов самый научный подход к тому, как отделаться от мертвого тела. Индусы его сжигают. Это плохо,

вы сжигаете пищу. Если каждое дерево будет сжигать свой плод и каждое животное, когда умрет, будет сжигаться другими животными, то к чему это приведет? Они все будут индусами, вот только никого здесь уже не будет. Зачем сжигать? Вы ели, теперь позвольте это другим, дайте жизни возможность съесть вас. И будьте счастливы этим, потому что стать пищей означает, что вы вбираетесь обратно, возвращаетесь к источнику. В этом нет ничего плохого. Это значит, что существование, творение приняло вас назад, воды реки снова влились в океан.

И это лучший способ впитаться, влиться — быть съеденным, потому что все, что только можно в вас использовать, теперь живет где-нибудь в ком-нибудь. Какое-то дерево, какое-то животное будет жить благодаря вашей жизни. Будьте счастливы, ваша жизнь была роздана. Чего бояться, что здесь что-то не так; чего опасаться? Мусульмане и христиане хоронят своих мертвых в земле в гробах, чтобы их защитить. Это плохо, это просто глупость, потому что, если мы не можем защитить жизнь, так как же мы сможем защитить смерть? Мы не можем защитить ничего, ничего нельзя защитить.

Жизнь уязвима, а вы пытаетесь сделать неуязвимой даже смерть. Хотите сохранить, спасти.

У персов самый лучший метод — они просто оставляют тело на стенах, на башнях, а потом ястребы и другие птицы прилетают и поедают его. Все теперь выступают против этого, против персов, даже сами персы, потому что все это кажется ужасно, так безобразно. Нет, это не безобразно. Когда вы едите, это безобразно? Тогда почему, когда ест ястреб, он безобразен, мерзок, отвратителен? Когда едите вы, то это ужин, но когда ястреб ест вас — это тоже ужин. Вы ели других, пусть теперь другие едят вас; будьте впитаны.

И Чжуан Цзы замечает: “Выбора нет, зачем же оказывать предпочтение тому или этому? Пусть жизнь делает то, что она считает нужным делать, я не собираюсь решать”. Действительно, Чжуан Цзы прожил именно такую неизбирающую жизнь, поэтому он был готов умереть неизбирающей смертью. Лишь когда вы неизбирающи — вы есть, вы существуете. Когда у вас есть выбор, ум тут как тут. Ум — это великий избиратель; ваша суть, ваше существо всегда неизбирающи. Ум вечно хочет что-нибудь делать; ваша внутренняя суть просто

позволяет вещам случаться. Суть ваша — это отпускание (let go) — более точный перевод выражения let go — “пускание на самотек”. Прим. перев. Как вы можете быть несчастны, если вы не выбираете? Как можете вы быть несчастны, если вы не желаете ничего конкретно? Как вы можете быть несчастны, если вы не движетесь ни к какой конкретной цели? Ничто не может сделать вас несчастными. Ваш ум требует целей, выбора, решений — и с ними приходит несчастье.

Если вы живете неизбирающе и позволяете жизни случаться, тогда вы становитесь просто полем: в вас происходит, в вас течет жизнь, но вы не тот, кто управляет ею. Вы не влияете на нее, не воздействуете, вы не контролируете ее. Если вы перестаете контролировать, все напряжения растворяются; и только тогда наступает расслабление, только тогда вы полностью расслабляетесь, вы совершенно свободны. Это расслабление, эта релаксация и есть конечная точка, альфа и омега, начало и конец. Ни в отношении жизни, ни в отношении смерти не стоит занимать никакой точки зрения, никакой позиции.

В этом смысл всей этой истории: ни к чему вам занимать какую-то позицию. Не стоит говорить: “Это — правильно, а это — неправильно”. Вам не следует разделять. Предоставьте жизни быть неделимым целым.

Чжуан Цзы говорил: “Если вы разделяете, даже на долю дюйма, то рай и ад уже разведены вами порознь, и теперь их уже не соединить”.

Я знавал одного молодого человека. Он иногда приходил ко мне, и он был сильно обеспокоен одной проблемой. Он очень хотел жениться, но какую бы девушку он ни приводил домой, его мать не одобряла ее. Это стало для него уже совершенно невыносимо. “Попытайся найти девушку, которая совсем как твоя мать: лицом, фигурой, походкой, одеждой, — посоветовал я ему. — Просто найди зеркальный образ, отражение, полное подобие твоей матери”.

Он искал, долго искал, и в конце концов нашел такую девушку. Он явился ко мне и признался: “Вы были правы, моя мать тотчас пришла от нее в восторг. Она ну прямо копия моей матери: она не только так же одевается, она ходит, говорит, она даже готовит, как моя мать”.

“Ну, и чем все кончилось?” — спросил я его.

“А ничем, — грустно ответил он. — Знаете, мой отец возненавидел ее”.

Полярность, полная противоположность — если одна часть вашего ума любит что-нибудь, вы можете сразу заметить, что другая часть ума ненавидит это. Если вы выбираете что-то одно, просто оглянитесь: рядом скрывается другая часть вашего ума, которая ненавидит. Как только вы начинаете выбирать, не только мир разделен, *вы* тоже разделены вашим выбором. Вы уже не целое. Но когда вы не цельны, вы не можете позволять жизни случаться. А все благословенное появляется в жизни, как милость, как молитва, как дар; через усилие оно недостижимо.

Так не выбирайте ж религию вместо мирского, не выбирайте прекрасное вместо отвратительного, не выбирайте милосердие вместо греха, не пытайтесь быть хорошим вместо того, чтобы быть плохим, не делайте никаких различий между Дьяволом и Богом, — вот то, что говорит Чжуан Цзы. Он призывает: “Не выбирайте между жизнью и смертью. Не выбирайте этот вид смерти или тот. Не выбирайте, оставайтесь целостны; и, когда вы будете целостны, произойдет встреча с целым, с единым, ибо лишь подобное встречается с подобным”.

Сотни лет мистики повторяли: “Как вверху, так и внизу”. Я хотел бы добавить к этому еще одно: “Как внутри, так и снаружи”. Если вы целостны внутри, целое снаружи произойдет с вами в ту же секунду. Если вы разделены внутри, то все вне вас разделено.

Это вы — вы, становящийся целой вселенной, вы, становящийся ее отражением, это вы — но когда бы вы ни начали выбирать, вы будете разделены, раздроблены. Выбор означает разделение, выбор означает конфликт; за это, против того.

??? СЛЕД. ДВА АБЗАЦА КОПИР. НА СУПЕРОБЛ. (ОТЛИЧАЕТСЯ ОДНОЙ ТОЧКОЙ В ПОСЛЕДНЕМ ПРЕДЛ. ???)

Не выбирайте. Оставайтесь беспристрастным свидетелем, и тогда ничто не ускользнет от вас. Тогда это существование, это творение станет самым совершенным из возможных. Что может быть прекраснее, что может быть блаженнее. Оно здесь, вокруг вас, ждет вас. Как только вы пробудитесь, оно откроется вам. Но пока ваш

разум продолжает действовать в вас, разделяя, выбирая, порождая конфликты, этого с вами произойти не может.

Вы теряли все это в течение жизней. Не упускайте этого больше.

??? КОНЕЦ КОПИР. ???

Хватит на сегодня.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

Глава 1.

ГРЕНКИ ПОДГОРЕЛИ

Если ты можешь опустошить собственную лодку, плывя
через реку жизни,
никого не будет против тебя,
никто не станет причинять тебе вред.

Глава 2.

ЧЕЛОВЕК ДАО

Человек Дао

остаётся неизвестным.

Совершенная добродетель ничего не создает.

“Не я” — это истинное “я”.

А величайший человек — никто.

Глава 3.

СОВА И ФЕНИКС

Живет на юге птица —
нестареющий Феникс.

Слыхал ли ты
об этом?

Глава 4.

ИЗВИНЕНИЯ

Величайшая вежливость
свободна от всякой формальности.

Глава 5.

ТРИ УТРОМ

Истинно мудрый человек, рассматривая обе стороны проблемы без пристрастия, видит обе их в свете Дао. Это называется следовать в двух направлениях одновременно.

Глава 6.

ПОТРЕБНОСТЬ ПОБЕЖДАТЬ

Он думает больше о победе, чем о выстреле — и потребность побеждать истощает его силы.

Глава 7.

ТРОЕ ДРУЗЕЙ

“Эй, Сунг Ху, куда ж ты ушел?

Эй, Сунг Ху, куда ж ты ушел?

А ушел ты туда, где на самом деле уже был, а мы здесь —

будь оно все проклято! Мы все еще здесь!” — пропели они.

Глава 8.

БЕСПОЛЕЗНОЕ

“Вот видишь, как необходимо предполагавшееся бесполезным”, — заключил Чжуан Цзы.

Глава 9.

ЦЕЛИ И СРЕДСТВА

Где мне найти человека, позабывшего слова?

Он — тот,

с кем я хотел бы поговорить.

Глава 10.

ЦЕЛОСТНОСТЬ

Когда он един,
В нем нету ни щели,
в которую можно вклиниться.

Глава 11.

ПОХОРОНЫ ЧЖУАН ЦЗЫ

Ну что же, над землей
я буду съеден воронами
и коршунами, а под
землею — муравьями и червями.
В обоих случаях меня съедят —
так чем же вам не нравятся
птицы?

Об Ошо.

КНИГИ ОШО на английском языке

БУДДА И БУДДИЙСКИЕ МАСТЕРА

Дхаммапада. Путь Будды. (тт.1—12).

Алмазная сутра. Ваджраччедика Праджнапарамита Сутра.

Дисциплина трансцендентного. О Сутре в 42-х главах. (тт.1—4).

Сердечная Сутра. Праджнапарамита Хридаям Сутра.

Книга Мудрости. Семь пунктов ментального тренинга Атиша. (тт.1

и

2).

Книга Книг. (тт.1—4)

ИНДИЙСКИЕ МИСТИКИ

Возлюбленные. (тт.1 и 2).

КАБИР

Божественная мелодия.

Экстаз: забытый язык.

Рыба в море не испытывает жажды.
Великий Секрет.
Гость.
Путь Любви.
Революция.
КРИШНА
Кришна: человек и его философия.
ИИСУС И ХРИСТИАНСКИЕ МИСТИКИ
Приди следом за собой. Высказывания Иисуса. (тт.1—4).
Я говорю вам. Высказывания Иисуса. (тт.1 и 2).
Семена революции. Евангелие от Фомы.
Теология Мистика. Трактат Святого Дионисия.
ИУДЕЙСКИЕ МИСТИКИ
Искусство умирать.
Истинный мудрец.
СЕРИЯ: МАНТРЫ
Сатьям—Шивам—СунDRAM. Истина—Божественность-Красота.
Сат—Чит—Ананда. Истина—Сознание—Блаженство.
Ом Мани Падме Хум. Звук тишины: Алмаз в Лотосе.
Ом Шанти Шанти Шанти. Беззвучный звук: мир, мир, мир.
МАСТЕР И УЧЕНИК
Будьте безмолвны и знающие.
Гусь — снаружи!
Великое путешествие: отсюда сюда.
Приглашение.
Мой путь: путь белых облаков.
Лезвие Бритвы.
Ходите без ног, летайте без крыльев и думайте без ума.
Дикие гуси и вода.
Йа-Хуу! Мистическая Роза.
Дзен: дзэст, дзип, дзэп и дзинг.
МЕДИТАЦИЯ
В поисках чудесного. (тт.1 и 2).
Здесь и сейчас. (тт.1 и 2).
Медитация: искусство экстаза.
Медитация: первая и последняя свобода.

Оранжевая книга.
Совершенный путь.
Психология эзотерического.
ОШО: ВЗГЛЯД НА МИР
Золотое будущее.
Скрытое великолепие.
Новый рассвет.
Бунтарь.
Бунтарский дух.
ЛИЧНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ
Книги, которые я любил.
Мгновения золотого детства.
Записки сумасшедшего.
СУФИЗМ
Без малейшего труда.
Совершенный мастер. (тт.1 и 2).
Тайна.
Суфии: люди пути. (тт.1 и 2).
Унио Мистика. Хадика Хакима Санап. (тт.1 и 2).
Пока ты не умрешь.
Мудрость песков. (тт.1 и 2).
ТАНТРА
Тантра, духовность и секс. Отрывки из Книги Тайн.
Тантра: высшее понимание. Песня Махамудры Тилопы.
Тантрическое видение. Королевская песня Сарахи. (тт.1 и 2).
Книга Тайн. Виджьяна Бхайрава Тантра. (тт.1—5).
ДАО
Пустая лодка. Истории Чжуан Цзы.
Тайна Тайн. Секрет золотого цветка. (тт.1 и 2).
Дао: Золотые ворота. Ко Суан "Классика чистоты". (тт.1 и 2).
Дао: Путь без Пути. Истории Ли Цзы. (тт.1 и 2).
Когда башмак впору. Истории Чжуан Цзы.
Путь Дао. (тт.1 и 2).
УПАНИШАДЫ
Я есть то. Иса Упанишада.
Философия Ультима. Мандукья Упанишада.

Высшая доктрина. Кенопанишада.

Это искусство ты. Сарвасар Упанишада, Канвалья Упанишада,
Адъямта Упанишада.

Окончательная алхимия. Атма Пуджа Упанишада. (тт.1 и 2).

Веданта: семь шагов к самадхи. Актъя Упанишада.

ЗАПАДНЫЕ МИСТИКИ

Гига Спиритуале. Дезидерата.

Скрытая Гармония. Фрагменты Гераклита.

Мессия. Калил Гибран “Пророк”. (тт.1 и 2).

Новая алхимия: растормошить вас. Мейбл Коллинз “Свет на Пути”.

Философия Переннис. Золотые стихи Пифагора. (тт.1 и 2).

Заратустра: Бог, который может танцевать. (Фридрих Ницше).

Заратустра: Смеющийся пророк. (“Так говорил Заратустра”).

ЙОГА

Йога: Альфа и Омега. Йога сутры Патанджали. (тт.1—10).

ДЗЕН

Ах, это!

Древняя музыка в соснах.

И хлынули цветы...

Дэнг дэнг доко дэнг.

Первый принцип.

Трава растет сама по себе.

Нирвана: последний кошмар.

Ни воды, ни луны.

Возвращение к источнику.

Корни и крылья.

Поиск. Десять буйволов Дзен.

Внезапный удар грома.

Гулять в Дзен, сидеть в Дзен.

Дзен: путь парадокса. (тт.1—3).

Дзен: особая передача.

МИСТИЧЕСКАЯ ШКОЛА 1986—1989

Христианство, самый смертельный яд, и Дзен, противоядие ко
всем ядам.

Коммунизм и огонь Дзен, ветер Дзен.

Бог мертв, теперь Дзен — единственная истина.

Я праздную себя: Бога нет нигде, жизнь есть здесь и сейчас.

Не-Ум: цветы вечности.

Одно зерно делает зеленой всю землю.

Манифест Дзен: свобода от самого себя.

Ни то, ни это.

Дзен: тайна и поэзия запредельного.

МИР ДЗЕН

Живой Дзен.

Это. Это. Тысячу раз это.

Дзен: квантовый скачок от ума к не-уму.

Дзен: одинокая кукушка в лесу.

Дзен: алмазный удар молнии.

ДЗЕН: ВСЕ ЦВЕТА РАДУГИ

Чудо.

Обращаясь вовнутрь.

Подлинный человек.

Язык существования.

Будда: пустота сердца.

МАСТЕРА ДЗЕН

Боддхидхарма — величайший мастер Дзен.

Великий мастер Дзен Та И.

Хсик Хсин Минг: книга о “ничто”.

Киозан: истинный человек Дзен.

Доген; мастер Дзен: поиск и реализация.

Ма-Цзы: пустое зеркало.

Хьякудзо: Эверест Дзен. С хайку Басе.

Нансен: точка отправления.

Джошу: львиный рык.

Ринзай: мастер иррационального.

Исан: нет следов в голубом небе.

Солнце восходит вечером. Сутры Йона Дайши.

Принимайте это легко. Стихи Иккью. (тт.1 и 2).

Само это тело — Будда. Песня медитации Хакуина.

Белый Лотос. Высказывания Боддхидхармы.

Якусан: прямо к точке просветления.

ДНЕВНИКИ ДАРШАНОВ — СОКРОВЕННЫЕ БЕСЕДЫ МЕЖДУ
МАСТЕРОМ И УЧЕНИКОМ

1975—1976

- Молот на скале. (10.12.75—15.1.76).
Главное — не дергайтесь. (16.1.76—12.2.76).
Нечего терять, кроме головы. (13.2—12.3).
Будьте реалистом: планируйте чудо. (13.3—6.4).
Уйдите со своей дороги! (7.4—2.5).
Возлюбленные моего сердца. (3.5—26.5).
Кипарис во дворе. (29.5—27.6).
Роза это роза это роза. (28.6—27.7).
Танцуйте ваш путь к Богу. (28.7—20.8).
Страсть к невозможному. (21.8—18.9).
Великое Ничто. (19.9—11.10).
Бог не для продажи. (12.10—7.11).
Тень кнута. (8.11—3.12).
Благословенны невежественные. (4.12—31.12).

1977

Болезнь Будды.

Что есть, то есть; чего нет, того нет.

Нулевой опыт.

Только для сумасшедших (плата за вход — ваш ум).

Это то.

Дальний берег.

Далеко за звездами.

Не Книга (нет Будды, нет Учения, нет Дисциплины).

Не делайте абы что, сядьте там.

Только проигравший может выиграть в этой игре.

Открытый секрет.

Открытая дверь.

1978

Солнце за солнцем за солнцем.
Веря в невозможное перед завтраком.
Не кусайте мой палец, смотрите, куда я указываю.
Отпустите себя!
99 имен для "ничто".
Путеводитель к просветлению для сумасшедших.
Не думайте перед прыжком.
Аллилуйя!
Бог узнал что-то о вас.
Вкус Дао на кончике языка.
Священное "Да".
Войдите, настройтесь и бросьте жребий.

1979

Зорба Будда.

Не присоединитесь ли к танцу?

Вы еще ничего не видели.

Тень от бамбука.

Прямо за углом.

Щелкни пальцами, дай себе пощечину и проснись!

Мост из радуги.

Не позволяй сутре расстроить тебя, лучше расстрой ее сам.

(1.8.79—30.9.79).

Звук хлопка одной ладони.

Приди, приди, и еще раз, приди.

РАННИЕ ЛЕКЦИИ И ПИСЬМА

Чашка чая. Письма к ученикам. (1962—1971).

Измерения неведомого.

От секса к суперсознанию.

Я — Врата.

Некуда идти, кроме как вовнутрь.

Длинное и короткое и всякое.

Психология эзотерического.

Великий Вызов.

Мистический Опыт.

Безмолвный Взрыв.

ИНТЕРВЬЮ С МИРОВОЙ ПРЕССОЙ

Последний Завет.

БЕСЕДЫ В АМЕРИКЕ

От рабства к свободе.

От темноты к свету.

От смерти к бессмертию.

От лжи к истине.

Библия Раджниша. (тт.1—4).

КРУГОСВЕТНАЯ ПОЕЗДКА 1985—1986

За пределами просветления. Беседы в Бомбее.

За пределами психологии. Беседы в Уругвае.

Свет на пути. Беседы в Гималаях.

Путь мистика. Беседы в Уругвае.

Упанишады Раджниша. Беседы в Бомбее.

Проповеди в камнях. Беседы в Бомбее.

Сократ отравлен снова, через 25 веков. Беседы в Греции.

Меч и лотос. Беседы в Гималаях.

Передача светильника. Беседы в Уругвае.

СБОРНИКИ

У ног Мастера.

За пределами ума.

Ошо: об основных правах человека.

Смерть — величайшая выдумка.

Величайший вызов: Золотое Будущее.

Я учу религиозности, а не религии.

Иисус распят снова, на этот раз в Америке Рональда Рейгана.

Для утреннего размышления.

Для размышления перед сном.

Новый Человек: единственная надежда для будущего.

Священники и политики. Мафия души.

Бунтарь: сама соль Земли.

Секс. Цитаты из Ошо.

Подписи на воде.

Новый взгляд на освобождение женщин.

Жизнь, любовь, смех.

Золотые самородки.

Больше Золотых Самородков.

Слова Человека не-слов.

ПРЕДЛАГАЮТСЯ ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО ЧТЕНИЯ (на английском)

И ХЛЫНУЛИ ЦВЕТЫ... (AND THE FLOWERS SHOWERED)

БЕСЕДЫ О ДЗЕН

Комментируя 11 анекдотов Дзен, Ошо исследует процесс духовных поисков — разговоры о пустоте и не-желании, знании и бытии, о вере и доверии, подавлении и истине; о философии и религии, любви и божественности; о смерти и болезни, о счастье и жизни “здесь и сейчас”.

КНИГА МУДРОСТИ (THE BOOK OF WISDOM) ЛЕКЦИИ О СЕМИ ПУНКТАХ МЕНТАЛЬНОГО ТРЕНИНГА АТИША 2 ТОМА ВМЕСТЕ

“Эти Занятия по Семи Пунктам — основное учение, которое он (Атиша) дал Тибету, — утверждает Ошо. — Они имеют огромное значение. Все они — средоточие религии. Они как семена; они содержат очень много. В тот момент, когда вы войдете глубоко в них, когда вы начнете размышлять о них, медитировать на них и экспериментировать с ними, вы будете удивлены — вы попадете в величайшее приключение вашей жизни”.

ЗОЛОТЫЕ САМОРОДКИ (GOLD NUGGETS)

180 страниц кратких цитат о любви, ненависти, доверии, танцах, искусстве, хохоте, дружбе, попустительстве, тоталитарности, интеллигентности, непокорности и многом другом. Ничто во внутреннем мире не пропущено в этой сжатой мудрости Ошо. Красивая книга, прекрасно иллюстрированная подлинными рисунками кистью.

СЕРДЕЧНАЯ СУТРА (THE HEART SUTRA)

Лекции о Прайнапарамита Хридаям Сутре Гаутамы Будды, открывающей в сжатой форме его учение: соединение отрицательного и положительного, не-существование эго и буддхическая природа человечества. В добавление, Ошо говорит о семи чакрах и соответствующих гранях человека — физической, психо-соматической, психологической, психо-духовной, духовной, духовно-трансцендентальной и трансцендентальной.

БЕЗ МАЛЕЙШЕГО ТРУДА (JUST LIKE THAT)

С присущими ему юмором и чуткостью Ошо освещает традиционные суфийские истории, показывая скрытые стороны Суфизма, пути “обучения без обучения”. Он проводит различия между потребностью и желанием, между знаниями и жизненным опытом и ведет речь о природе эго, о важных этапах роста в процессе эволюции личности.

Скрытое знание и понимание, истина и наука, мышление и пронизательность и любовь и счастье — все это книга описывает, как “мозаику, калейдоскоп” с “подтекстом, чтобы расшевелить вас, анекдотами, чтобы встряхнуть вас, и вопросами, чтобы пробудить вашу душу”.

МЕДИТАЦИЯ — ПЕРВАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ СВОБОДА (MEDITATION: THE FIRST AND THE LAST FREEDOM)

Практическое руководство, освещающее свыше шестидесяти способов техники медитации — от Дзен, древнейшей буддийской практики неподвижного сидения, до динамической медитации-катарсиса Ошо, предназначенной для ищущих XXI-го века. В добавление, Ошо отвечает на вопросы о препятствиях, с которыми практикующие медитацию могут столкнуться на своем пути.

Отрывки из бесед Ошо со своими учениками и с другими ищущими во время даршана (darshan), душевных вечерних встреч, проводившихся им много лет подряд. Эти книги подразделяются на двенадцать месяцев, по тридцати одному дню каждый, и эти отрывки рассчитаны на чтение желательно в хронологическом, а не в случайном, порядке.

Ошо предлагает, сразу по пробуждении, прочитывать страницы, предназначенные на это утро, до того, как ум станет занят повседневной деятельностью; и, аналогично, вечером прочитывать соответствующее место непосредственно перед засыпанием. Как Он

объясняет, слова мистика — это не теории, чтобы их принимать или отвергать, они — указатели, направляющие по пути к трансцендентальному.

ПОИСК (THE SEARCH) БЕСЕДЫ О ДЕСЯТИ БУЙВОЛАХ ДЗЕН

Десять картин, рассказывающих историю Дзен о крестьянине, ищущем потерявшегося быка, придают аллегорическую форму невыразимому. Даосские по происхождению, они были перерисованы около двенадцатого века китайским Мастером Дзен, Какуаном. Ошо исследует более глубокие смысловые слои, стоящих за каждой картиной, а также отвечает на вопросы учеников и других ищущих в этих специально подобранных лекциях.

ТАЙНА ТАЙН (THE SECRET OF SECRETS) БЕСЕДЫ О ТАЙНЕ ЗОЛОТОГО ЦВЕТКА 2 ТОМА

“Секрет Золотого Цветка — один из наиболее эзотерических трактатов в мире, — говорит Ошо. — Он укажет вам путь, как стать более, чем физическим телом. Он укажет вам путь на ту сторону смерти”. Ошо также говорит о различии между Дао и Йогой, о сходстве между Дао и Тантрой, о физической близости, как о медитации, и о важности третьего глаза, “истинного сердца, духовного сердца”.

Во втором томе Он также описывает в общих чертах медитацию Золотого Света последователей Дао для гармонизации мужского и женского начал и для преобразования сексуальной энергии. В помощь практикующим эту технику имеется аудиокассета с записью подлинной музыки.

ПОДПИСИ НА ВОДЕ (SIGNATURES ON WATER)

Эти комментарии 55-ти хокку, выбранные из лекций Ошо по Дзен, являются редчайшими и удивительнейшими интерпретациями,

оживляющими Дзен так, как это может сделать только просветленный Мастер. Каждый хокку прикрыт изящным пейзажем, напечатанным на кальке.

Прекрасный подарок.

ВЫСШАЯ ДОКТРИНА (THE SUPREME DOCTRINE) ЛЕКЦИИ О КЕНОПАНИШАД

Для своих первых западных учеников, Ошо говорит о древних писаниях Веданты и отвечает на вопросы ищущих. Он рассказывает об использовании интеллекта, о трансцендентности двойственности секса, и о роли Мастера в духовном путешествии ученика. Он также рассказывает о важности техник хаотической медитации для современного человека.

Ошо сказал об этой книге: "Я решил поговорить об Упанишадах, поскольку мне они представляются одним из наиболее трудных выражений запредельного, окончательного, какие только возможны, если вообще таковые возможны..."

ВИГЬЯН БХАЙРАВ ТАНТРА (VIGYAN BHAIRAV TANTRA) 2 ТОМА

Комментарии Ошо 112-ти мистических медитационных практик Шивы, совершенной многовековой науки трансформации ума. Удобно расположенные соответственно различным чувствам и чакрам, они являются практическими, последовательно выполняемыми (step-by-step) техниками медитации для любого мужчины, женщины или ребенка.

Привлекательно упакованный набор включает 2 больших тома и 112 прекрасно иллюстрированных карт для выбора изучаемой техники путем игры.

КОГДА БАШМАК ВПОРУ (WHEN THE SHOE FITS)

Чжуан Цзы, китайский Мастер Дао, уникален в своем прозрении, что путь каждого индивидуален и может быть найден только через

ненапряженное понимание жизни. Его послание по сути своей воодушевляюще. Близость Ошо к нему становится очевидной в этой серии из десяти лекций.

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОММУНА ОШО

Международная коммуна Ошо в Пуне, в Индии, является величайшим в мире центром медитации и духовного роста. Это место встречи и духовный дом сотен тысяч людей почти из всех стран мира. Ведомую пронизательностью просветленного Мастера Ошо, коммуны можно описать как лабораторию, эксперимент по созданию “Нового Человека” — человека, живущего в гармонии с самим собой и со своим окружением, и свободного от идеологий и систем верований, разделяющих сейчас человечество.

Принадлежащий Коммуне Ошо Мультиверситет предлагает сотни семинаров, групп и курсов, представленных на его девяти факультетах:

- Школа центрирования Ошо
- Школа творческих искусств Ошо
- Международная Академия здоровья Ошо
- Академия медитации Ошо
- Школа мистицизма Ошо
- Институт тибетских пульсаций Ошо
- Центр трансформации Ошо
- Школа Ошо военных искусств Дзен
- Академия Ошо игр и тренинга Дзен

Все эти программы призваны помочь людям приобрести навыки медитации: стать пассивным свидетелем мыслей, чувств и действий, без суждения или отождествления. В отличие от многих традиционных Восточных дисциплин, медитация в Коммуне Ошо является неотъемлемой частью повседневной жизни — работы, взаимоотношений или просто бытия. В результате люди не отказываются от мира, но приносят в него дух осознанности и празднества, с глубокое почитание жизни.

Кульминацией дня в Коммуне является встреча Белого Одеяния Братства. Это двухчасовое торжество музыки, танца и молчания, с

лекциями Ошо, уникально. Оно является совершенной медитацией, во время которой тысячи ищущих, по словам Ошо, “растворяются в море сознания”.

ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕЙ ИНФОРМАЦИИ

Эта книга доступна на аудиокассете (на английском). Многие книги Ошо переведены и опубликованы на различных языках мира. Для получения информации об Ошо, Его медитациях, книгах, записях и адресах центров медитации и информации Ошо поблизости от вас, вы можете написать по адресу:

Osho International Foundation
P.O. Box 2976, London NW5 2PZ, UK

Osho Commune International

17 Koregaon Park, Poona 411 001, India

Сейчас в мире насчитывается более 200 медитационных центров Ошо. Такие центры есть в Москве, Санкт-Петербурге, Одессе, Краснодаре, Минске, Тбилиси, Риге.

В нашем городе вы можете обратиться по адресу:
Санкт-Петербург, ул. Галерная, д. 33, ДК "Маяк". (Все виды транспорта до пл. Труда.)